This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

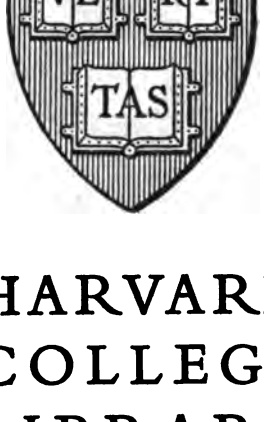
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlav 392.10



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXX. № 10.—ОКТЯБРЬ. 1890 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I—оффиціальная.

стран.

Рецензіи на сочиненія, представленныя въ факультеты для пріобрѣтенія высшихъ степеней . . . . . 1—22

Часть II—неоффиціальная.

I. Методъ преподаванія анатоміи и положеніе человѣка въ царствѣ животныхъ. Вступительная лекція, читанная 13-го сентября 1890 г.— Професс. **М. Тихомирова.** . . . . . 1—32

II. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель (Опытъ историко-философской критики).—Прив.-доцента **А. Гилярова** . . . 1—82

стран.

III. Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Сочиненіе, удостоенное золотой медали. — Кандидата **Н. Арабажина** . . . . . 81—182

IV. О паразитизмѣ нѣкоторыхъ болѣзнетворныхъ микробовъ на растеніяхъ (съ рисунками).— Докторанта **Ф. Ломинскаго.** . 1—76

Прибавленія.

I. Объявленіе отъ Распорядительнаго Комитета VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ о конкурсѣ на соисканіе преміи г. Маразли. . . . . I—IV

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . V—VI

КІЕВЪ.
1890.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

№ 10.—ОКТЯБРЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1890.

Δ
P Slav 392.10

51 * 17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ *θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Часть I — оффиціальная.

Рецензіи на сочиненія, представленныя въ факультеты, для пріобрѣтенія высшихъ степеней . . . . . 1—22

Часть II — неоффиціальная.

I. Методъ преподаванія анатоміи и положеніе человѣка въ царствѣ животныхъ. Вступительная лекція, читанная 13 сентября 1890 г.—Профессора **М. Тихомирова**. . . . . 1—32

II. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. (Опытъ историко-философской критики).—Прив.-доцента **А. Гилярова**. . . . . 1—82

III. Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Сочиненіе, удостоенное золотой медали. — Кандидата **К. Арабажина**. . . . . 81—182

IV. О паразитизмѣ нѣкоторыхъ болѣзнетворныхъ микробовъ на растеніяхъ (съ рисунками).—Докторанта **Ф. Ломинскаго**. 1—76

Прибавленія.

I. Объявленіе отъ Распорядительнаго Комитета VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ о конкурсѣ на соисканіе преміи г. Маразли. . . . . I—IV

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . V—VI

РЕЦЕНЗІИ НА ДИССЕРТАЦІИ,

представленныя въ факультеты для пріобрѣтенія высшихъ степеней.

I. Разборъ диссертаціи, подъ заглавіемъ: „О фуксовыхъ функціяхъ нулеваго ранга съ симметрическимъ основнымъ полигономъ", представленной магистромъ Б. Я. Букрѣевымъ, для полученія степени доктора чистой математики.

Диссертація г-на Букрѣева является слѣдствіемъ его двухгодичныхъ занятій подъ руководствомъ профессора Берлинскаго университета Фукса и посвящена изложенію условій возникновенія одного класса такихъ функцій, которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ фуксовыхъ. Такое названіе и общую теорію для упомянутыхъ функцій далъ французскій математикъ Пуанкарэ, который опредѣлилъ фуксову функцію, какъ отношеніе двухъ рядовъ, сходящихся для всѣхъ значеній перемѣннаго и показалъ связь этой функціи съ дифференціальными уравненіями, изслѣдованными Фуксомъ. Авторъ диссертаціи, трактуя о возникновеніи фуксовой функціи нулеваго ранга, придерживается другого метода, вытекающаго изъ теоріи конформныхъ изображеній, и даетъ прекрасное рѣшеніе задачи объ изображеніи односвязной площади на полуплоскость. Изъ рѣшенія этой задачи, при извѣстной формѣ изображаемой площади возникаетъ фуксова функція нулеваго ранга.

Фуксовы функціи вошли въ науку лишь въ послѣдніе годы; многіе относящіеся сюда вопросы еще не рѣшены. Изъ русскихъ ученыхъ г-ну Букрѣеву принадлежитъ первая работа въ этой области.

Такимъ образомъ, для диссертаціи авторъ выбралъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и трудныхъ предметовъ, при чемъ хорошо сдѣлалъ, ограничиваясь на первыхъ порахъ лишь частнымъ видомъ фуксовыхъ функцій. Можно только пожалѣть, въ интересахъ читателя, что авторъ слишкомъ съузилъ рамки своего изложенія, предполагая въ читателѣ знакомство со всѣми подробностями мемуаровъ, написанныхъ на туже тему, и такимъ образомъ сдѣлалъ свой трудъ доступнымъ пониманію лишь тѣхъ математиковъ, которые сами спеціально занимаются предметомъ, интересующимъ автора.

Въ предисловіи авторъ, упомянувши о блистательныхъ изслѣдованіяхъ Пуанкарэ, отзывается неодобрительно о нѣкоторыхъ особенностяхъ метода упомянутаго ученаго и старается повидимому выставить преимущества метода, употребленнаго въ диссертаціи. Авторъ говоритъ, что методъ Пуанкарэ основанъ на соображеніяхъ чисто геометрическаго характера; наоборотъ употребленный имъ самимъ методъ основанъ-де на примѣненіи рядовъ къ рѣшенію разнаго рода вопросовъ. Съ такимъ заключеніемъ автора, по моему мнѣнію, нельзя вполнѣ согласиться. Соображенія геометрическаго характера у Пуанкарэ являются лишь вспомогательнымъ средствомъ; сама-же теорія основывается на соображеніяхъ функціональнаго характера и на опредѣленіи фуксовой функціи отношеніемъ двухъ рядовъ, сходящихся для всякихъ значеній перемѣннаго внутри разсматриваемой области. Что касается до изложенія самого автора, то оно, правда, основано почти исключительно на примѣненіи рядовъ; но я не могу признать съ авторомъ, что такого рода примѣненіе во всѣхъ случаяхъ ведетъ къ болѣе точному и ясному представленію предмета. Тѣмъ не менѣе и за методомъ автора нельзя не признать достаточной степени послѣдовательности и строгости. Правильно поставленный и доведенный до конца этотъ методъ можетъ привести къ новымъ рядамъ и ко всестороннему изслѣдованію хотя-бы и частныхъ видовъ фуксовыхъ функцій. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, оба метода хороши и взаимно дополняютъ другъ друга. Къ нимъ можно прибавить еще третій методъ, основанный на линейномъ однородномъ дифференціальномъ уравненіи второго порядка съ алгебраическими коэффиціентами, если въ этомъ уравненіи разсматривать независимое перемѣнное какъ функцію отношенія частныхъ интеграловъ и искать тѣ условія, при существованіи которыхъ эта функція будетъ однозначною.

Первая глава имѣетъ заглавіе: „объ изображеніи данной односвязной площади на полуплоскость“. Первые семь параграфовъ изложены превосходно. Можно-бы было только сдѣлать упрекъ автору въ томъ смыслѣ, что онъ напередъ не разъясняетъ читателю, въ какомъ отношеніи къ фуксовымъ функціямъ находятся изслѣдуемыя имъ функціи G и H. Дѣло въ томъ, что функціи G и H имѣютъ прямое отношеніе къ фуксовымъ функціямъ. Если уголъ даннаго многоугольника заключаетъ цѣлое число разъ въ π [1]), а стороны суть дуги круговъ, центры которыхъ находятся на дѣйствительной оси, то всѣ функціи первой главы превращаются въ фуксовы функціи. При этомъ функція H представляетъ общую фуксову функцію, имѣющую внутри основнаго полумногоугольника характеръ данной раціональной функціи; фунцкія $\overline{H}$ есть общее выраженіе фуксовой функціи, имѣющей характеръ цѣлой функціи на всей полуплоскости; функція G, по ея общему опредѣленію въ § 6, представляетъ фуксову функцію, имѣющую на контурѣ основнаго полумногоугольника дѣйствительныя значенія, а внутри характеръ данной раціональной функціи. О всѣхъ этихъ свойствахъ авторъ умалчиваетъ и потому читателю можетъ показаться непонятнымъ поводъ къ подробному трактованію о функціяхъ G и H.

Въ § 8 первой главы рѣчь идетъ о нахожденіи преобразовательной функціи. Весь вопросъ приводится къ рѣшенію слѣдующей задачи: опредѣлить X и Y раціонально черезъ третье перемѣнное такъ, чтобы удовлетворялось уравненіе:

$$X^2 + Y^2 = C^2.$$

Замѣтимъ, что для цѣлей автора достаточно найти лишь частное рѣшеніе задачи, которое и получается изъ уравненій:

$$\frac{X}{\beta - Y} = \frac{\beta + Y}{X} = t.$$

Чтобы достигнуть такого простаго результата (впрочемъ въ болѣе сложной формѣ), авторъ считаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ сообра-

[1]) Въ этомъ заключаются условія Пуанкаре, чтобы послѣдовательные симметричные многоугольники не налегали одинъ на другой. Напрасно авторъ, вмѣсто этого простаго условія, вводитъ болѣе сложное понятіе о циклахъ (стран. 59).

женіямъ функціональнаго характера, которыя по своей сложности могутъ скрыть отъ вниманія читателя главный и простой результатъ доказательства. Тѣмъ не менѣе въ отношеніи къ тому-же уравненію авторъ даетъ принадлежащее ему весьма важное заключеніе о свойствѣ второго члена (C^2) уравненія, на которомъ далѣе основываются (§ 9) заключенія о свойствахъ первой производной изображающей функціи, играющихъ основную роль при выводѣ формы дифференціальнаго уравненія (§ 2, глава III).

Въ первомъ отдѣлѣ второй главы, носящемъ заглавіе: „принципъ симметрическаго продолженія“, можно сдѣлать упрекъ автору, относительно нѣкоторой неловкости изложенія. Не слѣдуетъ возводить симметрическое продолженіе въ принципъ, ибо оно въ данномъ случаѣ является необходимымъ слѣдствіемъ вообще принципа продолженія. Самъ авторъ говоритъ (стр. 34), что функція можетъ быть продолжена лишь единственнымъ образомъ; слѣдовало-бы показать, откуда и почему въ данномъ случаѣ возможно только симметрическое продолженіе. Вмѣсто этого авторъ прямо говоритъ: с о п о д ч и н и м ъ (стр. 35, въ подлинникѣ подчеркнуто) такую-то точку такой-то; но при этомъ не показываетъ, что это соподчиненіе возможно лишь единственнымъ образомъ.

Въ третьей и послѣдней главѣ диссертаціи изящный выводъ фуксова дифференціальнаго уравненія, даваемый авторомъ, оставляетъ въ читателѣ неполное впечатлѣніе, потому что авторъ не доводитъ изложенія до конца, останавливаясь тамъ, гдѣ слѣдовало-бы сказать объ опредѣленіи коэффиціентовъ упомянутаго уравненія. Обрывая свое изложеніе, авторъ отсылаетъ читателя къ мемуарамъ Фукса и Пуанкарэ.

Всѣ перечисленные второстепенные недостатки, указать на которые я считалъ своею обязанностію, не могутъ однако умалить достоинствъ диссертаціи г-на Букрѣева, въ которой авторъ несомнѣнно обнаружилъ всѣ качества хорошо подготовленнаго математика, способнаго съ успѣхомъ самостоятельно изслѣдовать труднѣйшіе вопросы науки. Авторъ задался мыслію привести читателя къ понятію о фуксовыхъ функціяхъ по тому-же пути, которымъ шли ранѣе съ успѣхомъ при изслѣдованіи эллиптическихъ и модулярной функцій. Однако употребленный авторомъ методъ не явился для него вполнѣ готовымъ; въ частностяхъ этотъ методъ долженъ былъ быть постав-

ленъ на совершенно новую почву и исходить изъ новыхъ точекъ зрѣнія. Сопряженныя съ такими требованіями трудности мастерски побѣждены авторомъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго достаточно указать на изслѣдованіе обратной функціи, во второй главѣ сочиненія, принадлежащее циликомъ автору и приводящее его къ образованію группы подстановленій, коэффиціенты которыхъ даются авторомъ, какъ функціи параметровъ, опредѣляющихъ пограничные круги. Съ тою-же цѣлію укажу на принадлежащее автору разложеніе обратной функціи вблизи вершинъ изображаемаго полигона и на выводъ изъ этихъ разложеній условій однозначности функціи, т. е. условій прерывности группы. Въ той-же главѣ, между прочемъ, совершенно самостоятельно разобранъ авторомъ вопросъ о числѣ конгруентныхъ полигоновъ, прилегающихъ къ вершинамъ первоначальнаго, при чемъ изслѣдованіе поставлено въ связь съ понятіемъ о вѣтвяхъ обратной функціи. Наконецъ снова укажу на прекрасный анализъ свойствъ функцій G, H и $\overline{H}$, въ первой главѣ и на изящный выводъ фуксова дифференціальнаго уравненія, въ третьей главѣ, при помощи разложеній, данныхъ во второй главѣ.

Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что сдѣланное авторомъ прибавитъ новый камень къ тому фундаменту, на которомъ должна основаться разработываемая современными математиками общая теорія аналитическихъ функцій.

Профессоръ В. Ермаковъ.

II. Рецензія на сочиненіе кандидата правъ Николая Цытовича „Обзоръ ученій о предпринимательской прибыли".

Изслѣдованіе кандидата правъ Николая Цытовича „Обзоръ ученіи о предпринимательской прибыли" состоитъ изъ V-ти главъ.

Въ первой (общія замѣчанія) авторъ даетъ опредѣленіе предпринимательской прибыли, кратко излагаетъ развитіе ученія объ этой отрасли доходовъ въ экономической литературѣ и характеруетъ главнѣйшія направленія по данному вопросу.

По мнѣнію автора, ученіе о предпринимательской прибыли, какъ о самостоятельной отрасли дохода, имѣетъ своею задачею опредѣлить ту долю народнаго дохода, которая достается предпринимателю, какъ таковому въ силу его особаго положенія въ народномъ хозяйствѣ. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, предпринимательская прибыль представляетъ собою нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ чистый доходъ отъ предпріятія. Чистый доходъ отъ предпріятія обыкновенно заключаетъ въ себѣ доходъ отъ собственнаго труда предпринимателя, доходъ отъ собственнаго капитала и принадлежащихъ предпринимателю силъ природы, дающихъ ренту (стр. 1). Предпринимательскою прибылью можетъ быть названа лишь та доля чистаго дохода, которая остается за вычетомъ: 1) обычнаго процента на собственный капиталъ предпринимателя, 2) заработной платы, какую могъ бы получить предприниматель, исполняя по найму такую точно работу, какую онъ исполняетъ въ предпріятіи для себя и 3) ренты съ производительныхъ силъ природы. (стр. 2) Не всякое предпріятіе даетъ предпринимательскую прибыль; но есть достаточно основаній предполагать, что вообще такой излишекъ въ народномъ хозяйствѣ существуетъ и что причина, обусловливающая его существованіе заклю-

чается въ особомъ отношеніи предпринимателей къ производству и распредѣленію продуктонъ (стр. 2). Указавъ далѣе, что ни А. Смитъ, ни его ближайшіе послѣдователи не знали предпринимательской прибыли, какъ самостоятельной отрасли доходовъ, авторъ раздѣляетъ воззрѣнія экономистовъ по вопросу о предпринимательской прибыли на три группы: одни видятъ существенное свойство предпринимателя въ обладаніи капиталомъ и смотрятъ на доходъ предпринимателя главнымъ образомъ, какъ на доходъ отъ капитала; другіе выдвигаютъ на первый планъ личную дѣятельность предпринимателя и считаютъ вознагражденіе за эту дѣятельность заработною платою; наконецъ, третьи желаютъ выдѣлить часть предпринимательскаго дохода въ самостоятельную отрасль, при чемъ обыкновенно выясняется и самостоятельное положеніе предпринимателя въ народномъ хозяйствѣ (стр. 6).

Во второй главѣ авторъ излагаетъ и дѣлаетъ оцѣнку первому направленію, которое онъ раздѣляетъ на двѣ группы: экономисты и соціалисты.

Къ первой группѣ авторъ относитъ А. Смита, Рикардо, Мальтуса, Д. С. Милля, Сисмонди, Росси, Германа, Шефле, и Н. Х. Бунге. Изложивъ обстоятельно мнѣнія каждаго изъ этихъ ученыхъ (стр. 7-37) авторъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ основанія, приводимыя въ пользу отнесенія платы, получаемой предпринимателемъ за управленіе предпріятіемъ, къ прибыли на капиталъ, для чего останавливается на соображеніяхъ Росси, Германа и Шефле. Росси мотивируетъ отнесеніе предпринимательскаго вознагражденія къ прибыли на капиталъ тѣмъ соображеніемъ, что дѣятельность предпринимателя безусловно необходима для производительной работы капитала, а потому прибыль есть не только вознагражденіе капитала, но и вознагражденіе предпринимателя, направляющаго капиталъ къ извѣстной цѣли. Авторъ считаетъ это мнѣніе ошибочнымъ, такъ какъ, говоритъ онъ, для того чтобы капиталъ могъ приносить прибыль въ предпріятіи, недостаточно той дѣятельности, какую Росси считаетъ принадлежностію предпринимателя. Также точно необходимы и всѣ остальные виды дѣятельности, безъ которыхъ продуктъ не можетъ быть пріобрѣтенъ и доставленъ на рынокъ, слѣдовательно, не менѣе необходимъ и простой технической трудъ. Безъ такого труда капиталъ оставался бы простой „инертной массой“. (стр. 38) Кромѣ того трудъ, признаваемый спеціально предпринимательскимъ, въ нѣ-

которыхъ предпріятіяхъ исполняется наемными лицами, получающими заранѣе опредѣленное вознагражденіе; а простой механическій трудъ можетъ получать вознагражденіе изъ чистаго дохода отъ предпріятія (стр. 38). „Слѣдовательно, способъ вознагражденія здѣсь ни причемъ". (стр. 39).

Почти такими же доводами авторъ опровергаетъ мнѣніе Германа и Шефле, объясняющихъ предпринимательскую прибыль дѣятельностію предпринимателя, необходимою для того чтобы создать пользованіе капиталомъ. (стр. 41-42). „Изъ чего слѣдуетъ, спрашиваетъ г. Цытовичъ, что эта дѣятельность связана съ употребленіемъ капитала тѣснѣе, чѣмъ всякая другая работа? Неужели простая техническая работа менѣе необходима для „оплодотворенія" капитала? Можно съ полнымъ правомъ отстаивать большую цѣнность и большее значеніе для народнаго хозяйства дѣятельности перваго рода, но нельзя отрицать, что безъ простаго техническаго труда пользованіе капиталомъ для производства было бы точно также невозможно, какъ и безъ указанныхъ выше видовъ умственной дѣятельности" (стр. 42). „Если бы мы сдѣлали послѣдовательные выводы изъ приведенныхъ выше основаній (Росси, Германа и Шефле), то должны были бы признать прибылью на капиталъ всякій вообще доходъ отъ труда, за исключеніемъ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, когда какія—либо годности производятся вовсе безъ помощи капитала" (стр. 43). „Стремленіе относить вознагражденіе за предпринимательскую дѣятельность къ прибыли отъ капитала", объясняется по мнѣнію автора тѣмъ, что „въ глазахъ экономистовъ разсматриваемаго направленія предприниматель является какъ бы лицомъ, исполняющимъ служебную роль при капиталѣ. Дѣйствія его, относящіяся къ пользованію капиталомъ, строго опредѣлены и почти всегда пропорціональны размѣрамъ капитала. Для личной иниціативы и самостоятельной дѣятельности, для таланта и изобрѣтательности остается очень мало мѣста". (стр. 43). Авторъ считаетъ такое воззрѣніе неправильнымъ. Кромѣ того авторъ видитъ въ этомъ направленіи методологическія погрѣшности, такъ какъ, причисляя предпринимательское вознагражденіе къ прибыли на капиталъ, экономисты включаютъ въ число причинъ, опредѣляющихъ величину дохода съ капитала и тѣ причины, которыя вліяютъ собственно только на доходъ отъ труда, чѣмъ затемняютъ ученіе о прибыли" (стр. 44).

Ко второй группѣ разсматриваемаго направленія, не отдѣляющаго предпринимательскаго дохода отъ прибыли, авторъ относитъ соціалистовъ и излагаетъ воззрѣнія Роббертуса, Лассаля, Пирсторфа. Роббертусъ, не отрицая полезности и необходимости предпринимательской дѣятельности и считая справедливымъ, чтобы предприниматели получали вознагражденіе за эту дѣятельность, полагаетъ однако, что нынѣшній доходъ достается имъ не на основаніяхъ такого вознагражденія, а какъ первоначально принадлежащій имъ продуктъ труда, который они забираютъ у рабочихъ въ силу права собственности на землю и капиталъ. Лассаль также полагаетъ, что предприниматель можетъ получать вознагражденіе за умственный трудъ, все же остальное, что онъ забираетъ есть присвоеніе труда рабочихъ, создавшихъ цѣнность.

По мнѣнію автора ученіе соціалистовъ о предпринимательскомъ доходѣ представляетъ выводъ изъ соціалистической теоріи цѣнности, почему онъ обращается къ разбору этой теоріи и доказываетъ несостоятельность воззрѣнія, признающаго источникомъ цѣнности трудъ и притомъ только ручный трудъ. „На какомъ основаніи“, спрашиваетъ авторъ, можно приписывать производительную способность только однимъ матеріальнымъ операціямъ и отрицать эту способноссь у духовной дѣятельности, безъ которой матеріальныя операціи не приводили бы къ желаемому результату“. (стр. 66). Хотя Родбертусъ и его послѣдователи не отрицаютъ пользы услугъ предпринимателей, но нельзя удовольствоваться такимъ признаніемъ, „Мы утверждаемъ, говоритъ авторъ, что дѣятельность предпринимателей не только полезна и необходима, но что ея вліяніе на производство хозяйственныхъ годностей также непосредственно, какъ и вліяніе ручнаго труда; что она производительна въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ производителенъ этотъ трудъ и что вслѣдствіе этого предприниматели имѣютъ такое же точно право на участіе въ первоначальномъ распредѣленіи продукта производства, какъ и представители матеріальнаго труда“ (стр. 67). „Но разъ мы признали, что предприниматель столько же участвуетъ въ производствѣ хозяйст. годностей, сколько и рабочій,—доля продукта, получаемая имъ, должна утратить въ нашихъ глазахъ приписываемый ей Родбертусомъ характеръ несправедливаго присвоенія, даже (?) въ томъ случаѣ, когда эта доля устанавливается рыночнымъ соперничествомъ. Если продуктъ

не производится исключительно рабочими и если нельзя даже указать, какая именно доля продукта и его цѣнности обязана своимъ существованіемъ ихъ труду; то нельзя также объяснить, почему извѣстная доля продукта, достающаяся предпринимателямъ будетъ болѣе удовлетворять требованіямъ справедливости, чѣмъ какая-нибудь другая" (стр. 68).

Ко второму направленію, считающему предпринимательское вознагражденіе заработной платой, авторъ относитъ Ж. Б. Сея, Лавеле, Ковеса, Сеньора, Рида, Рошера и Горлова. По мнѣнію автора эти писатели болѣе тонко и послѣдовательно проводятъ раздѣленіе доходовъ по источникамъ ихъ происхожденія; признавая значительную часть предпринимательскаго дохода заработной платой, они тѣмъ самымъ выдвигаютъ значеніе личной дѣятельности предпринимателя. Но это направленіе сдѣлало весьма мало для выясненія спеціальныхъ свойствъ класса предпринимателей въ отличіе отъ другихъ производительныхъ классовъ и вліянія этихъ особенностей на предпринимательскую прибыль. Хотя нѣкоторые изъ названныхъ писателей обращаютъ вниманіе на рискъ, которому подвергается предприниматель и на выгодное его положеніе между потребителями и владѣльцами производительственныхъ силъ, но рядомъ съ этимъ предпринимателямъ приписываются такія функціи, которыя не составляютъ ихъ непремѣнной принадлежности (напр. управленіе предпріятіемъ). Кромѣ того эти писатели, относя предпринимательскую прибыль къ заработной платѣ, полагаютъ, что она управляется тѣми же законами, какъ заработная плата; между тѣмъ, говоритъ г. Цытовичъ, здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе болѣе сложное, такъ какъ предпринимательскій доходъ устанавливается двойнымъ процессомъ спроса и предложенія; съ одной стороны—спросомъ и предложеніемъ продуктовъ предпріятія, а съ другой-спросомъ и предложеніемъ тѣхъ годностей, которыя необходимы для производства. Этою сложностію законовъ, управляющихъ предпринимательскимъ доходомъ, и объясняется до извѣстной степени невѣрный и непостоянный характеръ его (стр. 96-98).

Къ третьему направленію авторъ относитъ экономистовъ, признающихъ предпринимательскую прибыль самостоятельною отраслью доходовъ, причемъ дѣлитъ ихъ на три группы, принимая признакомъ дѣленія „основательность или неосновательность доводовъ, приводимыхъ этими писателями въ пользу своеобразнаго характера предпри-

нимательской прибыли". Къ первой группѣ авторъ причисляетъ Шторфа, Рау, Неймана, Леруа—Болье, Э. Вредена, Л. Ходскаго и Лоренца Штейна. Эту группу г. Цытовичъ характеризуетъ слѣдующими чертами. Предпринимательская прибыль по мнѣнію этихъ экономистовъ должна заключать въ себѣ главнымъ образомъ вознагражденіе за трудъ управленія предпріятіемъ и вознагражденіе за рискъ; но нѣкоторые различаютъ въ ней и другія составныя части. По составу своему предпринимательская прибыль у этихъ экономистовъ оказывается вполнѣ тождественною съ тѣмъ доходомъ, который носитъ такое же самое названіе у экономистовъ втораго направленія. Разница заключается лишь въ томъ, что экономисты втораго направленія считаютъ предпринимательскую прибыль однимъ изъ видовъ заработной платы, экономисты же отнесенные къ первой группѣ 3-го направленія настаиваютъ на совершенно самостоятельномъ характерѣ этого дохода (стр. 102). Что касается основаній для такого выдѣленія предпринимательской прибыли въ самосостоятельную отрасль, то всѣ экономисты этой группы указываютъ на тѣ свойства предпринимательской прибыли, которыя присущи ей, какъ доходу неусловленному т. е. доходу основанному на производствѣ и сбытѣ продуктовъ. Разницу можно замѣтить лишь въ томъ, что одни экономисты обращаютъ вниманіе на одно какое нибудь изъ этихъ свойствъ, другіе же перечисляютъ ихъ болѣе или менѣе полно (стр. 102).

Изложивъ обстоятельно воззрѣнія каждаго изъ поименованныхъ выше экономистовъ, авторъ въ особенности останавливается на ученіи Л. Штейна и затѣмъ дѣлаетъ общую ихъ оцѣнку. По мнѣнію г. Цытовича, ни одному изъ этихъ экономистовъ не удалось доказать существованія особой предпринимательской прибыли; у большинства изъ нихъ неуспѣхъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что они въ своихъ доказательствахъ смѣшиваютъ двѣ различныя классификаціи доходовъ (стр. 131). Предпринимательскій доходъ, получаемый, въ видѣ разницы между цѣною продуктовъ и издержками производства, является доходомъ неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ, въ которомъ нельзя въ точности опредѣлить составныхъ частей, идущихъ на вознагражденіе той или другой производительной силы. Необходимо выдѣлить ту часть предпринимательскаго дохода, которая именуется предпринимательскою прибылью и выяснить спеціальныя причины его

происхожденія. Экономисты разсматриваемой группы выдѣляютъ въ самостоятельную отрасль часть предпринимательскаго дохода; а для доказательства необходимости такого выдѣленія указываютъ на тѣ свойства этой части которая общи у нея со всѣмъ предпринимательскимъ доходомъ (стр. 133).

Ко второй группѣ авторъ причисляетъ экономистовъ, у которыхъ предпринимательская прибыль пріобрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный характеръ дохода, вытекающаго изъ особаго положенія предпринимателя въ народномъ хозяйствѣ, причемъ главнымъ источникомъ этой прибыли они признаютъ разнаго рода спеціальныя пожертвованія и услуги предпринимателя. Къ этой группѣ авторъ относитъ Гуфеланда, Риделя, Тюнена, Мангольдта, Митгофа, Вирмингауза и Кона и излагаетъ подробно ученіе каждаго изъ нихъ, сопровождая изложеніе критическими замѣчаніями. Въ особенности подробно изложены воззрѣнія Мангольдта, которому посвящено около 30 страницъ. Заслугой писателей этого направленія авторъ считаетъ выясненіе главнѣйшихъ причинъ предпринимательской прибыли, къ которымъ относятся: рискъ, соединенный съ затратою производительныхъ силъ въ предпріятіи; особенная интенсивность труда предпринимателей, выгоды, достающіяся предпринимателямъ при употребленіи крупныхъ капиталовъ и сравнительная рѣдкость лицъ, обладающихъ одновременно личными и вещественными средствами, необходимыми для основанія предпріятія (стр. 198).

Къ послѣдней 3-ей группѣ 3-го направленія г. Цытовичъ относитъ Гросса, Курселль-Сенейля и Матайю, которые, считаютъ источникомъ предпринимательской прибыли выгодное положеніе предпринимателя въ мѣновой борьбѣ. По мнѣнію автора это направленіе дало весьма скудные результаты. Хотя замѣчанія Гросса о преимуществахъ предпринимателя въ мѣновой борьбѣ заслуживаютъ вниманія, но его ученіе не отличается послѣдовательностью и вторая его часть противорѣчитъ первой. Что касается воззрѣній Курссель-Сенейля и Майтайя, видящихъ источникъ предпринимательской прибыли въ различіи издержекъ производства и въ различіи цѣнъ продуктовъ, созданныхъ одинаковыми издержками производства, то по мнѣнію г. Цытовича эти писатели признаютъ источникомъ предпринимательской прибыли, такое обстоятельство, которое само по себѣ не должно непремѣнно быть источникомъ этого своеобразнаго дохода (стр. 245).

Въ заключительной главѣ авторъ резюмируетъ свои критическія замѣчанія, изложенныя раньше, и развиваетъ болѣе полно и систетематически теорію предпринимательской прибыли. По мнѣнію автора предпринимательская прибыль дѣйствительно составляетъ самостоятельную отрасль доходовъ, зиаченіе и мѣсто которой вполнѣ выяснится, если мы примемъ во вниманіе, что классификація доходовъ можетъ имѣть нѣсколько основаній. По способу полученія доходы дѣлятся на условленные (зар. плата, процентъ и рента) и неусловленные (предпринимательскій доходъ); по источнику происхожденія они раздѣляются на доходъ отъ труда, капитала и присвоенныхъ силъ природы; по принадлежности тому или другому производительному классу—доходъ рабочаго, капиталиста землевладѣльца и предпринимателя. Послѣдняя классификиція имѣетъ весьма серьезное значеніе, ибо она разсматриваетъ доходы въ отношеніи къ важнѣйшимъ соціальнымъ группамъ.

Изслѣдованіе предпринимательской прибыли должно опредѣлить особенности и причины дохода, получаемаго предпринимателемъ, вслѣдствіе его особаго положенія въ народномъ хозяйствѣ. Роль предпринимателя заключается въ томъ, что онъ руководитъ предпріятіемъ т. е. совокупностью производительныхъ средствъ и получаетъ въ свою пользу хозяйственные результаты производства. Далѣе авторъ подробно анализируетъ главнѣйшія причины предпринимательской прибыли, къ которымъ онъ относитъ рискъ, высшую производительность предпринимательскаго труда, выгоды крупнаго капитала, сравнительную рѣдкость лицъ, соединяющихъ обладаніе личными и вещественными средствами, необходимыми для основанія предпріятія и нѣкорыми обстоятелвства дающія предпринимателямъ особую силу и устойчивость въ мѣновой борьбѣ.

Диссертація г. Цытовича представляетъ критическій обзоръ ученій о предпринимательской прибыли и попытку дальнѣйшей разработки теоріи этой отрасли доходовъ. Изложеніе ученій отличается полнотою и исчерпываетъ литературу вопроса. Авторъ не ограничился наиболѣе выдающимися и оригинальными писателями, но прослѣдилъ оттѣнки инѣній и у писателей второстепенныхъ. Хотя сводъ ученій о предпринимательской прибыли былъ сдѣланъ и раньше (Гроссомъ и др.), на обзоръ г. Цытовича полнѣе. Желая достигнуть полноты обзора авторъ допустилъ даже чрезмѣрную подробность въ пе-

редачѣ воззрѣній нѣкоторыхъ писателей, что привело мѣстами къ ростянутости изложенія и безъ надобности увеличило объемъ книги. Кромѣ этого несущественнаго недостатка, необходимо отмѣтить, что распредѣленіе писателей по группамъ не всегда удачно. Такъ напр. экономистовъ, признающихъ, предпринимательскую прибыль самостоятельною отраслью доходовъ г. Цытовичъ дѣлитъ на двѣ группы, принимая за основаніе для этого дѣленія, основательность или неосновательность доводовъ, приводимыхъ этими писателями въ пользу своеобразнаго характера предпринимательской прибыли (стр. 100). Такой суъективный признакъ для классификаціи научныхъ теорій въ свою очередь не можетъ быть признанъ основательнымъ.

Изложеніе ученій о предпринимательской прибыли г, Цытовичъ сопровождаетъ критическимъ разборомъ, который составляетъ наиболѣе цѣнную часть диссертаціи. Авторъ обнаружилъ въ этой части своей работы умѣнье справляться съ запутанными и сложными вопросами, опредѣленность основныхъ принциповъ и критическій талантъ. Въ особенности интересенъ разборъ ученія Родбертуса и его послѣдователей въ связи съ общимъ соціалистическимъ ученіемъ о цѣнности и доходахъ. Къ недостаткамъ критической части труда г. Цытовича слѣдуетъ отнести разбросанность его замѣчаній и повторенія, оказавшіяся неизбѣжными вслѣдствіе принятой имъ системы изложенія. Среди цѣнныхъ и интересныхъ замѣчаній встрѣчаются и неудачныя. Такъ напр. авторъ неубѣдительно оспариваетъ мнѣніе г. Смита, что непріятность какого либо промысла или неуваженіе къ нему оказываетъ вліяніе не только на заработную плату, но и на прибыль (стр. 14). Мы вмѣстѣ съ А. Смитомъ считаемъ несомнѣннымъ, что эти свойства промысла отталкиваютъ не только рабочую силу, но и капиталистовъ.

Точно также неубѣдительна критика воззрѣній Рошера, Ковеса и др., указывавшихъ на неопредѣленность предпринимательской прибыли, какъ на одну изъ ея отличительныхъ особенностей.

Возбуждаютъ недоразумѣнія также замѣчанія автора относительно вліянія на предпринимательскую прибыль риска предпринимателя. Разбирая мнѣніе Неймана (стр. 113), Мангольдта (163—164) и др. считающихъ вознагражденіе за рискъ предпринимателя одною изъ главнѣйшихъ причинъ предпринимательской прибыли, г. Цытовичъ доказываетъ, что рискъ не составляетъ исключительной особенности

предпринимательской дѣятельности. Замѣчаніе справедливое, но оно не расходится съ мнѣніемъ авторовъ, оспариваемыхъ г. Цытовичемъ. Вопросъ въ томъ, что рискъ имѣетъ гораздо больше значенія для предпринимателя, нежели для лицъ отдающихъ въ наемъ производительныя силы въ чужое предпріятіе. На это обстоятельство указываютъ всѣ экономисты, и г. Цытовичъ вмѣстѣ съ ними ставитъ рискъ также на первомъ планѣ въ своей заключительной главѣ (стр. 260—271). Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ онъ упрекаетъ Риделя за то, что тотъ упустилъ изъ виду вліяніе риска на предпринимательскую прибыль (стр. 146), хотя этотъ упрекъ не справедливъ, какъ видно изъ изложенія имъ же мнѣнія Риделя (стр. 142—134).

Но вполнѣ выдержаны мнѣнія автора о вліяніи на предпринимательскую прибыль личной дѣятельности предпринимателя. Г. Цытовичъ видитъ ошибку англійскихъ экономистовъ, а также Росси, Германа и Шефле въ томъ, что въ ихъ глазахъ предприниматель „является лицомъ, исполняющимъ служебную роль при капиталѣ“ и „для личной иниціативы и самостоятельной дѣятельности остается очень мало мѣста“. По мнѣнію г. Цытовича „личная дѣятельность предпринимателя при извлеченіи дохода изъ предпріятія стоитъ первомъ на планѣ; различія въ доходности предпріятій могутъ быть объяснены личными качествами предпринимателей: большею или меньшею талантливостью, энергіей, смѣлостью, способностью быстрой оцѣнки различныхъ сложныхъ обстоятельствъ и т. д. (стр. 43). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оспариваетъ и тѣхъ экономистовъ, которые придаютъ важное значеніе дѣятельности предпринимателя по управленію предпріятіемъ, а одного изъ нихъ упрекаетъ за то, что тотъ ставитъ предпринимательскую прибыль въ зависимость „отъ умѣья вести дѣло и личной трудоспособности“. (ст. 119). По мнѣнію г. Цытовича большее умѣнье, талантливость и проч. будутъ оцѣнены выше и при наймѣ труда въ чужомъ предпріятіи, а потому эти качества не имѣютъ вліянія на предпринимательскую прибыль; на ней отражается только „особая интенсивность или особая производительность предпринимательскаго труда“. (стр. 271 и слѣд.). Не говоря уже о томъ, что подобное возраженіе можно примѣнить и къ „особой интенсивности труда“, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе: онъ то признаетъ, то отрицаетъ вліяніе талантливости и искусства предпринимателя. Въ сущности здѣсь не столько противорѣчіе, сколько споръ

о словахъ. Что такое „особая интенсивность“ и „особая производительность“, какъ не совокупность умѣнья, талантливости, высшей напряженности труда и пр.?

Нельзя признать правильнымъ и возраженіе автора Мангольдту, который проводитъ мысль, что предпринимательской прибыли слѣдуетъ отнести процентъ на тѣ „конкретные капиталы“, которые могутъ быть утилизированы только въ собственномъ предпріятіи. Г. Цытовичъ утверждаетъ, что всякій конкретный капиталъ можетъ быть превращенъ въ абстрактную форму т. е. въ денежный капиталъ и такимъ образомъ дастъ обыкновенный процентъ, а не спеціально предпринимательскую прибыль (стр. 168—169). Но Мангольдтъ указываетъ именно тѣ довольно частные случаи, когда предприниматель имѣетъ въ своемъ распоряженіи такіе предметы, которые постоянно или временно не имѣютъ никакой цѣны внѣ примѣненія ихъ предпринимателемъ въ данномъ хозяйствѣ. Къ этой категоріи относятся нѣкоторые фабричные отбросы, нѣкоторые матеріалы для удобренія земли, получающіеся въ сельскомъ хозяйствѣ и т. п.

Наконецъ, мы считаемъ слишкомъ строгимъ и невѣрнымъ отзывъ автора о воззрѣніяхъ Гросса, Курсель-Сенейля и Матаи, такъ какъ эти писатели выясняютъ весьма существенную сторону ученія о предпринимательской прибыли, а именно—вліяніе на эту прибыль цѣнъ продукта, издержекъ производства и положенія предпринимателя въ мѣновыхъ отношеніяхъ.

Какъ замѣчено выше въ заключительной главѣ авторъ резюмируетъ свои критическія замѣчанія и дѣлаетъ попытку дальнѣйшаго развитія теоріи предпринитательской прибыли. Воззрѣнія автора ближе всего подходятъ къ воззрѣніямъ Мангольдта, такъ какъ на монографію Мангольдта по его мнѣнію „можно смотрѣть какъ на кульминаціонный пунктъ въ развитіи ученія о предпринимательской прибыли“. Слѣдуя основнымъ положеніемъ Мангольдта, авторъ однако дѣлаетъ добавленія къ аргументаціи этого писателя и даетъ подробный анализъ причинъ, обусловливающихъ возникновеніе и оправдывающихъ существованіе предпринимательской прибыли. Этотъ анализъ представляетъ интересъ и научное значеніе. Мы думаемъ однако, что вмѣстѣ съ Мангольдтомъ и многими другими нѣмецкими экономистами авторъ едвали слѣдовалъ удачному направленію. Большинство писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ предпринимательской прибыли, принимаютъ за

исходную точку спеціальные доходы, которыми оплачивается участіе отдѣльныхъ производительныхъ силъ, отданныхъ въ чужое хозяйство т. е. заработную плату, прибыль и ренту, и стараются выяснить, почему предприниматель получаетъ или можетъ получить нѣкоторый излишекъ дохода, имеемый предпринимательской прибылью, сверхъ оплаты своего труда, капитала и производительныхъ силъ природы по средней наемной ихъ цѣнѣ. При такой постановкѣ вопроса эти спеціальные доходы представляются главными доходами, а предпринимательская прибыль является какъ нѣчто прибавочное. Между тѣмъ въ дѣйствительности всѣ спеціальные доходы суть только части дохода предпринимательскаго, потому что никакая хозяйственная дѣятельность не мыслима безъ предпринимателя, хотя она совершенно возможна безъ участія наемныхъ производительныхъ силъ. Такъ какъ доходъ, именуемый предпринимательской прибылью составляетъ лишь частицу всего предпринимательскаго дохода, то по нашему мнѣнію центромъ изслѣдованія долженъ быть весь предпринимательскій доходъ и его особенности сравнительно съ доходами спеціальными. Существенная особенность этого дохода состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ на продукты производства, цѣнностью дѣйствительнаго результата хозяйственной дѣятельности, тогда какъ спеціальные доходы, оплачивающіе наемныя производительныя силы, опредѣяются спросомъ и предложеніемъ на эти силы по ихъ возможной и вѣроятной средней производительности. Очевидно, средняя величина вѣроятнаго дохода въ большинствѣ случаевъ не будетъ совпадать съ дѣйствительнымъ доходомъ, отклоняясь отъ послѣдняго то въ одну, то въ другую сторону. Къ тому же въ дѣйствительности весьма трудно, а нерѣдко и не возможно опредѣлить дѣйствительную доходность отдѣльной производительной силы въ предпріятіи, потому что она работаетъ тамъ совмѣстно съ другими силами. Несомнѣнно однако, что предпринимательскій доходъ опредѣляетъ въ общемъ величину спеціальныхъ доходовъ, слѣдовательно, эти послѣдніе доходы находятся въ прямой отъ него зависимости.

Но такъ какъ изслѣдованіе предпринимательскаго дохода вслѣдствіе его сложности и измѣнчивости представляетъ большія трудности, то этимъ объясняется тотъ фактъ, что теорія спеціальныхъ доходовъ оказалась разработанною раньше а затѣмъ возникло ученіе о предпринимательской прибыли, поставленное въ ближайшую связь

не съ общимъ предпринимательскимъ доходомъ, а съ доходами спеціальными. Но по приведеннымъ выше соображеніямъ намъ кажутся въ методологическомъ отношеніи наиболѣе цѣнными тѣ изслѣдованія, которыя изучаютъ предпринимательскую прибыль въ зависимости отъ наиболѣе существенныхъ условій предпринимательской дѣятельности т. е. отъ издержекъ производства и цѣнъ на продукты. Нельзя сказать чтобы это воззрѣніе было вполнѣ чуждо автору разсматриваемой диссертаціи; въ концѣ III-ей главы онъ далъ вполнѣ вѣрное опредѣленіе предпринимательскаго дохода (стр. 98), хотя и не принялъ его за исходную точку для своей работы.

Вслѣдствіе указанныхъ выше достоинствъ изслѣдованія кандидата правъ Николая Цитовича; я нахожу его вполнѣ удовлетворительнымъ въ качествѣ диссертаціи для полученія степени магистра политической экономіи.

Ординарный профессоръ **Д. Пихно.**

III. Рецензія на сочиненіе приватъ-доцента Новороссійскаго университета И. Ивановскаго: „Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ", представленное для полученія степени магистра.

Темой, избранной г. Ивановскимъ для своей диссертаціи, уже часто занимались изслѣдователи, и преимущественно спеціалисты по международному праву. Предметъ этой темы и довольно полно исчерпанъ дѣйствующими конвенціями и законодательствами. Изслѣдователи объясняли различныя стороны этого круга международно-правовыхъ отношеній.

Г. Ивановскій имѣлъ въ виду восполнить сводъ матеріаловъ историч. и дѣйствующаго права по избранной имъ темѣ изъ конвенцій и, главнымъ образомъ, также изъ законодательствъ, такъ—чтобы достигнуть по возможности матеріальной полноты по этому вопросу науки международнаго права. Такова одна изъ основныхъ задачъ наукъ международнаго права по всѣмъ ея вопросамъ; по избранному авторомъ вопросу эта задача еще требовала пополненія, и надо отдать справедливость усердному и добросовѣстному исполненію ея г. Ивановскимъ. Его сочиненіе въ этомъ отношеніи солидный трудъ.

Порядокъ изложенія въ книгѣ г. Ивановскаго слѣдующій: указавши постановку вопроса и объяснивши положеніе своей темы въ литературѣ, онъ намѣчаетъ себѣ двѣ цѣли: дать полную исторію избраннаго вопроса по договорамъ и законодательствамъ, и на этомъ основаніи, да съ помощью мнѣній ученыхъ, представить критико-догматическій обзоръ вопроса. Обѣ части темы авторъ излагаетъ обстоятельно. Въ критико-догматической части отведено много мѣста критикѣ дѣйствующихъ положеній права и доктрины. Результаты

этой критики обыкновенно сходятся съ постановленіями тѣхъ или другихъ конвенцій, или съ мнѣніями писателей, и аргументація этой критики близко вращается около той или другой изъ доктринъ, но авторъ, дѣлая выборъ между различными воззрѣніями и способами ихъ доказательства, обнаруживаетъ всегда достаточно самостоятельности и осмотрительности.

Таковы несомнѣнныя достоинства диссертаціи г. Ивановскаго.— Метода въ ней вообще примыкаетъ къ господствующему направленію въ ученіи международнаго права. — Книга г. И. въ литературѣ предмета вкладъ не лишній; она съ правомъ можетъ занять мѣсто на ряду съ хорошими монографіями этой отрасли правовѣдѣнія.

Но отличительными чертами господствующей методы, которой слѣдуетъ г. Ивановскій, обусловлены и различные недостатки въ его работѣ; они, глав. обр., слѣдующіе:

преобладаніе соображеній о международномъ общеніи;

недостаточно справедливая оцѣнка того значенія, которое имѣетъ строгая централизація въ управленіи внѣшними сношеніями государства во всѣхъ отрасляхъ, гдѣ функціонируетъ власть;

преобладаніе публицистическихъ пріемовъ и статистическаго изложенія надъ юридич. анализомъ и историко-критической оцѣнкой фактовъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы при помощи немногихъ статей хотя бы, напр., русскаго законодательства по темѣ автора разрѣшить, путемъ точныхъ юридическихъ построеній, вопросъ: насколько и въ какомъ порядкѣ по русскому праву также и безъ конвенцій, а при существованіи конвенцій—для ихъ дополненія, наши судебныя учрежденія вправѣ и обязаны дѣйствовать во всей области перечисленныхъ авторомъ международныхъ судебныхъ порученій,—вмѣсто такой *положительной работы юриста,* авторъ, г. Ивановскій, усматриваетъ единственное спасеніе для процвѣтанія и удовлетворительнаго разрѣшенія его вопроса на практикѣ въ полныхъ и подробныхъ постановленіяхъ договоровъ и законодательствъ;

вмѣсто историко-критической оцѣнки значенія тѣхъ или другихъ данныхъ для общаго процесса развитія изслѣдуемаго вопроса, авторъ предлагаетъ просто статистическую регистрацію цѣлыхъ рядовъ историческихъ фактовъ, въ видѣ голыхъ единицъ. Такое изложеніе не есть исторія изслѣдуемаго института.

Болѣе къ личной отвѣтственности автора я долженъ отнести слѣдующіе недостатки въ его книгѣ:

Систематика въ изложеніи книги часто не удовлетворяетъ. Дѣйствующее право поставлено, въ отд. вопросахъ, какъ послѣдній фазисъ историч. развитія въ историч. обзорѣ, а между тѣмъ имѣется и еще особый критико-догматическій разборъ всего вопроса. Изложеніе исторіи договорнаго и законодательнаго права разъединено. Можно также указать на непослѣдовательное проведеніе одинаковой очереди при разборѣ различныхъ видовъ международ. судебныхъ порученій въ историческомъ обзорѣ и въ критико-догматическомъ обзорѣ.—Въ критико-догматическомъ обзорѣ систематика автора страдаетъ многими неудобствами; укажу здѣсь только на два: I-й отдѣлъ этой части долженъ былъ или войти въ введеніе, или—лучше—составить особую часть послѣ первой части; въ началѣ 2-й части слѣдовало поставить V-й отдѣлъ 2-й части „отдѣльные виды судебныхъ порученій", которые также слѣдовало размѣстить въ иномъ порядкѣ, чѣмъ это дѣлаетъ авторъ; послѣ этого слѣдовало поставить IV-й отдѣлъ: „исполненіе и отказъ въ исполненіи судебнаго порученія". Все изложеніе 2-й части показываетъ, насколько неосновательно было поставить вопросъ о „пути пересылки международныхъ судебныхъ порученій" раньше „отдѣльныхъ видовъ междунар. судебныхъ порученій" и „ихъ исполненія".

Въ изложеніи книги г. Ивановскаго выдержанъ вообще достойный и серьезный тонъ, изложеніе вполнѣ академическое. Но нельзя не замѣтить въ немъ и нерѣдко встрѣчающагося излишества въ длинныхъ объясненіяхъ по общимъ вопросамъ, которые сами по себѣ достаточно ясны. Далѣе, авторъ вообще не особенно старается избѣгать значительныхъ повтореній: изъ историческаго обзора весьма многое повторено опять и въ критико-догматическомъ обзорѣ; оставляю въ сторонѣ болѣе частные случаи. Мѣстами аргументація автора по какому либо вопросу разбросана, или аргументація и выводъ не достаточно округлены, или послѣдовательность въ изложеніи вопроса логически не вполнѣ понятна.

Терминъ „судебныя порученія" авторъ принимаетъ въ самомъ широкомъ значеніи, какъ видно изъ его изложенія вопроса; но на точномъ опредѣленіи этого термина онъ нигдѣ не останавливается, между тѣмъ какъ такое опредѣленіе имѣетъ значеніе и для толкованія постановленій русскихъ конвенцій.—Заглавіе книги г. Ивановскаго, съ его же точки зрѣнія, не совсѣмъ точно и неудачно; оно слиш-

комъ длинное и не вполнѣ характеризуетъ объема разрабатываемой темы, вѣдь рѣчь идетъ все только о международномъ исполненіи судебныхъ порученій по уголовнымъ дѣламъ; съ этимъ и должно было согласовать заглавіе книги.

Укажу еще на пробѣлъ въ научной разработкѣ настоящаго вопроса авторомъ. При совр. развитіи формы общихъ международныхъ (договоровъ) конвенцій или т. наз. уній или союзовъ, автору представлялась и задача критически разобрать вопросъ, насколько и по какимъ частямъ вопроса его темы имѣло бы практическій смыслъ заключить общій международный договоръ, на обычныхъ основаніяхъ. Для юриста такая задача вполнѣ подходящее занятіе.

Изъ взглядовъ, которыхъ держится авторъ по многимъ вопросамъ своей темы, я многихъ не раздѣляю. Въ иныхъ случаяхъ у автора и не достаетъ аргументаціи. Но подробно говорить здѣсь объ этомъ—нѣтъ надобности.

И при всѣхъ указанныхъ слабыхъ сторонахъ и погрѣшностяхъ въ сочиненіи г. Ивановскаго, я считаю его трудъ, согласно выше объясненнымъ достоинствамъ его, достаточно удовлетворительною и серьезною научною работою, которая заслуживаетъ быть допущенною къ публичной защитѣ на степень магистра международнаго права.

Профессоръ О. Эйхельманъ.

Кіевъ, 22 Мая
1889 г.

Методъ преподаванія анатоміи и положеніе человѣка въ царствѣ животныхъ.

(Вступительная лекція, читанная экстра-ординарнымъ профессоромъ М. А. Тихомировымъ 13-го сентября 1890 года).

На лекціи были выставлены скелетъ человѣка и взрослаго гориллы.

Милостивые Государи!

Анатомія человѣка, антропотомія, опредѣляется какъ наука, изучающая строеніе человѣческаго организма по его форменнымъ составнымъ частямъ, ихъ расположенію и взаимному отношенію.

До второй половины текущаго столѣтія она занималась только детальной разработкой строенія форменныхъ составныхъ частей и связывала ихъ въ системы по отправленію этихъ частей, т. е. по ихъ физіологическому значенію. Занимаясь строеніемъ человѣческаго организма, антропотомія совершенно игнорировала строеніе другихъ организмовъ и, упорно держась въ сторонѣ, необращала вниманія на глубокую связь между тѣми и другими.

Такая же точка зрѣнія, понятно, проводилась и въ преподаваніи антропотоміи и казалось, въ смыслѣ по крайней мѣрѣ медицинскихъ дисциплинъ, эта точка зрѣнія вполнѣ удовлетворяла: врачу надо знать лишь анатомическіе факты; это знаніе нужно примѣнить къ больному, чтобы оріентироваться въ болѣзни или поврежденіи, и такимъ образомъ стать въ возможность помочь страждущему человѣку. Казалось, говорю я, большаго ничего и не надо: разъ анатомическіе факты остались въ памяти врача, цѣль обученія достигнута. Но тутъ-то и является вопросъ: какъ удержать ихъ въ памяти, когда

имя имъ легіонъ? Благодаря этому легіону, антропотомія явилась наиболѣе трудной и скучной среди медицинскихъ наукъ! Трудность изученія ея усиливалась съ каждымъ годомъ, такъ какъ практическая медицина предъявляла ей все большія и большія требованія, вслѣдствіе чего анатомическіе факты должны были детально разрабатываться; явилась насущная потребность знать индивидуальныя уклоненія аномаліи.

Физіологическая точка зрѣнія, которая одна только связывала анатомическіе факты, оказалась совершено недостаточною: эти факты не могли быть ею связаны настолько строго послѣдовательно, въ такую логическую цѣпь, чтобы получить возможность легко удерживать ихъ въ памяти. Приведу примѣръ.

Каждый изъ васъ знаетъ, что такое небная занавѣска. Въ небной занавѣскѣ между прочими частями имѣются два мускула: мускулъ натягивающій занавѣску (tensor palati mollis) и подъемлющій ее (levator palati mollis); обѣ эти мышцы расположены рядомъ и дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, именно — расширяютъ зѣвъ, т. е. отверстіе, сообщающее полость рта съ полостью глотки, а между тѣмъ инервируются эти мускулы изъ совершенно различныхъ источниковъ: первый (tensor palati mollis) получаетъ свою инервацію отъ 5-ой пары (nervus trigeminus), второй (levator palati mollis)—отъ 7-ой пары, (nervus facialis) головныхъ нервовъ. Тоже самое относится къ двумъ мускуламъ барабанной полости уха, гдѣ мускулъ молоточка (musculus tensor tympani) инервируется вѣточкой отъ 5-ой пары, а мускулъ стремени (musculus stapedius) отъ 7-ой пары. Въ мускулатурѣ лица опять видимъ необъяснимое физіологической точкой зрѣнія явленье инервацiи жевательныхъ мускуловъ 5-ой парой, а кожныхъ 7-ой парой.—Разъ эти факты не могутъ быть звязаны причинной, логической связью, разъ они являются разрозненными фактами—понятно—они легко ускользнутъ изъ памяти, а между тѣмъ для медицины они имѣютъ громадное значеніе и ихъ не мало наберется въ анатоміи человѣка.

И такъ помимо физіологической точки зрѣнія надо найти другую, которая непреложно указала бы органическую связь подобныхъ вышеприведеннымъ фактовъ.

Только этимъ путемъ въ настоящее время связанные въ одно стройное цѣлое, съ ясной причинной зависимостью одного факта отъ

другого, анатомическіе детали могутъ прочно остаться въ памяти и не представятъ того непреодолимаго препятствія, какимъ анатомія явилась бы, если-бы она продолжала быть не болѣе, какъ деталь-нымъ описаніемъ частей человѣческаго тѣла.

Въ чемъ же заключается эта новая точка зрѣнія, долженствующая разъяснить намъ многое (для примѣра: хотя бы туже разность инерваціи, которая приведена выше) и такимъ образомъ дать намъ возможность легко удержать въ памяти легіонъ анатомическихъ фактовъ?

Эта точка зрѣнія опредѣлилась общимъ успѣхомъ естествознанія: новые и изумительные результаты такихъ наукъ, какъ эмбріологія, сравнительная анатомія и палеонтологія въ ихъ совокупности, дали эту новую точку зрѣнія—*морфологическую*, т. е. такую точку зрѣнія, которая разсматриваетъ строеніе человѣческаго организма не только въ совершенно законченной его формѣ и безотносительно, но выясняетъ взаимную зависимость фактовъ путемъ исторіи развитія организма и путемъ сравненія его съ другими организмами. Словомъ, факты анатоміи человѣка освѣщаются онтогенезомъ, т. е. исторіей развитія индивидуума, и филогенезомъ, т. е. исторіей развитія вида (species). Съ морфологической точки зрѣнія въ приведенныхъ мною выше примѣрахъ можно найти вполнѣ ясное объясненіе анатомическимъ фактамъ.

Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ не трудно убѣдиться на тѣхъ же примѣрахъ, которые я привелъ выше, иллюстрируя недостаточность пользованія въ антропотоміи одною только физіологической точкой зрѣнія. Разность инерваціи двухъ помянутыхъ мускуловъ небной занавѣски морфологической точкой зрѣнія вполнѣ выясняется: изъ сравнительной анатоміи мы знаемъ, что 5-ая пара головныхъ нервовъ представляетъ собою нервъ мандибулярной дуги, а седьмая пара—нервъ хіоидной дуги; изъ эмбріологіи же намъ извѣстно, что musculus tensor palati mollis есть дериватъ мандибулярной дуги, а musculus levator palati mollis—дериватъ хіоидной дуги. Тоже самое относится и ко второму примѣру: эмбріологическія изслѣдованія *Fraser*'а, *Заленскаго* и въ послѣднее время *Rabl*'я выяснили происхожденіе стремени изъ хіоидной дуги; что касается мускула стремени (m. stapedius), то онъ тоже происходитъ изъ той же дуги; молоточекъ развивается изъ мандибулярной дуги и мускулъ его (m. ten-

sor tympani) инервируется отъ мандибулярнаго нерва, т. е. отъ пятой пары. Мускулы tensor palati mollis и tensor tympani генетически принадлежатъ къ одной группѣ и инервируются однимъ нервомъ (nervus trigeminus); мускулы levator palati mollis и stapedius генетически принадлежатъ къ другой группѣ и инервируются другимъ нервомъ (nervus facialis).

Что касается третьяго нашего примѣра, то *Gegenbaur* высказалъ предположеніе, что кожные мускулы головы представляютъ собою дифференцировавшуюся часть кожнаго мускула шеи (platysma); проф. *Ruge* блестящимъ сравнительно-анатомическимъ изслѣдованіемъ доказалъ вѣрность этого взгляда *Gegenbaur*'а, а нашъ молодой ученый, приватъ-доцентъ и помощникъ прозектора при здѣшней каѳедрѣ анатоміи, *И. С. Поповскій*, подтвердилъ и развилъ далѣе данныя, полученныя *Ruge*. Седьмая пара (nervus facialis) представляетъ собою нервъ хіоидной дуги; въ области послѣдней развивается platysma; выростая, отсюда тянется она впередъ и позади зачатка наружнаго уха распадается на отдѣльные кожные мускулы головы. Въ это странствованіе platysma увлекаетъ и свой нервъ, который—соотвѣтственно дифференцировкѣ мускула — въ свою очередь раздѣляется на вѣтви; стволъ нерва по той же причинѣ утолщается и измѣняетъ свое первоначальное положеніе, сохраняющееся только лишь у одной его вѣтки (nervus subcutaneus colli superior). Такъ объясняется распространеніе pes anserinus major, ramus auricularis posterior и subcutaneus colli superior; всѣ же эти вѣтви, вмѣстѣ взятыя, равно и вѣтви къ заднему брюшку m. biventer и m. stylo-hyoideus, соотвѣтствуютъ подъязычной (хіоидной) вѣтви лицеваго нерва нисшихъ животныхъ.

Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы показать выгоду морфологической точки зрѣнія въ преподаваніи анатоміи человѣка.

Сравнительно-анатомическія данныя стали пріобрѣтать значеніе уже съ *Vicq d'Azyr*'а (1748—1794), но въ особенности много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи *Cuvier* (1769—1832). Благодаря установленному послѣднимъ закону соотношенія (corrélation), отдѣльные анатомическіе факты явились связанными въ одну цѣпь, въ которой стала ясною зависимость каждаго звена отъ другихъ звеньевъ. Но этотъ блестящій успѣхъ сравнительной анатоміи до послѣдняго тридцатилѣтія не оказывалъ мало мальски значительнаго вліянія на антропо-

томію, которая противупоставлялась сравнительной анатоміи, какъ нѣчто особое, ничего общаго съ ней неимѣющее: такое безграничное различіе видѣли въ объектахъ этихъ двухъ наукъ!

Начало ученію объ онтогенезѣ было положено членомъ нашей Академіи Наукъ *Caspar'*омъ *Fridrich'*омъ *Wolff'*омъ (1733—1794) въ его теоріи, которую онъ назвалъ *epigenesis*. Въ этой теоріи Вольфъ доказывалъ, что первичное строеніе организма совершенно иное, чѣмъ послѣдующее, въ которое организмъ развивается изъ зародыша. Эпигенезъ Вольфа однако не имѣлъ успѣха, такъ какъ теорія *преформаціи* организма, т. е. существованіе въ зародышѣ всѣхъ частей организма уже въ готовой по строенію формѣ, имѣла слишкомъ большое вліяніе на ученыхъ того времени, безразлично принадлежали-ли они къ *анималькулистамъ*, т. е. считавшимъ, что организмъ развивается изъ сѣмянной нити, или къ *овистамъ*, считавшимъ, что онъ развивается изъ яйца. Только другому нашему Академику *Karl'*у *Ernst'*у *von Baer'*у (1792—1876) удалось побѣдить предвзятую ложную идею, о преформаціи организма въ зародышѣ. Своимъ классическимъ трудомъ, въ которомъ онъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ развитіе организма, Беръ поставилъ онтогенезъ на вполнѣ научную почву. Сама по себѣ эмбріологія (онтогенезъ) въ это врэмя, т. е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, существенныхъ перемѣнъ въ анатомію человѣка еще однако не внесла.

Филогенезъ, ученіе о развитіи не отдѣльнаго индивидуума, а цѣлаго вида, ученіе о происхожденіи болѣе сложныхъ организмовъ отъ простѣйшихъ, получилъ твердое научное значеніе, благодаря *Darwin'*у (1809—1882). Его ученіе строго логически связало факты эмбріологіи съ фактами сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Что каждая изъ этихъ наукъ въ отдѣльности дать не могла, то блестяще возникло изъ соединенія результатовъ, полученныхъ этими науками. Возникло ученіе, которое ясно доказало внутреннюю неразрывную связь между всѣми членами органической природы, неисключая и человѣка! Филогенезъ учитъ, что наслѣдственность и приспособленіе къ жизненнымъ условіямъ суть великіе принципы, которые обусловливаютъ все разнообразіе организацій. Наслѣдственность, т. е. передача признаковъ отъ родителей дѣтямъ, есть консервативный, удерживающій первоначальную форму, принципъ; приспособленіе представляетъ собою измѣняющій форму принципъ, который въ борьбѣ

за существованіе совершенствуетъ форму. То, что обще для различныхъ видовъ, является наслѣдственнымъ; то, что ихъ отличаетъ другъ отъ друга, есть пріобрѣтенное въ борьбѣ за существованіе, хотя конечно имѣвшее своей исходной точкой первоначально унаслѣдованное. Какъ весь организмъ, такъ и отдѣльныя его части (органы), имѣютъ слѣдовательно свою исторію, приведшую ихъ къ даннымъ формамъ,— къ формамъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ ихъ въ настоящее время. Это положеніе всецѣло примѣнимо и къ человѣку: если до сихъ поръ, не удалось на основаніи палеонтологическихъ открытій прослѣдить исторію организаціи человѣческаго тѣла дальше дилювіальнаго періода (къ этому періоду относится черепъ изъ Энгизъ и долины Неандеръ), если до сихъ поръ мы съ достовѣрностью еще не знаемъ человѣка третичной эпохи, то тѣмъ не менѣе въ области морфологіи лежитъ масса фактовъ, связывающихъ человѣка въ одну филогенетическую цѣпь съ остальными организмами.

Таковъ современный анатомическій взглядъ на человѣка. Найдутся безъ сомнѣнія и въ настоящее время мыслители, которые сочтутъ дерзостью признаніе родства по организаціи тѣла между человѣкомъ и животными: настолько человѣкъ стоитъ выше всѣхъ и всего, существующаго на землѣ! Имъ я отвѣчу словами знаменитаго антрополога *Broca*: „*У многихъ гордость—эта характеристическая черта нашей натуры—беретъ перевѣсъ надъ спокойными доводами разума. Какъ нѣкогда римскіе императоры, опьяненные своимъ могуществомъ, не признавали въ себѣ качествъ человѣка, а считали себя полубогами, такъ современный царь нашей планеты (человѣкъ) не хочетъ допустить, чтобы презрѣнное, подчиненное ему животное имѣло что-либо съ нимъ общее. Сосѣдство обезьяны его безпокоитъ; его не удовлетворяетъ быть только царемъ животныхъ; ему хочется, чтобы неизмѣримая бездонная пропасть отдѣляла его отъ этихъ существъ. Отвернувшись отъ земли, онъ стремится укрыть свое величіе, гордость котораго оскорбляетъ это сосѣдство, въ туманныхъ сферахъ особаго, ничего общаго съ животными не имѣющаго, царства человѣческаго. Но анатомія, подобно рабу, который слѣдовалъ за колесницей пріумфатора и непрестанно повторялъ послѣднему: memento te hominem esse, смущаетъ наивное самообольщеніе человѣка и напоминаетъ ему, что видимая и осязаемая реальность связываетъ его съ царствомъ животныхъ*“.

Связывая человѣка съ царствомъ животныхъ, анатомія нимало не унижаетъ его достоинства, ни чуть не оскорбляетъ его гордости, ибо она ставитъ его высшимъ изъ высшихъ земныхъ существъ, а это, говоря словами Брока, *„peut bien suffire à son ambition et à sa gloire"!*

Въ строеніи человѣческаго тѣла мы встрѣчаемъ не только соотвѣтствіе съ организаціей животныхъ, но находимъ многочисленное и громадное сходство въ устройствѣ всѣхъ системъ органовъ, функціональное проявленіе которыхъ опять таки является тѣмъ же, что и у человѣка. Это сходство простирается до самаго тончайшаго строенія, и если это сходство человѣка съ животными не представляетъ во всемъ тождества, то слѣдуетъ не забывать, что и у двухъ, наиболѣе близко стоящихъ другъ къ другу, видовъ животныхъ по отношенію къ строенію организма мы также во многомъ не найдемъ тождества. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія физическаго строенія организма нѣтъ никакого основанія выдѣлять человѣка изъ царства животныхъ.

Постепенное образованіе человѣческаго тѣла во время его онтогенеза (эмбріологія человѣка) не менѣе согласно съ онтогенезомъ животныхъ (эмбріологія животныхъ): и здѣсь, и тамъ яйцо (ovulum) представляетъ исходный пунктъ, первая дифференцировка и развитіе органовъ у того и у другихъ не проявляетъ никакого существеннаго, глубокаго различія.

Опредѣляя положеніе человѣка съ точки зрѣнія устройства организма, мы должны отнести его къ типу *позвоночныхъ*; въ этомъ типѣ онъ занимаетъ мѣсто въ классѣ *млекопитающихъ*. Среди этого класса отдѣльные отряды по своей организаціи стоятъ болѣе или менѣе близко къ человѣку и изъ *плацентарныхъ* млекопитающихъ всѣхъ ближе къ нему стоятъ четырерукія. Еще Linné, великій систематикъ, съ полнымъ правомъ соединилъ четырерукихъ и человѣка въ отрядъ *приматовъ (primates)*. Въ какомъ-бы отношеніи мы не сравнивали устройство организма четырерукихъ и человѣка—какъ по системѣ органовъ, такъ и въ деталяхъ строенія — между ними мы найдемъ массу общаго, что будетъ видно изъ примѣровъ, которые послужатъ иллюстраціей всего мною сказаннаго. Сходство здѣсь такъ велико, что подало поводъ назвать высшихъ по организаціи четырерукихъ антропоморфными обезьянами или *антропоидами (antropo-*

morphae). Это сходство и различіе организацій человѣка и антропоидовъ стоитъ на той же степени, которая даетъ право вообще дѣлить животные организмы на типы, классы, отряды, роды и виды. Повторяю, съ точки зрѣнія *организаціи тѣла* нѣтъ никакого основанія выдѣлять человѣка изъ общаго царства животныхъ. Но онъ занимаетъ высшую точку въ этомъ царствѣ, вѣнчаетъ послѣднее!

Филогенезъ, какъ я уже говорилъ, на основаніи сравнительно-анатомическихъ, палеонтологическихъ и эмбріологическихъ данныхъ учитъ насъ, что все разнообразіе въ строеніи тѣла различныхъ видовъ животныхъ зависитъ отъ постепеннаго, крайне медленнаго измѣненія частей въ устройствѣ организма подъ вліяніемъ приспособленія и наслѣдственности, какъ это напримѣръ рѣзко бросается въ глаза при сравненіи хищныхъ *(cornivora)* съ ластоногими *(pinnipedia).* При тщательномъ изслѣдованіи организаціи тѣхъ и другихъ, мы находимъ между ними массу родственныхъ признаковъ, не смотря на кажущееся при первомъ вглядѣ рѣзкое различіе этихъ животныхъ. Такъ, у *моржа (trichechus rosmarus)* имѣются зубы всѣхъ родовъ и при томъ весьма близкіе къ зубамъ хищныхъ; далѣе, какъ и у послѣднихъ, матка двурогая. послѣдъ (placenta) кольцевой и т. д. Различіе строенія тѣла тѣхъ и другихъ легко выводится изъ различія жизненныхъ условій, въ которыя они поставлены: хищники суть наземныя животныя, ластоногія — водяныя. Совершенно также родственная по организаціи тѣла связь человѣка съ другими членами животнаго царства опредѣляется общими для нихъ признаками, а особенности устройства человѣческаго тѣла сводятся или на исчезновеніе въ устройствѣ организма нѣкоторыхъ частей, которыя присущи еще этимъ членамъ, или на совершенствованіе этихъ частей. Въ самомъ дѣлѣ: прошедшая рядъ такихъ измѣненій человѣческая организація носитъ на себѣ многочисленные и ясные ихъ слѣды; въ онтогонезѣ же (эмбріональномъ развитіи) человѣка рѣзко отражается картина его филогенеза, ибо *исторія развитія индивидуума*, какъ выразился *Fr. Müller*, *есть краткое и упрощенное повтореніе развитія вида.* Длинный рядъ измѣненій въ устройствѣ животнаго организма довелъ его до высшей организаціи, до организаціи человѣка. Всѣ эти измѣненія въ результатѣ имѣли совершенствованія организма; но совершенствованіе это касается однако не всѣхъ безъ исключенія органовъ: въ тѣлѣ человѣка вы найдете органы, которые ме-

нѣе развиты, чѣмъ тѣ же органы нѣкоторыхъ другихъ членовъ животнагоцарства. Такъ напр. нижнія конечности человѣка менѣе совершенны по своей функціи, чѣмъ заднія конечности обезьянъ; извѣстные органы чувствъ менѣе остры, чѣмъ у животныхъ; многое совершенно не развивается; во многомъ замѣчается постепенное выпаденіе частей изъ организма—недоразвитіе. Этотъ регрессъ частностей тѣмъ не менѣе служитъ на пользу совершенствованія организма въ цѣломъ: изъ устройства организма выпадаетъ менѣе существенное съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто совершенствованію болѣе существеннаго. *Weissmann* по этому поводу говоритъ совершенно справедливо: *„не будь природа въ состояніи обусловить исчезновеніе ставшихъ лишними органовъ, совершенствованіе не могло бы имѣть мѣста, ибо разъ имѣющіяся, но ставшія излишними, части животнаго организма служили бы помѣхою другимъ — дѣятельнымъ—частямъ и задержали бы развитіе этихъ нужныхъ частей. Если бы всѣ части, которыя были присущи предкамъ должны были бы оставаться у потомковъ, то въ концѣ концовъ изъ животнаго произошло-бы неспособное къ жизни чудовище. Такимъ обрызомъ обратное развитіе ставшихъ излишними органовъ есть условіе совершенствованія организма“*. На длинномъ пути филогенеза было многое пріобрѣтено; со временемъ, становясь не нужнымъ, это пріобрѣтенное регрессировалось постепенно исчезало; но за то оставалось и совершенствовалось то, что было цѣннѣе въ борьбѣ за существованіе. Именно — головной мозгъ, самый высокій по своему функціональному значенію органъ, по отношенію къ которому всѣ другіе органы играютъ лишь второстепенную, подчиненную роль. Зависящее отъ большаго развитія головнаго мозга совершенствованіе психическихъ функцій дѣлаетъ понятнымъ, что подъ вліяніемъ этого совершенствованія другія системы органовъ должны были претерпѣть измѣненія, переустройство — такъ сказать — по мѣрѣ того, какъ выпадало или измѣнялось ихъ значеніе въ борьбѣ за существованіе, ибо на ихъ мѣсто въ этой борьбѣ поступало нѣчто, болѣе совершенное. Находящіеся въ обратномъ развитіи или совершенно недостающіе органы не могутъ выражать собою абсолютнаго недостатка, потому что недостаточная, или отсутствующая, съ ихъ стороны функція не только вознаграждается, но вознаграждается съ избыткомъ, другими усовершенствованными органами. От-

сюда и слѣдуетъ, повторяю, что самое выпаденіе элементовъ организаціи идетъ объ руку съ усовершенствованіемъ организма, и человѣкъ, не смотря на то, что многіе изъ его органовъ по функціи менѣе совершенны, чѣмъ такіе же органы животныхъ, все таки представляетъ собою высшее по организаціи существо!

Опредѣливъ такимъ образомъ положеніе человѣка и выяснивъ тѣмъ самымъ методъ предстоящаго курса лекцій по систематической анатоміи человѣка, я перехожу теперь къ ряду примѣровъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ достаточно наглядно доказать вѣрность высказанныхъ положеній. Этотъ рядъ примѣровъ я возьму только изъ двухъ системъ: костной и мускульной. Дѣлаю это на томъ основаніи, что во первыхъ онѣ наиболѣе просты по своему устройству и не требуютъ спеціальной, не имѣющейся еще у большинства сегодняшнихъ моихъ слушателей, подготовки; во вторыхъ—именно эти двѣ системы въ предстоящемъ полугодіи составятъ предметъ моихъ лекцій по нормальной анатоміи человѣка.

Возьмемъ для перваго примѣра основу человѣческаго тѣла, позвоночный столбъ. Вполнѣ сформированный онъ состоитъ изъ 33 или 34 костей (позвонковъ), которыя распадаются на 24 свободно связанныхъ, 5 слившихся въ такъ называемую крестцовую кость и 4 или 5 хвостцовыхъ позвонковъ (копчикъ). У человѣка хвостцовая часть представляетъ собою регрессирующую часть, т. е. такую, которая въ его филогенезѣ постепенно исчезаетъ, а потому въ настоящее время болѣе развитой является только въ исключительныхъ случаяхъ,—аномально. Эмбріологія учитъ насъ, что у человѣческаго зародыша, когда онъ имѣетъ 5,6 миллиметровъ длины заложено 32 первичныхъ позвонка; когда зародышъ достигаетъ 7 m.m. длины, мы у него находимъ уже закладку 33 позвонковъ, а затѣмъ 9—10 m.m. уже 38 позвонковъ. Дальше этого числа закладка позвонковъ не идетъ; напротивъ, съ теченіемъ времени наблюдается слитіе первичныхъ позвонковъ, идущее съ задняго конца: сначала сливаются между собою закладки 38-го, 37-го и 36-го позвонковъ, а затѣмъ къ нимъ присоединяется и закладка 35-го позвонка, такъ что въ концѣ концовъ всѣ эти 4 заднія закладки позвонковъ, утративъ свои границы, сливаются во едино. Тѣмъ не менѣе относительно еще долго въ эмбріональной жизни человѣка у него существуетъ выдающійся наружу хвостъ, ничѣмъ не отличающійся отъ такового дру-

ихъ зародышей млекопитающихъ и пресмыкающихся (reptilia). Только съ 4-го мѣсяца эмбріональной жизни онъ утрачиваетъ видъ хвоста и перестаетъ выдаваться; время это—обратное развитіе хвоста—совпадаетъ, какъ и у остальныхъ позвоночныхъ, съ относительнымъ укороченіемъ спинного мозга.—Какъ аномалія, встрѣчаются вполнѣ сформированные люди, снабженные хвостомъ на подобіе 3—4 мѣсячнаго зародыша, и такихъ случаевъ въ медицинской литературѣ приведено не мало. Я упомяну о нѣкоторыхъ, имѣющихъ наибольшее значеніе *M. Braun* въ Zoologischer Anzeiger Bd. IV описалъ рекрута, у котораго хвостецъ не былъ скрытъ между ягодицами, но свободно выдавался, могъ быть охваченъ пальцами и ощупанъ. При ощупываніи оказалось, что онъ представлялъ собою прямолинейное продолженіе позвоночнаго столба и заключалъ въ себѣ ясно выраженныя тѣла позвонковъ. Такъ какъ случай этотъ изслѣдованъ на живомъ человѣкѣ, то конечно нельзя съ положительностью рѣшить вопроса: было-ли здѣсь только эмбріональное положеніе хвостцовыхъ позвонковъ, или здѣсь имѣлись дѣйствительно излишніе позвонки? Въ пользу однако послѣдняго предположенія говоритъ то, что у даннаго субъекта и Эккеровская площадка (glabella) и хвостцовая ямка (foveola coccygea), соотвѣтствующія нормальному положенію копчика, вполнѣ были выражены, а потому выдающаяся часть весьма вѣроятно заключала въ себѣ сверхкомплектныя кости.

Еще рѣзче описанный въ Virchow's Archiv. XCIX случай *Lissner'*а. Послѣднему пришлось изслѣдовать хвостъ такихъ же качествъ, какъ только что приведенный мною, у новорожденной дѣвочки; хвостъ этотъ къ 12 лѣтнему возрасту дѣвочки дорось до 12,5 центиметровъ длины, и въ немъ съ полной ясностью прощупывались твердыя образованія, походившія на пальцевыя фаланги, расположенныя какъ прямое продолженіе позвоночнаго столба.—Въ Московскій университетъ въ прошломъ году докторомъ *Пятницкимъ* доставленъ отрѣзанный имъ у взрослаго мущины хвостъ; въ хвостѣ этомъ не найдено—правда—костныхъ образованій, но соотвѣтствующіе мускулы несомнѣнно констатированы. Случай этотъ интересенъ еще, какъ указывающій на то, что у даннаго субъекта во время его эмбріональной жизни коррекція, т. е. обратное развитіе хвоста, началась, но недошла до нормальнаго конца. По отношенію къ удлиненію позвоночника интересно и важно отмѣтить то, что оно, какъ возвратъ

къ прежде существовавшимъ формамъ встрѣчается у ближайшихъ по организаціи тѣла къ человѣку животныхъ, т. е. у гориллы и оранга. За тѣмъ въ пользу того, что человѣкъ нѣкогда обладалъ хвостомъ говоритъ также присутствіе въ области нормальнаго копчика мускуловъ, соотвѣтствующихъ мускуламъ хвостатыхъ животныхъ. У человѣка эти мускулы стали *рудиментарными,* т. е. очень слабо развитыми и утратившими всякое физіологическое значеніе, ибо хвостъ въ жизни человѣка сталъ ему не нуженъ и подвергся обратному развитію.

Помимо удлиненія задняго (копчиковаго) конца позвоночника встрѣчается удлиненіе (не особенно рѣдко) или укороченіе (рѣже) другихъ отдѣловъ позвоночника. Я уже говорилъ, что свободно соединенныхъ позвонковъ (предкрестцовыхъ) у человѣка обычно 24, но встрѣчаются случаи, гдѣ ихъ 25, или же такіе, гдѣ ихъ 23. Попробуемъ объяснить эти случаи на основаніи морфологическихъ данныхъ. Такъ называемые крестцовые позвонки, какъ учитъ эмбріологія человѣка, сливаются въ крестцовую кость (или, употребляя общепринятое выраженіе, ассимулируются въ крестецъ) въ порядкѣ снизу вверхъ, т. е. первый сливается со вторымъ позднѣе, чѣмъ второй съ третьимъ и т. д., и слитіе это оканчивается у человѣка 25-мъ позвонкомъ, такъ что получается въ концѣ концовъ 24 предкрестцовыхъ позвонка. Въ случаяхъ, гдѣ ассимиляція позвонковъ въ крестцовую кость остановится на 26-мъ позвонкѣ, получится 25 предкрестцовыхъ; тамъ, гдѣ она пойдетъ дальше и захватитъ 24-ый позвонокъ, получится лишь 23 предкрестцовыхъ позвонка. Благодаря богатой остеологической коллекціи музея здѣшняго анатомическаго театра, я буду имѣть возможность показать въ систематическомъ курсѣ разнообразныя степени ассимиляцій позвонковъ въ крестцовую кость.—На что же указываютъ аномалія числа поясничныхъ позвонковъ? Изслѣдованія *Rosenberg*'а (бывшаго профессора Дерптскаго университета) показали, что въ филогенезѣ человѣка поясъ нижнихъ конечностей, т. е. тазовыя кости, должны были постепенно смѣщаться къ верху (ближе къ головѣ).

Помимо онтогенеза, именно закладки бо́льшаго противъ постоянныхъ количествъ первичныхъ позвонковъ и способа развитія крестцовой кости, за это говорятъ и сравнительно-анатомическія данныя, которыя мы находимъ у обезьянъ. Такъ если на 37-ой позвонокъ нѣ-

которыхъ видовъ лори и pycticebus (южно-американская ночная обезьяна) смотрѣть, какъ на самый старшій, а на 26-ой позвонокъ гибона (hylobates), какъ на самый юный крестцовый позвонокъ, то здѣсь мы будемъ имѣть смѣщеніе таза на 11 позвонковъ. Такое смѣщеніе у человѣка захватило еще одинъ позвонокъ, а у гориллы (gorilla), оранга (satyrus), и шимпанзе (troglodytes) даже два. Другими словами: у гибона, у котораго всю жизнь существуетъ 25 предкрестцовыхъ позвонковъ, остановка передвиженія пояса нижнихъ конечностей къ головѣ совершается на одинъ позвонокъ ранѣе, чѣмъ у человѣка; но у послѣдняго соотвѣтствующій эмбріональный стадій можетъ сохраниться на всю жизнь и тогда получатся тѣже отношенія, что у гибона, т. е. останется 25 предкрестцовыхъ позвонковъ. Съ другой стороны мы упомянули, что у гориллы, оранга и шимпанзе 23 предкрестцовыхъ позвонка; но наблюдались случаи, что во 1) и у человѣка 24-ый позвонокъ иногда ассимилируется въ крестцовую кость, во 2) у оранга и гориллы наблюдалась остановка передвиженія пояса на одинъ позвонокъ, т. е. наблюдалось 24 предкрестцовыхъ позвонка, а у шимпанзе остановка передвиженія пояса даже на два. Слѣдовательно передвиженіе пояса нижнихъ конечностей есть общій законъ какъ въ онто—такъ и въ филогенетическомъ отношеніи. Приведенныя сравнительно анатомическія данныя заставляютъ признать увеличеніе числа поясничныхъ позвонковъ у человѣка за явленіе *атавистическое*, т. е. представляющее возвратъ къ прежде существовавшимъ формамъ. Такимъ же колебаніямъ какъ колебанія границы между крестцомъ и поясничной частью позвоночника, подлежитъ и граница между грудной и шейной, между поясничной и грудной частями. — Грудная часть позвоночника опредѣляется 12 парами причлененныхъ къ позвонкамъ реберъ; но, какъ аномалія. встрѣчаются человѣческіе скелеты съ 13 парами реберъ и тогда 13-ая пара развивается или на седьмомъ шейномъ позвонкѣ (что встрѣчается очень рѣдко) или на первомъ поясничномъ позвонкѣ (гораздо чаще). Въ эмбріональномъ періодѣ жизни вначалѣ у человѣка свободныя ребра заложены отъ седьмого (вѣроятно даже отъ 6-го) до двадцатаго позвонка включительно; въ дальнѣйшемъ же развитіи 6-ое, 7-ое и 20-ое ребра поглощаются (ассимилируются) позвонкомъ и остается ихъ слѣдовательно только 12 паръ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ (въ литературѣ извѣстенъ только одинъ случай *P. Albrecht'*а) ребра, соот-

вѣтствующія седьмому позвонку нетолько остаются у человѣка на всю жизнь совершенно свободными, но и достигаютъ того же развитія, что и ребра восьмого позвонка, т. е. тѣ, которыя мы въ обыкновенныхъ скелетахъ считаемъ первой парой; въ большинствѣ же случаевъ, если существуютъ ребра седьмого позвонка, они грудины не достигаютъ. Въ богатой остеологической коллекціи музея здѣшняго анатомическаго театра имѣется нѣсколько совершенно свободно сочлененныхъ реберъ седьмого позвонка, изъ которыхъ одно достигло такой значительной величины, что хотя и не дошло до грудины, такъ сочленилось съ ребромъ восьмого позвонка не далеко отъ хрящеваго конца послѣдняго. Эти аномальные случаи въ связи съ данными эмбріологіи позволяютъ думать, что у человѣка въ давно прошедшемъ было больше реберъ и что грудная клѣтка вообще претерпѣваетъ укороченіе своего передняго (ближайшаго къ головѣ) конца, какъ это воочію совершается въ отрядѣ неполнозубыхъ *(edentata)*. Въ самомъ дѣлѣ: въ этомъ отрядѣ млекопитающихъ мы имѣемъ съ одной стороны видъ *Choloepus Hoffmanni*, у котораго постоянно находимъ только шесть шейныхъ позвонковъ, т. е. грудь у него начинается уже съ седьмого позвонка, и *Choloepus didactylus* съ семью шейными позвонками (грудь начинается съ восьмого позвонка); съ другой стороны среди тѣхъ же *лѣнивцевъ* имѣемъ *Bradypus, infuscatus* и *Bradypus tridactylus* съ девятью шейными позвонками, а *Bradypus cuculliger*, у котораго то восемь, то девять шейныхъ позвонковъ. Помимо этого сравненія, въ пользу признанія сокращенія верхняго конца грудной клѣтки у человѣка говорятъ описанные *Hunauld*'омъ, *Turner*'омъ *Leboucqo*'омъ и нашимъ бывшимъ профессоромъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи *Грубером*ъ случаи недоразвитія ребра восьмого позвонка (т. е. перваго ребра въ обыкновенныхъ человѣческихъ скелетахъ). Я уже не разъ упомянулъ, что нашъ анатомическій музей Кіевскаго Университета обладаетъ богатѣйшей остеологической коллекціей. Въ этой коллекціи мы имѣемъ и примѣръ послѣдняго случая: первое ребро (т. е. ребро восьмого позвонка) не развилось до соединенія съ грудиной, а присоединилось своимъ переднимъ концомъ ко второму (т. е. ребру девятаго позвонка), съ которымъ въ передней своей части и спаялось въ одну пластинку.

Что касается нижней границы грудныхъ позвонковъ, то въ обыч-

номъ теченіи жизни человѣческаго зародыша свободно заложенное ребро двадцатаго позвонка поглащается этимъ позвонкомъ, но иногда это поглощеніе не имѣетъ мѣста и тогда является тринадцатое ребро на первомъ по обычному счету поясничномъ позвонкѣ, иногда же напротивъ и девятнадцатый позвонокъ поглощаетъ соотвѣтствующее ребро и тогда получается одиннадцатиреберный скелетъ. Должно замѣтить, что 11 реберные скелеты вовсе не составляютъ такой рѣдкости, какъ это многіе думаютъ: въ анатомическомъ музеѣ Московскаго Университета такихъ скелетовъ четыре, а *Holl* насчиталъ ихъ шесть на общую сумму шестидесяти скелетовъ.

Обращаясь къ сравнительной анатоміи опять находимъ, что у гибона (у котораго, какъ уже сказано, развивается 25 предкрестцовыхъ позвонковъ) имѣется 13—14 паръ реберъ, у гориллы и шимпанзе 13 паръ, а у органга 12 паръ. Другими словами, аномаліи человѣческаго скелета въ данномъ отношеніи совпадаютъ (представляютъ возвратъ, атавизмъ) со скелетами ниже человѣка стоящихъ млекопитающихъ. Что въ особенности интересно такъ это то, что у 4 между собою наиболѣе близко стоящихъ обезьянъ мы имѣемъ всѣ переходныя степени отъ человѣческой нормы до аномаліи. Двѣнадцатое и одинадцатое нормальныя ребра человѣка носятъ на себѣ всѣ признаки регрессивнаго характера, но при существованіи тринадцатагое ребра (на двадцатомъ позвонкѣ), этотъ обычный регрессивный характеръ замѣтно уменьшается: въ этихъ случаяхъ двѣнадцатое ребро гораздо болѣе развито, а въ направленіи одиннадцатаго ребра часто во внутренней косой мышцѣ живота появляется хрящъ, указывающій на наклонность этого ребра соединиться съ грудной костью. Всѣ приведенныя мною данныя, въ особенности въ связи съ нерѣдко встрѣчающимися, какъ я упомянулъ, одиннадцати реберными скелетами, несомнѣнно указываютъ, что въ филогенезѣ человѣка имѣетъ мѣсто укороченіе грудной клѣтки въ ея нижнемъ отдѣлѣ, и такимъ образомъ тринадцатое ребро (ребро двадцатаго позвонка) мы должны признать за явленіе атавистическое.

По мимо случаевъ возврата въ скелетѣ туловища человѣка къ большему числу позвонковъ и реберъ, въ устройствѣ отдѣльныхъ позвонковъ человѣка мы опять встрѣчаемъ особенности, аномаліи, приближающія эти позвонки къ позвонкамъ ниже человѣка по организаціи тѣла стоящихъ позвоночныхъ. Такъ, свойственный нисшимъ

формамъ позвоночныхъ животныхъ отростокъ брюшной поверхности позвонка, такъ называемый передній остистый отростокъ *(hypapophysis)*, встрѣчается и у млекопитающихъ, какъ напр. у утконоса *(ornithorhynchus)* на шейныхъ и хвостовыхъ позвонкахъ, у нѣкоторыхъ копытныхъ животныхъ — на шейныхъ позвонкахъ, у зайца — на переднихъ поясничныхъ позвонкахъ, а изъ высшихъ обезьянъ отростокъ этотъ свойственъ двумъ нижнимъ грудным или первому поясничному позвонкамъ гибона *(hylobates)*. Въ человѣческихъ скелетахъ онъ былъ находимъ *Broca* у негровъ. — Задніе остистые отростки *(spina neuralis s. processus spinosus)* среднихъ шейныхъ позвонковъ у человѣка имѣютъ расщепленную вершину, но одна изъ человѣческихъ расъ, именно готентоты, по свидѣтельству *R. Blanchard'*а имѣетъ такіе же остистые отростки, какъ и стоящій передъ вами скелетъ гориллы, т. е. съ нерасщепленными вершинами. Эти два примѣра тѣмъ интереснѣе, что они относятся къ болѣе старымъ по филогенезу, т. е. къ менѣе усовершенствовавшимся, человѣческимъ расамъ.

На этомъ мы остановимъ иллюстрацію по отношенію къ скелету туловища и обратимся къ скелету головы.

Въ скелетѣ головы мы встрѣчаемъ наиболѣе рѣзкое отличіе человѣка отъ остальныхъ позвоночныхъ. Это и не удивительно: именно голова человѣка (въ разсужденіи ея нервнаго отдѣла) своимъ усовершенствованіемъ преобладала надъ всѣми остальными органами тѣла. Развитіе головы идетъ такъ далеко, что ея устройство, отношеніе между собой частей ея составляющихъ, не представляется оконченнымъ до полной зрѣлости индивидуума.

Въ черепѣ каждаго позвоночнаго мы отличаемъ двѣ части: одну, составляющую вмѣстилище для передняго отдѣла центральной нервной системы (головного мозга) и другую, имѣющую непосредственное отношеніе къ пищевому и дыхательному аппаратамъ. Планъ построенія головы у всѣхъ позвоночныхъ одинаковъ; онъ легко узнается и у человѣка въ его зародышевой (эмбріональной) жизни, когда у человѣка въ составъ лицевыхъ (пищевыхъ и дыхательныхъ) частей входятъ еще жаберныя дуги и щели, когда имѣется еще примордіальный хрящевой черепъ и развиваются покровныя кости.

Причина, почему въ сформированномъ человѣческомъ черепѣ общій планъ его построенія выступаетъ далеко не съ такою ясностью,

какъ у нисшихъ позвоночныхъ, лежитъ въ цѣломъ рядѣ измѣненій, вызванныхъ, при способленіемъ къ окружающимъ условіямъ и прочной установкой происшедшихъ отъ этого измѣненій путемъ наслѣдственности. Здѣсь конечно не мѣсто слѣдить за всѣми измѣненіями, какія претерпѣваетъ устройство черепа во всемъ типѣ позвоночныхъ животныхъ; это дѣло сравнительной анатоміи. Для нашей цѣли достаточно сравнить черепъ человѣка съ черепомъ ближайшаго по организаціи тѣла къ нему млекопитающаго — гориллы, черепъ котораго передъ вашими глазами. Сравнивая скелетъ головы человѣка со скелетомъ головы гориллы, мы видимъ, что нервная часть, которую мы будемъ называть *черепомъ*, и пищевая, которую назовемъ *лицевой* частью, стоятъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи: въ то время, какъ у человѣка черепъ имѣетъ округло-овальную форму, гладокъ и очень значительной емкости, у гориллы эта часть головы является несравненно меньшей емкости съ сильно развитыми на ея поверхности буграми и гребнями; обратно, лицевая часть у гориллы является преобладающей въ скелетѣ головы, сильно развитой, а у человѣка она относительно слабо развита и въ головномъ скелетѣ играетъ второстепенную роль. Надо замѣтить, что та громадная въ этомъ отношеніи разница, которая замѣчается при сравненіи взятыхъ нами взрослыхъ череповъ, значительно сглажена у молодыхъ экземпляровъ, и чѣмъ моложе взятыя для сравненія головы человѣка и антропоида, тѣмъ слабѣе ихъ различіе; рѣзкая разница собственно наступаетъ уже въ послѣродовой жизни и съ возрастомъ все болѣе и болѣе усиливается. Причина этому лежитъ въ томъ, что у человѣка, головной мозгъ развивается до высшей степени и при томъ развитіе его продолжается до полной зрѣлости организма. Оно то и вліяетъ на состояніе костной капсулы мозга, т. е. черепа. У гориллы напротивъ развитіе головнаго мозга по сравненію съ человѣкомъ, задержано и мозгъ рано достигаетъ своего окончательнаго объема; за то у гориллы преобладаетъ, по сравненію съ человѣкомъ, развитіе жевательныхъ мускуловъ, обусловливающее разрастаніе бугровъ и гребней, къ которымъ эти мускулы прикрѣпляются на черепѣ, обусловливающее и сильное развитіе челюстей, составляющихъ главную суть лицевого скелета. Если сравнивать емкость черепа нисшихъ человѣческихъ расъ, каковы малайцы, индійцы, негры, индусы, австралійскіе негры, тасманійцы, и древнѣйшихъ найденныхъ въ Европѣ

череповъ съ черепами антропоидовъ, то, будучи значительно меньшей емкости современнаго черепа кавказской расы, эти черепа всё-таки вдвое болѣе емки, чѣмъ черепа антропоидовъ.

Что черепъ приспособляется къ объему и формѣ мозга, это явствуетъ изъ уменьшенія всѣхъ его размѣровъ у антропоидовъ, несмотря на то, что нѣкоторыя черепныя кости у нихъ гораздо толще, чѣмъ у человѣка.

Болѣе раннее достиженіе окончательной величины мозга антропоидовъ въ послѣродовомъ періодѣ ихъ жизни обусловливаетъ большее сходство между молодыми черепами антропоида и человѣка. Такъ, если мы возьмемъ переднюю часть черепа, то мы замѣтимъ, что разстояніе между глазницами у гориллы несравненно меньше, чѣмъ у человѣка; заключенная между орбитами придаточная часть носовой полости (ячейки рѣшетчатой кости) ничтожно развита или вовсе отсутствуетъ; наконецъ орбитальная пластинка лобной кости входитъ у гориллы въ составъ медіальной стѣнки орбиты, а у человѣка—въ составъ верхней. Все это различіе обусловлено ничѣмъ инымъ, какъ большимъ развитіемъ у человѣка лобныхъ долей мозга, необходимостью слѣдовательно и бо́льшаго для нихъ помѣщенія въ передней ямѣ черепной полости, дно которой и составляютъ перечисленныя части. Въ самомъ дѣлѣ: если сравнивать взрослаго человѣка съ ребенкомъ, то, благодаря относительно меньшему развитію у послѣдняго лобныхъ долей мозга, у него и орбиты относительно гораздо болѣе сближены, и ячейки рѣшетчатой кости мало развиты и орбитальныя пластинки лобной кости имѣютъ болѣе медіальное положеніе; съ постепеннымъ же развитіемъ лобныхъ долей, разстояніе между орбитами и развитіе ячеекъ соотвѣтственно увеличивается, пока лобныя доли не дойдутъ до своего окончательнаго роста. Тоже замѣчается и относительно положенія затылочной дыры: съ большимъ развитіемъ мозга, отверстіе это все болѣе и болѣе обращается впереди; такъ у собаки оно смотритъ прямо назадъ, у гориллы—назадъ, но уже значительно и внизъ, у новорожденнаго человѣка оно почти уже направлено внизъ, а у взрослаго человѣка оно направлено внизъ и нѣсколько впередъ. Въ такой же, если не большей, степени совпадаетъ развитіе головного мозга съ величиной такъ называемаго *основного угла*, т. е. угла, образованнаго пересѣченіемъ оси тѣла затылочной кости съ осью тѣла основной кости: чѣмъ

выше въ классификаціонномъ ряду животное и чѣмъ выше человѣческая раса, тѣмъ уголъ этотъ меньше, т. е. тѣмъ вертикальнѣе поставлена лицевая часть скелета головы къ части черепной. Какъ развитіе головнаго мозга вліяетъ на форму черепа, такъ развитіе зубовъ вліяетъ на форму лицевого скелета: благодаря имъ, является рѣзкая разница въ структурѣ лицевой части между человѣкомъ и животными.

Для сравненія мы опять возьмемъ выставленные здѣсь скелеты человѣка и гориллы.—Зубы укрѣплены въ такъ называемыхъ альвеолярныхъ частяхъ челюстей; значительность этихъ частей стоитъ въ прямой зависимости отъ развитія зубовъ: у дѣтей лицо относительно моньше, чѣмъ у взрослыхъ, у беззубыхъ стариковъ меньше, чѣмъ въ цвѣтущемъ возрастѣ; зависитъ это отъ того, что параллельно съ зубами у дѣтей не развились еще альвеолярныя части, а у стариковъ съ выпаденіемъ зубовъ они атрофировались, т. е. значительно уменьшились.

Величина зубовъ имѣетъ огромное значеніе для величины челюстей: чѣмъ больше общая масса зубовъ, тѣмъ и челюсти больше. Такъ общая сумма величины молочныхъ зубовъ гориллы превосходитъ сумму величины постоянныхъ зубовъ человѣка, соотвѣтственно этому у молодого, съ молочными еще зубами, гориллы челюсти уже значительно болѣе выдаются, чѣмъ у взрослаго человѣка, — Зубы представляютъ собою жевательный аппаратъ. Ясно, что и силы, приводящія въ дѣйствіе этотъ аппаратъ, т. е. жевательные мускулы, развиваются ему параллельно. Потребная для точекъ прикрѣпленія мускуловъ поверхность должна тоже увеличиться. Отсюда—развитіе тѣхъ слабо выраженныхъ шероховатостей и возвышеній, которыя служатъ для прикрѣпленія жевательныхъ мускуловъ на черепѣ человѣка, въ огромные бугры и гребни черепа гориллы; отсюда же и усиленное развитіе скуловыхъ костей у послѣдняго.

Вотъ причина столь рѣзко бросающейся въ глаза разницы между бугристымъ и угловатымъ черепомъ гориллы съ одной стороны, и гладкимъ округло-овальнымъ черепомъ человѣка—съ другой.—Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что человѣческій черепъ доведенъ до его теперешняго состоянія, какъ и черепъ животныхъ, суммою внѣшнихъ вліяній, при чемъ однако приспособленіе къ жизненнымъ условіямъ у человѣка было несомнѣнно направлено въ иную

сторону, чѣмъ у животныхъ: у перваго въ борьбѣ за существованіе развивался органъ психической дѣятельности, у вторыхъ—такъ сказать—физическія орудія. Различіе путей филогенетическаго развитія черепа изъ его индифферентнаго стадія очевидно должно было начаться болѣе чѣмъ давно; за это говоритъ и рѣзкая дифференцировка типа черепа, и то обстоятельство, что значительныя уклоненія, которыя могли бы быть приняты за атавистическія, т. е. за возвратъ къ прежнимъ формамъ, составляютъ здѣсь рѣдкость: настолько въ черепѣ все уже готово и прочно установилось.

Переходя къ скелету конечностей, прежде всего должно отмѣтить строгую гомологію переднихъ (верхнихъ—для человѣка) и заднихъ (нижнихъ—для человѣка) конечностей. На основаніи эмбріологическихъ и сравнительно-анатомическихъ данныхъ планъ построенія переднихъ и заднихъ конечностей является совершенно одинаковымъ, и разница въ ихъ устройствѣ тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ ниже въ лѣстницѣ класса позвоночныхъ стоитъ животное. Вліяніе приспособленія къ жизненнымъ условіямъ въ скелетѣ конечностей сказывается чрезвычайно рѣзко; у рыбъ, напримѣръ, переднія и заднія конечности одинаковы, соотвѣтственно одинаковости ихъ функціональнаго значенія, а у человѣка разница между верхними и нижними конечностями на первый взглядъ является чрезвычайно рѣзкой, благодаря тому, что его верхнія конечности исключительно функціонируютъ, какъ аппаратъ хватанія, нижнія же остались органомъ передвиженія тѣла. Планъ построенія скелета конечностей тѣмъ не менѣе у всѣхъ позвоночныхъ, не исключая и человѣка, одинъ и тотъ же, хотя на первый взглядъ конечности кажутся чрезвычайно разнообразно устроенными. Это кажущееся различіе въ устройствѣ конечностей зависитъ отъ того, что въ ряду позвоночныхъ отдѣльныя части скелета конечностей измѣняются такъ или иначе; но сравнительная анатомія указываетъ, что между крайними формами имѣются переходныя, которыя съ полной ясностью и приводятъ насъ къ общности плана построенія. Нѣкоторыя части скелета конечностей однако выпадаютъ у того или другого позвоночнаго совершенно; но и здѣсь эмбріологія показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ эти выпавшія части въ зачаткѣ могутъ быть найдены, слѣдовательно временно онѣ существуютъ, исчезая только впослѣдствіи путемъ слитія съ сосѣдними частями, и представляютъ тоже явленіе, съ какимъ мы познакомились въ скелетѣ туловища.

Для поясненія и доказательства сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Возьмемъ плечевую и бедряную кость. Этотъ примѣръ для насъ будетъ удобенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) имъ мы можемъ доказать параллелизмъ передней и задней конечностей, который именно здѣсь кажущимся образомъ нарушенъ, 2) на плечевой кости легко прослѣдить измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ жизненныхъ условій.

Кажущееся нарушеніе параллелизма заключается здѣсь въ томъ, что въ то время, какъ локтевое сочлененіе передней конечности образуетъ уголъ, открытый впереди, колѣнное сочлененіе задней конечности образуетъ уголъ, открытый сзади. Эмбріологическія изслѣдованія *Martins'*а и *Gegenbaur'*а доказали, что въ извѣстномъ періодѣ эмбріональной жизни передняя поверхность нижняго конца плечевой кости (дистальный эпифизъ) обращена назадъ и слѣдовательно уголъ сочлененія, какъ и въ задней конечности, открытъ сзади. Этимъ конечно параллелизмъ названныхъ костей вполнѣ возстановляется; только въ дальнѣйшемъ развитіи плечевая кость, претерпѣвая спиральное скручиваніе, обращается дистальнымъ эпифизомъ въ обратное по сравненію съ бедромъ положеніе. Спиральное скручиваніе обусловлено процессомъ роста въ эпифизѣ: приростомъ костной ткани въ одномъ мѣстѣ и всасываніемъ ея въ другомъ. По *Gegenbaur'*у сравненіе взрослой плечевой кости съ зародышевой указываетъ на поворотъ ея дистальнаго эпифиза въ 35^0. Скручиваніе плечевой кости въ ряду млекопитающихъ усиливается по мѣрѣ болѣе высокаго ихъ положенія въ этомъ классѣ, и въ этомъ отношеніи антропоиды опять таки стоятъ всѣхъ ближе къ человѣку; сходство здѣсь увеличивается еще болѣе тѣмъ, что локтевой суставъ у нихъ допускаетъ *пронацію*, т. е. обращеніе руки ладонью назадъ, и *супинацію*, т. е. ладонью впередъ въ той же мѣрѣ, какъ это возможно для человѣка, тогда какъ у другихъ животныхъ *пронація* и *супинація* сильно уменьшены и даже пропадаютъ вовсе. Бо́льшая свобода въ движеніи пріобрѣтается большимъ совершенствованіемъ конечности подъ вліяніемъ измѣненія жизненныхъ условій, подъ вліяніемъ постепеннаго приспособленія животнаго организма къ тѣмъ новымъ условіямъ, въ которыя оно попадаетъ, Словомъ: *вырабатывается борьбою за существованіе и закрѣпляется наслѣдственностью*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ близкія по организаціи другъ

къ другу формы, живущія въ различныхъ условіяхъ, то соотвѣтственно различію условій, мы найдемъ различіе въ устройствѣ части организма, приспособившейся къ этимъ условіямъ. Возьмемъ для примѣра отрядъ грызуновъ *(rodentia)*; у нихъ плечевая кость представляетъ массу различій, соотвѣтствующихъ различію образа жизни. Такъ у зайцевъ *(lepus)* и агути *(dasyprocta aguti)*, мало употребляющихъ въ дѣло свои переднія конечности, плечевая кость пряма и тонка, гребень для прикрѣпленія къ ней дельтовидной мышцы очень слабо развитъ, нижній ея конецъ узокъ и сплющенъ, мыщелки его мало выдаются; наоборотъ у бобра *(castor)*, много работающаго передними конечностями, мѣсто прикрѣпленія дельтовидной мышцы, мѣста, служащія для прикрѣпленія такъ называемыхъ супинаторныхъ мышцъ, и внутренній мыщелокъ чрезвычайно сильно развиты. Между этими двумя крайними представителями устройства плечевой кости въ отрядѣ грызуновъ мы встрѣчаемъ массу переходныхъ формъ.— Совершенно тоже наблюдается въ цѣломъ классѣ млекопитающихъ: отъ простѣйшей по физіологическимъ отправленіямъ передней конечности дельфина *(phocaena' delphinus* и пр.), имѣющей очень короткую и широкою плечевую кость, почти неподвижно соединенную съ предплечьемъ (у старыхъ животныхъ наблюдается даже такъ называемый анкилозъ локтевого сустава, т. е. полная его неподвижность) мы находимъ всѣ переходныя формы до стройной, обладающей въ высокой степени разнообразными движеніями передней конечности высшаго млекопитающаго, т. е. человѣка.—Въ плечевой кости самаго даже человѣка совершенствованіе въ смыслѣ физіологическихъ отправленій, а вмѣстѣ съ нимъ и измѣненія въ устройствѣ, продолжается и донынѣ: у высшей человѣческой расы скручиваніе плечевой кости выражено болѣе, чѣмъ у расъ, стоящихъ на нисшей степени развитія. По *Broca* скручиваніе это даже у одной и той же расы различно въ различныя уже историческія эпохи.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно на теоріи дифференцировки конечностей. Впослѣдствіи, спеціально изучая скелетъ конечностей человѣка, мы увидимъ насколько вѣрна и какое громадное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи теорія *Gegenbaur'*а, Теперь же, иллюстрируя только необходимость морфологической точки зрѣнія въ преподаваніи анатоміи, я упомяну, что теоріи этой въ значительной степени мѣшало отсутствіе въ корнѣ ручной кисти че-

ловѣка, такъ называемой, центральной кости *(os centrale)*, свойственной орангу (но не гориллѣ) и большинству обезьянъ. И вотъ десять лѣтъ спустя послѣ обнародованія теоріи *Gegenbaur'*а бывшій профессоръ Дерптскаго университета *Rosenberg* доказалъ, что во второмъ мѣсяцѣ утробной жизни человѣкъ имѣетъ эту *os centrale*, какъ постоянный типическій элементъ ручной кисти; послѣ этого *Leboucq* и *Bardeleben* показали, что эта центральная кость сливается во второй половинѣ 3-го эмбріональнаго мѣсяца съ другою костью (ладьеобразной), а въ настоящее время мы знаемъ, что она въ 0,4% встрѣчается, какъ самостоятельная кость и у взрослаго человѣка.

Пользуясь случаемъ воздать здѣсь должное нашему русскому по мѣсту дѣятельности анатому, бывшему профессору С.-Петербургской Военной Медицинской академіи, *В. Л. Груберу*, упомяну, что онъ первый описалъ *os centrale* у взрослаго человѣка.

Какъ *os centrale* служила помѣхою въ ручной кисти человѣка для теоріи *Gegenbaur'*а, такъ *os intermedium tarsi* (гомологичная полулунной кости, *os intermedium carpi*) представляла помѣху въ стопѣ; но изслѣдованія *Bardeleben'*а открыли этотъ элементъ въ отросткѣ надпяточника *(talus)*, а вышедшая въ прошломъ году обширная работа бывшаго Дерптскаго профессора анатоміи *Л. Стиды* Stieda) еще болѣе разъяснила и прочно установила гомологію ручной кости и стопы.

Въ нашей иллюстраціи мы прошли по всѣмъ крупнымъ отдѣламъ скелета человѣка и всюду видѣли общность его устройства съ устройствомъ скелетовъ другихъ позвоночныхъ; видѣли, что скелетъ позвоночныхъ до человѣка включительно измѣняется съ полною постепенностью и съ сохраненіемъ въ большинствѣ случаевъ переходныхъ формъ.

Согласно программѣ сегодняшняго чтенія, я обращусь теперь къ мускульной системѣ.

Являясь въ количествѣ около 250, мускулы представляютъ наибольшее число варьянтовъ и аномалій.—Такъ какъ они служатъ активными органами движенія, то они ранѣе измѣняются въ филогенезѣ, опредѣляя своими измѣненіями послѣдующія соотвѣтственныя измѣненія въ скелетѣ, какъ мы это уже видѣли на примѣрѣ переднихъ конечностей грызуновъ, на примѣрѣ сильнаго развитія бугровъ и гребней черепа гориллы.—Въ примитивномъ состояніи позвоноч-

ныхъ вся мускульная система представляетъ собою однообразные отдѣлы, соотвѣтствующіе расчлененію туловища. Мускульные сегменты, такъ называемые—міомеры, происходятъ изъ мускульныхъ пластинокъ первичныхъ позвонковъ, представляя то же однообразіе въ расположеніи, что и послѣдніе. Міомеры отдѣлены другъ отъ друга соединительной тканью, которая въ формѣ вертикальныхъ перегородокъ *(mycommata)* расчленяетъ мускульную систему, тянущуюся по длинѣ туловища; эти перегородки изъ соединительной ткани (mycommata) служатъ мѣстомъ прикрѣпленія для сократительныхъ (мускульныхъ) элементовъ отдѣльныхъ сегментовъ. Такимъ образомъ получается вдоль всего тѣла съ каждой стороны по мускульному слою, раздѣленному на міомеры или сегменты; эти два боковыхъ слоя отдѣлены другъ отъ друга въ средней продольной плоскости туловища, т. е. по средней продольной линіи спинной и брюшной поверхностей. Такое же простѣйшее устройство мускульной системы имѣетъ мѣсто въ онтогенезѣ (т. е. во время зародышевой жизни) рѣшительно всѣхъ позвоночныхъ до человѣка включительно. За тѣмъ постепенно наступаютъ осложненія, мускульная система дифференцируется и дифференцировка эта связана съ развитіемъ скелета: отдѣльные мускульные сегменты вступаютъ съ нимъ въ соединеніе, отчасти теряютъ свою прежнюю самостоятельность, соединяясь съ другими сегментами или распадаясь на отдѣльные участки, что опредѣляется ихъ связью со скелетомъ. Образующіеся на позвонкахъ отростки врастаютъ въ *mycommata* и часть мускульныхъ элементовъ міомера на протяженіи отростка вступаетъ въ соединеніе со скелетомъ; другая же часть элементовъ міомера, до которой отростокъ не достигъ, остается внѣ связи со скелетомъ. Этимъ путемъ первичная однослойная мускульная система дифференцируется въ два слоя мышцъ: глубокій—прикрѣпленный къ отросткамъ и поверхностный—оставшійся внѣ связи съ послѣдними. Появленіе и развитіе конечностей, большая подвижность между отдѣльными костями связываются такимъ же образомъ все съ большей и большей дифференцировкой мускулатуры. Здѣсь мы видимъ полное взаимодѣйствіе двухъ системъ: міомеры положили начало расчлененію скелета, большая подвижность отдѣльныхъ частей скелета обусловила дальнѣйшую дифференцировку мускульной системы, образованіе отдѣльныхъ мускуловъ.—Обособленіе мускуловъ не повсемѣстно достигаетъ одина-

ковагѳ развитія: чѣмъ опредѣленнѣе и обширнѣе движеніе, тѣмъ дифференцировка мускулатуры, назначенной для передвигающихся частей, достигаетъ высшей степени, какъ это легко видѣть на мускулахъ конечностей.

Я уже сказалъ, что варьянтовъ и аномалій въ мускульной системѣ больше, чѣмъ гдѣ либо. Ихъ такъ много, что профессоръ *Testut* написалъ объ аномаліяхъ мускулатуры человѣка книгу безъ малаго въ 57 печатныхъ листовъ (900 страницъ in quarto). Аномаліи эти вполнѣ объясняются онтогенезомъ и филогенезомъ, какъ мы это—надѣюсь—сейчасъ докажемъ нѣсколькими примѣрами.

Какъ выдающійся примѣръ совершенствованія мускулатуры возьмемъ длинный сгибатель большого пальца руки *(musculus flexor policis longus)*—мышцу, исключительно свойственную человѣку. Обыкновенно этотъ мускулъ представляетъ собою совершенно выдѣленную мышцу, часто однако онъ связанъ съ другимъ мускуломъ, именно глубокимъ общимъ сгибателемъ пальцевъ *(m. flexor digitorum communis profundus)*, мясистымъ пучкомъ; рѣже уже онъ слитъ съ послѣднимъ отчасти и въ очень рѣдкихъ случаяхъ это слитіе встрѣчается совершеннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда *m. flexor halucis longus* является совершенно невыдѣленнымъ, получаются у человѣка характерестическія для извѣстныхъ родовъ обезьянъ (напр. мартышка—*cercopithecus)* отношенія двухъ помянутыхъ мускуловъ. Далѣе интересно то, что у гориллы глубокій общій сгибатель пальцевъ раздѣленъ на два отдѣла: локтевой отдѣлъ, дающій сухожилія къ мизинцу, четвертому и среднему пальцамъ, и лучевой—къ указательному и большому пальцамъ; у оранга глубокій общій сгибатель пальцевъ простой, нераздѣленный и безъ сухожилія для большого пальца. *Testut* встрѣтилъ однажды на обѣихъ верхнихъ конечностяхъ человѣческаго трупа аномальное для человѣка устройство разбираемой мышцы, соотвѣтствовавшее вполнѣ устройству этого мускула у гориллы; точно также онъ встрѣтилъ четыре раза аномалію, соотвѣтствовавшую устройству этого мускула у оранга.—Нѣтъ ни одного позвоночнаго, которое имѣло бы столь обширныя и строго опредѣленныя движенія большого пальца руки, какъ человѣкъ; подвижность его столь велика и значеніе его, какъ части аппарата хватанія, у человѣка такъ важно, что онъ съ полнымъ правомъ получилъ названіе *manus parva*, —и сейчасъ мы видѣли, что даже у

антропоидовъ нѣтъ мышцы, которую у человѣка мы называемъ *musculus flexor policis longus*. Приведенный примѣръ ясно показываетъ, что это обособленіе мускула произошло только постепенно подъ вліяніемъ усиливавшейся дѣятельности большого пальца, и что аномальные для человѣка случаи представляютъ различныя степени перехода къ первоначальному состоянію, свойственному (какъ норма) ниже человѣка стоящимъ млекопитающимъ.—Другой примѣръ постепеннаго обособленія мускула рѣзко бросается въ глаза въ онтогенезѣ и филогенезѣ поверхностнаго и глубокаго сгибателей пальцевъ руки (*m. flexor digitorum communis superficialis et m. flexor digitorum communis profundus*). Эти два мускула имѣютъ самую тѣсную связь между собою путемъ взаимнаго обмѣна волоконъ, путемъ даже полнаго слитія, какъ между собою, такъ и съ сосѣдними мышцами сгибательной стороны предплечья. И у человѣческаго зародыша они представляютъ одну общую массу, только въ дальнѣйшихъ періодахъ развитія расщепляющуюся посредствомъ вростающихъ между ними соединительно-тканныхъ перегородокъ.—Даже у антропоидныхъ обезьянъ въ продолженіи всей ихъ жизни поверхностный и глубокій сгибатели пальцевъ окончательно еще не раздѣлены; у человѣка же—при оконченномъ его развитіи—эти мускулы вполнѣ отдѣлены другъ отъ друга, и это составляетъ для него норму, или болѣе или менѣе слиты между собою, и это составляетъ для него исключеніе, т. е. аномалію.—Приведенный примѣръ достаточно ясно показываетъ, какъ съ совершенствованіемъ функціональнаго значенія, прогрессивно дифференцируются мускульныя массы въ отдѣльные мускулы. Съ другой стороны наши примѣры показываютъ, какъ аномаліи находятъ себѣ полное объясненіе въ онтогенезѣ и филогенезѣ: во взятыхъ мною примѣрахъ аномалій при онтогенезѣ, т. е. индивидуальномъ развитіи, не произошло того обычнаго полнаго обособленія мускуловъ, которое пріобрѣтено филогенезомъ, т. е. видовымъ развитіемъ, человѣка.

Чтобы нарисовать полнѣе картину, приведу и обратные примѣры, т. е. такіе, гдѣ выпадающіе въ филогенезѣ человѣка элементы устройства его мускульной системы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. е. аномально, вновь возвращаются.

Примѣромъ въ этомъ отношеніи намъ можетъ послужить передній большеберцовый мускулъ (*musculus tibialis anticus*), который у человѣка *аномально* иногда является расщепленнымъ. У наиболѣе

близко къ человѣку стоящихъ позвоночныхъ, употребляющихъ еще свои заднія конечности, какъ органъ хватанія, это явленіе наблюдается постоянно, для нихъ оно представляетъ собою *норму*. Другими словами: человѣкъ, отрѣшившійся отъ употребленія нижнихъ конечностей, какъ органовъ хватанія, въ своемъ филогенезѣ лишился мускула, который сохранился у тѣхъ позвоночныхъ, которыя употребляютъ свои заднія конечности, какъ органы хватанья. Въ самомъ дѣлѣ для большинства обезьянъ *типично* полное расщепленіе названнаго мускула на два, изъ которыхъ одинъ, прикрѣпляющійся къ первой клиновидной кости, соотвѣтствуетъ человѣческому большеберцовому переднему мускулу; а другой, достигающій первой предплюсневой кости, представляетъ собою отсутствующій у человѣка мускулъ, отводящій большой палецъ ноги. У антропоидовъ эти два мускула уже болѣе или менѣе слиты между собою, т. е. отводящій большой палецъ мускулъ начинаетъ выпадать изъ мышечной системы, а у человѣка эти два мускула уже окончательно слились во едино, т. е. отводящій мускулъ совершенно выпалъ.

На этомъ я заканчиваю обѣщанную иллюстрацію, полагая, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для разъясненія того положенія, которое современная наука отводитъ человѣку въ царствѣ животныхъ; достаточно и для того, чтобы показать необходимость морфологической точки зрѣнія въ преподаваніи антропотоміи, точки зрѣнія, которой я буду держаться въ систематическомъ курсѣ лекціи по анатоміи человѣка. Считаю однако нужнымъ оговориться, что конечно ни эмбріологія, ни сравнительная анатомія, которыя преподаются на медицинскомъ факультетѣ, какъ отдѣльные предметы, не могутъ и не должны всецѣло войти въ мой курсъ: ими я буду только пользоваться для освѣщенія и разъясненія анатомическихъ фактовъ.

Помимо систематическаго курса, на профессорѣ анатоміи всегда лежала и лежитъ обязанность дать каждому изъ его слушателей, студентовъ, возможность изучить главнѣйшіе анатомическіе факты, такъ сказать, oculis et manibus, лично расчленяя и препарируя человѣческій трупъ. Эти, уже чисто органографическія, занятія будутъ вестись въ диссекціонномъ залѣ, при чемъ я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы студенты практически изучили каждую систему органовъ. Въ диссекціонномъ залѣ, подъ моимъ личнымъ руководствомъ и при содѣйствіи господъ моихъ помощниковъ, студенты

препарируя будутъ повторять прослушанные отдѣлы систематическаго курса. При препарировкѣ они должны безъ всякаго стѣсненія обращаться къ намъ за разрѣшеніемъ какого бы то ни было недоразумѣнія, возникшаго при ихъ работѣ, за совѣтомъ, какъ поступить, чтобы обнаружить болѣе тонкую анатомическую часть,—и въ насъ они встрѣтятъ всегда полную готовность придти къ нимъ на помощь, лишь бы они только дѣйствительно хотѣли научиться анатоміи человѣка, этого основнаго для медицины предмета, безъ хорошаго знанія котораго они не могутъ быть полезными на избранномъ ими высоко-гуманномъ поприщѣ, ибо, не зная строенія организма, нельзя узнать въ чемъ заключается его поврежденіе, нельзя помочь исправленію этого поврежденія!—Препарировать въ той подробности, въ какой студенты увидятъ анатомическіе препараты во время систематическихъ лекцій въ аудиторіи, разсчитывать они конечно не могутъ: для этого не достанетъ ни матеріала, ни ихъ умѣнія, которое будетъ еще только вырабатываться въ ихъ практическихъ занятіяхъ; но они будутъ готовить препараты такъ, чтобы имъ—позволю себѣ выразиться—въѣлись въ плоть и кровь важнѣйшіе анатомическіе факты, имѣющіе прямое соприкосновеніе съ ихъ будущей практической дѣятельностью врача [1]).

Вступая впервые въ эту аудиторію, я считаю своимъ долгомъ предпослать началу систематическихъ лекцій два слова о моихъ предшественникахъ, дѣятельность которыхъ была посвящена анатомическому театру и этой аудиторіи. Ихъ было немного, такъ какъ этотъ анатомическій театръ открытъ лишь въ 1853 году и—слава Богу—профессора анатоміи, мои предшественники, обладали настолько значительными физическими и духовными силами, что выслужили полностью положенные университетскимъ уставомъ служебные сроки въ отправленіи этой по истинѣ нелегкой обязанности. Всѣхъ профессоровъ, дѣятелей по каѳедрѣ нормальной анатоміи человѣка до меня въ университетѣ св. Владиміра было три. Первый по времени—Николай Иларіоновичъ *Козловъ* по своимъ научнымъ стремле-

---

[1]) Вступительная лекція имѣла мѣсто въ аудиторіи главнаго зданія университета. Послѣдующія строки составили начало второй лекціи, которая являлась первою лекціей въ аудиторіи анатомическаго театра.

ніямъ не былъ анатомомъ: къ другимъ медицинскимъ наукамъ лежало сердце его, вслѣдствіе чего онъ занималъ каѳедру анатоміи только съ 1841 по 1844 годъ; кромѣ того дѣятельность Николая Иларіоновича, какъ анатома, не пріурочена къ этому анатомическому институту, который въ то время еще не существовалъ, и преподаваніе Николая Иларіоновича почти исключительно велось въ формѣ теоретическихъ лекцій; на трупахъ же производились только хирургическія упражненія.

Николая Иларіоновича Козлова замѣнилъ профессоръ Александръ Петровичъ *Вальтеръ*. Энергіи Александра Петровича анатомическій театръ, въ аудиторіи котораго мы теперь находимся, обязанъ своимъ возникновеніемъ. Проектъ зданія выработанъ на основаніи его указаній. По тому времени, когда этотъ анатомическій театръ возникалъ, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя *тогда* могли быть предъявлены къ подобнымъ учрежденіямъ; при томъ надо не забыть той относительно малой цифры студентовъ, которая тогда числилась на медицинскомъ факультетѣ; надо не забыть, что весь институтъ почти цѣликомъ былъ занятъ подъ одну каѳедру нормальной анатоміи. Такимъ образомъ по потребностямъ онъ иредставлялъ собою для анатоміи не только обширное, но и роскошное учрежденіе, обязанное всѣмъ глубокой обдуманности и энергіи Александра Петровича! Какъ учитель, на сколько мнѣ извѣстно, Александръ Петровичъ строго держался физіологическаго направленія, стараясь въ преподаваніи анатоміи сколько возможно болѣе скрасить и облегчить скуку и тяжесть заучиванія массы отдѣльныхъ анатомическихъ фактовъ, не имѣвшихъ тогда органической, неразрывной между собою связи по состоянію естественно-историческихъ наукъ вообще и анатоміи человѣка въ особенности. Помимо живыхъ памятниковъ въ лицѣ нынѣ еще дѣятельныхъ профессоровъ, а также и врачей, хорошо освоенныхъ съ анатоміей человѣка, Александръ Петровичъ оставилъ по себѣ трудъ *Руководство анатоміи человѣческаго тѣла*, свидѣтельствующій о непрестанномъ стремленіи покойнаго профессора насадить точныя анатомическія знанія среди учащейся молодежи, посвящающей себя врачебному дѣлу. Упомянутая книга въ короткій промежутокъ отъ 1851 по 1852 годъ выдержала два изданія, а это достаточно краснорѣчиво говоритъ за ея достоинства.

Вступленіе на каѳедру Владиміра Алексѣевича *Беца* совпадаетъ съ значительнымъ уже расширеніемъ понятій въ наукѣ антропотоміи: гистологія, наука о тканяхъ и микроскопическомъ строеніи органовъ, пріобрѣла право гражданства въ нашихъ университетахъ и сильно повліяла на преподаваніе анатоміи.

Аборигенъ здѣшняго края (потомственный дворянинъ Полтавской губерніи) Владиміръ Алексѣевичъ получилъ и гимназическое и университетское образованіе въ Кіевѣ. Какъ анатомъ онъ является ученикомъ Александра Петровича Вальтера, благодаря которому пріобрѣлъ конечно и любовь къ физіологіи. Свое спеціальное образованіе Владиміръ Алексѣевичъ пополнилъ въ лабораторіяхъ Брюкке, Людвига, Бунзена, Кирхгофа, Гельмгольца и Кёлликера.—Состоя еще прозекторомъ по каѳедрѣ анатоміи здѣшняго университета, Владиміръ Алексѣевичъ читалъ гистологію студентамъ медицинскаго факультета вплоть до утвержденія его экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ анатоміи въ 1868 году. Занявъ эту каѳедру Владиміръ Алексѣевичъ пересталъ уже преподавать гистологію, но на его преподавательскую, какъ анатома, подготовку она, вмѣстѣ съ прекрасной физіологической подготовкой, оказала несомнѣнное дѣйствіе: въ немъ постоянно сказывается стремленіе проникнуть въ глубь анатомическаго факта, доказательствомъ чему служатъ его анатомическія работы. Не говоря о чисто гистологическихъ и физіологическихъ работахъ Владиміра Алексѣевича, которыхъ въ печати не мало, онъ напечаталъ четырнадцать анатомичоскихъ работъ, несомнѣнно сильно подвинувшихъ впередъ нашу науку.

Ему принадлежитъ честь открытія до него невиданныхъ клѣтокъ въ корѣ большого мозга, которыя онъ назвалъ *колоссальными пирамидами*. Открытіе это вскорѣ было подтверждено профессоромъ Мержеевскимъ и другими изслѣдователями. Владиміру Алексѣевичу также принадлежитъ честь установки въ анатоміи поверхности мозга *lobulus paracentralis* — дольки, имѣющей большое значеніе, прослѣженной имъ съ гистологической, сравнительно-анатомической и эмбріологической сторонъ. Большой знатокъ и много работавшій самостоятельно въ области анатоміи головного мозга, Владиміръ Алексѣевичъ не ограничился только тѣмъ, что онъ, въ качествѣ профессора анатоміи, читалъ лекціи о мозгѣ въ этой аудиторіи; нѣтъ, онъ читалъ ихъ и передъ собраніемъ профессоровъ и врачей въ Петер-

бургѣ. Высокое достоинство этихъ лекцій въ свое время получило должную оцѣнку. Лекціи эти существуютъ въ печати подъ заглавіемъ *Къ топографіи и анатоміи человѣческаго мозга*. Наконецъ по отношенію къ анатоміи мозга Владиміромъ Алексѣевичемъ задумана обширная монографія, первый отдѣлъ которой въ десять съ половиною печатныхъ листовъ уже готовъ. Къ этой монографіи будетъ приложенъ атласъ превосходныхъ фотографическихъ таблицъ, исполненныхъ самимъ авторомъ съ собственныхъ препаратовъ. Отъ души пожелаемъ, чтобы здоровье Владиміра Алексѣвича дало ему возможность окончить этотъ цѣнный вкладъ въ нашу науку!—Не одной только анатоміи мозга было посвящено время Владиміра Алексѣевича: онъ не только читалъ, какъ профессоръ анатоміи, полный систематическій курсъ, не только руководилъ анатомо-практическими занятіями студентовъ, но и вносилъ во всѣ отдѣлы этой науки свои изслѣдованія. Такъ мы имѣемъ его печатные труды о строеніи селезенки, о строеніи надпочечниковъ; подъ его руководствомъ сдѣлана уже упомянутая мною работа приватъ-доцента И. С. Поповскаго по міологіи; мы имѣемъ обширное изслѣдованіе Владиміра Алексѣевича о черепныхъ швахъ, сдѣланное имъ совмѣстно съ д-ромъ Равою и озаглавленное въ печати *Къ методамъ изслѣдованія въ анатоміи*; наконецъ я упомяну о книгѣ Владиміра Алексѣевича, вышедшей три года тому назадъ, *Морфологія остеогенеза*, которая представляетъ собою систематическое изложеніе исторіи развитія и роста костей, основанное главнымъ образомъ на *собственныхъ* точныхъ и подробныхъ изслѣдованіяхъ автора. Не одни только печатные труды оставляетъ Владиміръ Алексѣевичъ, какъ памятникъ своей дѣятельности по каѳедрѣ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра; онъ обѣщалъ мнѣ—и разрѣшилъ не дѣлать тайны изъ этого обѣщанія—передать въ нашъ музей громадную коллекцію сдѣланныхъ его искусною рукою разрѣзовъ человѣческаго мозга. Коллекція этихъ препаратовъ такъ хороша, что знаменитый анатомъ, профессоръ Гиртль, въ своемъ докладѣ международной коммиссіи экспертовъ Вѣнской всемірной выставки высказалъ слѣдующее: *Jch muss es sagen das kein Anatom die Kenntnis des Gehirnbaus in solcher Weise gefördert hat wie Herr Professor Betz.* Препараты Владиміра Алексѣевича въ 1870 году были премированы на Петербургской Всероссійской выставкѣ серебряной медалью, а въ 1873 году въ Вѣнѣ на Всемірной

выставкѣ удостоены медали преуспѣянія *(Fortschrits-Medale)*. По мимо этихъ препаратовъ Владиміръ Алексѣевичъ оставляетъ нашему музею богатую коллекцію замѣчательныхъ, въ научномъ отношеніи высоко интересныхъ, гипсовыхъ слѣпковъ мозговъ и фотографическихъ снимковъ, имъ самимъ приготовленныхъ.

Изъ этого краткаго очерка дѣятельности моихъ предшественниковъ, вы видите, что дѣятельность ихъ была не безплодна для каѳедры анатоміи университета св. Владиміра, и что они, высоко держа знамя науки, не мало потрудились на общую пользу человѣчества, сдѣлавъ богатые вклады въ антропотомію!

М. Тихомировъ.

Кіевъ.
Сентябрь 1890 г.

ИСТОЧНИКИ О СОФИСТАХЪ.

ПЛАТОНЪ КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Опытъ историко-философской критики

А. Н. Гилярова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Постановка вопроса.

Общая характеристика источниковъ.—Древняя критика о Платонѣ.—Новая критика о Платонѣ.—Защитники Платона.—Предварительная антикритика.—Предлагаемый методъ.

1. *Общая характеристика источниковъ.* Источники о софистахъ четырехъ родовъ: діалоги Платона, свидѣтельства и цитаты писателей ему современныхъ (Ксенофонта, Аристофана, Исократа, Аристотеля, неизвѣстнаго автора діалоговъ „Аксіохъ“ и „Евриксій“), свидѣтельства и цитаты писателей позднѣйшихъ (Цицерона, Авла Геллія, Діонисія Галликарнасскаго, Плутарха, Діогена Лаерція, Филострата, Эліана, Ямблиха, Климента Александрійскаго и пр.), сохранившіяся произведенія софистовъ (Горгія и Алкидаманта). Послѣднія представляютъ интересъ по преимуществу риторическій. Центральное значеніе имѣютъ діалоги Платона: они даютъ не только важнѣйшія свѣдѣнія о главнѣйшихъ софистахъ, но также культурную и философскую оцѣнку софистическихъ теорій и міровоззрѣнія. Всѣ остальныя свидѣтельства получаютъ въ нашихъ глазахъ интересъ главнымъ образомъ по отношенію къ Платоновымъ показаніямъ; если бы этихъ послѣднихъ не было, вопросъ о софистахъ не возбуждалъ бы такихъ разносторонніхъ и оживленныхъ о нихъ толковъ, какіе выпали въ исторіи философіи на ихъ долю. Но свидѣтельства

Платона стоятъ особнякомъ и потому не допускаютъ внѣшней провѣрки: другіе писатели либо черпаютъ изъ Платона, либо сообщаютъ такія свѣдѣнія, которыхъ у Платона нѣтъ. Главное основаніе для критики даетъ поэтому общій характеръ Платона какъ историческаго свидѣтеля. Вопросы, которые этимъ характеромъ критикѣ предлагаются, лучше всего могутъ быть выяснены изъ возможно полнаго историческаго обзора болѣе или менѣе авторитетныхъ о немъ мнѣній. Съ этого обзора я поэтому и начинаю.

2. *Древняя критика о Платонѣ.* Относительно добросовѣстности свидѣтельствъ Платона возбуждались сомнѣнія неоднократно и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Уже Сократъ, прочитавъ діалогъ „Лисисъ“, будтобы воскликнулъ: „Какъ налгалъ на меня Платонъ!“ [1]) Подобнымъ же образомъ выразились будтобы по прочтеніи соименныхъ имъ діалоговъ Горгій и Фэдонъ; первый будтобы сказалъ даже, что Платонъ—новый Архилохъ, умѣющій ловко осмѣивать [2]). Современникъ Платона, историкъ Θеопомпъ, заявляетъ, что большинство Платоновыхъ діалоговъ лживы [3]). Тимонъ Силлографъ характеризуетъ Платона какъ искуснаго въ измышленіяхъ выдумщика [4]). Діонисій Галликарнасскій указываетъ на его честолюбіе, заставлявшее его намѣрено унижать риторовъ, софистовъ и философовъ [5]); Цице-

---

[1]) Diog. Laert. III, 35.

[2]) Athen. XI, 113.

[3]) Ibid. 118: τοὺς πολλοὺς (φησὶ Θεόπομπος ὁ Χῖος) τῶν διαλόγων αὐτοῦ ἀχρείους καὶ ψευδεῖς ἄν τις εὕροι, ἀλλοτρίους δὲ τοὺς πλείους, ὄντας ἐκ τῶν Ἀριστίππου διατριβῶν, ἐνίους δὲ κἀκ τῶν Ἀντισθένους, πολλοὺς δὲ κἀκ τῶν Βρύσωνος τοῦ Ἡρακλεώτου. О плагіатахъ, въ которыхъ Θеопомпъ вмѣстѣ съ другими (Tim. Syll. 68—70 Mull. Porph. ap. Euseb. Praep. Ev. X, 3, 24. Aristox. ap. Diog. L. III, 25. Phavor. ib. 35. Alcim. ib. III, 12) обвиняетъ Платона, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. (См. гл. IV и VIII).

[4]) Ibid. 113 (71 Mull.):

ὡς ἀνέπλαττε Πλάτων, πεπλασμένα θαύματα εἰδώς.

[5]) Dionys. Epist. ad Cn. Pomp. De Platone, VI, 756 (R): ἐὼ γὰρ τὰς ἄλλας αὐτοῦ γραφὰς παραφέρειν, ἐν αἷς κωμῳδεῖ τοὺς πρὸ ἑαυτοῦ, Παρμενίδην τε, καὶ Ἱππίαν, καὶ Πρωταγόραν, καὶ Πρόδικον, καὶ Γοργίαν, καὶ Πῶλον, καὶ Θεόδωρον, καὶ Θρασύμαχον, καὶ ἄλλους συχνούς, οὐκ ἀπὸ τοῦ βελτίστου πάντα περὶ αὐτῶν γράφων, ἀλλ', εἰ βούλει, καὶ ἀπὸ φιλοτιμίας. ἦν γάρ, ἦν μεν τῇ Πλάτωνος φύσει πολλὰς ἀρετὰς ἐχούσῃ τὸ φιλότιμον. Главное доказательство этого честолюбія Діонисій видитъ въ томъ, что Платонъ изгналъ изъ своего государства Гомера, украсивъ его вѣнкомъ и умастивъ масломъ, „какъ будто этого Гомеру не доставало“. Нѣсколько далѣе (p. 757) Діонисій заявляетъ, что не онъ первый ополчился противъ Платона: πολλοὶ γὰρ εὑρεθήσονται πρὸ ἐμοῦ τοῦτο πεποιηκότες, οἱ μὲν κατὰ τὸν ἐκείνου γενόμενοι χρόνον, οἱ δὲ λίαν ὕστερον ἐπακμάσαντες. καὶ γὰρ τὰ δόγματα διέβαλον αὐτοῦ τινες, καὶ τοὺς λόγους ἐμέμφαντο. πρῶτον μὲν ὁ γνησιώτατος αὐτοῦ μαθητὴς Ἀριστοτέλης, ἔπειτα οἱ περὶ Κηφισόδωρόν τε (ученикъ Исократа, написавшій въ его за-

ронъ—на праздность, вслѣдствіе которой онъ насмѣхался надъ хлопотливыми ораторами и софистами [6]).

Риторъ Аристидъ, жившій во II вѣкѣ по Р. Х., написалъ цѣлыя двѣ рѣчи („О риторикѣ“ и „За Четырехъ“) съ цѣлью выяснить недобросовѣстность и злорѣчіе Платона.

У Платона (говоритъ Аристидъ) была слишкомъ богато одаренная природа, и уже поэтому онъ не могъ не вымышлять [7]). Анахронизмы въ его діалогахъ лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ мало стѣснялся онъ истиной [8]). Но самое главное основаніе не довѣрять Платону то, что для него, за исключеніемъ одной только Академіи, вся остальная Аттика достойна осужденія и осмѣянія [9]). Платонъ враждебенъ рѣшительно ко всѣмъ. Поэтовъ, какъ трагическихъ, такъ и дифирамбическихъ, не исключая и Гомера, онъ выгоняетъ [10]). Государственныхъ дѣятелей, особенно Ѳемистокла, Мильтіада, Кимона и Перикла осмѣиваетъ [11]), изображаетъ намѣренно въ наихудшемъ видѣ, на подобіе того, какъ Аристофанъ своего колбасника, привязываетъ къ позорному столбу [12]) и пр. Риторовъ онъ считаетъ ничѣмъ не почтеннѣе поваровъ, и поноситъ тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, риторика хуже софистики, а софисты, по Платону, ничѣмъ не лучше тѣхъ, которые несутъ наказаніе въ адѣ [13]). Всякій легко можетъ убѣдиться, что Платонъ постоянно осмѣиваетъ

щиту рѣчь противъ Аристотеля, Smith, Dictionary of Greek and Roman Biography etc. Lond 1876, I, 668 b), καὶ Θεόπομπον, καὶ Ζωΐλον, καὶ Ἱπποδάμαντα (лицо неизвѣстное), καὶ Δημήτριον (вопросъ только, какой), καὶ ἄλλοι συχνοί, οὐ διὰ φθόνον, ἢ διὰ φιλαπεχθημοσύνην κωμῳδοῦντες, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν ἐξετάζοντες.

[6]) Cic. de Orat. III, 31, 122: nostra est, inquam, omnis ista prudentiae doctrinaeque possessio, in quam homines quasi caducam atque vacuam abundantes otio, nobis occupatis, involaverunt atque etiam aut inridentes oratorem, ut ille in Gorgia Socrates, cavillantur и пр. De Finibus II, 1, 2: sed at illum, quem nominavi (Gorgiam) et ceteros sophistas lusos videmus a Socrate.

[7]) De Quatuorviris 295 (Din.): τῆς φύσεως κέχρηται περιουσίᾳ и пр. ibid. p. 370, 372, 373: ἀλλ' ἐστὶ ταῦτα ἀπὸ τῆς τῶν διαλόγων ἐξουσίας καὶ συνηθείας ὡρμημένα. τῷ γὰρ ἅπαντας αὐτοὺς ἐπιεικῶς εἶναι πλάσματα καὶ πλέκειν ἐξεῖναι δὶ ὧν ἄν τις βούληται, ἔνεστί τι καὶ τοῖς λόγοις αὐτοῖς οὐ σφόδρα τηροῦν τὴν ἀλήθειαν. καί ἅμα μοι δοκεῖν ἐφέλκεταί τι τῆς ἐλευθερίας καὶ τῆς μεγαλοπρεπείας, καὶ οὐ παντάπασιν ἀκριβολογεῖται, ἀλλ', ὥσπερ ἔφην, συγχωρεῖ τῇ φύσει. ibid. p. 397.

[8]) Ibid. 370, сл.

[9]) Ibid. 379.

[10]) Ibid. 378.

[11]) Въ защиту ихъ и написана рѣчь „За Четырехъ“.

[12]) Ibid. 384, сл. 391, сл.

[13]) Ibid. 377, сл.

софистовъ [14]). Его вражда къ софистамъ была настолько велика, что самое имя софистъ, первоначально почетное, стало позорнымъ именно благодаря его стараніямъ [15]). Однимъ словомъ—діалоги Платона не что иное какъ комедіи [16]), въ которыхъ за каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ самъ Платонъ [17]), подъ часъ съ цѣлью доказать какое нибудь нелѣпое положеніе [18]).

Но самаго суроваго критика Платонъ нашелъ въ Аѳинэѣ, жившемъ въ III в. по Р. Х. Этотъ компиляторъ выставилъ длинный списокъ погрѣшностей Платона [19]). Привожу этотъ списокъ въ сокращеніи, исключая всѣ очевидныя ошибки, фактическія извращенія и не относящіяся къ дѣлу замѣчанія.

Анахронизмы въ „Менексенѣ“, „Горгіи“, „Пирѣ“ и „Протагорѣ“ доказываютъ, что Платонъ вымышлялъ свои діалоги [20]). Платонъ говоритъ неправду объ участіи Сократа въ битвахъ при Потидеѣ, Деліи, Амфиполисѣ. Это участіе не засвидѣтельствовано ни однимъ изъ „историковъ или поэтовъ“ [21]). Ни одинъ изъ комиковъ не сказалъ о Сократѣ того, что наговорилъ о немъ Платонъ—будто онъ былъ сыномъ повивальной бабки, будто у него была злая жена Ксантиппа, будто онъ спалъ подъ однимъ плащемъ съ Алкивіадомъ,—а обо всемъ этомъ не преминулъ-бы упомянуть Аристофанъ для осмѣянія Сократа. Вообще ложь все, что разсказываетъ Платонъ о Сократѣ [22]). По Платону, всѣ одинаково никуда негодны. Про Аѳинскій народъ онъ говоритъ, что онъ носитъ только красивую личину, но что его слѣдуетъ смотрѣть раздѣвши; напротивъ восхва-

---

[14]) Ibid. 378: ῥᾴδιον γὰρ καὶ τῷ τυχόντι γνῶναι τοῦτό γε, ὁπόσον τι Πλάτων ἀεὶ τῶν σοφιστῶν καταγελᾷ и пр. ibid. p. 381: ἔπειτα τῆς μὲν κωμῳδίας κατηγορεῖς, αὐτὸς δὲ κωμῳδεῖς Ἱππίαν, Πρόδικον, Πρωταγόραν, Γοργίαν, Εὐθύδημον, Διονυσόδορον... πάντας ἀνθρώπους. ibid. p. 192: Θρασύμαχον συκοφαντεῖν, ibid. 377: σοφίζεται κατ' ἐπονυμίαν Πῶλον и др. Ср. слѣд. пр.

[15]) Ibid. 408: ἐπεὶ καὶ τὸν σοφιστὴν δοκεῖ μέν πως κακίζειν ἀεί, καὶ ὅ γε δή, μάλιστα ἐπαναστὰς τῷ ὀνόματι Πλάτων εἶναί μοι δοκεῖ. Совершенно также Grote, History of Greece, VIII, a new edit. Lond. 1869. 155. Ниже стр. 12, пр. 68.

[16]) Ibid. 381 и др. (см. выше, пр. 14).

[17]) Ibid. 387: τίς γὰρ οὐκ οἶδεν ὅτι καὶ ὁ Σωκράτης καὶ ὁ Καλλικλῆς καὶ ὁ Γοργίας καὶ ὁ Πῶλος πάντα ταὐτ' ἐστὶ Πλάτων, πρὸς τὸ δοκοῦν αὐτῷ τρέπων τοὺς λόγους. ibid. p. 295. Совершенно также Grote, Plato, I³, 290 и др. ниже, стр. 12, пр. 65.

[18]) Ibid. 370.

[19]) Athen. V, 56—57; XI, 112—120.

[20]) Ibid. V, 56—59.

[21]) Ibid. V, 55. 60.

[22]) Ibid. V, 61.

ляетъ Лакедемонянъ и враговъ всѣхъ грековъ—Персовъ. Въ „Менонѣ“ онъ хулитъ величайшихъ изъ Аѳинянъ—Аристида и Ѳемистокла и хвалитъ предателя Эллиновъ Менона, въ діалогѣ о храбрости злословитъ Мелисія, сына Ѳукидида, противника Перикла, и Лисимаха, сына Аристида, называя ихъ недостойными отцовъ [23]); въ „Пирѣ“ разсказываетъ объ Алкивіадѣ такія нецристойности, что ихъ нельзя даже и произнести при свѣтѣ; въ „Горгіи“ хулитъ Горгія и Архелая, своего друга; въ „Протагорѣ“ выставляетъ на посмѣяніе за разъ множество мудрыхъ людей, поэтовъ и не поэтовъ; въ „Менексенѣ“ издѣвается надъ Антифонтомъ Рамнусійскимъ и музыкантомъ Лампромъ [24]); въ „Евѳидемѣ“ смѣшиваетъ съ грязью и позоритъ Евѳидема и Діонисодора, называя ихъ эристиками и запоздалыми въ наукѣ стариками [25]); въ „Государствѣ“ клевещетъ на Ѳрасимаха, изображая его согласно съ его именемъ [26]); брата Алкивіада, Клинія, называетъ сумашедшимъ, сыновей Клинія—глупыми, Мидія перепелочникомъ [27]), и пр.—не достало бы цѣлаго дня, если бы перечислять всѣхъ, охуленныхъ Платономъ [28]). Эта непріязнь къ людямъ объясняется тѣмъ, что Платонъ былъ честолюбивъ, завистливъ и вообще злонравенъ [29]). Его нравственная негодность доказывается и тѣмъ, что его ученики были тираннами и клеветниками. Всему этому они научились изъ его „прекраснаго Государства“ и „беззаконныхъ Законовъ“ [30]).

3. *Новая критика о Платонѣ.* Въ духѣ этихъ отзывовъ старины изъ новыхъ впервые высказался по поводу свидѣтельствъ Платона о софистахъ именитый изслѣдователь греческой старины, Бартелеми, въ своемъ „Путешествіи молодаго скиѳа Анахарсиса“ [31]).

---

[22]) Ibid. XI, 114.

[24]) Ibid. XI, 115.

[25]) Ibid. XI, 114.

[26]) Ibid. XI, 113: διαβάλλει δὲ Πλάτων καὶ Θρασύμαχον τὸν Χαλκηδόνιον, σοφιστὴν ὅμοιον εἶναι λέγων τῷ ὀνόματι. Совершенно также Grote, Plato, III², 330. (ниже, стр. 12, пр. 70).

[27]) Ibid. XI, 114.

[28]) Ibid. XI, 115: ἐπιλίποι ἄν με ἡ ἡμέρα, εἰ πάντας ἐθελήσαιμι ἐπελθεῖν τοὺς κακῶς ἀκούσαντας ὑπὸ τοῦ σοφοῦ.

[29]) Ibid. XI, 116.

[30]) Ibid. XI, 118 сл.

[31]) Barthelémy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce etc. 3-me ed., Paris, 1790, IV, 234, sq.

Приведя изъ Платонова „Протагора“ рѣчь Продика, построенную на „различеніи именъ“, Бартелеми замѣчаетъ:

„Если бы Продикъ выражался такимъ образомъ, у кого бы хватило терпѣнія его слушать и читать? Пробѣгите его произведенія (напримѣръ переданный Ксенофонтомъ разсказъ о Геркулесѣ на распутьи) и вы будете поражены его мудростью, а также изяществомъ его стиля. Это Платонъ вложилъ ему въ уста ту рѣчь, которая была только что приведена. Подобнымъ же образомъ онъ потѣшался на счетъ Протагора, Горгія и знаменитѣйшихъ ораторовъ своего времени. Онъ ихъ заставляетъ въ своихъ діалогахъ спорить со своимъ учителемъ и изъ этихъ вымышленныхъ разговоровъ дѣлаетъ довольно забавныя сцены.... Начерченные Платономъ портреты не имѣютъ даже общаго сходства съ оригиналомъ; какъ нельзя судить о Периклѣ и Сократѣ по комедіямъ Аристофана, такъ не слѣдуетъ судить о Протагорѣ, Продикѣ и Горгіи по діалогамъ Платона. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ основаніе возставать противъ ихъ ученій, но долженъ-ли былъ онъ представлять ихъ людьми безъ идей, безъ смысла, неспособными слѣдить за ходомъ разсужденій, всегда готовыми попасть въ самую грубую западню, произведенія которыхъ не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія? Если бы у нихъ не было большихъ талантовъ, они не были бы столь опасными. Я не говорю, что онъ завидовалъ ихъ репутаціи, какъ подозрѣваютъ нѣкоторые; но въ дни своей юности онъ имѣлъ слишкомъ большую склонность къ вымысламъ и насмѣшкамъ“.

Съ бо́льшимъ уваженіемъ къ Платону, какъ писателю, но не съ бо́льшей вѣрой въ его историческую добросовѣстность, характеризуетъ его отношеніе къ софистамъ другой именитый знатокъ греческой древности, Дройзенъ [32]). „Издавна привыкли, говоритъ онъ, произносить имя софистики съ большимъ презрѣніемъ, даже съ нескрываемымъ упрекомъ въ обманѣ и притворствѣ. При этомъ увлекаются талантливыми изображеніями Платона, но забываютъ, что высшее развитіе несомнѣнно строится надъ тѣми основаніями, изъ которыхъ исходитъ, что самъ Платонъ безъ этихъ предшественниковъ не могъ бы быть тѣмъ, что̀ онъ есть, что наконецъ онъ свои болѣе разви-

---

[32]) Aristoph. Werke übers. v. Droysen, 3-r Th., Berl. 1838, 8 f. Въ послѣдующихъ изданіяхъ отрывокъ этотъ выпущенъ.

тые взгляды влагаетъ въ уста Сократа и этой идеализаціей его возвышаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой понижаетъ цѣну противопоставленной ему софистики. Онъ переноситъ образъ софистовъ своего времени съ художественной инсинуаціей на болѣе древнія прославленныя имена Продика, Гиппія, Протагора, Горгія и заставляетъ ихъ казаться представителями ложной мудрости, какъ Сократа—истиннымъ мудрецомъ. И однако же съ появленія тѣхъ людей протекло тридцать или сорокъ лѣтъ, въ которые съ невѣроятною быстротою и многосторонностью произошло полное преобразованіе общаго сознанія, полная побѣда просвѣщенія надъ старогреческимъ духомъ. Величайшая историческая несправедливость не признавать за этими достопамятными умами, этими поборниками просвѣщенія и раціонализма ихъ высокаго права и значенія".

Изъ спеціалистовъ по философіи впервые на почву отрицательной критики сталъ въ вопросѣ о свидѣтельствахъ Платона извѣстный его переводчикъ и толкователь Шлейермахеръ [33]). Отдавая должное великому философскому и систематическому генію Платона [34]), Шлейермахеръ ставитъ на видъ, что Платонъ порою въ лицѣ однихъ затрогиваетъ другихъ съ цѣлью полемики или самозащиты [35]). Въ „Гиппіи Большемъ" слѣдуетъ видѣть кого нибудь изъ современниковъ [36]); въ „Горгіи" подъ Калликломъ и въ „Θеэтетѣ" подъ Протагоромъ скрывается Аристиппъ [37]), а подъ Кратиломъ въ діалогѣ этого имени—Антисѳенъ [38]). Въ „Θеэтетѣ" Платонъ отражаетъ направленные противъ его философіи укоры; первою частью онъ мѣтитъ въ Аристиппа, второю—въ Антисѳена [39]); этихъ же двухъ философовъ затрогиваетъ онъ въ „Менонѣ" [40]). Въ „Евѳидемѣ" Платонъ такъ сильно осмѣиваетъ и позоритъ софистовъ, что можно было бы даже признать этотъ діалогъ недостойнымъ Платона [41]), если бы нельзя

---

[33]) Platon's Werke, übers. v. Schleiermacher, 2-te Aufl. Berl. 1817—1828. Третьяго изданія (1857) не имѣлъ подъ руками.

[34]) См. ниже, гл. II.

[35]) II, 1, 20 f. 184 f.

[36]) II, 3, 409.

[37]) II, 1, 183—184.

[38]) II, 2, 15 f.

[39]) II, 1, 182 f.

[40]) II, 1, 331.

[41]) II, 1,339, f.

было считать доказаннымъ предположеніе, что подъ маскою Евеидема и Діонисодора осмѣиваются Антисѳенъ и Мегарики, отъ нападокъ которыхъ Платонъ защищается [42]).

Еще рѣзче оттѣняетъ полемическую сторону Платоновыхъ діалоговъ другой извѣстный толкователь Платона, Штальбаумъ [43]). Діалоги „Лахесъ", „Хармидъ", „Евѳифронъ", „Менонъ", „Протагоръ", „Евѳидемъ" написаны для того, чтобы противопоставить призрачной мудрости и добродѣтели этихъ лицъ истинную мудрость и доблесть Сократа [44]). Цѣль „Горгія" порицаніе риторовъ и политиковъ и вмѣстѣ указаніе на путь и способъ хорошей и счастливой жизни [45]). Въ „Федрѣ" Платонъ въ лицѣ Лисія урекаетъ и караетъ всѣхъ вообще риторовъ, наслѣдниковъ Сицилійской школы, (за исключеніемъ лишь Исократа), совершенно такъ же, какъ Аристофанъ въ лицѣ Сократа осмѣиваетъ всѣхъ вообще софистовъ [46]). „Менексенъ" написанъ для осмѣянія гражданъ и риторовъ аѳинскихъ за ихъ злоупотребленіе риторикой въ угоду честолюбію и тщеславію [47]). Въ „Лисисѣ" искуснымъ подражаніемъ отдается на посмѣяніе еристика [48]); въ „Софистѣ" и „Политикѣ"—слишкомъ тонкая діалектика Мегариковъ [49]). Въ „Гиппіи Большемъ" Платонъ желаетъ наказать глупую гордость и напыщенность этого софиста, а вмѣстѣ съ нимъ осмѣять и всѣхъ ему подобныхъ [50]); точно также и цѣль „Гиппія Меньшаго"—показать глупость Гиппія [51]). Въ „Ѳеэтетѣ" подняты на смѣхъ послѣдователи Протагора, „отдѣланы" Гераклитяне, „освистаны" всѣ тѣ, которые сводили свои возрѣнія къ авторитету Гомера, Орфея и другихъ древнѣйшихъ поэтовъ. Въ "Кратилѣ" [52]) обличены нелѣпыя теоріи о происхожденіи именъ, при чемъ извращенной этимологіи софистовъ и философовъ

---

[42]) II, 1, 404—406.

[43]) Platonis Opera omnia, rec. prol. et comm. instr. Gdfr. Stallbaum, Gothae, 1833—1858.

[44]) Proleg. ad Protag. 14, ad Charm. 119, ad Lach. 18, ad Euthyph. 138, ad Men. 11, ad Euthyd. 16.

[45]) Proleg. ad Gorg. 40.

[46]) Proleg. ad Phaedr. CXXVIII.

[47]) Proleg. ad Menex. 16.

[48]) Proleg. ad Lys. 109.

[49]) Proleg. ad Pol. 66.

[50]) Proleg ad Hipp. Maj. 177.

[51]) Proleg. ad Hipp. Min. 271.

[52]) Proleg. ad Theaet. 12

противопоставленно истинное ученіе [53]) и проч. Даже въ великолѣпной рѣчи Аристофана въ „Пирѣ“ Штальбаумъ усмотрѣлъ желаніе Платона унизить ея автора [54]).

На подобной же точкѣ зрѣнія стоитъ (въ предисловіяхъ къ Миллерову переводу Платона) одинъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ Платона—Штейнгартъ [55]). По его мнѣнію, всѣ вообще діалоги Платона, въ особенности перваго періода, имѣютъ назидательный характеръ [56]). И хотя Штейнгартъ не соглашается, что Платонъ переносилъ черты однихъ лицъ на другихъ [57]) и вообще лжесвидѣтельствовалъ противъ кого либо [58]), однако и онъ остается вѣренъ старинному взгляду, что Платонъ осмѣиваетъ софистовъ и ведетъ борьбу съ ними [59]), при чемъ отдѣльныя личности возводитъ въ типы. „Гиппій Меньшій“, напримѣръ, написанъ для того, чтобы въ образѣ этого софиста показать безсмысленную, пустую, сбивающую съ толку дѣятельность софистовъ [60]).

Въ англійской литературѣ самымъ раннимъ выразителемъ отрицательнаго взгляда на историческія свидѣтельства Платона былъ авторъ популярной „Исторіи философіи“ Льюисъ.

„Судить о софистахъ по Платону (говоритъ онъ) [61]) все равно, какъ если бы всѣ согласились судить о Сократѣ по тому изображенію его, какое мы находимъ въ „Облакахъ“ Аристофана. Карикатура Аристофана даетъ такое же понятіе о Сократѣ, какое даетъ карикатура Платона о софистахъ; разница здѣсь та лишь, что Аристофаномъ двигала политическая антипатія, Платономъ же идейная.... Платонъ по многимъ причинамъ не любилъ софистовъ и не упускалъ поэтому случая осмѣять ихъ; къ ихъ мнѣніямъ онъ былъ не расположенъ и поэтому искажалъ ихъ... Ученіе софистовъ онъ конечно представилъ въ каррикатурномъ видѣ, такъ какъ невозможно,

---

53) Proleg. ad Cratyl. 3.

54) Proleg. ad Conv. XLV, sq.

55) Platons Sämmtliche Werke, übers. v. H. Müller, mit Einleit. begl. K. Steinhart, Leipz. 1850—1866.

56) I, 397 f.

57) II, 190.

58) II, 356.

59) I, 397 f. II, 87. 346.

60) I, 41.

61) Lewes, History of Philosophy, I³, 106.

чтобы кто либо серьезно держался взглядовъ подобныхъ тѣмъ, которые изложены у Платона. Мы не видимъ у него подлинныхъ мнѣній Протагора и Горгія, идеи ихъ приведены въ искаженномъ видѣ. Платонъ, выбравъ одну изъ ихъ доктринъ и объяснивъ ее по своему, старается показать, что она ведетъ къ вопіющей нелѣпости и безнравственности.... [62]). Опытъ говоритъ намъ, что ни одинъ человѣкъ и тѣмъ менѣе цѣлая корпорація людей не можетъ серьезно, публично и постоянно распространять идеи, подрывающія всякую нравственность, не подвергаясь за это самому тяжкому наказанію. Для того, чтобы распространять безнравственныя идеи съ самой слабой надеждой на успѣхъ, человѣкъ долженъ дѣйствовать во имя строгой нравственности. Учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ—въ этомъ и заключалась, по мнѣнію Платона, профессія софистовъ — мнѣніе, которое въ самомъ себѣ заключаетъ противорѣчіе" [63]).

Почти съ той же точки зрѣнія, только болѣе широко и на первый взглядъ болѣе основательно, смотритъ на Платона самый авторитетный изъ его критиковъ, авторъ „Исторіи Греціи" Георгъ Гротъ.

„Отъявленный врагъ и генеральный обвинитель софистовъ— Платонъ былъ великимъ систематическимъ теоретикомъ, котораго взгляды на этику, политику, познаніе, религію и прочее были гармонически связаны его собственнымъ умомъ и запечатлѣны тою особенностью, которая служитъ признакомъ оригинальнаго умственнаго склада. Такое блестящее усиліе спекулятивнаго генія принадлежитъ къ чудесамъ греческаго міра. Его несочувствіе всѣмъ обществамъ, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, не только демократическимъ, но также олигархическимъ и деспотическимъ, было самаго грубаго и радикальнаго характера. И онъ не обманывалъ себя вѣрой, что какое нибудь частное исправленіе того, что онъ видѣлъ вокругъ, способно повести къ поставленной имъ цѣли; онъ желалъ не другого чего, но перерожденія человѣка и гражданина, съ учрежденіями разсчитанными съ самаго начала на то, чтобы выработать полную мѣру совершенства. Его плодотворное воображеніе реализовало эту идею

---

[62]) Ibid. 119.
[63]) Ibid. 120.

въ „Государствѣ“. Но этотъ самый систематическій и оригинальный характеръ, который придаетъ такъ много цѣны и прелести основнымъ воззрѣніямъ Платона, служитъ доводомъ противъ его правдивости какъ критика и свидѣтеля относительно современныхъ ему агентовъ, которыхъ онъ видѣлъ дѣйствующими въ Аѳинахъ и другихъ городахъ въ качествѣ правителей, полководцевъ, учителей. Его критическія замѣчанія были подсказаны его собственной точкой зрѣнія, съ которой все общество представлялось развращеннымъ и всѣ орудія, поддерживающія его функціи—по самому существу изъ низкаго металла. Всякій, кто прочтетъ „Горгія“ или „Государство„ увидитъ какъ поголовно и неразборчиво онъ произноситъ свой приговоръ осужденія. Не только всѣ софисты и риторы, но всѣ музыканты и діѳирамбическіе или трагическіе поэты, всѣ государственные люди, какъ прежніе, такъ и настоящіе, не исключая даже великаго Перикла—получаютъ изъ его рукъ одну общую печать безчестія.... Такое поголовное осужденіе выдаетъ себя какъ отпрыскъ и при томъ какъ послѣдовательный отпрыскъ систематической особенности воззрѣнія,—какъ предразсудокъ великаго и способнаго ума. Было бы столь же несправедливо оцѣнивать софистовъ и государственныхъ людей Аѳинъ съ точки зрѣнія Платона, какъ настоящихъ учителей и политиковъ Англіи или Франціи съ точки зрѣнія Овена и Фурье“...[64]).

„Діалоги Платона поясняютъ подробно тѣ аггрессивные пріемы, которые Сократъ намѣтилъ въ общихъ чертахъ въ „Апологіи“ какъ цѣль и миссію своей жизни....“ „Многія изъ лицъ носятъ историческія имена, но необходимо предупредить читателя, что всѣ они говорятъ слова и выражаютъ чувства не свои собственныя, а вложенныя имъ въ уста Платономъ. Вы можете совершенно также судить о Сократѣ по тому, что̀ мы читаемъ въ „Облакахъ“ Аристофана или о Метонѣ потому, что̀ мы находимъ въ „Птицахъ“, какъ изображать историческіе характеры Менона, Протагора, Горгія, Пола, Калликла, Ѳрасимаха и др. на основаніи діалоговъ Платона. Всѣ эти лица должны быть оцѣниваемы какъ драматическія фигуры, наряженныя авторомъ для его собственныхъ цѣлей и выражающія

---

64) Grote, History of Greece, a new ed. Lond. 1869, VIII, 198 sq.

такія мнѣнія, какія онъ назначаетъ для нихъ—все равно, желаетъ-ли онъ, чтобы они были опровергнуты другими, или нѣтъ“ [65]).

Отъ Сократа Платонъ унаслѣдовалъ не только методъ, но и взглядъ на торговлю мудростью какъ на недостойное свободнаго человѣка и философа дѣло [66]). Въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ нелюбви его къ софистамъ: онъ не упускаетъ случая поднять ихъ за это на смѣхъ [67]). Настолько было велико его нерасположеніе къ „платнымъ наставникамъ мудрости“, что первоначально почетное слово софистъ превратилось въ позорное главнымъ образомъ благодаря его сочиненіямъ [68]).

Что изображенные въ „Евѳидемѣ“ софисты соотвѣтствовали какимъ нибудь дѣйствительнымъ лицамъ въ Аѳинахъ, не доказано и невѣроятно [69]). Нравственная теорія, которую Платонъ влагаетъ въ уста Ѳрасимаха въ „Государствѣ“, никогда не была выставлена Ѳрасимахомъ въ томъ видѣ, въ какомъ является у Платона, такъ какъ она въ высшей степени оскорбительна для демократическаго чувства [70]). Характеръ этого софиста представленъ Платономъ сообразно съ имъ же вымышленной теоріей [71]). Въ „Ѳеэтетѣ“ Платонъ подъ именемъ Протагорова ученія смѣшиваетъ три различныя теоріи съ цѣлью ихъ опровергнуть [72]).

Изъ новѣйшихъ необходимо отмѣтить мнѣнія заслуженнаго переводчика и толкователя Платона Джоуетта и представителей намѣченнаго Шлейермахеромъ „гевристическаго метода“ [73]) — Тейхмюллера и Диммлера.

Джоуеттъ [74]) считаетъ несомнѣннымъ, что Платонъ мало заботился объ исторической истинѣ или даже вѣроятности. Кто могъ бы подозрѣвать (спрашиваетъ онъ), что мудрый Критій, добродѣ-

---

65) Plato, I³, 290. 528 n. 536. 549. II³, 1. 35. 324.
66) History of Greece, VIII, 153, sq. Plato, II³, 431.
67) Plato, II³, 233.
68) History of Greece, VIII, 155—156.
69) Plato, I³, 536.
70) History of Greece, VIII, 196
71) Plato, III³, 330.
72) Plato, II³, 324.
73) См. ниже, стр. 14, пр. 94.
74) The Dialogues of Plato transl. by B. Jowett, Oxf. 1871. Вторымъ изданіемъ воспользоваться не могъ.

тельный Хармидъ окончили жизнь въ числѣ Тридцати тирановъ? Кто могъ бы вообразить, что Лисій, на котораго Платонъ нападаетъ въ „Федрѣ", сынъ его стараго друга Кефала? Или же, что Исократъ былъ врагомъ Платона и его школы? [75]). Характеръ Менона точно также, какъ характеръ Критія, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ его жизни. Платонъ молчитъ объ его измѣнѣ десяти тысячамъ грековъ, о которой повѣствуетъ Ксенофонтъ, точно также, какъ молчитъ о злодѣйствахъ Критія....[76]) Въ „Софистѣ" Платонъ влагаетъ въ уста страннику мнѣнія, выходящія за предѣлъ доктринъ Елейцевъ [77]); въ другомъ мѣстѣ онъ (быть можетъ не честно) осмѣиваетъ современныхъ ему Гераклитянъ [78]). Что дѣйствительный Кратилъ былъ похожъ на его подобіе у Платона болѣе, чѣмъ Критій у Платона на дѣйствительнаго Критія, или же Евѳифронъ въ Кратилѣ—на Евѳифрона въ діалогѣ этого имени, у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ [79]). Однимъ словомъ, никакихъ заключеній нельзя выводить изъ пригодности или непригодности характеровъ у Платона.... Онъ часто пользуется именами имѣющими едва-ли какую нибудь связь съ историческими характерами, которымъ они принадлежатъ [80]). Его сочиненія—сатиры въ формѣ діалоговъ [81]).

Впрочемъ, Джоуеттъ признаетъ, что нѣтъ „никакого основанія" предполагать, будто Платонъ въ „Протагорѣ" „изображаетъ вымышленнаго Протагора"., равнымъ образомъ нѣтъ какого либо основанія сомнѣваться и въ томъ, что Сократъ въ этомъ діалогѣ—также историческій характеръ... [82]), что во всѣхъ діалогахъ онъ (и слѣдовательно Платонъ)—безкорыстный искатель истины [83]), что Протагоръ выставленъ хотя и чваннымъ, но честнымъ и откровеннымъ [84]), что Сократъ оказываетъ ему такое почтеніе, какое только

---

[75]) I, 559.
[76]) I, 254—255.
[77]) III, 226.
[78]) III, 241.
[79]) I, 622.
[80]) I, 559.
[81]) I, 620. 625.
[82]) I, 112.
[83]) I, 10.
[84]) I, 111.

совмѣстимо съ ироническимъ характеромъ [85]), что въ „Θеэтетѣ“ отвѣты Протагора правильны и здравы [86]), что анализы въ этомъ діалогѣ оправдываются аналогіями въ „Воспоминаніяхъ“ Ксенофонта [87]), что Сократъ въ „Горгіи“ уважителенъ къ Горгію [88]), что Горгій, подобно Протагору, представленъ благороднымъ, а Полъ, хотя и обольщеннымъ силою риторики и ослѣпленнымъ блескомъ успѣха, не безчувственнымъ къ высшимъ доводамъ [89]), что Калликлъ показываетъ большія способности [90]), что анахронизмы въ „Горгіи“ имѣютъ общую совмѣстность [91]), что данныя въ „Парменидѣ“ не противорѣчатъ исторической возможности [92]), что критика идей вложена въ уста Пармениду умѣстно и пр. [93]).

По Тейхмюллеру [94]), Платонъ былъ политикъ, педагогъ и изслѣдователь. „Душа и нервная система діалога—истина, которую Платонъ нашелъ и желаетъ внушить; скелетъ и мускулатура—полемика противъ сочиненій или противъ практической дѣятельности вліятельныхъ лицъ, которыхъ обаяніе онъ желаетъ разрушить, покровъ цѣлаго искусно сотканъ изъ талантливыхъ воспоминаній о Сократовыхъ разговорахъ или изъ вымышленныхъ встрѣчъ между выдающимися лицами недавняго прошлаго. Къ этому характеру искусства, который по своему *роду* относится къ полемическимъ сочиненіямъ въ *формѣ* разсказаннаго или драматическаго разговора, существенно принадлежитъ контрастъ этихъ обоихъ смѣшанныхъ элементовъ, образующій специфическое отличіе. Не безъ того, чтобы подобный Центавръ не страдалъ противорѣчіями и невозможностями: тогда какъ художественная форма заставляетъ какъ въ историческомъ романѣ ожидать возможно большей объективности и истори-

---

85) I, 114.
86) III, 328.
87) III, 323. 327.
88) III, 5.
89) III, 6.
90) III, 8.
91) III, 9.
92) III, 226.
93) III, 234. 238—239.
94) G. Teichmüller, Literarische Fehden im vierten Jahrhundert vor Chr. I—II, Bresl. 1881—1884. Свой методъ (имѣющій главною цѣлью выяснить хронологическую послѣдовательность діалоговъ) Тейхмюллеръ называетъ „гевристическимъ“ (II, Vorrede, VII f.). Хотя онъ и считаетъ свои пріемы новыми, на дѣлѣ они очевидно намѣчены Шлейермахеромъ.

ческой правильности, характеръ полемическаго сочиненія требуетъ, чтобы dramatis personae вели борьбу относящуюся къ Платонову времени и поэтому принимали въ возможно большей мѣрѣ черты, объективно вовсе имъ не свойственныя. Этотъ контрастъ отражается въ Платоновомъ юморѣ; отъ котораго собственно и происходитъ образъ Центавра, и въ его ироніи: такъ какъ Сократъ долженъ говорить то, что желаетъ Платонъ, а не то, что онъ на самомъ дѣлѣ думалъ и говорилъ, и противники какъ Горгій, Полъ, Протагоръ, Евѳидемъ, Ѳрасимахъ и т. д., должны говорить то, что̀ для нихъ не выгодно и смѣшно, а не то что̀ охотно возразили бы скрытые подъ этой маской злые противники Платона"...[95]).

Каждый діалогъ есть слѣдствіе раздраженій, вызывавшихъ у Платона извѣстное движеніе мысли. За такія раздраженія прежде всего слѣдуетъ признать другія литературныя работы, затрогивавшія Платона либо прямо, либо косвенно, какъ противодѣйствующіе его вліянію на общество элементы, которые онъ желалъ разрушить. Наибольшая противоположность лежала въ Антисѳенѣ и примкнувшихъ къ нему Евѳидемѣ и Лисіи. Другимъ современникомъ, особенно раздражавшимъ Платона, былъ риторъ Исократъ, имѣвшій большой успѣхъ и слѣдовавшій направленію, которое было противно Платону. Кромѣ того Платонъ по разнымъ причинамъ вынужденъ былъ вступить въ полемику съ Ксенофонтомъ, Аристотелемъ и другими современниками. Поэтому въ Платоновыхъ діалогахъ должны быть намеки на этихъ лицъ [96]). Сочиненіями Антисѳена, Ксенофонта, Аристиппа, Исократа, Лисія и другихъ Платонъ пользуется самымъ тонкимъ образомъ, чтобы съ ними, какъ кошка съ мышью, вести остроумную и порою жестокую игру [97]). Онъ не терпѣлъ помимо себя никакихъ боговъ; за исключеніемъ двухъ, трехъ именъ, названныхъ имъ съ уваженіемъ, всѣ остальные прославляемые его современниками были въ его глазахъ дурны или смѣшны [98]). Пользуясь преимуществами драмы, которая даетъ возможность совершенно свободно за спиною однихъ нападать на другихъ [99]), Платонъ въ

---

[95]) I, 14, 22. 31. II, 15—16. 67.
[96]) I, 11. II, 81.
[97]) II, 55.
[98]) II, 52.
[99]) II, 285.

„Евѳидемѣ“ подъ маской Діонисодора осмѣиваетъ Лисія [100]), а въ лицѣ переряженнаго въ Діонисодора Лисія и Евѳидема — учителя послѣдняго Антисѳена [101]), въ котораго сверхъ того мѣтитъ критикой ученія Протагора въ „Ѳеэтетѣ [102]), точно также какъ въ Лисія — рѣчами Алкивіада и Павсанія въ „Пирѣ“ [103]). Въ „Государствѣ“, „Пирѣ“ и „Евѳидемѣ“ Платонъ отвѣчаетъ Исократу [104]), въ „Парменидѣ“ желаетъ привлечь на свою сторону Аристотеля [105]), въ „Законахъ“ отражаетъ нападеніе этого своего ученика [106]), въ „Протагорѣ“ и „Хармидѣ“ ведетъ полемику съ Ксенофонтомъ [107]), въ „Государствѣ“ полемикой съ Ксенофонтомъ „раздираетъ Сократу голову“ [108]), въ „Ѳеэтетѣ“ затрогиваетъ Симона [109]). Подъ знаменитымъ Лысымъ кузнецомъ въ „Государствѣ“ [110]) подразумѣвается братъ Лисія Евѳидемъ [111]). Осмѣивая своихъ противниковъ то въ маскахъ [112]), то называя по именамъ, въ послѣднемъ случаѣ однако тономъ, показывающимъ, что они ниже его не только по таланту и характеру, но и по общественному положенію, Платонъ не забываетъ выставить въ наилучшемъ свѣтѣ себя, защищать и идеализировать членовъ своей онозоренной семьи, увѣковѣчивать имена своихъ друзей и возвышать обаяніе аристократіи [113]). Въ „Хармидѣ“, первой и второй книгѣ „Государства“, „Критіи“ и „Тимэѣ“ Платонъ исправляетъ и сглаживаетъ дурные образы этихъ лицъ безпощадно начерченные Ксенофонтомъ и беретъ этихъ своихъ родственниковъ подъ защиту [114]).

Главное основаніе для всѣхъ этихъ выводовъ даетъ Тейхмюл-

---

[100]) II, 275. См. ниже, стр. 18.

[101]) I, 39. 44 f. Антисѳенъ лично былъ, по Тейхмюллеру, настолько противенъ Платону, что послѣдній не могъ даже произнести его имя II, 285.

[102]) I, 34. II, 67. 107. 128.

[103]) II, 266 f. Ниже, стр. 17.

[104]) I, 102 f. II, 240 f. 267 f.

[105]) I, 225 f.

[106]) I, 165 f. 200 f. 252 f.

[107]) II, 51 f. 69 f.

[108]) I, 81 f.

[109]) II, 105 f.

[110]) De Rep. 495, E.

[111]) II, 118—119. См. ниже.

[112]) I, 34.

[113]) II, 16.

[114]) I, 41. II, 47 f. 57 f. 64 f.

леру его талантъ „смѣлыхъ комбинацій“ [115]), уполномочивающій его по нѣсколькимъ и даже по одному незначительному штриху воспроизводить цѣлыя картины.

Типическимъ образцомъ такихъ комбинацій можетъ служить доказательство, что за спиною лысаго кузнеца въ „Государствѣ“ скрывается братъ Лисія Евѳидемъ. Подъ этимъ кузнецомъ, по мнѣнію Тейхмюллера, Платонъ долженъ подразумѣвать какого нибудь выдающагося еристика, а что подразумѣвается именно Лисіевъ братъ Евѳидемъ, видно изъ того, что „у сыновей Кефала была фабрика щитовъ, при которой для мѣдныхъ частей необходимо должна быть литейная и кузница, и Платонъ не отнимаетъ отъ нихъ чести самыхъ искусныхъ въ своемъ дѣлѣ“ [116]).

Въ доказательство, что рѣчи Павсанія и Алкивіада въ “Пирѣ“ направлены противъ Лисія, Тейхмюллеръ приводитъ три сопоставленія. Во первыхъ „Пиръ“ написанъ противъ Лисія и Исократа [117]). Лисій, чтобы возбудить ненависть толпы къ аристократамъ (и такимъ образомъ отомстить Платону за его нападки въ „Евѳидемѣ“) [118]), написалъ рѣчь противъ молодаго Алкивіада (сына Алкивіада знаменитаго), въ которой, говоря о его распутствѣ, между прочимъ упоминаетъ и о томъ, что онъ „въ подражаніе своимъ предкамъ“ лежалъ при свидѣтеляхъ подъ однимъ одѣяломъ съ нѣкимъ Архедемомъ, а Исократъ въ „Бусирисѣ“, намекая на Платона, называетъ вымысломъ распускаемый хвалителями Сократа слухъ, что Алкивіадъ былъ ученикомъ Сократа. Платонъ отвѣчаетъ тому и и другому тѣмъ, что заставляетъ пьянаго Алкивіада разсказывать, какъ онъ, Алкивіадъ, строилъ любовныя шашни Сократу и лежалъ подъ однимъ съ нимъ плащемъ и какъ былъ очарованъ его философіей. Эта рѣчь своей идеальной силой и геніальной откровенностью должна была ошеломить малодушнаго мѣщанственнаго кропателя рѣчей Исократа и вмѣстѣ его убѣдить, что въ „Пирѣ“ заставляетъ говорить Алкивіада тотъ, „кто либо былъ съ нимъ лично знакомъ, либо по крайней мѣрѣ по положенію своего семейства вполнѣ зналъ характеръ и личныя отношенія Алкивіада, и въ сра-

[115]) I, 23.
[116]) II, 118—119.
[117]) II, 266 f.
[118]) II, 271.

вленіи съ его притязаніями и геніемъ чувствовалъ себя совершенно полноправнымъ или даже высшимъ, а Лисій долженъ былъ видѣть, что Платонъ ничуть не стѣсняется совершенно открыто признать его пошлыя обвиненія, на самомъ дѣлѣ изображая передъ глазами изумленнаго читателя Алкивіада отца подъ однимъ плащемъ съ Сократомъ и вмѣстѣ съ прочими узнать и о нравственномъ величіи Сократа и объ идеальномъ настроеніи Алкивіада „который, ужаленный словно змѣей, философіей Сократа, пришелъ въ дикое состояніе и вслѣдствіе философскаго неистовства и ярости готовъ былъ сказать и сдѣлать все". Во вторыхъ, все изображеніе πάνδημος Ἀφροδίτη и πάνδημος Ἔρως въ рѣчи Павсанія подходитъ къ Лисію, такъ что даже намекъ, что πανδήμους ἑραστάς слѣдуетъ принудить закономъ... воздерживаться отъ благородныхъ женщинъ, можетъ мѣтить въ Лисія, который..., какъ шла молва, имѣлъ такія неблагородныя связи съ женщинами [119]). Наконецъ „очевидныя соотношенія" между рѣчью Лисія въ „Федрѣ" и рѣчью Павсанія въ „Пирѣ" не оставляютъ сомнѣнія, что Лисій отвѣчаетъ на рѣчь Павсанія рѣчью приведенной Платономъ въ „Федрѣ" [120]).

Не менѣе сложны и смѣлы комбинаціи въ доказательствахъ, что Діонисодоръ въ „Евѳидемѣ" не кто иной, какъ Лисій [121]). У Лисія былъ братъ Евѳидемъ, и Діонисодорова брата Платонъ называетъ Евѳидемомъ; Діонисодора Платонъ представилъ старикомъ и Лисій долженъ былъ быть старикомъ въ то время, когда Платонъ писалъ „Евѳидема (если только діалогъ этотъ написанъ послѣ Исократовой рѣчи „Противъ софистовъ"); Лисій и Евѳидемъ не имѣли въ Аѳинахъ права гражданства и были выходцами изъ Ѳурій, и Евѳидемъ и Діонисодоръ названы Платономъ чужестранцами, бѣжавшими изъ Ѳурій; Евѳидемъ и Діонисодоръ изображены бѣдными, и Лисій и Евѳидемъ послѣ господства Тридцати стали людьми бѣдными. Если уже этихъ сопоставленій достаточно, чтобы установить искомое тождество между Діонисодоромъ и Лисіемъ, то вѣсы склоняются еще рѣшительнѣе въ сторону этого тождества тѣмъ самимъ по себѣ ничтожнымъ обстоятельствомъ, что „какъ Блассъ, повиди-

---

[119]) II, 271 f.
[120]) II, 272.
[121]) I, 28—44.

мому, среди общаго согласія принимаетъ, что хотя Полемархъ и былъ старѣйшимъ изъ сыновей Кефала, Лисій въ свою очередь былъ старше Евѳидема, такъ у Платона Діонисодоръ старше Евѳидема“ [122]). Но существуетъ и еще одинъ доводъ. „Евѳидемъ“, по комбинаціямъ гевристическаго метода, долженъ примыкать къ „Государству“ и такъ какъ въ „Государствѣ“ среди другихъ слушателей упоминаются Евѳидемъ и Лисій, а въ „Евѳидемѣ“ разговаривающими выведены Діонисодоръ и Евѳидемъ, то Діонисодоръ не кто иной какъ Лисій [123]).

Правда, Платонъ изображаетъ Евѳидема и Діонисодора учителями фехтованія и эристики и называетъ уроженцами Хіоса, тогда какъ Лисій и Евѳидемъ были уроженцами Аѳинъ, и вообще начерченный Платономъ образъ Діонисодора вовсе не совпадаетъ съ тѣмъ, какой мы выносимъ изъ знакомства съ рѣчами Лисія [124]); но все это ничего не значитъ: если Лисій и не училъ фехтованію, и не былъ эристикомъ, то онъ одно время держалъ риторскую школу, а риторы, преподавая искусство управлять государствомъ, преподавали и стратегію; къ тому же Лисій принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ, поставилъ отрядъ, снабдилъ его щитами изъ собственной фабрики; эристика также входила въ ораторское искусство; впрочемъ, эристикомъ Лисій могъ съ полнымъ правомъ быть названъ и за его непрестанныя препирательства въ судахъ [125]). Затрудненія съ мѣстомъ происхожденія устраняются частью не совсѣмъ опредѣленнымъ тономъ Платона, частью разными соображеніями, напримѣръ, что хотя Лисій и былъ уроженецъ Аѳинъ, но родъ свой могъ вести изъ Хіоса, частью справками, доказывающими, что мѣсторожденіе и другихъ историческихъ лицъ указывается порою, въ особенности ради смѣха комиками, неправильно и пр. [126]). Наконецъ, общее несоотвѣтствіе также доказываетъ не много, такъ какъ и „другіе изслѣдователи, повидимому замѣтили, что въ Діонисодорѣ мы имѣемъ дѣло съ маскарадомъ, и если мы убѣдимся, что не

---

[122]) На „общее согласіе“, о которомъ говоритъ здѣсь Тейхмюллеръ, Блассъ не указываетъ ни однимъ словомъ, Att. Bereds. I², 346.

[123]) I, 55.

[124]) I, 37.

[125]) I, 32—35.

[126]) I, 41—43. II, 275, n.

должны приступать къ Діонисодору съ сухою серьезностью, то останемся довольными, что Лисій выглядываетъ иначе, чѣмъ какъ бы мы должны были ожидать“ [127]).

Подобнаго же рода и остальныя комбинаціи Тейхмюллера, но отъ анализа ихъ я по необходимости вынужденъ отказаться.

По стезѣ того же „гевристическаго метода“ идутъ въ настоящее время Узенеръ и ученикъ послѣдняго Диммлеръ. Въ написанной подъ руководствомъ Узенера и цѣнимой нѣмецкими критиками диссертаціи объ Антисѳенѣ [128]), Диммлеръ проводитъ мысль, что цѣль Платоновыхъ діалоговъ—полемическая, что въ полемикѣ съ противниками Платонъ пользовался всевозможными средствами, и хотя презиралъ писателей комедій, самъ былъ талантливѣйшимъ изъ нихъ [129]). Ту же точку зрѣнія Диммлеръ развиваетъ и въ написанныхъ позднѣе „Akademica“ [130]). Здѣсь между прочимъ онъ ставитъ на видъ вѣроятность предположенія, что у такого страстнаго и своеобразнаго человѣка, какимъ былъ Платонъ, личныя симпатіи и антипатіи могли часто играть большую роль, чѣмъ фактическіе моменты [131]). Въ „Кратилѣ“, „Евѳидемѣ“, „Гиппіи Меньшемъ“ и „Іонѣ“ Платонъ совершенно также осмѣиваетъ Антисѳена, какъ Аристофанъ Сократа [132]); за спиной Протагора въ „Ѳеэтетѣ“ скрывается Аристиппъ, а за спиной Сократа въ нѣкоторыхъ частяхъ того же діалога—Антисѳенъ [133]); устами „Гиппія Большаго“ говоритъ Исократъ [134]).

Доказательства, приводимыя Диммлеромъ, точно также, какъ у Тейхмюллера, опираются на „смѣлыя комбинаціи“. Напримѣръ, тожество между Іономъ, Гиппіемъ и Антисѳеномъ устанавливается слѣдующими соображеніями. Въ X книгѣ „Государства“, Платонъ, го-

---

127) I, 37.

128) Dümmler, Antisthenica, Berol. 1882. Объ Узенерѣ ib. p. 26, 2: Antisthenem decimo Reipublicae libro refelli docuit Hermannus Usener in scholis de Platonis vita et scriptis hieme 1880/1 publice habitis. См. также статью Узенера Abfassungszeit des Platonischen Phaedrus, Rhein. Mus. XXXV, 1, 147 f. Отзывъ о диссертаціи Диммлера между прочимъ у Natorp, Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum, Berl. 1884, 11. Arch. f. Gesch. d. Philos., III, 4, 524.

129) Ant. 63.

130) Akademika, Beiträge zur Litteraturgeschichte der Sokratischen Schulen. Giessen, 1889.

131) Akad. 168. 202.

132) Ant. 63.

133) Ibid. 55—63.

134) Akad. 56, sq.

воря о хвалителяхъ Гомера, едва ли могъ подразумѣвать кого нибудь другого кромѣ своего стараго и заклятаго врага Антисѳена, который въ то время похвалами Гомеру всѣмъ прожужжалъ уши [135]). Намѣченный въ этой книгѣ вопросъ о знаніи Гомеромъ искусствъ обсуждается въ „Іонѣ“, гдѣ кромѣ того цитуется тотъ же стихъ, которымъ въ „Пирѣ“ Ксенофонта Никератъ отвѣчаетъ на вопросъ Антисѳена. Такъ какъ не вѣроятно, что Платонъ могъ мѣтить въ умершаго къ тому времени Никерата, то надо думать, что подъ маской Іона осмѣивается Антисѳенъ [136]). Въ этомъ нельзя не видѣть „чрезвычайнаго ехидства“ Платона. Воззрѣнія того Антисѳена, который, какъ мы знаемъ отъ Ксенофонта, сильно презиралъ рапсодовъ, Платонъ самымъ нелѣпымъ образомъ излагаетъ устами жалкаго и невѣжественнаго рапсода, чтобы было ясно, что по его, Платона, мнѣнію нѣтъ никакого различія между ничтожнѣйшими Гомеридами и новѣйшими истолкователями Гомера [137]). Въ „Гиппіи Меньшемъ“ Сократъ разсматриваетъ съ Гиппіемъ тотъ же стихъ изъ „Одиссеи“, который разсматривалъ Антисѳенъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, и приводитъ среди другихъ стихъ изъ „Иліады“, который, какъ можно думать, приводилъ въ томъ же сочиненіи и Антисѳенъ [138]). Отсюда слѣдуетъ, что Гиппій не кто иной, какъ Антисѳенъ. Это заключеніе получаетъ еще большую силу въ особенности вслѣдствіе того, что по Сократу въ „Гиппіи Меньшемъ“ невольная ложь хуже вольной, а Платонъ въ „Государствѣ“, перечисляя необходимыя для философа качества, требуетъ между прочимъ, чтобы философъ ненавидѣлъ невольную ложь не меньше чѣмъ вольную, и не барахтался бы въ невольной лжи охотно, какъ свинья въ грязи [139]); но когда дѣло идетъ о свиньяхъ, то едва ли можно подъ ними подразумѣвать у Платона кого либо помимо Антисѳена [140]). Доказательства, что подъ именами Кратила, Евѳидема и Сократа (въ „Ѳеэтетѣ“) скрывается Антисѳенъ, а подъ Протагоромъ въ послѣднемъ діалогѣ Аристиппъ, сводятся къ тому, что Протагорово ученіе сход-

---

135) Ant. 25 sq.
136) Ibid. 27—31.
137) Ibid. 31.
138) Ibid. 31—33.
139) Ibid. 34.
140) Ibid. 4. 58.

но съ Аристиппомъ; а то, что говорятъ Кратилъ, Евеидемъ и Сократъ, походитъ на то, чему училъ Антисеенъ [141]). Точно также въ „Гиппіи Большемъ" мы должны видѣть Исократа потому, что міровоззрѣніе „Гиппія Большаго" и Исократа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совпадаетъ [142]).

4. *Защитники Платона.* Среди этого стройнаго хора голосовъ отрицательной критики, который могъ бы быть увеличенъ другими подобными же, хотя и менѣе обстоятельными или послѣдовательными отзывами, напримѣръ Мейнерса [143]), Гете [144]), Вельккера [145]), Бонница [146]), Бергка [147]), Бузольта [148]), Ланге [149])—чтобы не упоминать менѣе извѣстныхъ — голоса критики положительной остаются почти незамѣченными. Молчаливо или и громко, но безъ обстоятельныхъ доказательствъ [150]), авторитетъ Платона признаютъ весьма многіе; даже наилучшіе изслѣдователи—Риттеръ, Брандисъ, Целлеръ ссылаются на Платона обыкновенно безъ всякой предварительной критики, какъ на источникъ вполнѣ достовѣрный [151]); но поддержать этотъ авторитетъ общими доводами сочли умѣстнымъ только четверо—въ концѣ прошлаго вѣка Теннеманнъ и въ наши дни Наторпъ, Бенаръ и Беннъ.

Теннеманъ ставитъ на видъ соображенія преимущественно историческаго характера. „То обстоятельство (говоритъ онъ) [152]), что мы знаемъ о софистахъ не изъ ихъ собственныхъ сочиненій, а изъ

---

[141]) Ibid. 40—51. 55—61. См. ниже, гл. IV.

[142]) Akad. 56 sq.

[143]) Meiners, Gesch. d. Wissensch. in Griech. u. Rom., 2-r Th., 687 f., Lemgo, 1782.

[144]) Goethe, Plato als Mitgenosse einer christlichen Offenbarung, 1796. Sämmtliche Werke B. XXIX, Berl. 1873, 9 f.

[145]) Welcker, Kleine Schriften, 2-r Th. Bonn, 1845, 425.

[146]) Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. Berl. 1886, 52. 132 f.

[147]) Bergk, Griechische Literaturgeschichte, IV, Berlin, 1887, 430. 447.

[148]) Busolt, Griechische Geschichte, 2-r Th. Gotha, 1888, 580, n 2.

[149]) Lange, Gesch. d. Materialismus, I[3], 28.

[150]) Ueberweg, Grundriss, I[7], 22; Fouillée, Philosophie de Platon II[2], 315. Brochard, Archiv f. Gesch. d. Phil. II, 3, 368. Harpf., Ethik d. Protagoras, Heidelb. 1884, 10. Platon's Protagoras, erkl. v. Sauppe, 3-te Aufl. 10; Münz, Zeitschr. für Philos. und philos. Kritik XCII, 1, 111.

[151]) Впрочемъ, Целлеръ тамъ, гдѣ по ходу доказательствъ нужно, какъ увидимъ, становится на почву отрицательной критики. См. ниже въ гл. IV анализъ свидѣтельствъ Платона объ Антисеенѣ и Аристиппѣ.

[152]) Tennemann, Geschichte der Philosophie, 1-r B., Leipz. 1798, 350—354.

Ксенофонта, Платона и Аристотеля, разумѣется, не благопріятно для безпристрастія исторіи, такъ какъ по крайней мѣрѣ первые два держатъ сторону Сократа противъ софистовъ и обыкновенно изображаютъ ихъ съ слабой или темной стороны. Было бы много лучше, еслибы мы могли эти изображенія сравнить съ сочиненіями софистовъ. Однако же вовсе невѣроятно, чтобы упомянутые писатели изъ пристрастія искажали, извращали или преувеличивали факты. Частью были софисты на половину ихъ современники или во всякомъ случаѣ слишкомъ близкіе къ нимъ по времени люди, чтобы могли они отважиться оскорбить права истины и говорить неправду, которая могла быть очевидной для публики. Если собственное міровоззрѣніе и приверженность къ собственной системѣ и понуждала ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ оцѣнивать софистовъ несправедливо, то во всякомъ случаѣ они должны были по крайней мѣрѣ историческіе факты передавать правильно. Что всѣ эти писатели, изъ которыхъ ни одинъ не молился на другого, при весьма различныхъ взглядахъ и интересахъ, въ главномъ согласуются между собою, служитъ новымъ доказательствомъ истины ихъ изображеній. И чего другого можно было бы ожидать отъ ихъ благороднаго характера? Хотя Аѳинэй и разсказываетъ, будто Горгій, прочитавъ соименный діалогъ, удостовѣрилъ, что онъ никогда не говорилъ того, что̀ заставляетъ его говорить Платонъ, и ничего подобнаго отъ него не слышалъ, однако съ большимъ правомъ можно сомнѣваться, говорилъ-ли это Горгій, такъ какъ еще не извѣстно, былъ ли онъ живъ послѣ 95 Олимпіады, раньше которой Платонъ не могъ написать этого діалога. Но даже если и предположить, что фактъ этотъ вѣренъ, все же онъ не бросаетъ никакой тѣни на вѣрность Платона исторіи, такъ какъ нѣтъ необходимости, чтобы діалогъ въ дѣйствительности происходилъ между говорящими лицами, лишь бы эти лица говорили такъ, какъ они стали-бы говорить на самомъ дѣлѣ, если бы сошлись вмѣстѣ. Но въ этомъ именно и состоитъ своеобразность Платонова діалога, въ которой онъ едва-ли можетъ быть превзойденъ. Какъ сильно даже при вымыслахъ Платонъ держался истиннаго характера лицъ, можно видѣть изъ изображенія Горгія. Если послѣдній въ соименномъ діалогѣ вызываетъ всякаго предложить вопросъ по какому бы то ни было предмету и обѣщаетъ тотчасъ же дать удовлетворительный отвѣтъ, то Платонъ строго при-

держивался исторической истины, такъ какъ извѣстно, что Горгій дѣйствительно это дѣлалъ на торжественномъ собраніи Грековъ въ Олимпіи [153]). Развѣ каждый софистъ не охарактеризованъ съ точностью? У каждаго собственный языкъ, свой собственный образъ дѣйствій. Нигдѣ не видно это яснѣе, чѣмъ въ „Протагорѣ", гдѣ выступаютъ подрядъ многіе софисты. Все это свидѣтельствуетъ о стараніи и талантѣ Платона представлять людей въ ихъ своеобразности. Дѣло при этомъ не въ томъ, что софисты должны были сказать именно то, что̀ заставляетъ ихъ говорить Платонъ, а въ томъ, что они говорятъ своимъ собственнымъ, знаменующимъ ихъ индивидуальность способомъ. Впрочемъ, Платонъ не забываетъ приводить ихъ своеобразныя мнѣнія, не присоединяя чужихъ. Наконецъ Платонъ достаточно защитилъ себя отъ упрека въ пристрастіи, оказывая имъ справедливость своимъ собственнымъ сужденіемъ. Онъ признаетъ за ними обладаніе разнообразными и рѣдкими свѣдѣніями, но отказываетъ имъ въ настоящемъ пониманіи философіи и человѣчности,—сужденіе, въ которомъ къ нему присоединится всякій безпристрастный другъ истины. Но ничто не доказываетъ въ большей мѣрѣ, что Платонъ изображалъ софистовъ какими они были въ дѣйствительности, какъ согласіе съ нимъ Аристотеля. Если два человѣка различнаго образа мыслей, различныхъ точекъ зрѣнія и цѣлей, подтверждаютъ показанія одинъ другого, то эта гармонія можетъ быть объяснена исключительно изъ истины фактовъ и правильности ихъ сужденій. Одно его сочиненіе о софистическихъ умозаключеніяхъ доказываетъ, какъ правильно Платонъ изобразилъ софистовъ и софистическіе фокусы".

Наторпъ приводитъ подобныя же историческія соображенія, но главную силу полагаетъ въ требованіяхъ нравственныхъ. Слѣдуетъ припомнить (замѣчаетъ онъ) [154]), что Платонъ прежде всего писалъ для современниковъ, для аттической публики; что эта публика очень много читала и очень свободно судила; что софисты, Протагоръ въ особенности, были наиболѣе читаемые авторы, возбуждавшіе восторгъ, съ которыми поэтому Платонъ не могъ безнаказанно обращаться по

---

[153]) Cicero, De Finib. II, c. 1. Philostr. Vitae sophist praef. Прим. Теннемана.

[154]) Natorp, Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum, Berl. 1884, 7.

произволу.... „Пусть во всякомъ случаѣ Платону окажутъ долю уваженія, которое вообще обязательно ко всякому историческому лицу. Пусть не возбуждаютъ неосмотрительно унизительныхъ противъ него упрековъ и не выдаютъ легкомысленно извращеній его характера какъ человѣка и писателя за разоблаченную истину. Въ особенности же пусть сознаютъ, что всякое сочиненіе Платона требуетъ для правильнаго пониманія и оцѣнки довольно серьезнаго умственнаго напряженія; что его разговоры не мгновенные продукты прихоти и страсти, но разработанныя, не рѣдко черезъ край искусственныя произведенія такого эстетическаго разсчета, который только возможенъ былъ въ писателѣ, писавшемъ для аттической публики. Пусть прежде всего поймутъ композицію такого образованія и не раньше судятъ о цѣли, изъ которой оно произошло. Кто такимъ образомъ научится уважать писателя, за того я не боюсь, что онъ не научится уважать не философа только, но и человѣка; безъ этого предварительнаго условія легко допускать противъ него несправедливости, отъ невѣдѣнія, а не изъ злобы“ [155]).

Бенаръ полагаетъ въ основаніе своей критики доводы Теннемана, противъ которыхъ, на его взглядъ, „едва-ли можно что возразить“ [156]), но главное доказательство исторической добросовѣстности Платона видитъ въ томъ, что онъ изображаетъ софистовъ согласно съ идеей софистики [157]).

По Бенну, у Платона не могло быть никакой цѣли приписывать хорошо извѣстнымъ историческимъ лицамъ чуждые имъ взгляды. Если онъ и бралъ на себя безграничное право (въ образѣ Сократа) измышлять ради общественнаго блага, то его принципы несомнѣнно не позволили бы ему легкомысленно клеветать на невинныхъ современниковъ, навязывая имъ ненавистныя теоріи, за которыя они не были отвѣтственны. Если бы никто не держался тѣхъ мнѣній, которыя приписаны въ „Государствѣ“ Ѳрасимаху, то не было бы цѣли нападать на нихъ; если же ихъ кто нибудь держался, то почему скорѣе кто нибудь другой, а не Ѳрасимахъ? [158]).

---

[155]) Ibid. 46.

[156]) Bénard, La philosophie ancienne, Paris, 1885, 308.

[157]) Ibid. 310.

[158]) Benn, The Greek Philosophers, Lond. 1882, I, 116 n.

5. *Предварительная антикритика.* Сколь ни убѣдительными могутъ съ перваго взгляда показаться только что приведенныя соображенія защитниковъ Платона, они не могутъ устоять противъ доводовъ отрицательной критики. Указаніе на современность ослабляется взглядомъ на Платоновы діалоги, какъ на комедіи [159]). Предполагать, что Платонъ не могъ безнаказанно лжесвидѣтельствовать на выводимыхъ имъ лицъ, значитъ переносить въ аѳинскую старину нашу точку зрѣнія. Аристофанъ оклеветалъ публично не только Сократа, но и Клеона. Почему не могъ также поступить Платонъ съ софистами? Тѣмъ большая была для него возможность, что комическій поэтъ, какъ лицо общественное, подлежалъ правительственному контролю и въ случаѣ надобности могъ получить внушеніе (какъ напримѣръ Аристофанъ отъ Клеона) [160]), а философъ не зналъ въ такихъ случаяхъ надъ собою общественнаго контроля.

Авторскія возраженія на литературную клевету (насколько можно судить по совершенному отсутствію свѣдѣній о нихъ) были вообще не въ обычаѣ у древнихъ. Еще менѣе было въ обычаѣ обращаться изъ за такой клеветы къ суду. Хотя аѳинскій законъ и предоставлялъ право преслѣдовать за поруганіе добраго имени и злорѣчіе, но мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы тяжба возникла изъ за литературнаго оскорбленія [161]). Правительственныя лица, если находили оскорбленія комиковъ для себя или для своей партіи неудобными, предпочитали закономъ ограничивать свободу комедіи [162]).

Согласіе между Ксенофонтомъ, Платономъ и Аристотелемъ касается только общей оцѣнки, а не частностей; въ основаніи же этой оцѣнки, какъ старается доказать Гротъ [163]), лежитъ унаслѣдованный отъ Сократа всѣми его учениками взглядъ на философію

---

159) Выше, стр. 2. 4. 5. 6. 8. 9. 11. 20.

160) Aristoph. Acharn. 502. 659. Vespae 1285. Anonym. Aristoph. Vita, Bekk. I, XIII. Критическое освѣщеніе вопроса у Müller, Aristoph. Acharn., Hann. 1863, XI—XV.

161) „Uebrigens machten Klagen wegen Verbal-Injurien in Athen nach der herrschenden Ansicht dem Kläger nicht mehr Ehre als bei uns. Lys. c. Theomn. 344, b: ἀνελεύθερον καὶ λίαν φιλόδικον εἶναι νομίζω κακηγορίας δικάζεσθαι“. Hermann, Meier u. Schömann, Der Attische Process, neu bearbeitet v. Lipsius. Berl, 1883—1887, 2-r B., 631.

162) Keck, Quaestiones Aristophaneae historicae, Halis Sax. 1876, 2 sq. Bernhardy, Grundriss der griechischen Litteratur II b.³ 582 f.

163) Выше, стр. 12.

какъ на безкорыстную любовь къ мудрости, прямо противоположный взгляду софистовъ и потому естественно внушавшій къ нимъ ненависть. Во всякомъ случаѣ оцѣнка эта уполномочиваетъ признать софистическую дѣятельность безнравственной лишь поскольку софисты учили призрачной мудрости и не исполняли того, за что брали деньги, но вовсе не уполномочиваетъ вѣрить Платону, что они могли проводить такіе безнравственные взгляды какъ Ѳрасимахъ или Полъ. Въ частности согласіе Аристотеля съ Платономъ могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы мы признали авторитетъ Аристотеля выше авторитета Платона, такъ какъ тамъ, гдѣ Аристотель сообщаетъ сходныя съ Платоновыми свѣдѣнія, онъ по всей видимости черпаетъ не изъ другого источника, а изъ Платона [164]), но къ такому предпочтенію Аристотеля передъ Платономъ, какъ увидимъ, нѣтъ основаній.

Драматическаго таланта Платона никто не отрицаетъ; но талантъ можетъ одинаково служить истинѣ и лжи. Историческія справки, которыми Теннеманъ подтверждаетъ показанія Платона, свидѣтельствуютъ лишь о критической неразборчивости этого историка: Цицеронъ и Филострать, на которыхъ онъ ссылается, пользовались несомнѣнно однимъ только Платономъ [165]).

Соображенія Наторпа имѣютъ характеръ требованій, а не доказательствъ. Предложенный имъ анализъ діалога „Ѳеэтетъ“, вызвавшій эти мимоходныя соображенія, и устанавливаетъ и колеблетъ вѣру въ авторитетъ Платона: отвергая съ полнымъ, какъ убѣдимся, основаніемъ предположеніе о возможности со стороны Платона пристрастной критики, Наторпъ въ тоже время признаетъ, что Платонъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ то, чего они не могли говорить, и осмѣиваетъ однихъ подъ именемъ другихъ [166]). Наконецъ, ссылка на опрометчивость, легкомысліе или незнаніе критиковъ, хотя и вполнѣ справедлива для нѣкоторыхъ изъ нихъ, не можетъ относиться къ такимъ первостепеннымъ изслѣдователямъ какъ Шлейермахеръ и Гротъ.

---

164) См. отдѣлъ о свидѣтельствахъ Аристотеля.

165) Цицеронъ самъ указываетъ на это De Off. II, 1. О Филостратѣ см. анализъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ писателей о софистахъ.

166) Forschungen, 9 f.

Еще слабѣе доводы Бенна. Отвѣтъ на нихъ Беннъ, если бы пожелалъ, могъ-бы найти у всѣхъ отрицательныхъ критиковъ Платона, начиная отъ Аѳинэя и кончая Диммлеромъ.

Несостоятельность предложеннаго Бенаромъ доказательства не требуетъ объясненія, такъ какъ судить о Платоновыхъ изображеніяхъ софистовъ на основаніи внушаемой тѣми же изображеніями идеѣ о софистикѣ, значитъ допускать очевидный кругъ.

Слабость доводовъ положительной критики и подавляющее большинство голосовъ отрицательной могли бы съ самаго начала вселить противъ Платона предубѣжденіе. если-бы даже бѣглый анализъ отзывовъ послѣдней не показывалъ, что къ нимъ необходимо относиться съ большою осторожностью. Отзывы Сократа, Горгія, Фэдона такъ мало засвидѣтельствованы, что если и могутъ быть приняты во вниманіе, то лишь какъ общее выраженіе существовавшаго въ извѣстное время взгляда на Платона. Къ тому же, еслибы они и были историческими, то доказывали бы, по крайней мѣрѣ относительно Горгія и Фэдона, мало, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Штейнгарта, „рѣдко кто бываетъ доволенъ своимъ изображеніемъ, если оно начерчено очень вѣрно и безъ прикрасы“ [167]). Слова Ѳеопомпа о лживости Платона можно одинаково относить и къ философскимъ теоріямъ и къ историческимъ свидѣтельствамъ; враждебный же тонъ Ѳеопомпа находитъ объясненіе какъ въ общей, вошедшей въ пословицу, рѣзкости этого историка [168]), такъ въ частности и въ томъ, что онъ былъ ученикомъ и приверженцемъ Исократа [169]), ненависть котораго къ Платону извѣстна [170]). Изъ словъ Тимона можно только видѣть, что Платонъ обладалъ богатой творческой природой; впрочемъ, Тимонъ былъ извѣстный злорѣчіемъ сатирикъ, поносившій всѣхъ вообще философовъ [171]). Обвинительный

---

[167]) Platon's Werke, II, 356.

[168]) Plut. Lysandr. c. 30. De malign. Herodot. 855, A. Dion. H. 785, 10 R. Polyb. VIII, 11—13. Nep. Alc. 11. Ath. VI, 65. Clemens Strom. 316 Pott и др.

[169]) О Ѳеопомпѣ Pflugk, De Theopompi Chii vita et scriptis, Berol. 1827. Mullerus, Fragmenta historicorum graecorum, I, LXV—LXXVII, Par. 1853. Также изслѣдованія Гольцапфеля, Риля, Зауппе и др. См. главу VII.

[170]) Spengel, Isocrates u. Platon, Abhandl. d. philos. phil. Classe der K. Bayerisch. Akad. d. Wiss. VII, 1855, Atth. III, 731—769. Bernhardt, de Isocratis aemulis, Bonn 1873. Schröder, Quaestiones isocrateae, Traj. ad Rh. 1859.

[171]) О Тимонѣ C. Wachsmuth, De Timone Phlasio ceteristque sillographis graecis, Leipz. 1859.

листъ Аѳинэя дышетъ такой нелѣпой ненавистью къ Платону, что можно спорить развѣ о томъ, чѣмъ Платонъ ее къ себѣ внушилъ. Рѣчи Аристида не имѣютъ другой цѣны, кромѣ произведеній дурной риторики; безпристрастія мы можемъ ожидать отъ нихъ тѣмъ менѣе, что Аристидъ писалъ ихъ съ цѣлью отстоять честь риторовъ, къ которымъ принадлежалъ самъ [172]). Доводы, приводимые Діонисіемъ и Цицерономъ, говорятъ лишь о неглубокомысліи этихъ писателей. Дройзенъ не обосновываетъ своего взгляда, а Бартелеми, Льюисъ и Гротъ строятъ выводы не на провѣренныхъ фактахъ, а на общихъ соображеніяхъ. Къ тому же поверхносность Льюиса въ его „Исторіи философіи“ слишкомъ хорошо извѣстна; даже при небольшомъ знакомствѣ съ Платономъ нельзя изъ чтенія въ этой Исторіи главы о софистахъ не убѣдиться, что Льюисъ либо вовсе не читалъ Платона [173]), либо намѣренно говорилъ неправду изъ любви къ сроднымъ ему по духу софистамъ [174]). Гротъ безспорно основательно изучилъ Платона, но подобно Льюису стоялъ на прямо противоположной Платону точкѣ зрѣнія и вслѣдствіе своего узкаго утилитаризма не могъ въ полной мѣрѣ вникнуть въ духъ Платонова міровоззрѣнія [175]). Мнѣніе Джоуетта, какъ наиболѣе безпристрастнаго изслѣдователя Платона, весьма важно; но онъ недостаточно обосновываетъ свои взгляды; къ тому же они не всегда послѣдовательны и порою (напримѣръ въ замѣчаніяхъ объ отношеніяхъ Платона къ Лисію) говорятъ скорѣе за Платона, чѣмъ противъ него. Единственнымъ основаніемъ для разсужденій Шлейермахера служитъ предвзятое и недоказанное мнѣніе, что въ сочиненіяхъ Платона должна быть полемика. Тоже справедливо о Штальбаумѣ, который къ тому же не различаетъ никакихъ оттѣнковъ въ смѣшномъ, принимая всякую шутку за нас-

---

[172]) О немъ Baumgart, Aelius Aristides als Representant der sophistischen Rhetorik des 2-n Jahrhunderts der Kaiserzeit, Leipz. 1874. Haas, quibus fontibus Aelius Aristides in comparanda declamatione quae inscribitur πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων usus sit. Greifsw. 1884.

[173]) Достаточно указать данную Льюисомъ общую характеристику взгляда Платона на софистовъ: „учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ—въ этомъ и заключалась, по мнѣнію Платона, профессія софистовъ“. Такого нелѣпаго мнѣнія Платонъ нигдѣ не высказывалъ.

[174]) На сродство новѣйшихъ защитниковъ софистовъ съ софистами указываетъ Dühring, Kritische Geschichte der Philosophie, 3-te Aufl., Leipz. 1878, 75.

[175]) Основанія своего міровоззрѣнія Гротъ излагаетъ главнымъ образомъ при анализѣ діалоговъ „Протагоръ“ и „Ѳеэтетъ“. Plato II³, 45 sq. 81 sq. 325 sq.

мѣшку. Точно также по предвзятому мнѣнію судитъ о Платонѣ и Штейнгартъ: Платонъ былъ ученикъ Сократа и потому долженъ былъ въ своихъ раннихъ діалогахъ полемически развивать Сократическія воззрѣнія. „Смѣлыя комбинаціи“ Тейхмюллера и Диммлера быть можетъ и свидѣтельствуютъ о находчивости этихъ писателей, но какъ логическія доказательства не нуждаются въ критикѣ [176]).

6. *Предлагаемый методъ*. Однако, указанные критикой анахронизмы не могутъ быть устранены никакими доводами [177]); не возможно также не согласиться, что у Платона была слишкомъ богатая поэтическая природа, не дозволявшая ему неизмѣнно оставаться въ узкихъ предѣлахъ наличной дѣйствительности; нельзя отрицать и того, что Платонъ относился къ окружающей средѣ не сочувственно; безспорно, что критика составляетъ главное содержаніе его діалоговъ и что всѣ они дышутъ смѣхомъ; несомнѣнно наконецъ и то, что въ нихъ часто слышны отклики на современную Платону литературу. Но есть (какъ увидимъ) большая разница между творческимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и ея искаженіемъ; между созерцательнымъ несочувствіемъ и партійной ненавистью; между полемикой и діалектикой; между желаніемъ осмѣять и ненамѣреннымъ юморомъ. Признавая въ полной мѣрѣ поэтическую и вмѣстѣ критическую природу Платона, его аристократизмъ, разочарованіе современной дѣйствительностью и бьющій ключемъ юморъ, я постараюсь доказать, что при всѣхъ этихъ качествахъ его діалогами (соблюдая тотъ методъ, который будетъ выясненъ ниже) можно пользоваться какъ вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ. Для насъ важно установить эту истину только относительно софистовъ; но по характеру Платоновыхъ свидѣтельствъ о нихъ въ данномъ случаѣ (какъ уже было объяснено) [178]) возможны не прямыя, а лишь косвенныя доказательства. Прежде всего изъ анализа самыхъ основаній фи-

---

[176]) „One might almost fancy that in the subjectivity of his method Teichmüller has read himself into Plato; and that his own constant polemic has filled the fourth century B. C., „unlimited perspective“, with a good deal of the „literary feud“ he there discovers“. A. Goodwin, въ Mind, XI, 119, 1886. Тоже самое примѣнимо и къ Диммлеру.

[177]) Исчерпывающее и безпристрастное изслѣдованіе объ анахронизмахъ у Платона даетъ Zeller въ Philol. und histor. Abhandl. d. k. Akad. d. Wissensch. zu Berlin, 1874, 79. (Ueber den Anachronismus in den platonischen Geschprächen).

[178]) Выше, отд. 1.

лософскаго міровоззрѣнія Платона я выясню, что Платонъ по цѣлямъ и свойствамъ своей литературной дѣятельности не могъ сознательно такъ или иначе лжесвидѣтельствовать на выводимыхъ или упоминаемыхъ имъ лицъ. Затѣмъ сопоставленіемъ свидѣтельствъ Платона о тѣхъ лицахъ, о которыхъ мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ прямыя или косвенныя достовѣрныя свѣдѣнія, съ этими свѣдѣніями, я докажу, что Платоновы показанія въ основныхъ и главныхъ чертахъ вполнѣ согласны съ исторической истиной, а въ остальныхъ (за исключеніемъ лишь подробностей драматической обстановки) ею оправдываются. Краткій анализъ общихъ отзывовъ Платона о современной ему дѣйствительности покажетъ, что при всѣхъ парадоксахъ въ развитіи руководящихъ взглядовъ и построеніи доказательствъ и при несоразмѣрно широкихъ заключеніяхъ отъ данной и близко знакомой ко всей вообще дѣйствительности, въ основаніи всѣхъ этихъ отзывовъ всегда лежитъ или по крайней мѣрѣ очевидно подразумѣвается совершенно вѣрная точка зрѣнія, то есть такая, на которую неизбѣжно должны навести логическая мысль и вдумчивое отношеніе къ жизни, и съ которой поэтому дѣйствительность не должна была представляться въ извращенномъ видѣ, а правильность частныхъ предложенныхъ Платономъ характеристикъ фактически это удостовѣритъ. Наконецъ, чтобы придти къ заключенію о софистахъ, я поставлю на видъ, что свидѣтельства Платона о нихъ по общему тону не отличаются отъ его свидѣтельствъ о другихъ лицахъ и что не только нѣтъ никакого основанія предполагать у него лживыя показанія въ этомъ исключительно случаѣ, а что наоборотъ нигдѣ добросовѣстность его свидѣтельствъ не удостовѣрена имъ самимъ съ такою очевидностью, какъ именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о софистахъ.

Предварительно однако необходимо установить свой взглядъ въ вопросѣ о подлинности Платоновыхъ діалоговъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подлинность Платоновыхъ діалоговъ.

Германская критика.—Англійская критика.—Французская критика.—Предлагаемый методъ.

1. *Германская критика* Въ основаніе всѣхъ вообще изданій полнаго собранія сочиненій Платона полагается обыкновенно перечень этихъ сочиненій, составленный (въ тетралогическомъ порядкѣ, то есть изъ группъ по четыре сочиненія въ каждой) риторомъ Ѳрасиломъ, приближеннымъ императоровъ Августа и Тиберія [1]). До конца прошлаго столѣтія среди издателей и толкователей Платона преобладало убѣжденіе, что Ѳрасиломъ внесены въ списокъ только подлинныя сочиненія Платона. Но съ первой четверти нынѣшняго вѣка вслѣдствіе критическаго толчка даннаго германской наукѣ философіей Канта [2]) вѣра въ авторитетъ Ѳрасила смѣняется сомнѣніемъ. Въ разработкѣ впервые намѣченныхъ, но не предрѣшенныхъ кантіанцемъ Теннеманномъ [3]) вопросовъ объ общемъ характерѣ философіи Платона, одинъ за другимъ выступаютъ критики традиціоннаго воззрѣнія на Платоновъ кодексъ—Шлейермахеръ, Астъ, Зохеръ, Зукковъ, Германнъ, Штальбаумъ, Целлеръ, Мункъ, Штейнгартъ,

---

[1]) Списокъ приведенъ у Diog. Laert. III, 56—61. О Ѳрасилѣ Sevin, Mémoires de l' Académie des Inscriptions, Paris, 1736, 89 sq. Hermann, De Thrasyllo, Lectionsverzeichniss d. Univ. Götting. 1852/3. Suckow, Die wissenschaftliche und künstlerische Form d. Platonischen Schriften, Berl. 1855, 169 f. Grote, Plato I, [3] M. IV 132 — 168. Chaignet, La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871, 115 sq.

[2]) Grote, Plato, I[3], 171.

[3]) Tennemann, System der Platonischen Philosophie, Leipz. 1792. Geschichte der Philosophie 2-r B. Leipz. 1799.

Шаршмидтъ, Ибервегъ и другіе [4]), изъ которыхъ каждый объявляетъ подложными то или другое число діалоговъ, смотря по болѣе или менѣе осторожному характеру своей критики.

Основанія, которыми руководствуются при этомъ критики, двоякія: внѣшнія и внутреннія. Первыя состоятъ въ упоминаніи или неупоминаніи того или другого діалога Аристотелемъ и въ согласіи Ѳрасилова перечня съ другимъ, болѣе древнимъ, но намъ извѣстнымъ лишь изъ краткаго свидѣтельства Діогена Лаерція [5]) спискомъ Платоновыхъ сочиненій, составленнымъ (въ тріологическомъ порядкѣ) александрійскимъ библіотекаремъ и ученымъ Аристофаномъ изъ Византіи [6]). Но эти внѣшнія основанія только въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ критикѣ надежную опору. Подлинность сочиненій Аристотеля вообще не лучше засвидѣтельствована, чѣмъ подлинность сочиненій Платона, а текстъ переполненъ глоссами [7]). Къ тому же, цитуя тотъ или другой діалогъ, Аристотель рѣдко называетъ Платона, а обыкновенно ссылается на слова Сократа или приводитъ заглавіе діалога безъ обозначенія автора [8]). Наконецъ, изъ молчанія Аристотеля нельзя дѣлать заключенія о неподлинности діалоговъ, такъ какъ Аристотель не ставилъ себѣ цѣлью написать исторію философіи, а говоритъ о Платонѣ точно такъ же, какъ и о другихъ философахъ обыкновенно вскользь [9]). Сви-

---

[4]) Platon's Werke von F. Schleiermacher, 1-r Th., 1-r B., 2-te Aufl., Berl. 1817 (Einleitung). Ast, Platon's Leben und Schriften, Leipz. 1816. Socher, Ueber Platon's Schriften, Münch. 1820. Suckow, Die Wissenschaftliche und Künstlerische Form etc. (см. пр. 1) Hermann, Geschichte und System d. Platonischen Philosophie, Heidelb. 1838; Munk, Die natürliche Ordnung d. Platonischen Schriften, Berl. 1857. Schaarschmidt, Die Sammlung d. platonischen Schriften, Bonn, 1866. Ueberweg, Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge d. platonischen Schriften, Wien, 1861. Zeller, platonische Studien, Tüb. 1839. Philosophie d. Griechen II a[4], 440 f. 1889. Stallbaum, Disputatio de Platonis vita, ingenio et scriptis, Leipz. 1857 (ed. 4, v. I Plat. Op. omn.). Steinhart въ предисловіяхъ къ Мюллерову переводу Платона (выше, стр. 9, пр. 55). Многочисленныя монографіи, вызванныя трудами этихъ изслѣдователей, приведены у Ибервега, Grundriss I[7], 140 f. Zeller, Phil. d. Gr. II a[4], 475 f.

[5]) Diog. Laert. III, 61—62.

[6]) Объ Аристофанѣ въ перечисленныхъ ниже, стр. 39, пр. 41 трудахъ Раделя, Ричля, Клиппеля и др.

[7]) Rose, Aristoteles Pseudepigraphus, Lips. 1863. De Aristotelis librorum ordine, Berol. 1854. Brandis, Aristoteles, Berl. 1853, I, 65 f. Ravaison, Essai sur la Metaphysiuqe d'Aristote, Paris, 1837, I, 3, sq. Grote, Plato, I, ch. IV. Schute, On the history of the process by which the Aristotelian writings arrived at their present form. Oxf. 1884.

[8]) Обстоятельный обзоръ Аристотелевыхъ свидѣтельствъ даетъ Zeller, Philos. der Griech. II a[4], 447 f.

[9]) Подобныя соображенія высказаны уже Шлейермахеромъ, Einl. 33. Съ большою силою настаиваетъ на нихъ изъ новѣйшихъ Chaignet, La vie et les ecrits de Platon, 110.

дѣтельство Діогена объ Аристофановомъ спискѣ даетъ слабую опору частью потому, что авторитетъ Аристофана не стоитъ внѣ сомнѣнія [10]), частью по своей неполнотѣ и неопредѣленности: Діогенъ называетъ поименно лишь пятнадцать діалоговъ, раздѣленныхъ по трилогіямъ [11]), а объ остальныхъ ограничивается замѣчаніемъ, что они были поставлены по одиночкѣ, безъ опредѣленнаго порядка [12]).

Недостаточность доводовъ, взятыхъ изъ показаній Аристотеля и Аристофана, заставляетъ критиковъ предпочитать внѣшнимъ основаніямъ внутреннія [13]). Послѣднія состоятъ въ общемъ въ томъ, что критикъ вырабатываетъ извѣстную точку зрѣнія на Платона, и смотря по тому, оправдываетъ тотъ или другой діалогъ эту точку зрѣнія или не оправдываетъ, или вообще подходитъ подъ нее или нѣтъ, признаетъ діалогъ подлиннымъ или подложнымъ. Шлейермахеръ полагаетъ, что Платоновы діалоги стоятъ между собою въ органической связи [14]), опредѣляемой методомъ прогресса отъ перваго возбужденія первоначальныхъ и руководящихъ идей до нѣкотораго, хотя и неполнаго, изложенія отдѣльныхъ наукъ [15]), и что въ единствѣ этого метода и заключается достовѣрнѣйшій критерій подлинности діалоговъ [16]). Астъ, хотя и не признаетъ въ діалогахъ такого систематическаго единства и указываетъ на разнообразіе точекъ зрѣнія и пріемовъ у Платона [17]), не допускаетъ между его діалогами различія по достоинству: истинный критерій подлинности Платоновыхъ сочиненій дается самимъ Платонизмомъ, котораго центральная идея и возвышенная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы полное и въ себѣ гармоническое (τὸ καλὸν κἀγαθόν) представлять во всѣхъ сферахъ жизни какъ единственно цѣнный ея

---

[10]) Ueberweg, Untersuchungen, 190 f. Schaarschmidt, die Sammlung, 88. Suckow, die Wiss. u. Künstl. Form, 165 f. сомнѣвается въ добросовѣстности самаго свидѣтельства Діогена.

[11]) Государство, Тимэй, Критій; Софистъ, Политикъ, Кратилъ; Законы, Миносъ, Епиномисъ; Θеэтетъ, Евѳифронъ, Апологія; Критонъ, Фэдонъ, Письма (неизвѣстно сколько и какія).

[12]) τὰ δ'ἄλλα καθ'ἓν καὶ ἀτάκτως.

[13]) Такъ что, напримѣръ, „Менексенъ", „Гиппій Меньшій" и „Софистъ", не смотря на упоминаніе о нихъ Аристотеля, признаются, какъ увидимъ (ниже, стр. 36, пр. 28) нѣкоторыми за подложные.

[14]) l. s. c. 17.

[15]) Ibid. 21.

[16]) Ibid. 40.

[17]) l. s. c. 37, 39, 41.

принципъ [18]). Точно также думаетъ Зохеръ, что мѣру подлинности діалоговъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ „нормальныхъ сочиненіяхъ", на которыхъ въ особенно крупныхъ и несомнѣнныхъ чертахъ лежитъ печать своеобразнаго духа [19]). Къ Зохеру примкнулъ извѣстный издатель Платона Штальбаумъ [20]). Зукковъ считаетъ „непреложнымъ знакомъ" подлинности правило, что въ основаніи всякаго діалога помимо діалектическаго порядка мыслей долженъ лежать еще научно-логическій законъ, состоящій (по указанію діалога „Федръ") въ томъ, чтобы каждая рѣчь была трехчленною, имѣла голову, остовъ и ноги, и каждая составная часть рѣчи двучленною [21]). По Германну, философское міровоззрѣніе Платона слагалось генетически, по мѣрѣ воздѣйствія обстоятельствъ жизни: критеріемъ подлинности и подложности служитъ соотвѣтствіе діалога тому или другому періоду жизни Платона; критеріемъ подложности сверхъ того—тѣ или другія черты сходства въ свойствахъ и цѣляхъ съ діалогами завѣдомо неподлинными [22]). На взглядъ Мунка, Платонъ желалъ изобразить въ лицѣ Сократа жизнь и дѣятельность совершеннаго философа въ послѣдовательномъ рядѣ драматическихъ произведеній, отъ юности до старости; различные моменты въ жизни Сократа, указанные въ діалогахъ, указываютъ на то мѣсто, которое они должны занимать въ системѣ. Мункъ не считаетъ возможнымъ рѣшить вопросъ о подлинности діалоговъ, пока не будетъ выяснена цѣль литературной дѣятельности Платона, и принимаетъ предварительно тѣ, которые признаны за подлинные большинствомъ критиковъ и оправдываютъ это признаніе художественнымъ внѣшнимъ строеніемъ и органическимъ расчлененіемъ цѣлаго [23]). Ибервегъ соединяетъ воззрѣнія Шлейермахера и Германна, признавая критерій саморазвитія Платона преимущественно для раннихъ произведеній, и критерій методической систематики преимущественно для позднѣйшихъ, написанныхъ по основаніи Академіи [24]). Шааршмидтъ въ основаніе своей критики полагаетъ взглядъ, что Платоновы діалоги представляютъ образчики

---

[18]) Ibid. 40.
[19]) l. s. c. 24.
[20]) l. s. c. XL.
[21]) l. s. c. 181—195, 416—419.
[22]) l. s. c. 413, 419.
[23]) l. s. c. 11.
[24]) l. s. c. 107, 110, 111.

искусства своею собственною дѣятельностью подняться въ область идеальную и въ свѣтѣ этого искусства созерцать сущность души, лучшее государство или даже служащій выраженіемъ высшей гармоніи космосъ вселенной [25]). Целлеръ опредѣляетъ подложность по руководству „рѣшительныхъ внутреннихъ основаній“, которыхъ однако не указываетъ [26]).

Частный видъ доводовъ „на внутреннихъ основаніяхъ“ составляетъ предположеніе, что Платонъ не могъ ни повторять своихъ мыслей и выраженій, ни сходиться въ какихъ либо фактахъ или воззрѣніяхъ съ другими древними авторами и что поэтому подложными должны быть признаны всѣ тѣ діалоги, которые въ цѣломъ или частяхъ могутъ быть объяснены какъ подражаніе другимъ Платоновымъ діалогамъ или же какъ развитіе фактовъ и мыслей, встрѣчающихся у Платона или у другихъ ему современныхъ писателей [27]).

По руководству всѣхъ этихъ внѣшнихъ и внутреннихъ основаній германской критикой признаны не подлежащими сомнѣнію изъ тридцати шести извѣстныхъ подъ именемъ Платона сочиненій только шесть: „Протагоръ“, „Пиръ“, „Фэдръ“, „Фэдонъ“, „Тимэй“, „Государство“ [28]).

---

[25]) l. s. c. 143.

[26]) Ph. d. Gr. II a[4], 445 f.

[27]) Этимъ предположеніемъ особенно широко пользуются Астъ, Шааршмидтъ, Штейнгартъ, Ибервегъ.

[28]) Отвергнуты или признаны сомнительными:

Алкивіадъ II, Гиппархъ, Клитофонтъ, Миносъ, Письма, Соперники — Аст., Герм., Зох., Зукк., Иберв., Целл., Шаар., Шлейер. Штальб., Штейнг.

Епиномисъ—тѣми же, за исключеніемъ Штальб.

Осагъ—тѣми же, за исключеніемъ Зох.

Менексенъ—тѣми же, за исключеніемъ Герм. и Зох.

Алкивіадъ I, Гиппій В., Іонъ — тѣми же, за исключеніемъ Герм., Зох., Штальб. Штейнг.

Лахесъ, Лисисъ, Хармидъ — Аст., Зох., Зукк., Иберв., Шаар.

Менонъ—Аст., Зукк., Иберв., Шаар., Шлейер.

2. *Англійская критика.* Отъ произвола нѣмецкихъ критиковъ (допускающихъ очевидное petitio principii) взялъ подъ свою защиту Ѳрасиловъ перечень Георгъ Гротъ [29]). Философія Платона (доказываетъ онъ) не представляетъ изъ себя единаго стройнаго цѣлаго [30]). Противорѣчія самыя разительныя, при томъ по вопросамъ принципіальнымъ, даже въ тѣхъ діалогахъ, которые единогласно или большинствомъ признаны за подлинные [31]), разсматриваемыя съ точки зрѣнія унаслѣдованнаго отъ Сократа метода, указываютъ на то, что положительная сторона имѣла въ глазахъ Платона значеніе не меньшее, чѣмъ отрицательная [32]), и что каждое его произведеніе выражаетъ ту точку зрѣнія, на которой онъ стоялъ, когда его писалъ [33]). Разница въ художественномъ построеніи общепризнанныхъ діалоговъ не менѣе велика, чѣмъ въ построеніи философскомъ [34]). Поэтому нельзя составить никакой общей схемы, которая могла бы служить мѣриломъ подлинности и подложности діалоговъ; а если бы и можно было на основаніи извѣстной группы діалоговъ составить опредѣленную характеристику, то эта характеристика могла бы быть примѣнима только къ этой группѣ, а для другихъ не была бы обя-

---

Гиппій М.—Аст., Зукк., Шаар., Шлейер.

Евѳифронъ, Евѳидемъ, Критонъ } Аст., Зукк., Ибер., Шаар.

Критій, Политикъ } Зукк., Зох. Иберв., Шаар.

Законы—Аст., Зукк., Целл. (Plat. Stud.).

Парменидъ, Софистъ } Зох., Иберв., Шаар.

Апологія—Аст., Шаар.

Кратилъ—Зукк., Шаар.

Филебъ—Иберв., Шаар.

Горгій—Зукк.

Какъ въ текстѣ такъ и здѣсь, я по необходимости ограничиваюсь лишь мнѣніями первостепенныхъ изслѣдователей. Въ безчисленныхъ посвященныхъ подлинности Платоновыхъ діалоговъ монографіяхъ, авторы (на сколько я могу судить по извѣстнымъ мнѣ образцамъ) идутъ по стезѣ проложенной названными изслѣдователями. Впрочемъ, для насъ важны не подробности, а методъ.

29) Plato, I, ch. IV—VI, 132—280.

30) I, 167, 174, 208, 213, 349, 360, 559. II, 89, 125, 157. III, 165, 463.

31) I, 208 f.

32) I, 246, 269 f. 292.

33) Intr. X. I, 174, 194, 211, 515. II, 278, 387, 396 n. 500, 550 f. III, 20 f.

34) I, 167 f. См. ниже, пр. 36.

зательна [35]). Точно также несовершенство въ содержаніи или формѣ не можетъ служить доводомъ противъ подлинности, такъ какъ мы не имѣемъ никакого объективнаго указанія на то, что все что̀ писалъ Платонъ было совершенно [36]). Нѣтъ ни одного плодовитаго писателя, у котораго всѣ сочиненія были бы одинаково отдѣланы. Къ тому же немыслимо, чтобы такія разработанныя произведенія, какъ „Протагоръ“, „Горгій“, „Пиръ“, „Государство“ вылились разомъ безъ всякихъ предварительныхъ попытокъ [37]). Поэтому на недоконченные и недодѣланные діалоги слѣдуетъ смотрѣть какъ на подготовительныя работы, тѣмъ болѣе, что о старательности, съ какой Платонъ отдѣлывалъ свои сочиненія, существуютъ положительныя свидѣтельства [38]).

За шаткостью внутреннихъ основаній мы должны полагаться исключительно на основанія внѣшнія, то есть такія, которыя даются исторіей. Но эти данныя свидѣтельствуютъ въ пользу Ѳрасила.

Во первыхъ, относительно предохраненія отъ поддѣлки Платоновы сочиненія были поставлены въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ сочиненія всѣхъ другихъ греческихъ авторовъ, въ особенности же Аристотеля, на котораго при рѣшеніи вопроса о подлинности Платоновыхъ діалоговъ принято опираться. Платонъ основалъ постоянную философскую школу съ преемствомъ схоларховъ, процвѣтавшую нѣсколько столѣтій послѣ его смерти. Въ этой школѣ несомнѣнно должны были находиться и тщательно сберегаться либо подлинныя рукописи Платона, либо по крайней мѣрѣ провѣренные съ нихъ списки. Всякій, желавшій пріобрѣсти отъ книготорговца то или другое сочиненіе Платона, всегда имѣлъ возможность (которой для сочиненій другихъ авторовъ не существовало) справиться въ школѣ, подлинно оно или подложно [39]). Напротивъ, сочиненія Аристотеля, хотя онъ точно такъ же, какъ Платонъ, основалъ постоянную школу, пережили полную превратностей исторію. Изъ Аѳинъ они были перевезены въ Скепсисъ и здѣсь въ теченіе цѣлаго столѣтія гнили и поѣдались червями въ погребѣ, спрятанныя отъ жад-

---

35) I, ib. 212.
36) I, 348 f. 387 n. 427 f. 430, 453, 481 и пр.
37) I, 136. III, 21.
38) I, 197.
39) I, 133 f. 140.

ности собиравшихъ библіотеки Пергамскихъ царей, затѣмъ были проданы въ Аѳины Апелликону, который по собственной догадкѣ старался возобновить испорченный текстъ, и наконецъ, по взятіи Аѳинъ перевезены Суллой въ Римъ, гдѣ ихъ исправляли по личнымъ соображеніямъ римскіе грамматики [40]).

Во вторыхъ, Ѳрасиловъ перечень составленъ на основаніи каталоговъ александрійской библіотеки. Это видно какъ изъ того, что Ѳрасилъ помѣстилъ въ своемъ спискѣ между прочемъ тѣ же діалоги, что̀ и александрійскій грамматикъ Аристофанъ, такъ и изъ распредѣленія діалоговъ по тетралогіямъ, внушеннаго, какъ видно изъ составленнаго Аристофаномъ списка, существовавшимъ въ александрійской библіотекѣ обычаемъ своеобразной систематизаціи [41]). А въ александрійской библіотекѣ долженъ былъ храниться экземпляръ несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Платона. Основатель библіотеки, Птоломей Сотеръ, былъ горячимъ почитателемъ философовъ, а его (равно какъ и его преемника Птоломея II) ближайшій помощникъ по устройству библіотеки, Дмитрій Фалерейскій, родившійся въ годъ смерти Платона, былъ послѣдователемъ перипатетической школы и потому навѣрное прежде всего озаботился о пріобрѣтеніи подлинныхъ сочиненій Аристотеля и Платона. Самая организація александрійской библіотеки, устроенная по образцу Академіи и Лицея, служитъ порукой въ этомъ [42]).

Эти разсужденія Грота (какъ вѣрно замѣчаетъ Целлеръ) [43]) опираются на недостовѣрныя предположенія. Гротъ говоритъ не о томъ, что̀ на самомъ дѣлѣ было, а о томъ, что̀ по всей вѣроятности должно было быть. Все же эти предположенія внушены весьма вѣроятной фактической возможностью и потому много убѣдительнѣе приводимыхъ нѣмецкими критиками „внутреннихъ основаній“, не имѣющихъ иногда подъ собой никакой другой почвы, кромѣ чисто субъективнаго „Платоническаго чутья“ (Platonisches Gefühl). Но

---

[40]) I, 137 f.

[41]) I, 141 f. 154 f. Объ александрійской библіотекѣ и музеяхъ Petit Radel, Recherches sur le bibliothèques anciennes et modernes, Par. 1819. Ritschl, die Alexandrinische Bibliothek, Bresl. 1838. (теперь въ Kleine Schriften. Klippel, Das alexandrinische Museum, Gött. 1838. Weniger, Das alexandrinische Museum, Berl. 1875. Göll., Das gelehrte Alterthum, Leipz. 1870, 139 f. Всѣ эти труды въ значительной мѣрѣ внушаютъ довѣріе къ александрійскимъ ученымъ.

[42]) I, 141, 144, 146 f.

[43]) Ph. d. Gr. II a [4] 444 f.

эта большая убѣдительность единственный выводъ, къ которому уполномочиваетъ сопоставленіе мнѣнія Грота съ мнѣніями нѣмецкихъ критиковъ. Вполнѣ согласиться съ Гротомъ нельзя потому, что въ перечень Θрасила внесены нѣкоторыя изъ писемъ, подложность которыхъ удостовѣрена объективными данными (незнакомствомъ ихъ автора съ тѣми историческими фактами, которые должны быть хорошо знакомы Платону [44]). Поэтому вопросъ о подлинности остался и послѣ Грота открытымъ.

Среднимъ между субъективнымъ и объективнымъ методомъ пытается идти Джоуеттъ, предлагая мѣриломъ свидѣтельства Аристотеля и слѣдующія общія правила критики. Въ короткихъ произведеніяхъ скорѣе можно предположить поддѣлку или ошибочное обозначеніе имени автора, чѣмъ въ большихъ; нѣкоторые роды сочиненій, напр. письма и панигирики внушаютъ противъ себя большее подозрѣніе, чѣмъ другіе; сомнительны и тѣ, въ которыхъ замѣтна софистическая окраска, отзвукъ позднѣйшаго времени, легкій характеръ риторическаго упражненія, также тѣ, въ которыхъ можетъ быть открытъ какой нибудь мотивъ къ поддѣлкѣ или сходство съ поддѣлкой, наконецъ тѣ, которыя повидимому внушены какимъ нибудь именемъ или мнѣніемъ, встрѣчающимися въ настоящемъ классическомъ авторѣ. Напротивъ, быть можетъ не найдется ни одного примѣра доказанной подложности какого нибудь древняго произведенія, которое соединяетъ большое превосходство со значительной длиной. На основаніи этихъ критеріевъ, изъ извѣстныхъ подъ именемъ Платона сочиненій съ наибольшею достовѣрностью должны принадлежать ему тѣ, которыя 1) Аристотель приписываетъ Платону, называя его по имени, 2) имѣютъ значительную длину, 3) большое превосходство, 4) гармонируютъ съ общимъ духомъ Платоновыхъ сочиненій. Джоуеттъ однако самъ сознаетъ шаткость этихъ критеріевъ. По указанію ихъ онъ рѣшается признать подложными „Письма“, Алкивіадъ II“, „Гиппархъ“, „Гиппій Большій“, „Епиномисъ“, „Миносъ“, „Соперники“, „Θеагъ“, и сомнительными „Гиппій Меньшій“, „Алкивіадъ I“, „Менексенъ“ [45]).

---

[44]) Karsten, Commentatio critica de Platonis quae feruntur epistolis, Traj. ad Rh. 1864, 114—150.

[45]) Jowett, IV, 483 f. Introd. X. Противъ него въ защиту Грота A. Bain въ Minor Work of G. Grote, Lond. 1873, 109 f.

3. *Французская критика*. Изъ французскихъ изслѣдователей вопросъ о подлинности подробно обсуждаетъ Шэнье [46]). Въ общемъ онъ склоняется на сторону Грота, подкрѣпляетъ историческими доводами авторитетъ Ѳрасила [47]), ставитъ на видъ неосновательность доводовъ на внутреннихъ основаніяхъ [48]) и недостаточность и неубѣдительность указаній Аристотеля [49]); но въ заключеніе самъ по руководству „внутреннихъ основаній“ отрицаетъ принадлежность Платону засвидѣтельствованнаго Ѳрасиломъ „Клитофонта“ [50]). Единственное нововведеніе, которое онъ предлагаетъ въ руководство другимъ, состоитъ въ томъ, что бы пользоваться не одними лишь цитатами Аристотеля, но и указаніемъ другихъ современниковъ Платона — Аристоксена, Дикеарха, Гераклида Понтійскаго, Полемона, Ѳеопомпа, Дуриса [51]). Это нововведеніе не имѣетъ однако никакой цѣны, такъ какъ изъ названныхъ писателей одни хотя и говорятъ о Платонѣ, на его діалоги не ссылаются, а другіе называютъ такіе діалоги, подлинность которыхъ внѣ сомнѣнія [52]).

4. *Предлагаемый методъ*. Къ сколько нибудь твердому выводу въ разсматриваемомъ вопросѣ можно, повидимому, придти лишь слѣдующимъ образомъ. Взявъ за основаніе Ѳрасиловъ списокъ, провѣрить его согласными свидѣтельствами Аристотеля и Аристофана, затѣмъ изъ удостовѣренныхъ такимъ способомъ діалоговъ выдѣлить группу наиболѣе различныхъ по композиціи (напримѣръ, „Софистъ“, „Фэдонъ“, „Тимэй“, „Государство“, „Законы“ и пр.), отмѣтить въ нихъ своеобразности Платонова языка и поставить эти своеобразности мѣриломъ подлинности остальныхъ діалоговъ [53]). Слогъ писателя несомнѣнно отражаетъ на себѣ его духовную жизнь (le style c'est l'homme) и съ измѣненіемъ содержанія этой жизни въ извѣстной мѣрѣ мѣняется. Но при всѣхъ измѣненіяхъ слога, въ немъ всегда сохраняются черты неизмѣнныя, обусловленныя индивидуальностью

---

[46]) Chaignet, La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871, 97.
[47]) Ibid. 111.
[48]) Ibid. 104.
[49]) Ibid. 110.
[50]) Ibid. 155.
[51]) Ibid. 111.
[52]) Zeller, Phil. d. Gr. II a[4], 443, 1.
[53]) Первыя указанія на возможность такого метода даетъ Шлейермахеръ, Pl. W. I, Einl. 36.

умственной организаціи писателя, которыя, за исключеніемъ лишь того случая, если писатель, замѣтивъ ихъ, почему либо пожелаетъ сгладить, остаются его неотъемлемымъ достояніемъ на всю жизнь—своеобразный характеръ этимологическихъ образованій, синтаксическихъ сочетаній, риторическихъ оборотовъ. Чѣмъ меньше замѣтны эти особенности, то есть, чѣмъ больше филологическая критика должна употребить усилій для ихъ обнаруженія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно воспользоваться ихъ указаніями, такъ какъ тѣмъ менѣе вѣроятно предположеніе о сознательномъ подражаніи имъ.

Но въ настоящее время такой филологической разработкѣ положено только начало—въ Англіи Кэмбелемъ и въ Германіи Диттенбергомъ, Гэферомъ, Фредеркингомъ, Шанцемъ, Гомперцемъ, Риттеромъ [54]). До появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этомъ направленіи, самый безопасный путь въ истолкованіи Платона, повидимому, тотъ, чтобы, исключивъ изъ Ѳрасилова списка тѣ изъ „Писемъ", которыя Платону несомнѣнно не принадлежатъ, пользоваться всѣми остальными сочиненіями, не строя однако рѣшительныхъ выводовъ на основаніи тѣхъ, которыя не имѣютъ за свою подлинность никакого объективнаго ручательства помимо авторитета Ѳрасила, но внушаютъ противъ себя наибольшее подозрѣніе либо сильнымъ сходствомъ съ произведеніями подражательными, либо не оправдываемымъ никакими безыскусственными соображеніями (за исключеніемъ художественной изворотливости Платона) несоотвѣтствіемъ съ завѣдомо подлинными діалогами. Этимъ именно путемъ я пойду въ предстоящемъ изслѣдованіи.

---

[54]) Campbell, The Sophistes and Politicus of Plato, Oxf. 1867, XXIV—XLII. The Theaetetus of Plato, 2-nd ed. Oxf. 1883, 274—284. Dittenberger, Sprachliche Kriterien für die Chronologie der Platonischen Dialoge. Hermes, XVI, 1881, 3-r H., 321 f. Hoefer, De particulis Platonis. Bonn, 1882. Frederking, Sprachliche Kriterien für d. Chronol. d. plat. Dial. Jahrb. f. Klass. Philol. 1882, B. CXXV. 525 f. Schanz, Zur Entweckelung des platonischen Stils. Hermes, Bd. XXI, 439—459. Gomperz, Platonische Aufsätze, Wien, 1887. Ritter, Untersuchungen über Plato. Stuttg. 1888. Отрицательная критика подобнаго метода (примѣнительно къ опредѣленію послѣдовательности діалоговъ) у Zeller'a, Ph. d. Gr. II a [4] 512 f. Sitzungsberichte d. k. preussisch. Akad. d. Wissensch. zu Berl. XIII, 1887, 215 f. Archiv. für Gesch. d. Philosoph. I, 416 f. Критика эта справедлива однако лишь относительно односторонних пріемовъ германскихъ изслѣдователей, занимающихся почти исключительно изученіемъ частицъ у Платона, при томъ для опредѣленія не подлинности, а послѣдовательности діалоговъ, но не примѣнима къ Кэмбелю, опирающемуся на разносторонній собранный имъ филологическій матеріалъ. Впрочемъ, о Кэмбелѣ Целлеръ въ данномъ случаѣ вовсе не упоминаетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣль и свойства литературной дѣятельности Платона.

Прямыя заявленія Платона.—Провѣрка изъ метода.—Выводы.

Цѣль и свойства литературной дѣятельности Платона опредѣляются какъ его прямыми указаніями на этотъ счетъ въ „Федрѣ", такъ и анализомъ его воззрѣній на основанія всей вообще философской дѣятельности [1]).

1. *Прямыя заявленія Платона.* Въ основаніи прямыхъ заявленій лежитъ взглядъ, что письмо и чтеніе приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Письмо ослабляетъ память, такъ какъ тотъ, кто полагается на записанное, не сосредоточиваетъ вниманія на лежащемъ въ душѣ знаніи и потому не упражняетъ способности запоминать [2]). Оно не въ состояніи дать отчета въ томъ, что̀ написано,

---

[1]) Hermann, Ueber Plato's schriftstellerische Motive, въ Gesamm. Abhandl. u. Beiträge, Gött. 1849, 281—305. Zeller, Ueber d. Zusammenhang der platonischen u. aristotelischen Schriften mit der persönlichen Lehrthätigkeit ihrer Verfasser, Hermes, XI, 1876, 84—96. Joël, Zur Erkenntniss der geistigen Entwickelung und der schriftstellerischen Motive Plato's. Berl. 1887. (Критика этого труда въ Archiv für Geschichte der Philosophie, I, 413—416). Steger, Platonische Studien, I, Innsbr. 1869. Wolff, die Platonische Dialektik, Zeitschr. f. Philos. LXIV, 200—253, LXV, 12—34; LXVI, 69—85; 185—220. Oldenberg, De Platonis arte dialectica, Gött. 1873. Lukas, die Methode der Eintheilung bei Platon, Halle, 1888 (Критика въ Arch. f. Gesch. d. Philos. II, 697—699). Heyder, Kritische Darstellung und Vergleichung der Aristotelischen und Hegel'schen Dialektik, Erlang. 1845, 59—131. Janet, Etudes sur la dialectique dans Platon et dans Hegel, Paris, 1860. Козловъ, Философскіе этюды, II, Методъ и направленіе философіи Платона, Кіевъ, 1880. „Einleitungen" Шлейермахера и Штейнгарта. „Prolegomena" Штальбаума. Анализы Грота (Plato) и Джоуетта (Dialogues). Критическіе труды Аста, Зуккова, Мунка, Шааршмидта, Ибервега и пр. (см. пред. гл.) Соотвѣтствующіе отдѣлы въ Philos. d. Griech. Целлера, Handbuch der griech röm. Philos. Брандиса, Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus Штейна, Philosophie de Platon Фулье.

[2]) Phaedr. 275, A.

порождаетъ вслѣдствіе этого недоразумѣнія и стало быть не можетъ научить истинѣ. Сверхъ того оно безжизненно и потому безплодно [3]). Писанныя рѣчи во всемъ сходны съ картинами. Какъ произведенія живописи стоятъ точно живыя, а если ихъ спросить о чемъ нибудь, то преважно молчатъ, точно также и писанныя рѣчи на первый взглядъ какъ будто одарены разумомъ, если же для разъясненія того, что̀ ими сказано, обратиться къ нимъ съ вопросомъ, то онѣ отвѣчаютъ всегда одно и тоже [4]). Но самый важный недостатокъ письма тотъ, что оно вселяетъ не истинную, а призрачную мудрость. Нахватавшись изъ книгъ многаго, но не изучивъ какъ слѣдуетъ, люди кажутся многознающими, хотя по большей части остаются незнающими, и въ ложномъ мнѣніи о своей мудрости становятся заносчивыми и для бесѣдъ непригодными [5]). И для самого писателя письмо приноситъ вредъ: какъ скоро рѣчь написана, она, не зная того, съ кѣмъ должно говорить и съ кѣмъ не должно, обращается всюду, одинаково среди понимающихъ и среди тѣхъ, гдѣ ей вовсе не подобаетъ быть, и ложно толкуемая и не по праву оскорбляемая, но безоружная въ самозащитѣ, всегда нуждается въ помощи своего отца [6]). Истинный путь усвоенія и распространенія знаній не посредствомъ писанной рѣчи, а посредствомъ родной ея сестры, которой писанная рѣчь служитъ лишь слабымъ подобіемъ (εἴδωλον)—посредствомъ живой и одушевленной рѣчи человѣка знающаго, которая въ душу учащагося вписывается научно (μετ᾽ ἐπιστήμης), никогда не бываетъ безплодною, а наоборотъ служитъ залогомъ безсмертнаго творчества, знаетъ съ кѣмъ слѣдуетъ говорить и съ кѣмъ молчать, и способна помогать своему отцу [7]). „Кто опытенъ въ діалектикѣ, тотъ можетъ взять подходящую душу и насаждать и сѣять въ ней согласно съ наукой рѣчи, способныя помочь какъ себѣ самимъ, такъ и сѣятелю, не безплодныя, но содержащія въ себѣ сѣмя, изъ котораго въ другихъ душахъ выростаютъ другія сѣмена, и дѣлающія это сѣмя безсмертнымъ и доставляющія обладателю имъ такое счастье, какое только возможно для человѣка“ [8]). Нельзя ко-

---

[3]) Очевидно изъ сопоставленія съ нижеслѣдующимъ.
[4]) Ibid. 275, D.
[5]) Ibid. 275, B.
[6]) Ibid. 275, E.
[7]) Ibid. 276, A—277, A.
[8]) Ibid. 276, E—277, A.

нечно отрицать, что приносятъ долю пользы и писанныя рѣчи: въ нихъ, какъ въ сокровищницу, человѣкъ кладетъ свои замѣтки, съ тѣмъ, что бы онѣ служили напоминаніемъ того, что онъ зналъ раньше —прежде всего для него самого, когда наступитъ старость, а за тѣмъ и для всѣхъ тѣхъ, кто идетъ по той же стезѣ; кромѣ того, онѣ доставляютъ благородную забаву: вмѣсто того, что̀ бы орошать себя пирами и проводить время въ подобныхъ этому увеселеніяхъ, гораздо лучше засѣивать чернилами сады письма, радуясь всходу нѣжныхъ, хотя и мало полезныхъ растеній [9]). Но философъ долженъ постоянно держать въ умѣ, „что во всякой писанной рѣчи, о чемъ бы она ни была, всегда необходимо должно быть много пустого, что ни одна ни размѣренная, ни неразмѣренная рѣчь, будь она написана или только сказана, не имѣетъ большой цѣны, если, подобно тому, какъ дѣлаютъ рапсоды, произносится безъ критики и изученія, лишь для того, чтобы убѣдить, что изъ этихъ рѣчей по истинѣ наилучшія тѣ, которыя служатъ напоминаніемъ для знающихъ, но что только въ тѣхъ рѣчахъ, которыя (живымъ словомъ) говорятъ о справедливомъ, прекрасномъ и благомъ съ цѣлью научить и научиться и по истинѣ вписываются въ душу, только въ нихъ однихъ есть достовѣрность, совершенство и цѣнность. Такія рѣчи философъ долженъ признавать какъ бы своими родными дочерями, прежде всего ту, которую послѣ поисковъ найдетъ въ себѣ самомъ, затѣмъ тѣхъ ея сестеръ и потомковъ, которые народились отъ нея въ душѣ другихъ людей и ея достойны, а съ остальными долженъ распрощаться“ [10]).

2. *Провѣрка изъ метода.* Если бы существовали какія нибудь доказательства того, что проведенный въ „Фэдрѣ“ взглядъ выражалъ точку зрѣнія Платона за все время его философской дѣятельности, и что Платонъ всегда былъ вѣренъ своимъ словамъ, то достаточно было бы только что приведенныхъ его заявленій, что бы, вопреки мнѣнію отрицательной критики, убѣдиться, что его сочиненія не могли быть написаны съ цѣлью обличительной проповѣди или полемики и что поэтому у него не было никакихъ сознательныхъ побужденій извращать истину. Но такъ какъ не существуетъ

---

[9]) Ibid. 276, B—277, A.
[10]) Ibid. 277, E—278, B.

ни того, ни другого доказательства и такъ какъ сверхъ того безъ освѣщенія изъ общей методологіи Платона его желаніе насаждать діалектикой сѣмена философскаго творчества въ душахъ другихъ людей можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что онъ желалъ въ своихъ сочиненіяхъ полемикой съ противоположными ученіями отстаивать и распространять свое собственное, а его взглядъ на письмо какъ на забаву можетъ дать поводъ заподозрить, что въ полемикѣ онъ не стѣснялся истиной, то для того чтобы, примѣнительно къ характеру его историческихъ свидѣтельствъ, выяснить цѣль и свойства его литературной дѣятельности, необходимо посмотрѣть, соотвѣтствуютъ-ли прямыя заявленія въ „Фэдрѣ“ общему духу Платоновой философіи, на сколько о немъ можно судить изъ разсѣянныхъ по всѣмъ вообще діалогамъ замѣчаній о цѣляхъ и методѣ философіи, и оправдываются ли этими замѣчаніями указанныя выше толкованія, или нѣтъ.

Для Платона философъ, по самому значенію слова, есть любомудрый или любознательный [11]), тотъ, кто добровольно желаетъ вкусить всѣхъ знаній, идетъ охотно къ ученію и въ немъ ненасытимъ [12]). Философія есть стяжаніе знанія [13]) и занимаетъ поэтому средину между мудростью и невѣжествомъ. Мудрецъ не можетъ стремиться къ мудрости потому, что ею обладаетъ; невѣжда не можетъ къ ней стремиться потому, что мнитъ себя въ обладаніи ею [14]). Цѣль философіи—уразумѣть то истинное, вѣчное, неизмѣнное, безусловное, непредполагаемое, благое и прекрасное, что̀ даетъ основаніе бытію и знанію, но выше бытія и прекраснѣе знанія, и объяснить изъ него все разнообразіе сущаго [15]). Философъ поэтому тотъ, кто постоянно обращаетъ мысль къ истинно сущему [16]) и радостно его привѣтствуетъ [17]), а философія—поворотъ и восходъ души на истинный путь бытія [18]). Хотя цѣль философіи для совершеннаго разума несомнѣнно

---

11) De Rep. 376, B.
12) Ibid. 475, B—C.
13) Euthyd. 288, D.
14) Sympos. 203, E—204, A. Lysis, 218, A.
15) Ниже, пр. 21.
16) Soph. 254, A.
17) De Rep. 480, B. 484, B. 485, B.
18) Ibid. 521, C.

достижима, такъ какъ безусловно сущее безусловно познаваемо [19]), однако изъ самого опредѣленія философіи ясно, что философъ никогда не можетъ считать себя въ обладаніи полною и совершенною истиной. Такое обладаніе свойственно одному богу [20]). Сколь бы ни тверда была вѣра философа въ то или другое выработанное имъ положеніе, всякое положеніе, даже самое основное, есть всегда лишь предположеніе, только ступень или опора на пути къ непредполагаемому, и истина его, пусть даже и несомнѣнная, не исключаетъ возможности другого предположенія, истина котораго еще ближе къ непредполагаемому.

Съ предметомъ философской мысли (поясняетъ Платонъ свой методъ) [21]) „соприкасается самъ разумъ способностью діалектики, дѣлая предположенія не началами, а на самомъ дѣлѣ предположеніями, какъ бы какими ступенями и опорами, что бы дойти до непредполагаемаго, къ началу всѣхъ вещей, и затѣмъ, взявшись за него и касаясь того чтò съ нимъ соприкасается, низойти къ концу, не пользуясь при этомъ ничѣмъ чувственнымъ, но самими идеями, посредствомъ идей и для идей, и окончить идеями“. Задача эта—чистый идеалъ, къ осуществленію котораго слѣдуетъ стремиться, но который никогда не можетъ быть осуществленъ вполнѣ. Непредполагаемое діалектики есть едва доступная человѣческому разумѣнію идея блага [22]), тотъ неисповѣдимый „Отецъ и Творецъ всяческихъ, котораго и обрѣсть трудно и обрѣтя невозможно объяснить всѣмъ людямъ“ [23]). Верховное благо въ мірѣ мысли тоже, чтò въ мірѣ вещей солнце. Какъ солнце—источникъ свѣта и зрѣнія, такъ идея блага—источникъ истины и познаванія; но какъ зрѣніе и свѣтъ, хотя и отъ солнца, сами не солнце, а только солнцевидны, точно также истина и знаніе хотя и отъ блага, сами не благо, но лишь благовидны. Поэтому свойство блага надо ставить выше истины и познаванія. Тѣмъ непостижимѣе высится благо надо всѣмъ, что

---

[19]) Ibid. 477, A.

[20]) Sympos. 203, E, сл. Phaedr. 278, D. Parm. 134, C.

[21]) De Rep. 511, B—C.

[22]) De Rep. 518, C, ниже, пр. 25. 532, A.

[23]) Tim. 28, C. Исчерпывающія доказательства тожества между идеей Блага и Отцомъ и Творцомъ всяческихъ, вмѣстѣ съ опроверженіемъ противоположныхъ мнѣній, даютъ Fouillée, La philosophie de Platon II ², 121—132 и Zeller, Ph. d. Gr. II a ⁴, 710 f.

даетъ всему не только способность быть познаннымъ, но бытіе и сущность, такъ однако, что само оно не сущность, а за ея предѣлами и выше ея по достоинству и силѣ [24]). Стоя на самомъ краю умопостигаемаго, идея блага едва зрима [25]); предѣлъ философіи тамъ, гдѣ начинается созерцаніе идеи [26]).

Наиболѣе достовѣрно изъ всѣхъ философскихъ предположеній предположеніе о существованіи идей [27]), такъ какъ оно наиболѣе удовлетворительно объясняетъ вопросы бытія и происхожденія [28]); однако и его нельзя считать безусловнымъ. „Если тебѣ (говоритъ Сократъ въ „Фэдонѣ“) придется дать отчетъ въ самомъ предположеніи объ идеяхъ, то ты дашь точно такъ же, какъ и во всемъ остальномъ, сдѣлавъ новое высшее предположеніе, которое тебѣ покажется наилучшимъ, пока не придешь къ чему нибудь удовлетворительному“ [29]). „Даже самыя основныя предположенія (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), хотя бы и были въ вашихъ глазахъ достовѣрными, все же должны быть вами разслѣдованы еще съ большей ясностью; и если вы ихъ достаточно разберете, то, какъ я думаю, убѣдитесь доказательствами, на сколько вообще возможно убѣдиться человѣку, и когда вамъ станетъ ясно, то не будете дальше разслѣдовать“ [30]). Такое успокоеніе однако возможно лишь относительно частныхъ вопросовъ, но не всей вообще истины, и во всякомъ случаѣ не должно быть слѣдствіемъ легкомыслія [31]). Основныя положенія, какъ бы достовѣрны они ни были, всегда имѣютъ цѣну лишь до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты [32]). Въ нихъ дается не

---

[24]) Ibid. 508, E—509, B.

[25]) Ibid. 505, A. 517, B: καὶ μόγις ὁρᾶσθαι. 532, B.

[26]) Sympos. 211, B: ὅταν δή τις... ἀνιὼν ἐκεῖνο τὸ καλὸν ἄρχηται καθορᾶν, σχεδόντι ἅπτοιτο τοῦ τέλους. „Непредполагаемое“ Платона такимъ образомъ въ гносеологическомъ отношеніи соотвѣтствуетъ Кантовымъ идеямъ, какъ регулятивнымъ принципамъ. Kritik der reinen Vernunft, 356 f. 392 f. (Hartenstein, Leipz. 1868).

[27]) Phaedo 100, D. 101, D.

[28]) Ibid. 100, B, сл.

[29]) Ibid. 101, D—E. 100, A.

[30]) Ibid. 107, B.

[31]) De Rep. 504, C.

[32]) На относительный характеръ своихъ предположеній Платонъ указываетъ выраженіями въ родѣ: θεὸς δέ που οἶδεν εἰ ἀληθές (по поводу ученія о благѣ и проч.). De Rep. 517, B: ἀλλ' αὐτὸ τ' ἀληθές, ὅ γε δή μοι φαίνεται· εἰ δ'ὄντως ἢ μὴ οὐκέτ' ἄξιον τοῦτο διϊσχυρίζεσθαι, ἀλλ' ὅτι μὲν δὴ τοιοῦτόν τι ἰδεῖν, ἰσχυριστέον (о познаніи сущаго). Ib. 533, A. Soph. 259, A: ἃ δὲ νῦν εἰρήκαμεν εἶναι τὸ μὴ ὄν, ἢ πεισάτω τις ὡς οὐ καλῶς λέγομεν ἐλέγξας, ἢ μέχριπερ ἂν ἀδυνατῇ, λεκ-

сама истина, но ея чаянія. Философская Муза ничего не утверждаетъ безусловно, а только догадывается [33]). Самоувѣренный тонъ къ лицу лишь мудрецамъ или тѣмъ, которые мнятъ себя мудрыми [34]). Напротивъ, вся жизнь философа въ исканіи истины [35]). Философъ тотъ, кто неутомимъ въ этихъ поискахъ [36]), кто не придаетъ цѣны разсужденіямъ, способнымъ предрасположить къ лѣни или ослабить жажду исканія, но охотно занимается тѣми, которыя побуждаютъ къ труду и исканію [37]). Философское трудолюбіе не должно хромать ни въ чемъ: философъ всегда охотно слушаетъ, учится и ищетъ [38]).

Путь къ постиженію истины не наблюденіе надъ чувственными вещами, не чтеніе книгъ и не обученіе, но, какъ уже сказано, діалектика, то есть построенная на добытыхъ психологическимъ и логическимъ анализомъ правилахъ живая бесѣда [39]). Чувственныя вещи непрестанно измѣняются, возникаютъ и преходятъ, и не только не даютъ для мысли опоры, но способны ослѣпить душу [40]). Книги безплодны потому, что не могутъ пояснить того, что̀ въ нихъ написано и допускаютъ вслѣдствіе этого различное толкованіе ихъ содержанія [41]). „Когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные, то у нихъ не увидишь ни флейтщицъ, ни танцовщицъ, ни пѣвицъ, такъ какъ они и безъ этихъ бездѣлокъ и ребячества могутъ бесѣ-

---

τέον κἀκείνῳ, καθάπερ καὶ ἡμεῖς λέγομεν и пр. Protag. 388, E: ἕως ἄν τις ἡμᾶς ἄλλῳ πείσῃ. Gorg. 527, A: καὶ οὐδέν γ' ἂν ἦν θαυμαστὸν καταφρονεῖν τούτων, εἴ πῃ ζητοῦντες εἴχομεν αὐτῶν βελτίω καὶ ἀληθέστερα εὑρεῖν и пр. Meno, 86, B: καὶ τὰ μὲν γ' ἄλλα οὐκ ἂν πάνυ ὑπὲρ τοῦ λόγου διισχυρισαίμην (о знаніи, какъ воспоминаніи), ὅτι δ', οἰόμενοι δεῖν ζητεῖν ἃ μὴ τις οἶδε, βελτίους ἂν εἶμεν καὶ ἀνδρικώτεροι καὶ ἧττον ἀργοὶ ἢ εἰ οἰοίμεθ' ἃ μὴ ἐπιστάμεθα μηδὲ δυνατὸν εἶναι εὑρεῖν μηδὲ δεῖν ζητεῖν, περὶ τούτου πάνυ ἂν διαμαχοίμην, εἰ οἷός τ' εἴην, καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ. Ibid. E: ἐξ ὑποθέσεως σκοπεῖσθαι (то есть, какъ тамъ же пояснено, за и противъ). Cratyl. 391, A. 428, A. 439, B. 440, D и пр.

33) Phileb. 67, B: τοὺς τῶν ἐν Μούσῃ φιλοσόφῳ μεμαντευμένων ἑκάστοτε λόγων. Ibid. 64, A: τί ποτ' ἔν τ' ἀνθρώπῳ καὶ τῷ παντὶ πέφυκεν ἀγαθὸν καὶ τίν' ἰδέαν αὐτὴν εἶναι ποτε μαντευτέον. Lys. 516, D: λέγω τοίνυν ἀπομαντευόμενος и пр. Cratyl. 439, C: ὃ ἔγωγε πολλάκις ὀνειρώττω (существованіе идей).

34) Sympos. 208, C: καὶ ἥ, ὥσπερ οἱ τέλεοι σοφισταί, Εὖ ἴσθι, ἔφη. О значеніи слова софистъ „Греческіе софисты", 11, сл.

35) Apol. 28, A. 38, A и пр.

36) De Rep. 411, D. 535, C—D.

37) Meno, 81, D. 86, B.

38) De Rep. 535, C—D.

39) De Rep. 511, B (выше, стр. 47). Phileb. 57, E. Phaedo 99, E сл. Soph. 230, A—E.

40) De Rep. 484, B. 485, B. 490, B. Phaedo, 99, E.

41) Theaet. 164, E. 169, D—E. 171, C. 184, A. Ниже, стр 62.

довать одинъ съ другимъ сами по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая, и все это въ порядкѣ.... Точно тоже должно сказать и о философскихъ собраніяхъ, если въ нихъ находятся такіе люди, какими теперь себя считаютъ многіе изъ насъ: они не имѣютъ нужды въ чужомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ (считаютъ источникомъ всякой мудрости и всѣхъ знаній [42]), но) нельзя спросить о чемъ у нихъ говорится и которыхъ словамъ одни въ своихъ разсужденіяхъ даютъ такой смыслъ, другіе—другой, такъ какъ имѣютъ дѣло съ тѣмъ, отъ чего не могутъ потребовать отчета; они оставляютъ такія бесѣды и разговариваютъ сами отъ себя, испытывая одинъ другого и подвергаясь испытанію посредствомъ собственныхъ словъ. Такимъ людямъ, кажется мнѣ, должны подражать ты и я и, оставивъ поэтовъ, бесѣдовать самимъ отъ себя, испытывая истину и себя самихъ“ [43]).

Какъ изъ внѣшняго міра нельзя почерпнуть знанія, такъ оно не можетъ быть перелито, словно изъ сосуда, изъ одной души въ другую [44]). Истина не внѣ насъ, а въ насъ самихъ [45]). Чтобы сдѣлать ее достояніемъ сознанія, нужно лишь обратить на нее познавательную способность. „Воспитаніемъ должно считать вовсе не то, что̀ иные выдаютъ за воспитаніе, говоря, что способны вложить въ душу познаніе, котораго въ ней нѣтъ, словно въ слѣпые глаза—зрѣніе. Наше же разсужденіе показываетъ, что подобно тому какъ если бы нельзя было повернуть глаза отъ мрака къ свѣту иначе, какъ со всѣмъ тѣломъ, точно также и существующую въ каждой душѣ способность и орудіе, которымъ каждый познаетъ, слѣдуетъ со всею душой оборачивать изъ бываніе, пока она не станетъ способной выносить созерцанія бытія и того, что въ бытіи всего свѣтлѣе, а подъ этимъ мы разумѣемъ благо“ [46]). Наша душа безсмертна, пережила безконечный рядъ воплощеній и какъ въ соединеніи съ тѣломъ, такъ въ особенности передъ каждымъ воплощеніемъ обогащала себя свѣдѣніями [47]). Вслѣдствіе сродства всей природы, каж-

---

[42]) См. главу V.

[43]) Protag. 347, D – 348, A. 329, A.

[44]) Sympos. 175, D. Phaedr. 236, C (иронически).

[45]) Ниже, стр. 52, пр. 57. Также Theaet. 150, D: καὶ τοῦτ' ἐναργές, ὅτι παρ' ἐμοῦ οὐδὲν πώ ποτε μαθόντες, ἀλλ' αὐτοὶ παρ αὑτῶν πολλὰ καὶ καλὰ εὑρόντες τε καὶ κατέχοντες.

[46]) De Rep. 518, C.

[47]) Meno, 81, A—86, B. Phaedo, 72, E—75, C. Phaedr. 245, C, сл.

дое знаніе указываетъ на другое; какъ скоро мы знаемъ одно, ничто не мѣшаетъ намъ найти все [48]). Поэтому душа всевѣдуща, но знанія покоятся въ ней забытыми [49]). Чтобы заставить душу вспомнить ихъ, необходимо пробудить ея дремлющія мыслительныя силы [50]). Такое пробужденіе достигается сознаніемъ противорѣчія. „Не вызываетъ на размышленіе то, что̀ не переступаетъ въ противоположное ощущеніе, тогда какъ то, что̀ переступаетъ въ противоположное ощущеніе, то есть когда ощущеніе говоритъ нисколько не меньше объ одномъ, чѣмъ о противоположномъ, я считаю вызывающимъ на размышленіе“ [51]). Поставленная противорѣчіемъ въ тягостное недоумѣніе душа, что бы выйти изъ него, напрягаетъ свои силы; вслѣдствіе этого покоящіяся въ ней знанія возникаютъ сначала смутно, какъ сонъ, а за тѣмъ пріобрѣтаютъ законченный видъ [52]). „Тѣ, которые обходятся со мной (говоритъ Сократъ въ „Θеэтетѣ“) испытываютъ то же, что̀ родильницы: они мучатся и переполняются затрудненіями дни и ночи, даже больше чѣмъ родильницы; возбуждать и утолять эту муку умѣетъ мое искусство“ [53]). Достигается боль тѣмъ, что діалєктика „разслѣдываетъ блуждающія изъ стороны въ сторону мнѣнія собесѣдника и, сопоставляя ихъ между собой, показываетъ, что они противорѣчатъ одно другому въ одно и то же время, о тѣхъ же самыхъ вещахъ, въ томъ же самомъ отношеніи, тѣмъ же самымъ образомъ“ [54]). Самая мука состоитъ въ позорномъ сознаніи собственнаго невѣжества [55]) и испытывается какъ электрическій ударъ. „Я и до знакомства съ тобой, Сократъ (говоритъ Менонъ), слышалъ о тебѣ, что ты только тѣмъ и занимаешься, что и самъ недоумѣваешь и другихъ вводишь въ недоумѣнія. Да и теперь ты меня очаровываешь, колдуешь и просто заговариваешь, такъ что я переполнился недоумѣніемъ. Ты, мнѣ кажется—если можно пошутить—и видомъ и всѣмъ остальнымъ похожъ на плоскаго морскаго ската. Вѣдь и онъ заставляетъ цѣпенѣть того, кто къ нему

---

[48]) Meno, 81, D.
[49]) Meno, 81, E—D, 85, C. 86, D. Phaedo 72, E, сл.
[50]) Meno, 86, A. Apol. 31, A. De Rep. 534, D—E. Ниже, стр. 56.
[51]) De Rep. 523, B—C сл. 524, Д.
[52]) Meno, 85, C.
[53]) Theaet. 151, A.
[54]) Soph. 230, B. Phileb. 20, A. Charmid. 169, C. De Rep. 487, B—C.
[55]) Soph. 230, B, сл. Sympos. 216, A, сл.

приблизится и до него дотронется. Вотъ и со мной ты теперь сдѣлалъ нѣчто подобное. Я по истинѣ цѣпенѣю душой и устами, и не знаю, что отвѣчать тебѣ. И однако же прежде не одну тысячу разъ говорилъ о добродѣтели многое и въ присутствіи многихъ, и очень хорошо, какъ по крайней мѣрѣ мнѣ самому казалось. А теперь вовсе не могу сказать даже и того, что она такое“ [56]). Освобожденіе отъ муки наступаетъ тогда, когда дремавшія въ душѣ правильныя мнѣнія отъ вопросовъ начинаютъ пробуждаться, въ особенности же тогда, когда, испытанныя неоднократнымъ обличеніемъ, онѣ связываются разсужденіемъ о причинѣ и становятся такимъ образомъ знаніями [57]). Никто не можетъ начать изслѣдованіе, не

---

[56]) Meno, 79, E—80, A. Также 80, C.

[57]) Meno, 85, C. 98, A. Въ виду центральнаго значенія, которое я придаю въ Платоновой діалектикѣ ученію о познаніи какъ о воспоминаніи и существующихъ на этотъ счетъ авторитетныхъ противоположныхъ мнѣній, считаю здѣсь не лишнимъ войти въ подробности этого ученія. Въ „Менонѣ“ на слова Сократа, что онъ только ищетъ, но не имѣетъ готоваго отвѣта на вопросъ о томъ, что такое добродѣтель, Менонъ возражаетъ: «Какимъ же образомъ, Сократъ, станешь ты изслѣдовать то, что тебѣ совершенно неизвѣстно? Что изъ неизвѣстнаго поставишь ты задачей изслѣдованія? И если ты даже найдешь то, что искалъ, то какъ ты узнаешь, что это то самое, чего ты не зналъ? *Сокр.* Знаю, что ты хочешь сказать, Менонъ. Видишь ли какой эристическій доводъ ты подводишь: выходитъ, что нельзя человѣку изслѣдовать ни того, что онъ знаетъ, ни того, чего не знаетъ. Нельзя изслѣдовать того, что онъ знаетъ, такъ какъ это и безъ того извѣстно, и для знающаго нѣтъ никакой нужды въ изслѣдованіи. Нельзя изслѣдовать и того, чего онъ не знаетъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ неизвѣстно, что изслѣдовать. *Мен.* Такъ что жъ, Сократъ, по твоему не хорошъ этотъ доводъ? *Сокр.* По моему нѣтъ. *Мен.* Можешь сказать почему?» *Сокр.* Могу, такъ какъ я слыхалъ отъ многихъ мудрыхъ людей и между прочимъ отъ Пиндара, что душа человѣка безсмертна и то кончается (это называется умираніемъ), то опять рождается, но никогда не погибаетъ.... «Если душа безсмертна и во время своихъ частыхъ возрожденій видѣла то, что на землѣ и что въ преисподней, и вообще всѣ вещи, то нѣтъ ничего, чего бы она не знала, и потому нисколько не удивительно, что она о добродѣтели и о другихъ вещахъ способна воспоминать то, что прежде знала. Вслѣдствіе сродства всей природы и того, что душа знаетъ все, ничего не мѣшаетъ ей при воспоминаніи о чемъ нибудь одномъ (это именно воспоминаніе люди называютъ пріобрѣтеніемъ знанія) найти все остальное, лишь бы человѣкъ былъ мужественъ и неутомимъ въ изслѣдованіяхъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и пріобрѣтеніе знаній есть воспоминаніе. И такъ не слѣдуетъ придавать вѣры тому эристическому доводу. Онъ можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и пріятенъ для слуха людей изнѣженныхъ; напротивъ, наше предположеніе побуждаетъ насъ къ трудамъ и изслѣдованіямъ. Вѣруя въ его истину, я хочу вмѣстѣ съ тобой изслѣдовать, что такое добродѣтель“. (80, E—81, E). Менонъ проситъ разъяснить, какимъ образомъ пріобрѣтеніе знанія можетъ быть воспоминаніемъ. Сократъ призываетъ мальчика, слугу Менона, и при помощи испытующаго обличенія и ряда наводящихъ вопросовъ заставляетъ опредѣлить, чему равна сторона квадрата съ площадью вдвое большею, чѣмъ у даннаго. Получивъ отъ мальчика надлежащій отвѣтъ, Сократъ спрашиваетъ Менона: „Какъ тебѣ кажется, Менонъ, сказалъ ли онъ какое нибудь мнѣніе не свое? *Мен.* Нѣтъ, всѣ его. *Сокр.* И однако же онъ не зналъ, какъ мы сказали немного раньше. *Мен.* Правда. *Сокр.* Но у него были эти мнѣнія или нѣтъ? *Мен.* Были. *Сокр.* Такъ

стало-быть у человѣка, который чего нибудь не знаетъ, существуетъ истинное мнѣніе о томъ, о чемъ онъ не знаетъ? *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Теперь у него эти мнѣнія подымаются и колеблются какъ сновидѣнія; если же его кто нибудь станетъ спрашивать о томъ же самомъ часто и различными способами, то не думаешь-ли ты, что онъ въ концѣ будетъ знать объ этомъ не менѣе отчетливо, чѣмъ всякій другой? *Мен.* Кажется. *Сокр.* Не будетъ-ли онъ это знать не учась у другого, а только отвѣчая на вопросы, и не возьметъ-ли самъ изъ себя знанія? *Мен.* Да. *Сокр.* А брать самому изъ себя знанія не значитъ-ли воспоминать? *Мен.* Конечно. *Сокр.* Но вѣдь то знаніе, которое онъ теперь имѣетъ, онъ либо пріобрѣлъ когда нибудь, либо всегда имѣлъ. *Мен.* Да. *Сокр.* Если бы онъ его всегда имѣлъ, онъ былъ бы и всегда знающимъ; если же онъ его пріобрѣлъ когда нибудь, то ужъ конечно онъ не могъ пріобрѣсти въ настоящей жизни. Или училъ его кто нибудь геометріи? Вѣдь онъ будетъ точно также отвѣчать по всей геометріи и по всѣмъ другимъ наукамъ. Есть, значитъ, кто нибудь, кто его всему этому научилъ? Ты, конечно, долженъ это знать, такъ какъ онъ родился и воспитанъ въ твоемъ домѣ. *Мен.* Я знаю, что никто его никогда не училъ. *Сокр.* Но онъ имѣетъ эти мнѣнія или нѣтъ? *Мен.* Необходимо, повидимому, Сократъ. *Сокр.* Если же онъ не пріобрѣлъ ихъ въ настоящей жизни, то не ясно-ли, что онъ ихъ имѣлъ и узналъ въ какое нибудь иное время? *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Не то-ли это время, когда онъ еще не былъ человѣкомъ. *Мен.* Да. *Сокр.* Если, такимъ образомъ, и теперь, когда онъ человѣкъ, и въ то время, когда онъ не былъ человѣкомъ, у него должны быть истинныя мнѣнія, которыя, пробуждаясь вопросами, становятся знаніями, то не должна-ли его душа обладать знаніемъ вѣчное время, такъ какъ вѣдь ясно, что во все время онъ либо человѣкъ, либо не человѣкъ. *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Такъ если въ нашей душѣ вѣчно находится истина сущаго, то не безсмертна-ли наша душа? Такъ что слѣдуетъ отважно приниматься за изслѣдованіе и воспоминаніе того, чего ты теперь не знаешь, то есть, чего не помнишь" (85, C—86, B). Метафизическимъ воспоминаніемъ полагается разница между знаніемъ и истинными мнѣніями: послѣднія становятся знаніемъ лишь тогда, когда бываютъ связаны αἰτίας λογισμῷ, то есть разсужденіемъ объ ихъ причинѣ; но причина сущаго трансцедентна и постигается лишь метафизическимъ воспоминаніемъ (98, A).

На только что приведенное доказательство Платонъ ссылается въ „Федонѣ" (73, A), но здѣсь даетъ также другое, тѣсно связанное съ идеологіей. Всякое воспоминаніе (разсуждаетъ въ этомъ діалогѣ Сократъ) предполагаетъ предшествовавшее знаніе. Мы можемъ вспоминать какъ въ томъ случаѣ, если вспоминаемое подобно тому, по поводу чего мы воспоминаемъ, такъ и въ томъ случаѣ, если вспоминаемое не подобно тому, на основаніи чего мы вспоминаемъ. Вообще же можно сказать, что воспоминаніе есть возникновеніе одного знанія по поводу другого. Чувственныя вещи не бываютъ ни безусловно сходны, ни безусловно различны, но объ относительномъ сходствѣ или несходствѣ вещей мы судимъ примѣнительно къ безусловному сходству или сходству по себѣ, а это значитъ, что мы имѣемъ знаніе о безусловно сходномъ или о сходствѣ по себѣ. Знаніе это возникаетъ въ насъ по поводу чувственныхъ вещей, и стало-быть оно есть воспоминаніе. Это знаніе должно быть нами пріобрѣтено прежде способности воспринимать и сравнивать чувственныя вещи, потому что при относительномъ сходствѣ всегда предполагается сходство безусловное; но воспринимать и сравнивать способностью обладаемъ мы съ самаго рожденія. Отсюда слѣдуетъ, что знаніе о сходствѣ по себѣ пріобрѣтено нами до рожденія. То, что̀ справедливо о сходствѣ по себѣ, справедливо о всѣхъ вещахъ по себѣ; стало-быть знаніе о всѣхъ вообще вещахъ по себѣ пріобрѣтается нами до рожденія. Но такъ какъ мы объ этомъ знаніи не можемъ дать отчета, то должно заключить, что оно нами забыто; только по поводу чувственныхъ вещей воспроизводимъ мы его, а это воспроизведеніе знанія и есть воспоминаніе. Такимъ образомъ, всякое знаніе указываетъ на то, что настоящей жизни предшествовала другая, когда душа обладала знаніемъ истинно сущаго (73, B—76, D).

О самомъ способѣ созерцанія душой истинно сущаго въ предвѣчной жизни Платонъ говоритъ въ „Федрѣ" (246, A—249, D) и „Тимэѣ" (41, E), въ миѳахъ о жизни души до соединенія съ тѣломъ. Первый изъ этихъ миѳовъ Платонъ заключаетъ знаменательными словами, что

ее ни одна душа, не видѣвшая истинно сущаго, не можетъ вселиться въ человѣческое тѣло, такъ какъ человѣкъ долженъ постигать то, что̀ утверждается о видѣ, идетъ отъ многихъ ощущеній и собирается во едино мышленіемъ (то есть соотвѣтствующее идеѣ понятіе), а это постиженіе есть воспоминаніе о томъ, что̀ нѣкогда видѣла наша душа, сопровождая бога" и пр.; со вторымъ приводитъ въ связь свои великолѣпныя замѣчанія о задачахъ философіи (Tim. 47, A—E. 90, A—D).

Не смотря на то, что, какъ очевидно въ особенности изъ „Менона" и „Фэдона", Платонъ полагаетъ ученіе о предсуществованіи души и о познаніи какъ о воспоминаніи въ основаніе своей гносеологіи (и построенной на ней идеологіи), Гегель (Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, II², 177 f.), а вслѣдъ за нимъ Фіорентино (Saggio storico sulla Filosofia greca, Firenze 1864, 101) и Тейхмюллеръ (Studien zur Geschichte der Begriffe, Berl. 1874, 107 f., Platonische Frage, Gotha 1876) считаютъ это ученіе за чисто поэтическій ненаучный миѳъ, хотя и кроющій въ себѣ (по Гегелю, l. c. 177) ту впервые познанную Сократомъ, а затѣмъ усвоенную Платономъ, истину, что „духъ человѣка самъ содержитъ въ себѣ существенное и что для того, что бы постигать божественное, необходимо развивать его изъ себя и доводить до собственнаго сознанія". Въ противоположность какъ этимъ изслѣдователямъ, такъ и Целлеру, видящему въ ученіи о знаніи какъ воспоминаніи не одно изъ основныхъ предположеній, но лишь слѣдствіе изъ идеологіи (Ph. d. Gr. II a⁴ 835 f.) первостепенную философскую важность этого ученія доказываетъ мимоходомъ Кіанелли въ своей талантливой монографіи Della interpetrazione panteistica di Platone, Firenze, 1881, гдѣ онъ основательно ставитъ на видъ, что знаніе какъ воспоминаніе служитъ центромъ (точнѣе: однимъ изъ центровъ), откуда Платонъ отправляется въ доказательствѣ существованія идей и что безъ метафизическаго воспоминанія и предполагаемаго имъ существованія души до соединенія съ тѣломъ не возможно, съ точки зрѣнія Платона, не только познаніе идей, но и вообще познаніе. La possibilità di conoseere le idee che è l'essenziale del Platonismo (говоритъ онъ, p. 68), è distrutta senza la reminiscenza et la preesistenza, giacchè non potremmo sollevarci a qualche cosa di universale se fossimo circoscritti all' esperienza sensibile, e ciò non sarebbe possibile alla sua volta se non avessimo avuta l'intuizione delle idee in una vita anteriore, per cui solo l'anima umana è capace di poggiare all' idee essendo essa sola come dice Aristotele il τόπος εἰδῶν. Ma anche da un altro lato si raccoglie come la dottrina dell' ἀνάμνησις e della preesistenza sien di somma importanza per Platone. Esse infatti non solo sono prove dell' immortalità nel Fedone, ma quel che è più costituiscono l'unica soluzione del problema posto nel Teeteto „che cos'è la scienza" e come essa sia possibile. La possibilità della Scienza era messa in forse dal dilemma sofistico formulato nel Menone... Platone risponde a questa obbiezione dicendo appunto che il sapere e l'apprendere non è che un ricordarsi di ciò che s'era dimenticato, e appunto perciò nel Teeteto distingue la scienza posseduta κτῆσις e quella usata ἕξις, un sapere in potenza, e un sapere in atto come dirà Aristotele. Въ какой мѣрѣ Платонъ вѣрилъ тому, что̀ разсказываетъ въ своихъ миѳахъ, мы не знаемъ; но различать въ немъ мыслителя отъ поэта съ тѣмъ, что бы добытую этимъ различеніемъ отвлеченную мысль истолковывать въ категоріяхъ собственной системы, какъ это дѣлаютъ Гегель и Тейхмюллеръ, значитъ становиться на очень скользкій въ критическомъ отношеніи путь. Осторожнѣе относится къ вопросу Джоуеттъ, по мнѣнію котораго (The Dialogues, I, 555. III, 130, 228) Платонъ въ одно время своей жизни вполнѣ серьезно утверждалъ предсуществованіе души, а слѣдовательно и взглядъ на познаніе какъ воспоминаніе, но затѣмъ оставилъ и то и другое. Такое мнѣніе однако опровергается ученіемъ о предсуществованіи въ „Тимэѣ" (l. c.). Правда въ „Θеэтетѣ", гдѣ разсматривается вопросъ, о томъ, что̀ такое знаніе, Платонъ хотя и упоминаетъ о „стоящихъ въ природѣ образцахъ" т. е. идеяхъ (176, E), сводитъ вопросъ объ ихъ познаніи на психологическую почву, объясняя возникновеніе основныхъ понятій (о бытіи, небытіи, тожествѣ и пр.) изъ рефлексіи (185, C, сл.); но эмпирическое объясненіе идеи, какъ очевидно изъ приведеннаго выше мѣста „Фэдра", не только не исключаетъ метафизическаго воспоминанія, а наоборотъ на него указываетъ. Во всякомъ случаѣ предполагаемая всѣми вообще діалогами и особенно „Θеэте-

испытавъ предварительно недоумѣнія [58]); удивленіе—начало философіи [59]). Безъ противоположностей невозможно знаніе [60]); тотъ, кто „оставляетъ предположенія неподвижными, (то есть не обсуждаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ), только грезитъ о сущемъ, но его не видитъ“ [61]); наоборотъ, отъ тренія различныхъ рѣчей рѣшеніе вопроса наконецъ появляется какъ огонь отъ костра [62]). Ни въ чемъ люди такъ не расходятся, какъ въ воззрѣніяхъ нравственныхъ; поэтому изслѣдованіе ихъ—главное содержаніе діалектики [63]).

Противорѣчія не только вызываютъ знаніе, но и служатъ его мѣриломъ. Только тотъ можетъ считаться знающимъ, кто умѣетъ дать и принять слово, то есть кто способенъ отстоять свой взглядъ непоколебимыми доводами отъ всѣхъ возраженій и кто сверхъ того можетъ прослѣдить его правильность во всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ изъ него выводахъ. „Діалектикъ тотъ, кто можетъ требовать отчета отъ сущности каждой вещи; а тотъ, кто не усвоилъ этого, поскольку не способенъ дать отчета себѣ и другимъ, по-

---

томъ“ (150, D) способность души черпать знаніе изъ своихъ нѣдръ и требуемое идеологіей познаніе идей по ихъ существу (а не формально только, чрезъ рефлексію) Платонъ долженъ былъ какъ нибудь объяснить, а такое объясненіе можетъ быть лишь метафизическимъ. Поставленныя на видъ Гегелемъ и въ особенности Тейхмюллеромъ колебанія между пантеистическимъ и индивидуалистическимъ взглядомъ Платона на душу дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе, что Платонъ не проводилъ рѣзкой грани между міровой душой и человѣческой въ ея трансцедентной сущности (на что указываетъ особенно ясно ученіе „Тимэя“), хотя съ другой стороны несомнѣнно и то, что эмпирическій индивидуализмъ былъ для него совершенно безспорнымъ фактомъ. Но если Платонъ видѣлъ въ человѣческой душѣ обособившійся абсолютный духъ. то какимъ инымъ болѣе простымъ способомъ, онъ, ничего не знавшій ни о постепенномъ развитіи (эволюціи), ни о постепенномъ откровеніи, и имѣвшій лишь смутное представленіе о потенціальности (Theat. 197, B, сл. Soph. 247, E), могъ объяснить незнаніе какъ не забвеніемъ, а пріобрѣтеніе знаній какъ не воспоминаніемъ? (При чемъ однако, разумѣется, что подобно всѣмъ остальнымъ предположеніямъ и предположеніе о метафизическомъ воспоминаніи имѣло въ его глазахъ лишь относительный характеръ (Meno 86, B, выше, стр. 48, пр. 32). Впрочемъ, къ философской сторонѣ вопроса намъ еще предстоитъ случай вернуться (см. гл. VIII).

[58]) Meno, 84, C. οἶει οὖν ἂ· αὐτὸν πρότερον ἐπιχειρῆσαι ζητεῖν ἢ μανθάνειν τοῦτο, ὃ ᾤετο εἰδέναι οὐκ εἰδώς, πρὶν εἰς ἀπορίαν κατέπεσεν ἡγησάμενος μὴ εἰδέναι, καὶ ἐπόθησε τὸ εἰδέναι.—Οὔ μοι δοκεῖ, ὦ Σώκρατες.—Ὄντητο ἄρα ναρκήσας.—Δοκεῖ μοι.—Σκέψαι δὴ ἐκ ταύτης τῆς ἀπορίας, ὅτι καὶ ἀνευρήσει ζητῶν μετ' ἐμοῦ, οὐδὲν ἀλλ' ἢ ἐρωτῶντος ἐμοῦ, καὶ οὐ διδάσκοντος.

[59]) Theaet. 155, D.

[60]) Leges, 816, D.

[61]) De Rep. 533, B—C.

[62]) Ibid. 435, A: βασανιοῦμεν καὶ τάχα ἂν παρ' ἄλληλα σκοποῦντες καὶ τρίβοντες ὥσπερ ἐκ πυρείων ἐκλάμψαι ποιήσαιμεν τὴν δικαιοσύνην, καὶ φανερὰν γενομένην βεβαιωσαίμεθ' ἂν αὐτὴν παρ' ἡμῖν αὐτοῖς. Phileb. 44, D.

[63]) Phaedr. 263, A. De Rep. 538, C, сл.

стольку не имѣетъ знанія. Точно также и объ идеѣ блага: кто не способенъ въ рѣчи обособить отъ всего остальнаго идею блага и, давъ ей точное опредѣленіе, словно въ битвѣ пройти чрезъ всѣ возраженія, стараясь обличать не по мнѣнію, а по существу, и пролагая себѣ путь каждый разъ непоколебимымъ разсужденіемъ, такой человѣкъ не можетъ знать ни блага по себѣ, ни вообще ничего хорошаго, и если и постигаетъ какой призракъ, то постигаетъ мнѣніемъ, а не знаніемъ; онъ проводитъ поэтому всю жизнь во снѣ и дремотѣ и, не проснувшись ни разу здѣсь, уходитъ въ адъ, чтобы тамъ заснуть вовсе“ [64]). „Истина не ускользнетъ лишь тогда, когда будешь выходить не только изъ предположенія, что что̀ нибудь есть и разсматривать слѣдующіе отсюда выводы, но также и изъ предположенія, что что̀ нибудь не есть. Напримѣръ, если нужно изслѣдовать предположеніе, существуетъ-ли множество, то должно разсмотрѣть что̀ выйдетъ для самого множества по отношенію къ нему самому и къ единому и наоборотъ для единаго по отношенію къ нему самому и ко множеству, а затѣмъ, взявъ предположеніе о несуществованіи множества, снова разсмотрѣть, что̀ выйдетъ для единаго и для многаго какъ по отношенію каждаго изъ нихъ къ самому себѣ, такъ и по отношенію между собою. Точно также, предполагая существованіе или несуществованіе подобія, необходимо прослѣдить, что̀ выйдетъ изъ обоихъ этихъ предположеній и для самого предположеннаго и для всего остальнаго и при томъ какъ по отношенію къ каждому изъ нихъ, такъ и по отношенію между собою. То же самое о неподобномъ, о движеніи и покоѣ, о происхожденіи и разрушеніи, о самомъ бытіи и небытіи. Словомъ, относительно всего, что̀ бы ты каждый разъ ни предположилъ сущимъ или не сущимъ или претерпѣвающимъ другое какое-либо состояніе, должно разсматривать, что̀ выходитъ какъ относительно его самого, такъ и по отношенію къ каждому отдѣльному изъ другого, что̀ тобою избрано, и при томъ одинаково по отношенію ко многимъ и ко всему, а съ другой стороны и для другого какъ по отношенію къ нему самому, такъ и по отношенію къ другому, чтобы ты каждый разъ ни избралъ, предположишь-ли разсматриваемое сущимъ или не сущимъ“. Только при

---

[64]) De Rep. 534, D—E. Также 531, E. Theaet. 174, B. Soph. 259, D. Phaedr. 278, C.

такомъ чрезмѣрномъ трудѣ и всестороннемъ упражненіи возможно узрѣть истину и овладѣть ею [65]).

Поэтому исканіе истины сообща, въ перекрестномъ преніи съ собесѣдникомъ [66]), составляетъ главное занятіе философа. Жизнь, чуждая такимъ задачамъ, не заслуживаетъ названія жизни [67]). Истина достигается не только съ трудомъ, но въ иныхъ вопросахъ для человѣка и вовсе недостижима. „Все же не изобличать всячески того, что̀ о нихъ говорится и отставать раньше, чѣмъ послѣ всесторонняго изслѣдованія совершенно изнеможешь, свойственно лишь очень слабому человѣку. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ достигнуть чего нибудь изъ двухъ: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо, когда это невозможно, принять самое лучшее и неопровержимое человѣческое слово и на немъ, какъ на ладьѣ, попытаться переплыть жизнь, если только нельзя переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на какомъ либо словѣ божіемъ“ [68]). Часто споръ не приводитъ ни къ какому положительному отвѣту, но великое благо уже въ томъ, если душа освободится отъ ложнаго самомнѣнія о своихъ знаніяхъ и, введенная въ болѣзненное недоумѣніе, начнетъ размышлять [69]). Діалектическое очищеніе есть необходимая ступень передъ знаніемъ. Какъ тѣло не можетъ наслаждаться пищей, пока изъ него не будетъ устранено всѐ, что̀ служитъ помѣхой ея воспріятію, точно также и душа не можетъ воспользоваться знаніями, пока изъ нея не будутъ устранены мѣшающія знанію ложныя мнѣнія. Поэтому діалектическое обличеніе „самое великое и главное изъ очищеній, а того, кто не испытанъ такимъ обличеніемъ, хотя бы онъ былъ великимъ царемъ, мы должны считать, какъ неочищеннаго въ самомъ главномъ, невоспитаннымъ и безобразнымъ въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ быть самымъ чистымъ и

---

[65]) Parmen 135, E—136, C.

[66]) Gorg. 498, E: συλλόγισαι κοινῇ μετ' ἐμοῦ. 506, A: ζητῶ κοινῇ μεθ' ὑμῶν. Prot. 358, A: κοινὸς γὰρ δὴ ἔστω ἡμῖν ὁ λόγος. 330, B: κοινῇ σκεφώμεθα. Theaet. 151, E: ἀλλὰ φέρε δὴ αὐτὸ κοινῇ σκιφώμεθα. Crat. 384, C: συζητεῖν μέντοι ἕτοιμός εἰμι... κοινῇ. Lach. 197, E: τῆς κοινωνίας τοῦ λόγου. Men. 90, B: σὺ οὖν ἡμῖν συζήτησον. Charm. 165, B: ἀλλὰ ζητῶ γὰρ μετὰ σοῦ ἀεὶ τὸ προτιθέμενον. Rep. 583, B и пр.

[67]) Apol. вся вообще. 38, A: ὁ δ' ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ.

[68]) Phaedo 85, C—D. Говоритъ Симмій, но, какъ очевидно изъ текста, съ точки зрѣнія Сократа.

[69]) Theaet. 187, C: ἐὰν γὰρ οὕτω δρῶμεν, δυεῖν θάτερον, ἢ εὑρήσομεν ἐφ' ὃ ἐρχόμεθα, ἢ ἧττον οἰησόμεθ' εἰδέναι ὃ μηδαμῇ ἴσμεν. καίτοι οὐκ' ἂν εἴη μεμπτὸς μισθὸς ὁ τοιοῦτος. 210, C.

прекраснымъ тому, кто желаетъ быть по истинѣ счастливымъ“ [70]). Тѣ, которые основываясь на томъ что разсужденія иногда не приводятъ ни къ чему, считаютъ ихъ безполезными, судятъ односторонне: мисологія столь же неосновательна какъ и мисантропія и обличаетъ лишь неумѣнье пользоваться какъ слѣдуетъ своими способностями [71]).

Само собою разумѣется, что философскій споръ долженъ имѣть цѣлью только истину, а не удовлетвореніе честолюбія, не отстаиваніе собственнаго мнѣнія и не осмѣяніе противника. „Пусть философомъ прежде всего руководитъ истина, которую изслѣдовать онъ обязанъ во всемъ и всячески, такъ какъ человѣкъ пустой никогда не получитъ части въ истинной философіи“ [72]). „Думаешь-ли ты, Хармидъ, что если я тебя изобличаю всѣми силами, то изобличаю изъ за чего нибудь другого, а не изъ за того, ради чего я сталъ-бы изслѣдовать и собственныя слова, именно изъ опасенія, какъ бы незамѣтно для себя я не сталъ мнить себя знающимъ, хотя на самомъ дѣлѣ не знаю? И теперь я утверждаю, что разсматриваю твою рѣчь больше всего ради меня самого, а быть можетъ и для другихъ—моихъ друзей. Или ты не считаешь общимъ для всѣхъ почти людей благомъ, когда становится яснымъ какова каждая вещь“ [73])? „Я думаю (повторяетъ Сократъ ту же мысль въ „Горгіи“), что намъ всѣмъ слѣдуетъ соревновать о томъ, чтобы знать, гдѣ истина и ложь относительно того, о чемъ говоримъ, такъ какъ обнаруженіе этого—общее для всѣхъ благо. Поэтому я разслѣдываю въ своей рѣчи такъ, какъ мнѣ дѣло представляется; если же кому изъ васъ покажется, что я соглашаюсь съ собой не въ истинѣ, то должно возражать и обличать. Вѣдь то, что̀ я говорю, я говорю не потому, что знаю, но ищу вмѣстѣ съ вами; поэтому, если будетъ ясно, что возражающій мнѣ говоритъ что̀ нибудь дѣльное, я первый соглашусь“ [74]). „Не думай и ты, Протагоръ, что разговаривая съ тобой, я желаю чего нибудь другого, кромѣ разсмотрѣнія того, въ чемъ

---

[70]) Soph. 230, C—E. Ibid. 229, C. 249, E. Apol. 21, B сл. Alc. I, 117, B, сл. Alc. II, 147, D, Meno 84, A, сл. Gorg. 458, A. 470, C. 506, B—C.

[71]) Phaedo 90, D. сл.

[72]) De Rep. 490, A. Hipp. Maj. 288, D: τοιοῦτός τις, ὦ Ἱππία, οὐ κομφός, ἀλλὰ σωφετός, οὐδὲν ἄλλο φροντίζων ἢ ταὐτηθές.

[73]) Charm. 166, C—D.

[74]) Gorg. 505, E—506, A.

я каждый разъ недоумѣваю“ [75]). „Мы соревнуемъ вовсе не о томъ, чтобы взяло верхъ то, что̀ я положилъ, или то, что̀ ты положилъ, но мы оба должны помогать тому, что̀ наиболѣе истинно“ [76]). „Боюсь обличать тебя, Горгій, какъ бы тебѣ не подумалось, что я соперничаю не въ томъ, чтобы выяснить дѣло, но съ тобою“ [77]). „Мнѣ стѣснительно говорить о Горгіи, такъ какъ ему можетъ показаться, что я смѣюсь надъ его занятіемъ“ [78]). „Что̀ это, Полъ, ты смѣешься? Или это другой видъ доказательства, надсмѣхаться надъ чужими словами, а не обличать ихъ“ [79])? „Не окажешь-ли мнѣ такой милости, не смѣяться надо мною, если я съ трудомъ пойму то, что̀ говоришь, и часто буду спрашивать“ [80]).

Кто бы ни говорилъ, безразлично, лишь бы былъ знающій, откровенный, благорасположенный и говорилъ истину. Должно смотрѣть вовсе не на то, кто сказалъ, но истину-ли сказалъ“ [81]). „Ты теперь дѣлаешь то, что̀ раньше обѣщалъ не дѣлать: пытаешься обличать *меня*, оставивъ въ сторонѣ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь“ [82]). „Почему я буду говорить не отъ своего лица, но имѣя тебя въ виду? Не ради тебя, но для разсужденія, чтобы оно шло впередъ, какъ можно болѣе выясняя то, о чемъ идетъ рѣчь“ [83]). „Люди древніе, которые, конечно, не были такъ мудры, какъ вы, молодые, довольствовались по своей глупости выслушивать даже отъ дубовъ и скалъ, если только они говорили истину; а для тебя быть можетъ не безразлично, кто говоритъ и изъ какой страны, такъ какъ ты смотришь не на то лишь правильно или нѣтъ“ [84]). „Для меня совершенно безразлично, какъ скоро будешь мнѣ отвѣчать, кажется-ли тебѣ именно такъ или не кажется; я больше всего изслѣдую самое разсужденіе, хотя быть можетъ и случается, что меня изслѣдуютъ,

---

[75]) Protag. 348, C.
[76]) Phileb. 14, B.
[77]) Gorg. 457, E. 515, C. Phaedo, 91, A.
[78]) Gorg. 462, E.
[79]) Ibid. 473, E.
[80]) Hipp. Min. 364, D.
[81]) Charm. 161, C.
[82]) Ibid. 166, C.
[83]) Gorg. 453, B. 453, C. 454, C: οὐ σοῦ ἕνεκα. Phileb. 46, B: οὐ μὲν δὴ Φιλήβου γ' ἕνεκα παρεθέμην τὸν λόγον.
[84]) Phaedr. 270, C. 275, B—C

когда я спрашиваю и отвѣчаю“ [85]). „Я очень хорошо знаю, что если ты согласишься со мною въ томъ, что̀ представляется моей душѣ, то это будетъ истиной, такъ какъ думаю, что тотъ, кто имѣетъ способность разслѣдовать надлежащимъ образомъ, живетъ-ли душа правильно или нѣтъ, долженъ обладать тремя качествами, которыми ты обладаешь, знаніемъ, благорасположеніемъ, откровенностью“ [86])…. „Должно почитать всякаго кто говоритъ хотя что нибудь благоразумное и мужественно и трудолюбиво изслѣдуетъ“ [87]).

Никакая угодливость ни мнѣніямъ собесѣдника, ни общественному мнѣнію, не допустима. Одно личное убѣжденіе должно мѣриться съ другимъ личнымъ убѣжденіемъ необходимыми (въ логическомъ смыслѣ) доводами. „Я стараюсь не о томъ, чтобы показалось присутствующимъ истиннымъ то, что̀ я говорю, если только не между прочимъ, но чтобы мнѣ самому казалось какъ можно болѣе, что это такъ…. Поэтому вы, если меня послушаетесь, должны заботиться о Сократѣ лишь весьма немного, но гораздо больше объ истинѣ, и если вамъ покажется, что я говорю истину, согласитесь, а если нѣтъ, то противорѣчьте всѣми способами“ [88])…. „Когда для опроверженія приводятъ много свидѣтелей, то такое доказательство для истины ничего не стоитъ… Поступая такъ, не ты принуждаешь меня согласиться, но толпою многихъ лжесвидѣтелей пытаешься лишить меня имущества и истины. Я же, если не буду въ состояніи привести только тебя одного какъ согласнаго со мной свидѣтеля въ томъ, что̀ говорю, не буду считать, что нами сдѣлано что̀ либо достойное вниманія относительно того, о чемъ мы разсуждаемъ, да полагаю, что точно также и ты, если я не буду свидѣтельствовать за тебя отъ собственнаго лишь лица, и оставишь всѣхъ другихъ въ покоѣ“ [89])…. „О чемъ бы я ни говорилъ, я умѣю представить только одного свидѣтеля, того, съ кѣмъ говорю, а съ остальными прощаюсь, и умѣю подавать свой голосъ только за одного, а съ толпой не разговариваю“ [90])…. „Видишь, Полъ, съ то-

---

[85]) Protag. 333, C.
[86]) Gorg. 486, E—487, A.
[87]) Euthyd. 306, C.
[88]) Phaedo 91, B—C.
[89]) Gorg. 472, A—C.
[90]) Ibid. 474, A.

бой согласятся всѣ, кромѣ меня, а для меня достаточно одного твоего согласія и свидѣтельства; за тебя я подамъ голосъ, а другихъ оставлю въ покоѣ“ [91])... „Если ты со мной согласишься, то это будетъ выяснено достаточно тобою и мною и вовсе не будетъ нужды въ другой пробѣ“ [92])... „Я всегда одинъ и тотъ же и повинуюсь изъ своего ничему другому, кромѣ лишь довода, который по разсужденію окажется наилучшимъ“ [93])... „По этому намъ не очень слѣдуетъ заботиться о томъ, что̀ скажетъ о насъ толпа, но о томъ, что̀ скажетъ одинъ свѣдущій и сама истина“ [94])... „И такъ смотри, цѣлишь-ли ты своей бесѣдой въ кого нибудь или же ни въ кого, но главнымъ образомъ разговариваешь ради себя самого, хотя и не помѣшаешь другому твоими рѣчами воспользоваться“ [95]). „Я вовсе не нуждаюсь при доказательствахъ въ „если желаешь“ или „если тебѣ кажется“, а въ тебѣ и въ себѣ; говоря же „въ тебѣ“ и „въ себѣ“, я подразумѣваю, что дѣло будетъ много лучше, какъ скоро мы отнимемъ „если“ [96]).

Самый споръ долженъ идти методически, отъ болѣе общихъ положеній къ менѣе общимъ, не пропуская при расчлененіи вопроса ни одного промежуточнаго звена [97]), имѣя дѣло лишь съ логически совмѣстимыми членами [98]) и не смѣшивая положеній съ выводами [99]). Положенія всегда должны быть отвлеченны и чужды всякаго чувственнаго содержанія [100]). Мысль каждой изъ сторонъ должна быть ясно и опредѣленно поставлена [101]) продолжительными предварительными обсужденіями, блужданіемъ, обходами и поворотами [102]). Ис-

---

[91]) Ibid. 476, A.

[92]) Ibid. 487, D—E.

[93]) Criton 46, B.

[94]) Ibid. 48, A. Hipp. Maj. 299, B. Lach. 184, D—E.

[95]) De Rep. 527, E—528, A.

[96]) Protag. 331, C. Gorg. 515, D. Sympos. 200, A. De Rep. 485, C. 534, C.

[97]) Phileb. 16, C—17, A.

[98]) Soph. 253, B. сл. 258, A, сл.

[99]) Phaedo, 101, E.

[100]) De Rep. 511, B—C. Выше, стр. 47.

[101]) Gorg. 488, D: τοῦτό μοι αὐτὸ σαφῶς διόρισον и пр. Phaedr. 237, C: περὶ παντὸς μία ἀρχὴ τοῖς μέλλουσι καλῶς βουλεύεσθαι. εἰδέναι δεῖ περὶ οὗ ἂν ᾖ ἡ βουλή, ἢ τοῦ παντὸς ἁμαρτάνειν ἀνάγκη. 269, B—C; 277, B.

[102]) Parmen. 135, C, слѣд. 136, E: ἀγνοοῦσι γὰρ οἱ πολλοὶ ὅτι ἄνευ ταύτης τῆς διὰ πάντων διεξόδου τε καὶ πλάνης ἀδύνατον ἐντυχόντα τῷ ἀληθεῖ νοῦν ἔχειν. Cratyl. 436, D: δεῖ δὴ περὶ τῆς ἀρχῆς παντὸς πράγματος παντὶ ἀνδρὶ τὸν πολὺν λόγον εἶναι καὶ τὴν πολλὴν σκέψιν, εἴτ' ὀρθῶς εἴτε μὴ ὑπόκειται. 428, D.

кусство въ опредѣленіяхъ, дѣленіяхъ и различеніи совмѣстимыхъ и несовмѣстимыхъ понятій—необходимое свойство хорошаго діалектика [103]). Такой діалектикъ долженъ не только въ общемъ обзорѣ сводить разнообразное содержаніе къ единству идеи [104]), но долженъ также ясно „различать, какъ одна идея повсюду проникаетъ многія отдѣльныя и какъ различныя между собой идеи обнимаются одною идеей, и какъ съ другой стороны одна идея связана во едино многими и какъ многія совершенно отдѣльны одна отъ другой“ [105]), а при дѣленіяхъ долженъ кромѣ строгой постепенности заботиться о томъ, чтобы разнять каждую мысль до ея основныхъ неразложимыхъ элементовъ [106]) и при томъ въ мѣстахъ естественныхъ сочлененій, не портя, въ противоположность плохимъ поварамъ, ни одного члена [107]). Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій споръ можетъ быть діалектикой, въ противномъ же случаѣ онъ становится пустымъ словопреніемъ, антилогикой или эристикой, если спорящіе умственно изворотливы [108]).

Съ мнѣніемъ отсутствующихъ или умершихъ діалектика должна обходиться осторожно, чтобы не давать ему произвольнаго толкованія и не оскорблять осиротѣлаго и беззащитнаго слова. „Я боюсь обсуждать ученіе Парменида, такъ какъ мы можемъ не понять его словъ и еще болѣе отстать отъ него въ мысляхъ“ [109])... „Мы сильно нападаемъ на Протагора, только неизвѣстно, попадаемъ-ли въ цѣль.... И если-бы онъ вынырнулъ головою изъ воды, то навѣрное уличилъ бы меня, что я говорю вздоръ, а ты со вздоромъ соглашаешься“ [110])... „Дѣло приняло бы другой оборотъ, если бы онъ былъ живъ; тогда бы онъ во многомъ насъ отразилъ, а теперь мы истязуемъ осиротѣвшее слово“ [111]). „Когда бы онъ здѣсь присутствовалъ самъ и самъ

---

[103]) Phaedr. 266, B. Soph. 253, D. Polit. 285, A. Phileb. 16, C.

[104]) Phaedr. 265, D. 272, A. De Rep. 537, C.

[105]) Soph. 253, D.

[106]) Phaedr. 277, B.

[107]) Phaedr. 265, E. Polit. 287, C. Meno, 79, A.

[108]) О противоположности между діалектикой и антилогикой, не соблюдающей этихъ и ниже указанныхъ правилъ, Phaedo 90, B. Theaet. 154, E. 164, C. Soph. 259, B, ср. Lys. 216, A. Lach. 196, A. Meno 75, D. De Rep. 454, A.

[109]) Theaet. 184, A.

[110]) Ibid. 171, C.

[111]) Ibid. 164, E.

съ нами соглашался, а не мы ему на помощь согласились между собою, то вовсе не надо было-бы подкрѣплять наши доводы снова, но теперь насъ пожалуй кто нибудь сочтетъ не вправѣ давать за него согласіе. Поэтому лучше всего придти въ этомъ дѣлѣ къ возможно болѣе ясному соглашенію, такъ какъ не маловажная ошибка понимать это такъ или иначе“ [112])... „Такъ какъ Горгій отсутствуетъ, то оставимъ его въ покоѣ“ [113]).

Никакія придирки къ словамъ не должны быть терпимы, лишь бы слова были точны и понятны [114]); дѣло не въ словахъ, а въ мысли [115]). „Относительно именъ я тебѣ предоставляю каждый разъ полную свободу; только поясняй, къ чему относится произносимое тобою имя“ [116])... „Теперь мы согласны съ тобой относительно нашего вопроса только въ имени, а то, что̀ называемъ этимъ именемъ, быть можетъ каждый изъ насъ понимаетъ по своему, между тѣмъ во всемъ должно согласиться скорѣе относительно самаго дѣла посредствомъ разсужденій, чѣмъ относительно имени безъ разсужденія“ [117])... „Если-бы ты и я были люди сильные и мудрые и изслѣдовали бы до глубины всю свою душу, мы въ концѣ отъ избытка, что бы попытать другъ друга, сошлись бы по обычаю софистовъ на подобное сраженіе и стали бы крушить одинъ другого рѣчами; но такъ какъ мы люди простые, то давай разсмотримъ только наши мысли сами по себѣ, согласны ли онѣ между собою сколько нибудь или нѣтъ“ [118]). Хотя мысль и должна быть выражена по возможности опредѣленно, но неразборчивая погоня за точностью—признакъ неблагороднаго воспитанія [119]); тотъ, кто не придаетъ слишкомъ большаго значенія словамъ, обезпечиваетъ себѣ подъ старость болѣе плодовитый умъ [120]).

Еще менѣе, чѣмъ погоня за словами, допустимы какія либо уловки [121]): ложь во всѣхъ ея видахъ, какъ вольная, такъ и неволь-

---

[112]) Ibid. 169, D—E.
[113]) Meno 71, D.
[114]) Ibid. 75, D. Crat. 430, B.
[115]) Theaet. 199, A. Gorg. 489, E. 490, A. De Rep. 454, A. Leges 964, A.
[116]) Charm. 163, D.
[117]) Soph. 218, C.
[118]) Theaet. 154, E. 164, C.
[119]) Ibid. 184, C.
[120]) Polit. 261, E.
[121]) Meno 75, D. Theaet. 165, D. Euthyd. pass.

ная, отвратительна для философа [122]). „Въ особенности мы должны считать ту душу дурною, которая, хотя ненавидитъ вольную ложь, тяготится ею и негодуетъ на тѣхъ, кто лжетъ, невольную ложь принимаетъ съ легкимъ сердцемъ, и когда бываетъ поймана въ невѣжествѣ, не негодуетъ, а охотно барахтается въ невѣдѣніи какъ свинья“ [123]). Всего тяжелѣе быть обманутымъ самимъ собою. Чтобы избѣжать этого, спорящій долженъ постоянно оглядываться и оборачиваться на свои слова, смотря вмѣстѣ и взадъ и впередъ [124]). Хотя философъ приступаетъ къ спору въ твердомъ убѣжденіи, что истина никогда не можетъ быть опровергнута [125]), тѣмъ не менѣе, при обсужденіи всѣхъ вообще вопросовъ, въ особенности же важнѣйшихъ, онъ соблюдаетъ величайшую осторожность, чтобы не ввести въ заблужденіе себя и близкихъ людей. „Когда знаешь истину, среди людей разумныхъ и друзей можно смѣло и безопасно говорить о предметахъ величайшихъ и дорогихъ, но когда говоришь не довѣряя себѣ и только ищешь истину, какъ это дѣлаю я, страшно и опасно— не возбудить смѣхъ, такъ какъ это опасеніе дѣтское, но какъ бы сбившись съ истины въ томъ, въ чемъ всего менѣе должно сбиваться, не пасть и своимъ паденіемъ не увлечь друзей“ [126]). Поэтому передъ началомъ разсужденія слѣдуетъ молиться богу [127]).

Возраженія противъ своихъ мнѣній философъ встрѣчаетъ не только безъ сердца, но съ радостью, и притомъ съ тѣмъ большею, чѣмъ возраженія сильнѣе. „Когда Сократъ опровергалъ Зенона, Пиѳодоръ думалъ, что при каждомъ доводѣ Парменидъ и Зенонъ будутъ сердиться, а они слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и, глядя другъ на друга, улыбались, такъ какъ были въ восторгѣ отъ Сократа“ [128]). Точно также, когда Сократу въ „Фэдонѣ“ возражаютъ Симмій и Кебесъ, то вопреки тому, что̀ можно было бы ожидать отъ другихъ, Сократъ принимаетъ доводы съ „удовольствіемъ, благо-

---

122) De Rep. 485, C. 490, B—C: τούτῳ τι μετέσται φεῦδος ἀγαπᾷν, ἢ πᾶν τοὐναντίον μισεῖν Μισεῖν, ἔφη.

123) Ibid. 535, E.

124) Cratyl. 428, D.

125) Gorg. 473, B: τὸ γὰρ ἀληθὲς οὐδέποτ' ἐλέγχεται. Symps. 201, D.

126) De Rep. 450, E—451, A.

127) Phil. 25, B. 61, B. De Rep. 432, C. Tim. 27, C. Leg. 712, B. 893, B.

128) Parmen. 130, A.

расположеніемъ и восторгомъ“ [129]). Въ особенности онъ радуется настойчивости Кебеса, „который всегда выискиваетъ какіе нибудь доводы и не очень скоро убѣждается въ томъ, что̀ говорятъ“ [130]). Согласно съ этимъ, Сократъ заявляетъ въ „Парменидѣ“, что онъ былъ бы въ особенномъ восторгѣ, если бы тѣ затрудненія и путаницу, которыя Парменидъ и Зенонъ прослѣдили въ чувственныхъ вещахъ, они доказали въ полной мѣрѣ въ идеяхъ [131]). А въ „Тимэѣ“ этотъ Пиѳагореецъ ставитъ на видъ, что тому, кто опровергъ бы его и доказалъ, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ онъ думаетъ, его дружественная признательность [132]) будетъ наградой.

Обличенный, освободившись отъ ложнаго о себѣ мнѣнія, долженъ видѣть въ обличителѣ благодѣтеля, а не врага. „Если, Горгій, и ты изъ такихъ же изъ какихъ я, то я съ удовольствіемъ сталъ бы тебя разспрашивать, а если нѣтъ, то лучше оставить. Изъ какихъ же я? Изъ тѣхъ, которые съ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, если говорятъ что̀ нибудь неистинное, и съ удовольствіемъ обличаютъ, если другой скажетъ неправду, и притомъ не съ меньшимъ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, чѣмъ сами обличаютъ, такъ какъ послѣднее я считаю настолько бо́льшимъ благомъ, насколько большее благо освободиться отъ величайшаго зла самому, чѣмъ освободить другого“... [133]). „Я буду тебѣ весьма благодаренъ, если меня уличишь и освободишь отъ вздора. Поэтому не уставай благодѣтельствовать своему другу, но обличай“... [134]). „Слушая меня, перебивай меня, если тебѣ покажется, что я въ чемъ нибудь говорю не хорошо. И если меня изобличишь, я не буду на тебя сердиться, какъ ты на меня, но запишу тебя въ число своихъ величайшихъ благодѣтелей“ [135]).

Только малодушные прекращаютъ искать истину отъ неудачъ въ спорѣ о ней; истинный философъ такими пораженіями нисколько не смущается. „Ты, Сократъ, дѣлаешь по моему тоже, что̀ Антэй, такъ какъ того, кто къ тебѣ подойдетъ, отпускаешь не прежде, чѣмъ заставишь раздѣться и вступить съ тобою въ борьбу“.—„Этимъ сравненіемъ,

---

[129]) Phaedo, 89, A.
[130]) Phaedo 62, E.
[131]) Parmen. 129, E—130, A.
[132]) Tim. 54, B.
[133]) Gorg. 458, A.
[134]) Ibid. 470, C.
[135]) Ibid. 506, B—C. Apol. 36, D. Soph. 230, C—E. Выше, стр. 57, сл.

Θеодоръ, ты прекрасно уподобилъ мой недугъ; только я здоровѣе Лакедемонянъ. Уже многія тысячи встрѣчавшихся со мной сильныхъ въ рѣчахъ Геракловъ и Θесеевъ порядкомъ меня поколотили, но я все таки не отстаю. Такая сильная вкралась въ меня любовь къ этого рода упражненіямъ“ [136]).

Самое изобличеніе должно быть благожелательнымъ, отвѣты на возраженія спокойны. „Уже многіе, почтенный, настроены противъ меня такъ, что попросту готовы меня кусать, когда извлекаю изъ нихъ вздоръ, и не думаютъ, что я дѣлаю это по благожеланію“ [137]). „Если на меня будутъ нападать, то я стану отражать нападающихъ чѣмъ могу, а могу благорасположеніемъ увѣщаніемъ, и быть можетъ я отвѣчу тебѣ поэтому болѣе складно, чѣмъ другой [138]). Спокойствіе и кротость—одно изъ главныхъ достоинствъ въ занимающемся діалектикой [139]). „Поэтому давай посмотримъ, изслѣдуя спокойно“ [140]). „Предположимъ на словахъ по крайней мѣрѣ, что и наши противники захотятъ намъ отвѣчать приличнѣе“ [141]), „болѣе діалектически и болѣе спокойно“ [142]) „и посмотримъ, нѣтъ ли какого способа, чтобы это замѣшательство отошло изъ нашихъ разсужденій благосклонно...“ [143]). „Попытайся отвѣчать мнѣ спокойно и благодушно“ [144]). Возражать не значитъ ссориться. „Хотя Діонисодоръ и думаетъ, что я на него сержусь, а я не сержусь, но возражаю противъ того, что̀, по моему мнѣнію, онъ неправильно говоритъ. Возраженій, благородный Діонисодоръ, не называй бранью, такъ какъ брань—совсѣмъ другое“ [145]). Лишь неопытные въ діалектикѣ бываютъ досадливыми, искушенные въ ней становятся болѣе кроткими [146]). Тѣ, которые бранятся между

---

136) Theaet. 169, B—C.

137) Ibid. 151, C.

138) De Rep. 474, A.

139) Theaet. 144, A ставится въ особое достоинство πρᾷον εἶναι διαφερόντως. Soph. 216, E: ἁλύπως καὶ εὐηνίως προσδιαλεγομένῳ. De Rep. 499, E. 536, B. Сократъ порицаетъ себя за то, что сказалъ μᾶλλον ἐντεινάμενος. 589, C. 668, D: εὐμενῶς ἀκουσόμεθα. Euthyd. 286, E.

140) Gorg. 503, D.

141) Soph. 246, D.

142) Meno, 75, C.

143) Phileb. 16, A.

144) Hipp. Min. 364, D. Gorg. 489, D. 457, C, сл.

145) Euthyd. 285, D. Cratyl. 430, D: ἵνα μὴ μαχώμεθα λόγοις φίλοι ὄντες.

146) De Rep. 539, D: взрослый отъ занятія діалектикой становится μετριώτερος. Точно также Soph. 230, B: обличенные діалектикой πρὸς τοὺς ἄλλους ἠμερῶνται. Theaet. 210, C: διὰ τὴν ἐξέτασιν ἧττον ἔσει βαρὺς τοῖς συνοῦσι καὶ ἠμερώτερος. О злоупотребленіи діалектикой молодыми и неопытными De Rep. 536, D, слѣд. Phileb. 15, D, сл. Soph. 259, B, сл.

собой и враждуютъ, затрогивая личность, хотя и присвоиваютъ себѣ названіе философовъ, на самомъ дѣлѣ люди философіи чуждые, ворвавшіеся въ неподходящее для нихъ занятіе; они поступаютъ недостойно философіи и служатъ причиной враждебнаго настроенія къ ней толпы [147]).

Эти нравственныя требованія указываются самою природою философіи. „Въ философіи мы получили такое благо, лучше котораго ничего еще не было, да и никогда не будетъ ниспослано въ даръ роду смертныхъ отъ боговъ“ [148]). Но этотъ даръ ниспосланъ намъ для того, чтобы мы чрезъ него какъ можно болѣе уподоблялись истинно сущему, божественному, небесному [149]). Какъ истинная любовь къ человѣку бываетъ лишь тогда, когда любимъ его всей душой [150]), точно также и истинное любомудріе бываетъ лишь тогда, когда къ истинно сущему обращается вся душа [151]). Источникъ всякаго бытія и разумѣнія—идея блага [152]); узрѣть ее для руководства какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни долгъ всякаго разумнаго человѣка [153]). Философская жизнь есть поэтому вмѣстѣ и нравственная; философское знаніе есть мудрость [154]). „Истинно любомудрый по самой своей природѣ ревнуетъ о сущемъ и не останавливается на представляющихся многими особяхъ, но идетъ бодро впередъ, не ослабѣвая любовью до тѣхъ поръ, пока истинной сущности каждой вещи не коснется тѣмъ, чѣмъ подобаетъ душѣ съ нею соприкасаться, а подобаетъ сроднымъ; сблизившись и соединившись съ истинно сущимъ, породивъ умъ и истину, онъ становится знающимъ, истинно живетъ и питается и только тогда перестаетъ болѣть и томиться, а не раньше“ [155]). „О

---

147) De Rep. 500, B: οὐκοῦν καὶ αὐτὸ τοῦτο ξυνοίει, τοῦ χαλεπῶς πρὸς φιλοσοφίαν τοὺς πολλοὺς διακεῖσθαι ἐκείνους αἰτίους εἶναι τοὺς ἔξωθεν οὐ προσῆκον ἐπεισκεκωμακότας, λοιδορουμένους τε αὐτοῖς καὶ φιλαπεχθημόνως ἔχοντας καὶ ἀεὶ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιουμένους, ἥκιστα φιλοσοφίᾳ πρέπον ποιοῦντας.

148) Tim. 47, A—B.

149) Кромѣ нижеслѣдующаго также Theaet. 176, C. Phaedr. 248, A. 249, C. Phaedo, 67, B. 79, D. De Rep. 486, A, (ниже, стр. 68, пр. 157). 613, A.

150) De Rep. 474, D. 485, C.

151) De Rep. 518, C: ξὺν ὅλῃ τῇ ψυχῇ ἐκ τοῦ γιγνομένου περιακτέον εἶναι. См. выше, стр. 50.

152) Выше, стр. 47, сл.

153) De Rep. 517, C. 540, A.

154) Theaet. 145, E.

155) De Rep. 490, A—B. Phaedo, 79, D.

господствующемъ въ насъ видѣ души слѣдуетъ думать такъ, что Богъ каждому изъ насъ далъ въ немъ духа руководителя. Мы отводимъ ему въ обитель вершину нашего тѣла, съ полнымъ правомъ полагая, что по своему сродству съ небомъ онъ воздымаетъ насъ, какъ насажденіе не земное, а небесное, выше земли. Вознесши нашу голову, корень существа нашего, туда, откуда душа получила свое первое происхожденіе, божество прямитъ къ небу и все наше тѣло. Поэтому тотъ, кто преданъ похоти или честолюбію и ихъ усиленно укрѣпляетъ, долженъ необходимо всѣ помышленія имѣть смертными и во всемъ томъ, въ чемъ вообще можно быть смертнымъ, не имѣть никакого недостатка, такъ какъ онъ все такое возращаетъ. Напротивъ тотъ, кто ревнуетъ о любви къ ученію и разумѣніи истины и упражняетъ ихъ въ себѣ больше всего остальнаго, долженъ по всей необходимости, если достигнетъ истины, мыслить безсмертное и божественное и, насколько можетъ человѣческая природа быть причастной безсмертію, настолько имъ обладать; и такъ какъ онъ всегда радѣетъ о божественномъ, то живущій въ немъ божественный духъ всегда прекраснъ и свѣтелъ, а потому и онъ самъ бываетъ чрезвычайно счастливъ. Радѣніе обо всемъ вообще одно—доставлять каждому надлежащее питаніе и движеніе. А движенія сродныя божественному въ насъ суть мысли и кругообращенія вселенной. Слѣдуя имъ, мы должны изученіемъ гармоніи и кругообращеній вселенной исправлять поврежденныя въ нашей головѣ при рожденіи кругообороты, чтобы согласно съ изначальной природой уподобить познающее познаваемому, а уподобивъ достигнуть предположенной богами для людей цѣли—совершеннѣйшей жизни не только въ настоящемъ, но и грядущемъ вѣкѣ“ [156]). Но тому, „кто на самомъ дѣлѣ устремляетъ взоры къ сущему, не досугъ смотрѣть внизъ на человѣческія дрязги, бороться съ людьми и переполняться завистью и враждою; обращая взоры на стройное и неизмѣнное, не оскорбляющее и не оскорбляемое, гдѣ все прекрасно и разумно, онъ будетъ ему подражать и всего болѣе уподобляться“ [157]).

---

[156]) Tim. 90, A—D. 47, A—E.

[157]) De Rep. 500, B—C: οὐδὲ γάρ που..... σχολὴ τῷ γε ὡς ἀληθῶς πρὸς τοῖς οὖσι τὴν διάνοιαν ἔχοντι κάτω βλέπειν εἰς ἀνθρώπων πραγματείας καὶ μαχόμενον αὐτοῖς φθόνου τε καὶ δυσμενείας ἐμπίπλασθαι, ἀλλ' εἰς τεταγμένα ἄττα καὶ κατὰ ταὐτὰ ἀεὶ ἔχοντα ὁρῶντας καὶ θεωμένους οὔτ' ἀδικοῦντα οὔτ' ἀδικούμενα ὑπ' ἀλλήλων, κόσμῳ δὲ πάντα καὶ κατὰ λόγον ἔχοντα, ταῦτα μιμεῖσθαί τε

Такимъ образомъ совершенная философская жизнь есть не только теорія, но также и практика, и при томъ какъ частная, такъ и общественная [158]). Внѣ государства нельзя вполнѣ осуществить въ себѣ добродѣтель [159]); но общественная дѣятельность возможна для философа только въ идеальномъ, построенномъ по небесному образцу на основаніяхъ справедливости, благочестія и всей вообще добродѣтели, государствѣ [160]). При другихъ условіяхъ философъ по необходимости долженъ воздерживаться отъ всякаго участія въ общественной жизни [161]). Такое участіе предполагало бы совершенное единомысліе съ господствующимъ настроеніемъ и угодливость господствующимъ страстямъ [162]); но то и другое не совмѣстимо съ философіей [163]). Къ тому же подъ напоромъ общаго теченія не можетъ устоять никакое противное этому теченію частное начинаніе [164]). Поэтому тотъ, „кто вкусилъ какъ сладостно и блаженно обладаніе философіей, кто ясно видитъ безуміе толпы и что никто не дѣлаетъ въ государствѣ ничего здраваго, что нѣтъ союзника, съ кѣмъ бы можно было идти на помощь правдѣ и остаться цѣлымъ, но что подобно человѣку, попавшему къ звѣрямъ и не имѣющему ни охоты безчинствовать вмѣстѣ съ ними, ни силъ одному противостоять имъ, необходимо погибнуть прежде, чѣмъ принесешь пользу государству и друзьямъ, и такимъ образомъ не сдѣлать добра ни себѣ, ни другимъ,—такой чело-

---

καὶ ὅτι μάλιστα ἀφομοιοῦσθαι. Поэтому φιλόσοφος φύσις ἡμερόν τε καὶ κόσμιον. 410, E: душа философа δικαία καὶ ἥμερος. 486, B: философы должны быть γενναῖοι καὶ βλοσυροὶ τὰ ἤθη. 535, A. Soph. 253, E: ἀλλὰ μὴν τό γε διαλεκτικὸν οὐκ ἄλλῳ δώσεις ὡς ἐγῷμαι, πλὴν τῷ καθαρῶς τε καὶ δικαίως φιλοσοφοῦντι. Имъ чужда σμικρολογία, Symps. 210, D; De Rep. 486, A: ἐναντιώτατον γάρ που σμικρολογία ψυχῇ μελλούσῃ τοῦ ὅλου καὶ παντὸς ἀεὶ ἐπορέξεσθαι θείου τε καὶ ἀνθρωπίνου. Общая характеристика философа De Rep. 487, A. 490, C, сл. Theaet. 173, C, сл. Phaedo, 64, A, сл.

158) De Rep. 473, C. 499, B: зло не прекратится въ государствахъ до тѣхъ поръ, пока ἢ οἱ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἐν ταῖς πόλεσιν, ἢ οἱ βασιλῆς τε νῦν λεγόμενοι καὶ δυνάσται φιλοσοφήσωσι γνησίως τε καὶ ἱκανῶς, καὶ τοῦτο εἰς ταὐτὸν ξυμπέσῃ, δύναμίς τε πολιτικὴ καὶ φιλοσοφία.

159) Ibid. 497, A, сл.

160) De Rep. 592, A—B. Свое государство Платонъ разсматривалъ какъ идеалъ (ibid. 472, B. 592, A—B), но приблизительное осуществленіе его считалъ возможнымъ и на землѣ: ibid. 473, C. 499, C—D и др.

161) De Rep. 497, B. 500, E—501, A.

162) Gorg. 511, C. 513, B—C.

163) Выше, стр. 60, сл.

164) De Rep. 492, D—E: τίνα οὖν ἄλλον σοφιστὴν οἴει ἢ ποίους ἰδιωτικοὺς λόγους ἐναντία τούτοις τείνοντας κρατήσειν; Οἶμαι μὲν οὐδένα, ἦ δ' ὅς. Οὐ γάρ, ἦν δ' ἐγώ, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐπιχειρεῖν πολλὴ ἄνοια.

вѣкъ, взвѣсивъ все это, станетъ заниматься въ тишинѣ только своими дѣлами, скрывшись гдѣ нибудь у стѣны, словно во время бури отъ крутимыхъ вѣтромъ пыли и града, и смотря, какъ другіе исполняются беззаконіемъ, останется доволенъ, если какъ нибудь самому удастся прожить здѣшнюю жизнь чистымъ отъ беззаконія и нечестивыхъ дѣлъ и удалиться въ другую съ легкимъ и покойнымъ сердцемъ и съ отрадною надеждою“ [165]).

Это отвращеніе отъ участія въ общественной жизни (какъ она дана въ наличной дѣйствительности) не означаетъ отвращенія отъ людей. Одиночество не совмѣстимо съ философской жизнью. Какъ для пріобрѣтенія знанія необходима живая рѣчь собесѣдника, такъ для философскаго творчества и нравственной жизни— взаимность любви. Безъ этой взаимности философъ можетъ только бременѣть мудростью и доблестью, но не можетъ ихъ ни родить, ни воспитать [166]). Любовь по самой природѣ своей — философъ [167]); поэтому всякій философъ необходимо долженъ быть влюбленъ [168]). Преданный всецѣло созерцанію пренебеснаго, философъ можетъ съ особою силою любить на землѣ лишь то, что̀ всего болѣе напоминаетъ пренебесное. Всего ярче изъ идей отражается въ конечныхъ вещахъ красота [169]). Поэтому философская любовь есть влеченіе къ прекрасному, сначала къ тѣлу, затѣмъ къ душѣ, наконецъ къ созданіямъ духа. Встрѣтивъ прекрасную душу, философъ изобилуетъ предъ нею рѣчами о добродѣтели и вмѣстѣ съ нею воспитываетъ и умножаетъ плоды своего творчества. Но эта любовь къ единичному существу и это ограниченное творчество есть лишь преддверіе любви ко всему морю прекраснаго и къ безграничному дающему безсмертіе прекрасному творчеству въ неисчерпаемой философіи [170]).

Прекрасное творчество точно также полагается природою философіи, какъ стремленіе къ знанію и нравственная дѣятельность [171]).

---

[165]) Ibid. 496, C—D. Apol. 31, E—32, A.

[166]) Sympos. 208, E, сл.

[167]) Ibid. 203, D, сл.

[168]) Ibid. 210, A. сл. Phaedr. 250, D, сл. 249, A.

[169]) Phaedr. 250. D, сл.

[170]) Sympos. 208, E — 210, D: καλοὺς λόγους καὶ μεγαλοπρεπεῖς τίκτῃ καὶ διανοήματα ἐν φιλοσοφίᾳ ἀφθόνῳ.

[171]) О связи между истиной, красотой и нравственнымъ сознаніемъ Tim. 87, C. Phileb. 64, C, сл. 66, A, сл. и Zeller, Ph. d. Griech. II a⁴ 874.

Поскольку истинно сущее есть истина, оно побуждаетъ къ ея уразумѣнію [172]); поскольку оно благо, оно побуждаетъ къ нравственной жизни [173]); поскольку оно красота, оно побуждаетъ къ прекрасному творчеству [174]). Всякая философская мысль, какъ порожденіе собственной души, есть мысль творческая [175]); смотря потому, имѣетъ ли она дѣло съ доступнымъ познанію имъ непознаваемымъ, она бываетъ то отвлеченнымъ разсужденіемъ, то миѳомъ [176]), но никогда не противорѣчитъ нравственному сознанію и всегда по формѣ прекрасна. Всякій философъ есть поэтъ и всякая философія—поэзія [177]); или философія есть лучшая изъ музыкъ и совершеннѣйшая изъ симфоній [178]), а философъ подобенъ пѣвчей птицѣ [179]).

Всѣ эти методологическія замѣчанія, какъ не трудно видѣть,

---

172) Phaedr. 249, B: δεῖ γὰρ ἄνθρωπον ξυνιέναι κατ' εἶδος λεγόμενον, ἐκ πολλῶν ἰὸν αἰσθήσεων εἰς ἓν λογισμῷ ξυναιρούμενον· τοῦτο δ'ἐστιν ἀνάμνησις ἐκείνων ἃ ποτ' εἶδεν ἡμῶν ἡ ψυχὴ συμπορευθεῖσα θεῷ и пр. De Rep. 490, A—B. 511, B—C. Phaedo 79, D. Выше, стр. 47, сл.

173) De Rep. 500, B—C. Выше, стр. 67, сл. Phaedo 69, A сл. Theaet. 176, E.

174) Sympos. 208, E—210, E.

175) Выше, стр. 50, сл.

176) О миѳѣ, какъ способѣ выраженія истины Tim. 29, D. 59, C. Phaedo 114, D. Gorg. 527, A. Deuschle, die platonischen Mythen. Hanau 1854. Fischer, de mythis platonicis, Königsb. 1865. Hirzel, über das Rhetorische u. seine Bedeutung bei Plato. Leipz. 1871.

177) Leges, 517, B: ποιηταὶ μὲν οὖν ὑμεῖς (τραγῳδίας ποιηταί), ποιηταὶ δὲ καὶ ἡμεῖς ἐσμεν и пр. Phaedo 60, E, сл. Отъ поэтовъ философовъ Платонъ отличаетъ поэтовъ подражателей, которыхъ считаетъ непричастными истинѣ. Phaedr. 248, D. De Rep. 595, C, сл. См. главу V.

178) Phaedo, 61, A: ὡς φιλοσοφίας μὲν οὔσης μεγίστης μουσικῆς, ἐμοῦ δὲ τοῦτο πράττοντος. Phaedr. 259, D: τῇ δὲ πρεσβυτάτῃ Καλλιόπῃ καὶ τῇ μετ' αὐτὴν Οὐρανίᾳ τοὺς ἐν φιλοσοφίᾳ διάγοντάς τε καὶ τιμῶντας τὴν ἐκείνων μουσικὴν ἀγγέλλουσιν, αἵ δὴ μάλιστα τῶν Μουσῶν περὶ τ' οὐρανὸν καὶ λόγους οὖσαι θείους τε καὶ ἀνθρωπίνους ἴασι καλλίστην φωνήν. Leges 689, D: ἡ καλλίστη καὶ μεγίστη τῶν ξυμφωνιῶν μεγίστη δικαιότατ' ἂν λέγοιτο σοφία. De Rep. 411, C, сл. 531, D, сл. (діалектика отожествлена съ музыкальнымъ νόμος). 548, B: διὰ τὸ τῆς ἀληθινῆς Μούσης τῆς μετὰ λόγων τε καὶ φιλοσοφίας ἠμεληκέναι. Tim. 30, D. 47, A—E. 90, A—D. См. выше, стр. 68, также, гл. IV, отд. 2. Lach. 188, C. сл.

179) Phaedo 85, B: ἐγὼ δὲ καὶ αὐτὸς ἡγοῦμαι ὁμόδουλός τ' εἶναι τῶν κύκνων καὶ ἱερὸς τοῦ αὐτοῦ θεοῦ. Въ основаніе сравненія въ данномъ случаѣ положено представленіе о мантикѣ, но этимъ сравненіе очевидно не исчерпывается. Уже древніе въ извѣстномъ разсказѣ о томъ, какъ Сократъ передъ встрѣчей съ Платономъ увидалъ во снѣ лебедя, летѣвшаго съ сладкогласной пѣснью, приравнивали Платона лебедю. Pausan. I, 30, 3. Diogen. Laert. III, 5. Olymp. 4 и др. Въ „Фэдрѣ“ Платонъ сопоставляетъ философа съ птицей по поводу философскаго вдохновенія красотой. Едва лишь озаритъ философа своимъ яркимъ пренебеснымъ лучемъ красота, онъ окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть къ небесамъ. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о дольнемъ не заботится. Пусть его за это называютъ „тронутымъ“: философское вдохновеніе красотой для того, кто его имѣетъ или ему причастенъ, самый лучшій изъ вдохновенныхъ восторговъ (249, D, сл.). Любовь къ красотѣ, какъ уже было пояснено, служитъ преддверіемъ къ творчеству.

вполнѣ совпадаютъ съ заявленіями въ „Фэдрѣ“. И здѣсь и въ прочихъ діалогахъ 1) обладаніе готовыми свѣдѣніями считается безполезнымъ и безплоднымъ, и здѣсь и тамъ 2) методомъ пріобрѣтенія истиннаго знанія объявлена діалектика, и здѣсь и тамъ 3) діалектика предполагаетъ дружелюбное расположеніе между бесѣдующими, и здѣсь и тамъ 4) она неразрывна съ творчествомъ, и здѣсь и тамъ 5) указывается на необходимость осторожности въ обсужденіи чужихъ мнѣній, въ особенности когда нѣтъ на лицо ихъ автора, способнаго ихъ разъяснить и отстоять.

3. *Выводы*. Сопоставляя теперь все нами сказанное объ основаніяхъ философскаго міровоззрѣнія Платона, мы можемъ точно опредѣлить цѣль и основныя свойства его литературной дѣятельности и изъ этого опредѣленія посредствомъ дедукціи и сопоставленій объяснить тѣ частныя своеобразности сочиненій Платона, которыя, при неправильномъ пониманіи его метода, повели къ превратнымъ взглядамъ на значеніе его свидѣтельствъ.

1) Главная цѣль литературной дѣятельности Платона—удовлетвореніе личной потребности философскаго творчества. Для того, въ комъ живетъ потребность творчества, ближайшая цѣль творчества въ самомъ творчествѣ. Спрашивать, зачѣмъ Платонъ написалъ тотъ или другой діалогъ столь же неумѣстно, какъ—зачѣмъ поэтъ написалъ то или другое произведеніе. Все, что̀ можетъ и должна сдѣлать литературная критика—подыскать въ біографическихъ и вообще историческихъ данныхъ указанія, почему творческая дѣятельность автора въ то или другое время приняла то или другое направленіе [180]).

Однако, вслѣдствіе общежительныхъ склонностей человѣческой природы, сказывающихся особенно въ соціальномъ характерѣ произведеній искусства [181]), ни одинъ писатель не пишетъ исключительно для себя, но всегда предполагаетъ тотъ или другой кругъ читателей, тѣсный или широкій, смотря по личнымъ взглядамъ или по обстоятельствамъ. Слова Платона, что письмо служитъ сокровищницей напоминанія не для одного пишущаго, но и для другихъ идущихъ по той же стезѣ, дали

---

[180]) Въ этомъ отношеніи намѣченный Шлейермахеромъ „гевристическій“ методъ заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя, какъ убѣдимся, самое примѣненіе этого метода, какъ у Шлейермахера, такъ и его послѣдователей, опирается на ложныя предположенія.

[181]) См. гл. V.

поводъ предполагать [182]), что Платонъ писалъ для своихъ слушателей и въ діалогахъ излагалъ то, что̀ разсматривалъ съ учениками въ устной бесѣдѣ. Но при такомъ предположеніи становится непонятнымъ ни то, почему Платонъ заставляетъ разговаривать не учениковъ и не вымышленныхъ лицъ, а историческихъ дѣятелей, къ Академіи не принадлежавшихъ, ни вся вообще своеобразность драматической композиціи діалоговъ, приноровленная къ обстоятельствамъ, Академіи чуждымъ. Къ тому же трудно допустить, что Платонъ началъ свою литературную дѣтельность лишь послѣ основанія Академіи, такъ какъ нѣкоторые изъ діалоговъ (напримѣръ „Лисисъ“ и всѣ мелкіе, отвергаемые обыкновенно критиками) свидѣтельствуютъ о несомнѣнной умственной незрѣлости. Наконецъ, то, что̀ мы знаемъ о характерѣ устныхъ бесѣдъ Платона, совсѣмъ не походитъ на содержаніе діалоговъ, ни раннихъ (чисто Сократическихъ), ни позднѣйшихъ [183]). Поэтому подъ идущими по той же стезѣ слѣдуетъ подразумѣвать не однихъ только учениковъ, но вообще всѣхъ, имѣющихъ такой же взглядъ на философію, какого держался Платонъ.

2) Платонова философія, взятая въ цѣломъ, есть произведеніе всѣхъ сторонъ его духа, одинаково теоретическихъ, эстетическихъ и нравственныхъ. Поэтому его діалоги имѣютъ не только теоретическое, но также эстетическое, и, гдѣ такъ или иначе затрогиваются вопросы нравственные, нравственное значеніе. Первое состоитъ въ томъ, что діалогъ, изображая діалектическую работу мысли въ исканіи истины, побуждаетъ умственную самодѣятельность къ дальнѣйшему исканію частью не разрѣшенными противорѣчіями, частью готовыми предположеніями, дающими мысли опору, но никогда мысль окончательно не успокоивающими, а всегда такъ или иначе служащими цѣлямъ діалектики [184]). Эстетическое значеніе состоитъ въ удов-

---

182) Впервые Schleiermacher, Plat. W. II, 1, 330. По Целлеру (über d. Zusammenhang etc. 91, Ph. d. Gr. II a³ 482), Платонъ писалъ главнымъ образомъ для учениковъ съ цѣлью напоминанія о содержаніи устныхъ бесѣдъ, а затѣмъ вообще для друзей. Въ послѣднемъ (четвертомъ) изданіи Целлеръ склоняется на сторону тѣхъ, которые видятъ въ діалогахъ полемическія цѣли, и потому говоритъ вообще о читателяхъ, безъ всякаго ограниченія (p. 572).

183) Объ этихъ бесѣдахъ Brandis, Handb. d. Gr. röm. Ph. II a, 180 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴ 417, 2, 3. 439. II b³, 58, 2. 64, 1, Grote, Plato I³, 274 sq.

184) То всеобъемлемостью, требующей ограниченій (напр. вся вообще идеологія, взятая въ ея отвлеченности), тоглодотворностью (примѣн. идеологіи къ вопросамъ этики, эстетики, знанія и пр.), то наконецъ парадоксальностью („Горгій“, „Государство“, „Гиппій Меньшій“, „Лисисъ“ и пр.).

летворенiи эстетическаго чувства совершенствомъ художественной формы, предполагаемымъ искомой истиной, какъ безусловно прекрасной, нравственное—въ удовлетворенiи чаяній блага, предполагаемыхъ тою же истиной, какъ безусловно благой.

Мнѣніе, что Платонъ былъ догматикъ и систематикъ, желавшій воздѣйствовать на общественное сознаніе своей философіей и отстаивавшій ея истину полемикой съ противоположными направленіями, не совмѣстимо ни съ его прямыми заявленіями, ни съ общимъ духомъ его философіи, ни съ его полнымъ разочарованіемъ всякой вообще дѣйствительностью, тѣмъ болѣе аѳинской.

3) Діалогическая форма обусловлена кореннымъ, лежавшимъ въ основаніи всего міровоззрѣнія Платона взглядомъ на задачи философіи [185]). Если всякое вообще письмо мало пригодно для выраженія философской мысли, то наиболѣе пригодной должна быть та его форма, которая воспроизводитъ истинный методъ наиболѣе совершенно, а такая форма—діалогическая, то есть форма спора, возраженій, критики, разложенія сталкивающихся мнѣній.

Смотря потому, какой элементъ въ діалогѣ преобладаетъ, творческій или критическій, діалогъ долженъ носить то болѣе догматическій, то болѣе скептическій характеръ, но даже въ самыхъ догматическихъ частяхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда по самой природѣ дѣла истина либо не изслѣдуется, либо не можетъ быть изслѣдована. („Менексенъ“, „Тимэй“ [186]), діалектика сохраняетъ свое значеніе добывающаго истину орудія [187]). Этимъ своимъ значеніемъ она рѣзко отличается отъ полемики: тогда какъ послѣдняя опровергаетъ или разлагаетъ чужія мнѣнія съ цѣлью отстоять свое заранѣе

---

185) Въ противоположность мнѣнію Германна, который считаетъ ее внѣшнимъ заимствованіемъ отъ Сократа. Über Plato's schriftstellerische Motive, 285 f.

186) „Et quum de rebus in una mentis intelligentia et ratione positis ita disputari queat ut omnia dialectices ope exquirantur, examinentur, confirmentur, tum in physicis, quae maxime observationis diligentia nituntur, plerumque referre tantum et narrare licet, quae tanquam verisimilia viris experientissimis atque sollertibus placuerint. Quocirca Timaeus non dialectice disserens inducitur, sed loquitur ut hierophanta qui mundi arcana aliunde accepta grandi ac magnifica oratione pronunciat; quin etiam quae experientiae suspicionem superant, mythorum ac symbolorum involucris obtegit eoque modo quam ea certa sint, legentibus non obscure significat“. Stallbaum, Proleg. ad Tim. 37.

187) Любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто въ De Legibus 892, E, сл.

выработанное, діалектика въ разложеніи и опроверженіи противоположныхъ мнѣній не утверждаетъ, а лишь ищетъ истину.

4) Творческая природа философіи Платона требуетъ, чтобы діалогъ не сдерживался узкими предѣлами наличной, то есть данной для каждаго единичнаго случая, дѣйствительности. Съ другой стороны стремленіе къ истинѣ не допускаетъ, чтобы діалогъ покидалъ границы общей, лежащей въ природѣ изображаемаго явленія, дѣйствительности. Примиряются эти противоположныя требованія творческимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, то есть такимъ, которое, не стѣсняясь условіями пространства и времени, изъ всей совокупности составляющихъ явленіе моментовъ выбираетъ знаменательные, обусловливающіе ту или другую природу явленія, а моменты сами по себѣ незначительные группируетъ для болѣе наглядnаго оттѣненія знаменательныхъ [188]).

---

[188]) Hermann, Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heidelb. 1838, 406—407: Was ihm (Plato).... von Allen als eigenthümlich zugestanden wird, ist die Meisterschaft der mimischen Behandlung und Charakterzeichnung, für die ihn gleichfalls Dionys ausdrücklich als Muster znr Nachahmung empfiehlt, und diese ist es denn auch, die uns selbst da, wo der wissenschaftliche Inhalt seiner Gespräche uns weniger befriedigt, die Gewissheit ihres künstlerischen Ursprungs aufrechthält: nicht blos einzelne Züge der Wirklichkeit zu copiren, sondern auch wo er geschichtliche Personen schildert, doch nur die wesentlichen Züge ihrer Individualität in verallgemeinernden Typen hervorzuheben und so Gemälde zu bilden, die mit der sprechenden Aehnlichkeit des Portraits zugleich die Idealität einer freien Kunstchöpfung verbinden, dies ist die Aufgabe, deren glückliche Lösung wir in Beziehung auf Sokrates Charakter.... hervorhoben, und um so durchherrschender bei ihm voraussetzen dürfen, je wesentlicher sie mit der..... Selbstthätigkeit seiner dialogischen Hervorbringungen zusammenhängt". Дѣльныя (хотя и многословныя) замѣчанія о различіи между исторической и поэтической истиной у Bénard, Philosophie ancienne, Paris, 1885, 305 sq. Относительно достоинства творческихъ воспроизведеній дѣйствительности въ родѣ Платоновыхъ не безынтересенъ взглядъ одного изъ именитѣйшихъ естествовѣдовъ нашего времени, Геккеля, который соединяетъ въ себѣ художника (кистью и въ литературѣ) и ученаго. „Die Ceylon-Bilder von Königsbrunn vereinigen in sich zwei verschiedene, gewissermassen entgegengesetzte Vorzüge, die leider nur sehr selten in derartigen Kunstwerken vereinigt gefunden werden, und die doch beide nothwendig zusammen kommen müssen, um denselben wirklich den Stempel der Vollendung aufzuprägen: einerseits die grösste Naturtreue in der gewissenhaftesten Wiedergabe der Form-Einzelheiten, andrerseits die vollkommenste künstlerische Freiheit in der einheitlichen Behandlung und wirkungsvollen Composition des ganzen Bildes. Viele Bilder unserer berühmtesten Landschafter, welche der zweiten Anforderung vollig genügen, erfüllen die erstere nicht. Andererseits lassen wieder viele sogenannte Vegetations-Ansichten, wie sie geübte kenntnissreiche Botaniker gezeichnet haben, die freie ästhetische Auffasung des Künstlers nur zu sehr vermissen. Und doch ist das Eine eben so nothwendig wie das Andere; das analytishe und objective Auge des Botanikers nicht minder, als der synthetische und subjective Blick des Künstlers. Soll die Landschaft ein wahres Kunstwerk sein, so muss sie gleich dem Porträt grösste Naturtreue im Einzelnen mit charaktervoller Auffassung des Individuums als Ganzen verbinden". (Haeckel, Indische Reisebriefe, 2-te Aufl., Berl. 1884, 17). Не трудно видѣть, что этимъ требованіямъ вполнѣ отвѣчаютъ свидѣтельства Платона по характеристикѣ Германна.

Поэтическій характеръ Платоновыхъ діалоговъ [189]) сказывается и въ разработкѣ драматическаго построенія [190]) (при первыхъ императорахъ ихъ разыгрывали въ Римѣ на пирахъ [191]), и въ художественной законченности образовъ, и въ обиліи метафоръ и миѳовъ („ты, Сократъ, легко умѣешь сочинять Египетскія и какія угодно сказки“) [192]), и въ игривости „бѣгущей туда, куда влечетъ разсужденіе, мысли“ [193]), и наконецъ, всего нагляднѣе въ анахронизмахъ. Анахронизмы вмѣстѣ служатъ и показателемъ того, насколько Платонъ въ своемъ внѣшнемъ драматизмѣ держался границъ дѣйствительности. „Общій обзоръ ихъ (говоритъ въ спеціальномъ о нихъ изслѣдованіи Целлеръ) показываетъ, что хотя Платонъ нерѣдко какъ съ лѣтосчисленіемъ, такъ и съ исторіей обходится очень свободно, но вольности, которыя онъ въ этомъ отношеніи себѣ позволяетъ, ограничиваются частью пунктами второстепенной важности, частью же тамъ, гдѣ они глубже входятъ въ композицію разговора, находятъ достаточное основаніе въ болѣе высокихъ художественныхъ цѣляхъ“ [194]). На правило, котораго держался Платонъ въ творческомъ воспроизведеніи бесѣдъ, онъ самъ указываетъ мимоходнымъ замѣчаніемъ, что хорошій поэтъ какъ можно болѣе подражаетъ способу выраженія тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ [195]).

---

189) Justi, die ästhetischen Elemente in der platonischen Philosophie, Marb. 1860. Schaarschmidt, die Sammlung etc. 146. Joël, geistig. Entw. u. schriftst. Motiv. Platos, pass.

190) Thiersch, über die dramatische Natur der platonischen Dialoge. Abhandl. d. Münchener Akademie, 1837. Blüml, Bemerkungen über das philosophische Drama Platon's. Waidhof. 1875. Wiliamowitz Möllend., Philol. Unters. I, 216. Polzer, Protagoreische Studien, 3 f. Joël, l. s. c. 33 f. Существуетъ извѣстіе, что Платонъ выработалъ свою драматическую технику ревностнымъ изученіемъ мимъ Софрона и комедій Аристофана (Diog. Laert. III, 18. Quint Instit. I, 10. 17 Olymp. Vita Plat., p. 2, 21 и Anon. p. 7, 4 ed Cobet).

191) Plut. quaest. symp. VII, 8, 867 Did.

192) Phaedr. 275, B.

193) De Rep. 394, D: οὐ γὰρ δὴ ἔγωγέ πω οἶδα ἀλλ' ὅπῃ ἂν ὁ λόγος ὥσπερ πνεῦμα φέρῃ, ταύτῃ ἰτέον. Stallbaum, Disputatio de Platonis ingenio (Platonis opera, I[4]) LIX: Plato.... quum egregie perspexisset colloquii naturam, eos, quos inducit colloquentes, ita disputantes facit, ut ad argumentum, de quo disseritur, videantur accessisse non praeparati atque meditati, sed ita, ut casu ad illud delati notionum nunc ipsum in animo obortarum seriem libera ingenii agitatione persequantur, incerti quasi haerentes, quem exitum habitura sit disputatio. Также замѣчанія Jowett'a, The Dialogues, I, 551 f.

194) Въ ук. выше (стр. 30, пр. 177) моногр., 98.

195) De Rep. 393, C: ἀλλ' ὅταν γέ τινα λέγῃ ῥῆσιν ὡς τις ἄλλος ὤν, ἆρ' οὐ τότε ὁμοιοῦν αὐτὸν φήσομεν ὅτι μάλιστα τὴν αὑτοῦ λέξιν ἑκάστῳ, ὃν ἂν προείπῃ ὡς ἐροῦντα.

5) По смыслу Платоновой методологіи, предпринимаемый для выясненія истины споръ долженъ быть тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ съ большею силою и оригинальностью высказываются сторонами противорѣчивыя мнѣнія. Отсюда слѣдуетъ, что Платонъ долженъ былъ сводить въ бесѣдахъ лишь особенно типичныхъ противниковъ. Съ другой стороны та же методологія требуетъ, чтобы споръ не былъ руководимъ никакими личными враждебными отношеніями. Отсюда второе правило—сводить въ діалогахъ лицъ или дружелюбно или по крайней мѣрѣ безразлично другъ къ другу расположенныхъ.

Но выборъ подсказывался и психологическимъ соображеніемъ. „Когда порядочный человѣкъ дойдетъ въ своемъ разсказѣ до изреченія или дѣйствія хорошаго человѣка, то пожелаетъ повѣствовать такъ, какъ будто онъ самъ былъ тѣмъ человѣкомъ, и не посовѣстится такого подражанія, наиболѣе тогда, когда будетъ подражать хорошему человѣку въ его безошибочныхъ и благоразумныхъ поступкахъ, рѣже и меньше—когда тотъ будетъ заблуждаться отъ болѣзни, страстей, опьяненія или другаго несчастія. Когда же дойдетъ до человѣка себя недостойнаго, то не пожелаетъ серьезно уподоблять себя худшему, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда тотъ поступаетъ хорошо, а въ другихъ случаяхъ устыдится, какъ потому, что у него нѣтъ сноровки подражать такимъ людямъ, такъ и потому, что ему будетъ непріятно иначе какъ для шутки вдѣлывать и вставлять себя въ типы худшихъ, которыхъ мысленно презираетъ“ [196]).

Разсматриваемое въ общемъ свѣтѣ Платоновой методологіи, это заявленіе уполномочиваетъ заключить, что по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ Платонъ не изображалъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относился съ презрѣніемъ; исключительное же меньшинство, по прямому смыслу заявленія, должно быть отмѣчено избыткомъ въ изображеніяхъ чувства смѣха.

6) Смѣшное въ діалогахъ [197]) предполагается основною чертою Платонова міровоззрѣнія — его полнымъ жизни безкорыстнымъ иде-

---

[196]) Ibid. 396, C—D.

[197]) Въ основаніе всего дальнѣйшаго разсужденія о смѣшномъ мною положены проницательныя замѣчанія Шопенгауэра, Die Welt als Wille und Vorstellung, I[4] 70 f. II[4] 99 f. Болѣе или менѣе цѣнныя указанія даютъ Hecker, Die Physiologie und Psychologie des Lachens und des

ализмомъ. Смѣшное всегда вызывается тѣмъ или другимъ (непосредственнымъ или сознаваемымъ чрезъ ассоціаціи) несоотвѣтствіемъ между идеальнымъ и ему противоположнымъ реальнымъ началомъ, то есть между тѣмъ, что̀ создается нашею самодѣятельностью и тѣмъ, что̀ имѣетъ независимое отъ нея бытіе—между понятіемъ о дѣйствительности и дѣйствительностью, цѣлью и средствомъ ея осуществленія, ожиданіемъ и исполненіемъ, преднамѣренностью и (кажущеюся) случайностью — если это несоотвѣтствіе не связано ни съ какимъ рѣзкимъ непріятнымъ состояніемъ [198]). Смотря потому, чѣмъ вызывается столкновеніе этихъ элементовъ, и тому побочному чувству, которое сопровождаетъ столкновеніе, смѣшное принимаетъ различные оттѣнки. Если столкновеніе вызывается простымъ желаніемъ доставить себѣ или другимъ удовольствіе смѣха, то смѣшное бываетъ комизмомъ (въ его разновидностяхъ—сценической шуткой, забавной сценой и пр., вызывающими смѣхъ преимущественно содержаніемъ, остротой, каламбуромъ и проч., вызывающими смѣхъ преимущественно формальной стороной [199]). Если столкновеніе элементовъ подсказано непріязнью, то смѣшное есть насмѣшка или издѣвательство, смотря по степени непріязни [200]); если прямо или косвенно выражается, что непріязнь лишь притворная, то смѣшное становится шуткой (въ собственномъ значеніи этого слова [201]). Если возвышенное, то есть все цѣнное, достойное, прекрасное, хорошее и пр., облекается въ низменную форму съ

Komischen, Berl. 1873. Kraepelin, Zur Psychologie d. Komischen въ Philos. Stud. herausg. v. Wundt, 2-r B, 1 H. Lipps, Psychologie der Komik въ Philos. Monatshefte, B. XXIV H. 7. 8. 9. 10. XXV, H. 1. 2. 3. 4. 5. 6. H. Spencer, Physiology of Laughter, Essays, I[4] 194—210. Bain, Mental Science, I[3], 315—317. The Emotions and the Will, 256—259, 3-d ed. 1880. Sully, Outlines of Psychology, Lond. 1884, 539 и пр. Carriere, Aesthetik, I[3] 198—247; Die Poesie, 2-te Aufl. Leipz. 1884. 511—524. Lemcke Populäre Aesthetik 5-te Aufl., Leipz. 1879, 110—125. Fechner, Vorschule d. Aesthetik, Leipz. 1876, I, 221—231.

[198]) Примѣры у Шопенгауэра.

[199]) Въ указанной разницѣ не трудно убѣдиться, сравнивъ, напримѣръ, комическую сцену въ Аристофановыхъ „Ахарнянахъ“ (764—789) съ близкой по содержанію остротой у Шекспира, Romeo and Juiliet Act. I, Sc. III: „Yea“, quoth my husband, „fallst upon thy face“ etc. Образцы каламбуровъ (съ нашей точки зрѣнія) у Платона въ „Кратилѣ“.

[200]) Всѣ эти ступени можно прослѣдить на отношеніи Аристофана къ Клеону и другимъ лицамъ въ различныхъ комедіяхъ: „Всадники“, „Осы“, „Миръ“ и пр.

[201]) Примѣръ у Платона въ „Протагорѣ“ 341, C—E.

прямою цѣлью его унизить, то смѣшное называется глумленіемъ [202]); если же прикрытіе низменнаго возвышеннымъ, или наоборотъ возвышеннаго низменнымъ, служитъ лишь къ оттѣненію достоинства или недостатка, причемъ все равно какимъ бы это прикрытіе чувствомъ ни сопровождалось, то смѣшное бываетъ ироніей, которая есть вообще способъ сознательно или безсознательно обострять мысль вызывающимъ смѣхъ противоположеніемъ между содержаніемъ и формой [203]). Наконецъ, если низменное облекается въ возвышенную форму ненамѣренно, то смѣшное бываетъ юморомъ. Юморъ коренится въ возвышенномъ міровоззрѣніи, которое невольно прилагаетъ ко всей дѣйствительности мѣру высокаго. Платоновы діалоги даютъ совершеннѣйшій образецъ юмора [204]). Несоотвѣтствіе идеала съ дѣйствительностью вызываетъ два разнородныхъ, сопровождающихъ одно другое, чувства: печаль и смѣхъ. Вызванная идеализаціей печаль по самой своей природѣ не можетъ найти дѣйствительнаго успокоенія; поэтому она ищетъ призрачнаго—облекаясь въ форму во всѣхъ другихъ случаяхъ пріятнаго чувства смѣха („смѣхъ сквозь незримыя

---

[202]) Классическій примѣръ Вольтерова „Pucelle“ и большая часть тѣхъ мѣстъ въ его „Romans“, гдѣ такъ или иначе затрогивается католичество и вообще обрядовая сторона религіи.

[203]) Классическіе образцы иронiи въ первомъ смыслѣ у Ксенофонта въ „Воспоминаніяхъ“, III, 6; IV, 2, 3 и у Платона въ „Тимэѣ“ 40, D—E (vernichtende ironie Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 815, 1); образецъ иронiи втораго рода у Платона въ „Федрѣ“ 275, B, „Пирѣ“ 218, D и „Политикѣ“, 299, B, сл. Древніе употребляли слово иронія обыкновенно во второмъ смыслѣ и опредѣляли ее какъ προσποίησις ἐπὶ χεῖρον πράξεων καὶ λόγων (Theophr. Char. I). Согласно съ этимъ Ѳрасимахъ укоряетъ Сократа у Платона въ томъ, ὅτι σὺ ἀποκρίνασθαι μὲν οὐκ ἐθελήσοις, εἰρωνεύσοιο δὲ καὶ πάντα μᾶλλον ποιήσοις ἢ ἀποκρινοῖο εἴτίς τί σε ἐρωτᾷ (De Rep. 337, A), при чемъ подразумѣвается, что Сократъ могъ отвѣтить на вопросы (ibid 337, E. Sympos. 216, E. Xen. Mem. IV, 4, 10, 11. 1, 2, 36). Отъ намѣренной иронiи, которою Сократъ пользовался въ протрептическихъ бесѣдахъ, слѣдуетъ отличать его безсознательную иронію, которая была слѣдствіемъ его юмора. Не находя въ себѣ искомаго идеала, Сократъ прилагалъ къ себѣ мѣру низкаго, надѣясь обрѣсти его осуществленіе въ другихъ, прилагалъ къ нимъ мѣру высокаго. Отсюда торжественный тонъ въ обращеніи съ другими и уничижительный относительно себя, а отсюда его безсознательная иронія, которая принимала видъ, будто онъ желалъ возвысить себя и унизить другихъ, на самомъ же дѣлѣ была слѣдствіемъ его юмора, заставлявшаго его всякую вообще мысль выражать смѣшнымъ несоотвѣтствіемъ противоположностей. Изъ новѣйшихъ писателей совершеннѣйшіе образцы иронiи даютъ Свифтъ A modest proposal to the public for preventing the childern of poor people in Ireland from being a burden to their parents or country etc., Works, Lond. 1784, 335 f.), Гиббонъ (The history of the Decline and Fall of the Roman Empire, въ особ. ch. XV, p. 175 sq. 219 sq., ed. by W. Smith, Lond. 1887, v. II), Вольтеръ (въ Romans повсюду), Гейне (въ Reisebilder повсюду), Іоаннъ Грозный въ своихъ письмахъ къ Курбскому и игумену Козмѣ и пр.

[204]) Въ новой литературѣ совершеннѣйшіе образцы у Рабле, Карлейля, Диккенса (см. гл. IX). Отношеніе Платона къ софистамъ находитъ близкую аналогію въ отношеніи Рабле къ Панургу и брату Ивану и Диккенса къ героямъ „Пикквикскаго клуба“.

міру слезы“ [205]). Здѣсь двоякая причина смѣха въ Платоновыхъ діалогахъ. Третья въ томъ, что постоянная привычка обращать печальное въ смѣшное порождаетъ общее предрасположеніе къ смѣху; тогда какъ у людей обыкновенныхъ (исключая лишь физіологически къ смѣху предрасположенныхъ или такъ называемыхъ веселыхъ) смѣхъ вызывается только болѣе или менѣе рѣзкими несоотвѣтствіями, у юмористовъ душа всегда полна смѣхомъ, который въ литературныхъ произведеніяхъ принимаетъ сообразно съ ихъ содержаніемъ различные оттѣнки. Но существуетъ и четвертая причина смѣшнаго въ діалогахъ—постоянное діалогическое разложеніе сталкивающихся мнѣній, „обращающее ожиданіе въ ничто“ [206]). Эта причина дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ самоувѣреннѣе и напыщеннѣе выражаются мнѣнія. Чтеніе Платоновыхъ діалоговъ производитъ поэтому тоже впечатлѣніе, что̀ чтеніе комедій и сатиръ; тѣмъ не менѣе ошибочно отожествлять ихъ съ комедіями и сатирами. Въ комедіяхъ смѣшное либо цѣль сама по себѣ, либо средство къ цѣли, которая обыкновенно полагается въ нравственномъ исправленіи другихъ [207]); въ діалогахъ Платона смѣшное не цѣль и не средство, а простое слѣдствіе его міровоззрѣнія и метода. Сатира имѣетъ цѣлью обнару-

---

[205]) „Ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха... И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью... озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Гоголь „Мертвыя души“, I, гл. 7. Юморъ Гоголя сказывается не въ отдѣльныхъ изображеніяхъ и характеристикахъ, обыкновенно вполнѣ объективныхъ, а въ равномѣрной, возможной только для юмориста, склонности къ возвышенному и смѣшному.

[206]) „Das Lachen ist ein Affect aus der plötzlichen Verwandlung einer gespannter Erwartung in nichts“. Kant, Kritik d. Urtheilkraft, 343, Hartenst. Leipz. 1867. Сколь ни односторонне это опредѣленіе въ общемъ, въ данномъ случаѣ оно вполнѣ правильно.

[207]) О назидательныхъ цѣляхъ комедіи Aristoph. Acharn. 624—625, Ranae 1053 (о всѣхъ вообще поэтахъ), Equites 1313, сл. (гдѣ комедія олицетворена въ Агораритѣ) и пр. Еще опредѣленіе Molière, Préface de Tartufe (p. 410, ed. Hetzel, Paris): Si l'emploi de la comédie est de corriger les vices des hommes, je ne vois pas par quelle raison il y en aura de privilégiés.... et nous avons vu que le théâtre a une grande vertu pour la correction. Les plus beaux traits d'une pièce serieuse sont moins puissants, le plus souvent, que ceux de la satyre et rien ne reprend mieux la plupart des hommes que la peinture de leurs défauts. C'est une grave atteinte aux vices que de les exposer à la risée de tout le monde etc. Точно также Lesage въ комическомъ романѣ Gil Blas заявляетъ: si tu lis mes aventures sans prendre garde aux instructions morales qu'elles renferment, tu ne tireras aucun fruit de cet ouvrage (Gil Blas au lecteur, p. 97, ed. Didot 1868).

женіе дурныхъ сторонъ и ихъ исправленіе отвращающимъ идеаломъ [208]). Платонъ, хотя и раскрываетъ въ мысли нелѣпости, но не съ цѣлью ее исправить, а въ поискахъ за истиной, и если порой и рисуетъ отвращающіе отъ порока идеалы, то не для внѣшняго дѣйствія, но исключительно потому, что діалектическій строй его философіи повсюду требуетъ противоположностей, а его нравственное чувство—удовлетворенія. Поскольку въ діалогахъ встрѣчаются возбуждающія смѣхъ изображенія дурнаго и нелѣпаго, комическій и сатирическій элементъ существуетъ въ нихъ безспорно, но безспорно также и то, что онъ не средство и не цѣль, а лишь придатокъ, хотя и необходимый.

7) Всѣ эти частные выводы уполномочиваютъ относительно характера Платона какъ историческаго свидѣтеля къ одному общему заключенію, что Платонъ *сознательно* не могъ извращать истину ни по одному изъ приписываемыхъ ему древними и новыми критиками побужденій, ни по основаніямъ своего философскаго метода, ни по взглядамъ на отношеніе философа къ современной общественной жизни, ни по усвоеннымъ имъ эстетическимъ правиламъ, но что наоборотъ какъ его теоретическія, такъ равно практическія и эстетическія воззрѣнія ручаются за вѣрность его свидѣтельствъ истинѣ въ основныхъ, главныхъ, знаменательныхъ, словомъ, существенныхъ чертахъ.

Отвѣтомъ на вопросъ, не искажалъ-ли Платонъ истину *безсознательно*, должна служить предлагаемая въ слѣдующихъ главахъ фак-

---

[208]) Говоря о сатирѣ, я разумѣю это слово въ его позднѣйшемъ, установившемся съ Ювенала, значеніи. О причинахъ и цѣляхъ, побуждающихъ писать сатиры, классическое свидѣтельство у Ювенала въ I сатирѣ (Римъ переполненъ всякими пороками; кто же можетъ быть къ нему на столько равнодушенъ, чтобы не писать сатиръ? v. 30—31). Изъ произведеній новаго времени, наиболѣе отчетливо выражающихъ цѣль сатиры, достаточно указать на Satyre Menippée (осмѣивающую шарлатанство членовъ Католической Лиги) и на Донъ Кихота (направленнаго противъ увлеченія рыцарскими романами). Рабле, котораго обыкновенно причисляютъ къ сатирикамъ, былъ по преимуществу юмористъ, а сатирикъ только между прочимъ.

[209]) Увѣщательная рѣчь Сократа въ „Горгіи“ (522, E, сл.) служитъ прямою противоположностью рѣчи Калликла въ томъ же діалогѣ (482, C, сл.), а отрицательный идеалъ тиранна въ IX книгѣ „Государства“—противовѣсомъ положительному идеалу, выставленному Ѳрасимахомъ и Главкономъ (въ I и II кн.). Отступленіе въ „Ѳеэтетѣ“ (172, D—177, A) носитъ очевидно характеръ чисто лирическаго изліянія. О цѣляхъ діалоговъ „Протагоръ“, „Горгій“, „Евеидемъ“, „Гиппій“ и пр. см. гл. VIII.

тическая провѣрка его свидѣтельствъ. Если во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая провѣрка возможна, окажется, что у Платона теорія совпадаетъ съ практикой, насколько вообще возможно осуществленіе намѣченнаго имъ идеала по самымъ мегафизическимъ допущеніямъ этого идеала, то у насъ, предполагая отсутствіе спеціальныхъ противопоказаній, не будетъ основанія заподозривать его добросовѣстность и въ тѣхъ случаяхъ, когда фактическая провѣрка невозможна.

Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность.

Изслѣдованіе кандидата К. И. Арабажина.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Отдѣлъ I.

Литературные взгляды К. Бродзинскаго и его положеніе въ спорѣ романтиковъ съ классиками.

I. Романтизмъ въ Европѣ и Польшѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Состояніе польскаго общества и образованности въ началѣ XIX в. Слѣды романтизма въ Польшѣ до 1818 года. II. Разсужденіе К. Бродзинскаго „O klassyczności i romantyczności"; значеніе этой статьи; оцѣнка взглядовъ Бродзинскаго на основаніи другихъ его статей. Дальнѣйшее развитіе идей романтизма въ Польшѣ (1819—1822); отношеніе къ нему классиковъ. Статья Снядецкаго „O piśmach klassycznych i romantycznych"; возраженія на неё. III. Литературныя произведенія К. Бродзинскаго отъ 1819 до 1822 г.; первыя выходки противъ романтиковъ. Успѣхи романтизма между 1822—1828 гг.; настроеніе классиковъ. Статьи К. Бродзинскаго. IV. Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ передъ революціей 1830—1831 года. Раздраженіе К. Бродзинскаго и его полемика съ романтиками; статья Островскаго „Co są prawidła", его „исповѣдь". Заключеніе.

I.

Мы уже указали въ первой главѣ нашей работы, что литературная дѣятельность К. Бродзинскаго, какъ поэта, критика и ученаго, относится почти исключительно къ 20 годамъ этого столѣтія. Въ это время было уже въ полномъ разгарѣ то литературно-художественное и философское движеніе, которое, получивъ довольно сбивчивое названіе романтизма, распространилось по всей Европѣ, всюду производя переворотъ въ воззрѣніяхъ общества на религію, философію, поэзію, на общественныя и политическія отношенія. Романтическое движеніе, размѣры и значеніе котораго можетъ опредѣлить только наше время, для насъ, славянъ, представляетъ особенный интересъ потому, что въ жизни славянскихъ народовъ оно

отразилось въ томъ національномъ оживленіи, которое привыкли называть возрожденіемъ славянъ, ихъ духовно-нравственнымъ обновленіемъ.

Было бы ошибочно однако думать, что время Бродзинскаго можно считать періодомъ господства въ польской литературѣ романтизма въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается напр. въ Германіи [1]). Совершенно справедливо замѣтилъ А. Н. Пыпинъ по поводу русской литературы [2]), что этимъ сборнымъ именемъ, котораго, правду сказать, никогда не понимали вполнѣ [3]), обозначалось очень сложное явленіе, причины котораго кроются во многоразличныхъ проявленіяхъ того необыкновеннаго возбужденія умовъ, которое возникло во вторую половину XVIII вѣка, и въ которомъ въ одинаковой мѣрѣ скрывались и революціонные, и реакціонные элементы; и если въ Западной Европѣ романтизмъ явился только крайнимъ выраженіемъ, такъ сказать—завершеніемъ реакціи „просвѣтительнымъ идеямъ“ XVIII вѣка, по скольку онѣ выразились въ торжествѣ матеріализма и разсудочности, то у насъ, въ русской литературѣ, подъ словомъ „романтизмъ“ безспорно должно разумѣть еще болѣе неопредѣленное, вѣчно колеблющееся и измѣнчивое настроеніе общества, обусловленное всей суммой вліяній и понятій, начиная отъ Руссо и Гердера и до Шеллинга и Гегеля, врывавшихся въ нашу жизнь почти одновременно внѣ всякаго порядка времени и системы. Этимъ и объясняется совершенно особый характеръ романтизма на русской почвѣ [4]). Почти то же можно сказать и относительно польскаго романтизма. Еще въ 1819 году Бродзинскій откровенно сознавался въ своихъ замѣчаніяхъ къ переводной статьѣ „О нѣмецкой литературѣ“, что, „говоря по совѣсти, польская литература (въ его время) *находится на той самой дорогѣ, на какой находилась литература нѣмецкая до Лессинга и Гердера*“ [5]).

---

[1]) R. Haym въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи „Die romantische Schule“, Berlin, 1870, начинаетъ исторію романтизма прямо съ Тика (стр. 19).

[2]) Пыпинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“. Спб. 1890, стр. 25.

[3]) Чит. напр. В. Бѣлинскаго, „Сочиненія“, т. II, 10, V, 15—17, VIII. 150, 196, XII, 170—179 и т. д.

[4]) Довольно вѣрную характеристику романтизма даетъ Скабичевскій въ своей статьѣ „Сорокъ лѣтъ русской критики“, „Сочиненія“, Спб. 1890, т. I‘ стр. 291—298.

[5]) „Pamiętnik Warszawski“ 1819, t. XIII, „O poetycznéj literaturze niemieckiéj z uwagami nad poezyą polską“, стр. 362.

Это замѣчательное признаніе Бродзинскаго въ высшей степени справедливо.

Дѣйствительно, польская литература начала этого столѣтія только вступала въ кругъ литературныхъ вліяній западно-европейской реакціи вѣку псевдо-классицизма и разсудочности, вліяній, которыхъ крайнимъ выраженіемъ явился въ послѣднюю минуту такъ называемый романтизмъ съ его реакціоннымъ, мистическимъ настроеніемъ, безсиліемъ ума, болѣзненно-развитой фантазіей и чувствомъ, индефферентизмомъ политическимъ, полнымъ удаленіемъ отъ реальнаго міра [1]). Поэтому польскій романтизмъ есть, собственно говоря, точно также, какъ и русскій, результатъ своеобразнаго соединенія всевозможныхъ идей и стремленій второй половины XVIII в. и начала XIX в., а вовсе не то, что разумѣли, какъ извѣстную доктрину, Шлегель, Бутервекъ и др. теоретики романтизма. Но романтизмъ вообще былъ движеніемъ съ содержаніемъ крайне измѣнчивымъ и подвижнымъ, неодинаковымъ въ началѣ, срединѣ своего существованія и въ исходѣ. Что бы уяснить себѣ сущность и характеръ польскаго романтизма, необходимо остановиться на исторіи всего движенія европейской мысли и на всемъ протяженіи времени выяснить значеніе романтизма, его смыслъ и употребленіе этого слова.

Современная намъ цивилизація, по удачному выраженію Вогюэ, есть міръ любви и взаимности,—результатъ необыкновенно живого неизбѣжнаго обмѣна идей и настроеній отдѣльныхъ народовъ въ ихъ взаимодѣйствіи [2]). XVIII в., въ особенности, можетъ служить блестящимъ примѣромъ этого широкаго взаимодѣйствія идей, какимъ создалось наше европейское просвѣщеніе. Идеи, впервые зарождавшіяся на англійской почвѣ, встрѣчали живой откликъ въ лучшихъ умахъ французской націи, переработывались, дополнялись на нѣмецкой почвѣ, возвращались къ первоисточнику для того, чтобы изъ этого круговорота мнѣній среди общаго возбужденія и взволнован-

---

[1]) Чит. Т. Брандесъ, „Главныя литературныя теченія XIX в.“, ч. II, гл. 1, 2, 5, 10. Ср. „Die romantische Schule“ горячаго противника романт. Гейне съ болѣе справедливыми отзывами Д. Гайма („Die romantische Schule“, I кн., гл. 1-я, III кн. гл. 1-я и т. д.).

[2]) Vogüé „Le roman russe“, Paris, 1888, p. LIV. Гете сравнивалъ современную цивилизацію съ музыкальной фугой, въ которой голоса отдѣльныхъ народовъ, при общей гармоніи, ведутъ, каждый, свою партію.

ности, какъ изъ пѣны, рождалась истина. Такъ напр., только французъ Мопертюи, по выраженіи Гольдсмита, доставилъ англійской философіи удивленіе Европы [1]). Трагедія, комедія, романъ у Детуша, Мариво, Дидро, находятъ свои образцы въ англійскихъ произведеніяхъ Свифта, Лилло, Стерна [2]), а ихъ нѣмецкія подражанія облегчаютъ Лессингу глубокомысленную работу созданія новыхъ началъ истинной драматургіи, возвратившихъ Шекспиру удивленіе и признаніе всего міра [3]). Исходя изъ англійскихъ вліяній, Мариво за десять лѣтъ до появленія въ свѣтъ „Памеллы“ пишетъ свою „Маріанну“, а Руссо, подъ вліяніемъ отголосковъ того настроенія, которое еще въ XVII в. вызвало въ Англіи романъ Mrs. Behm „Оroonoko“, восхвалявшаго первобытную невинность дикихъ странъ [4]), пишетъ свою „Новую Элоизу“, для которой среди нѣмцевъ давно уже подготовилъ почву знаменитый „Островъ Фельзенбургъ“ (1731—1743) [5]), и дальнѣйшее развитіе и завершеніе которой въ „Вертерѣ“ Гете создаетъ новую эпоху въ исторіи развитія человѣчества, являясь въ то же время въ своей болѣзненности внутренняго чувства прямымъ предкомъ, согласно мѣткому замѣчанію Геттнера, Байроновъ и Пушкиныхъ въ ихъ многовоспѣтыхъ мировыхъ страданіяхъ [6]). Подъ тѣмъ же вліяніемъ Руссо и англійской поэзіи, геніальный Гердеръ со свойственнымъ нѣмецкому духу глубокомысліемъ и вдумчивостію выдвигаетъ новую идею—идею человѣчества, создаетъ науку всеобщей литературы, а своимъ глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ народной поэзіи вызываетъ изученіе народности и поддерживаетъ славянское возрожденіе, а его „Ideen zur Philosophie der Geschichte

---

[1]) Г. Геттнеръ, „Французская литература“, Спб. 1866, т. 2.

[2]) Ibid. гл. I, отд. 2, глава II, от. 1 и т. д.

[3]) Чит. его „Гамбургская драматургія“. Смирнова „Гамбургская драматургія“, 1882, I, II.

[4]) Н. П. Дашкевичъ, „Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова“, (ценз. соч. Н. И. Петрова „Оч. исторіи укр. лит. XIX в.“), стр. 143.

[5]) „Основная черта „Острова Фельзенбурга“, говоритъ Геттнеръ, мечтательное стремленіе къ миру и спокойствію, короче то, что Шиллеръ назвалъ сентиментальнымъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Это незамолкающее взываніе къ свободѣ изъ естественной душной темницы, громкое скорбное требованіе мрачной первобытной жизни. Это Руссо, явившійся прежде Руссо“, „Нѣмецкая литерат.“, М. 1872 г., т. I, стр. 293.

[6]) Т. Геттнеръ, „Ист. фр. литер.“, т. II.

der Menschheit“ [1]) распространяются далеко за предѣлами Германіи и создаютъ новое направленіе исторической науки во всей Европѣ, сказываются благотворно и во Франціи [2]).

Въ настоящее время историческая критика признала значительныя достоинства и произведеній періода псевдо-классицизма, среди представителей котораго имя Расина пользовалось заслуженной славой и въ эпоху романтизма, и про котораго Гейне писалъ еще въ 1833 году, что „онъ былъ живымъ источникомъ любви, чести и своимъ стихомъ восхитилъ, очаровалъ и облагородилъ цѣлый народъ“ [3]). Мы съ глубокимъ почтеніемъ произносимъ имена Вольтера, Дидро, Монтескьё, и съ волненіемъ слѣдимъ ихъ горячую борьбу за свободу совѣсти, личности, проповѣдь терпимости, равенства;—и тѣмъ не менѣе то направленіе, начинателями и выразителями котораго являются Гердеръ, Руссо, Гёте, и которое въ конечномъ результатѣ привело къ полной эманципаціи и индивдуума, и народностей, къ реализму въ искусствѣ и позитивизму въ наукѣ, все это направленіе возникло, какъ реакція „вѣку просвѣщенія“.

Дѣятели „вѣка просвѣщенія“ руководилися, какъ извѣстно, сухимъ раціонализмомъ, одной разсудочной способностью, а этого не можетъ хватить для всего. Здравый смыслъ безъ глубокихъ и основательныхъ знаній будетъ плохимъ руководителемъ въ изученіи человѣка и его внутренней жизни; часто онъ не съумѣетъ изслѣдо-

---

[1]) I. K. Bluntschli въ своей книгѣ „Geschichte der neueren Staatwissenschaft, allgemeines Staatsrecht und Politik“, München und Leipzig, 1881 (стр. 317—328) говоритъ по поводу этой книги Гердера, что „онъ былъ апостоломъ идеи человѣчества“; „признавая, что между человѣчествомъ и народничествомъ нѣтъ внутренняго противорѣчія, хотя и есть контрастъ, Гердеръ былъ заступникомъ національности“.... „Соединяя обѣ идеи, онъ однако былъ совершенно свободенъ и отъ узкаго національнаго чванства“, какъ политическій умъ, Гердеръ можетъ быть по мнѣнію Блюнчли сравниваемъ только съ Монтескье и Вико (стр. 317). Вообще многосторонняя дѣятельность Гердера до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству. Шлоссеръ въ своей „Исторіи литературы XVIII в.“ (т. III, IV.) отзывается о немъ довольно рѣзко. Всего болѣе выдвигаетъ значеніе Гердера Шереръ въ своей книгѣ „Geschichte der deutschen Litteratur“, Berlin 1883 г. О вліяніи Руссо на Гердера Гаймъ въ своей монографіи „Гердеръ, его жизнь и сочиненія“, 1888—1890, говоритъ, что оно было незначительно, и Гердеръ былъ самъ своимъ Руссо. Мы болѣе склоняемся въ этомъ случаѣ къ мнѣніямъ Геттнера и Штерна („Всеобщ. лит.“). Интересную статью Пыпина о Гердерѣ чит. въ „Вѣстн. Евр.“ 1890, III, IV.

[2]) Edgar Quinet. „Oeuvres complètes“ 1857. Чит. А. П. Пыпина: „О Гердерѣ“ „В. Е.“, 1890, 3.

[3]) H. Heine, „Die romantische Schule“, Halle, 1887.

вать глубокихъ тайниковъ человѣческаго сердца, его религіознаго чувства, часто не пойметъ природы, искусства, общественнаго настроенія; онъ не способенъ оцѣнить по достоинству миѳы, которые станетъ объяснять, какъ аллегоріи или прямо начнетъ надъ ними смѣяться; ни духа среднихъ вѣковъ, въ которыхъ видитъ одинъ мракъ невѣжества и фанатизма; онъ не можетъ возвыситься до той высоты вдумчивой всесторонности, которая необходима при оцѣнкѣ и уразумѣніи сущности историческаго процесса, будетъ судить обо всемъ по одному шаблону; онъ все стремится привести къ одной мѣркѣ, никогда не проникнется онъ искренней прелестью поэзіи чувствъ, сердечныхъ хотя бы и фантастическихъ видѣній, потому, что иронія, язвительная насмѣшка скептицизма, свойственныя его природѣ, не позволятъ ему проникнуть въ глубину человѣческой души.

Но потребности сердца и фантазіи никогда не были окончательно заглушены. Средневѣковая романтика не умирала въ новыхъ литературахъ и имѣла мѣсто даже въ періодъ процвѣтанія псевдоклассицизма [1]). Неудовлетворенность его сжатыми рамками, его аристократизмомъ, его служеніемъ абсолютизму, усиливается одновременно съ ростомъ освободительныхъ идей въ обществѣ и по мѣрѣ развитія и образованія новаго 3-го сословія. Первый починъ дѣлаетъ, конечно, англійская литература, выросшая послѣ побѣды гражданской свободы во время Вильгельма и Анны [2]), но почти одновременно, отчасти подъ вліяніемъ англійскимъ, отчасти въ силу тождества условій общественной жизни, новое направленіе возникаетъ и во Франціи, и въ Германіи. Уже Менажъ и Ламоттъ возставали противъ 3-хъ единствъ [3]), а у Вольтера мы находимъ цѣлый

---

[1]) Уже Бродзинскій въ статьѣ „O klass. i romantyczn." указывалъ ея слѣды въ произведеніяхъ Корнеля („Lubo nauczycielami Kornela był Eurypides i Romantyczność Hyszpańska, geniusz jego potrafił utworzyć z nich właściwą francuzom tragedją...."). Гейне говоритъ о Корнелѣ („Die romantische Schule", 1887, стр. 48): „In Corneille atmet noch das Mittelalter. In ihm und in der Fronde röchelt noch das alte Ritterthum. Man nennt ihn auch deshalb manchmal romantisch". Мольеръ тоже не можетъ быть названъ классикомъ чистой воды. Чит. Н. П. Дашкевичъ, „Новѣйшая научная литература о Мольерѣ"—„Унив. Извѣст." 1888, № 5, 93—122. О средневѣк. романтикѣ чит. того же автора: „Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада", К. 1890.

[2]) Чит. Г. О. Тэнъ „Histoire de la littérature anglaise", т. II, глава III, 3.

[3]) Смирновъ, „Гамбургск. драматургія".

рядъ отступленій отъ пінтики Буало [1]); уже Луи Расинъ въ своихъ критическихъ статьяхъ указываетъ на Лопе-де-Вегу и Шекспира [2]); въ этомъ-же смыслѣ Іоганнъ Шлегель явился предшественникомъ Лессинга и Дидро. Въ народной поэзіи раньше Гёте и Гердера внесъ животворную струю народности Геллертъ. Христіанъ Вейзе еще въ 1691 году призывалъ къ естественности и непринужденности.

Въ „Жиль-Блазѣ" и въ особенности въ замѣчательномъ нѣмецкомъ романѣ „Симплициссимусъ" мы видимъ уже вполнѣ народные романы. Всѣ эти отдѣльныя проявленія новаго настроенія, постепенно накопляясь въ количествѣ и качествѣ, переплетаясь съ стремленіями общества къ политической свободѣ, распространяются въ широкой публикѣ, жизненно-свѣжей, но не успѣвшей въ своемъ развитіи подняться на высоту современной философской мысли и потому претворяющей новыя идеи согласно потребностямъ своего чувства и здраваго смысла. Обществу было душно, оно хотѣло вырваться изъ сковывающихъ его нормъ, и вотъ Руссо съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, въ которомъ бушуетъ демократическое чувство, является выразителемъ новаго настроенія. Вслѣдъ за героемъ его „Новой Элоизы" возникаетъ могучій образъ Вертера, который, постепенно разростаясь и преобразовываясь, превращается, по вѣрному замѣчанію Брандеса, въ романтическую фигуру Фауста. Настаетъ та эпоха въ исторіи умственнаго развитія Европы, которую Геттнеръ опредѣляетъ, какъ „возстаніе внутренняго чувства, не удовлетвореннаго матерьяльными взглядами, идеализмъ сердца, которое не хочетъ отказываться отъ своихъ правъ передъ стѣсняющимъ господствомъ разума, возвращеніе къ Богу и безсмертію, если не на основаніи церковной вѣры, то по крайней мѣрѣ на основаніи присущей человѣку жизни чувства" [3]).

Въ знаменитомъ романѣ Руссо его герой — впервые плебей — ломаетъ всѣ сословныя перегородки во имя чувства и соціальнаго

---

[1]) Въ его „Семирамидѣ" появляется даже тѣнь (Нина): чит. Ch. Voltaire, „Ouvrages dramatiques, précédés et suivis de piéces qui leur sont relatives", t. III. MDCCLXXL. „Sémiramis" (ср. сц. 4, 6, 7, 8, актъ 5).

[2]) Имя Шекспира впервые было названо въ одной книгѣ, переведенной въ 1715 г. съ англійскаго: чит. La critique du théatre anglois; Н. П. Дашкевичъ, „Унив. Изв." 1888, № 5, 119 („Литература о Мольерѣ").

[3]) Г. Геттнеръ, „Франц. лит.", т. II, стр. 92.

равенства. Еще съ большей энергіей и страстностью выраженъ протестъ противъ пошлости жизни въ „Вертерѣ“. „Эта книга, говоритъ Брандесъ, даетъ все, что есть справедливаго и несправедливаго въ протестѣ переполненнаго сердца противъ тривіальныхъ и неподвижныхъ правилъ регулированной обыденной жизни, изображаетъ влеченіе къ безконечному, стремленію къ свободѣ“ [1]). „Этотъ романъ есть вызовъ, мятежно брошенный въ лицо общественной рутинѣ“ [2]). Вертеръ—это отчаянный крикъ сердца, истерзаннаго пошлостью, это трагедія Титана, изнемогающаго въ борьбѣ съ пигмеями, это порывъ, страсть, стремленіе къ безконечному, необъятному, замкнутыя въ душныхъ рамкахъ обыденности. Необузданность страсти фатально влечетъ къ гибели. Вертеръ, какъ и Вильгельмъ Мейстеръ, это поэты-мечтатели, которые гибнутъ вслѣдствіе полнаго разлада между требованіями внутренней жизни и внѣшними условіями. Здѣсь впервые мы наталкиваемся на слѣдующее трагическое противорѣчіе: человѣкъ въ сферѣ духовной представляется чѣмъ-то въ родѣ генія, который обнимаетъ чувствами весь міръ и черезъ посредство чувствъ воспринимаетъ всю его жизнь, который стремится къ истинѣ, но не можетъ ея достигнуть, который таитъ въ своемъ сердцѣ притязанія на всемогущество, онъ хочетъ передѣлать холодный пошлый свѣтъ согласно съ требованіями своего сердца, а между тѣмъ онъ, герой, по своему общественному положенію—ничто! [3]).

Эмансипація индивидуума началась именно съ того момента, когда требованія внутренняго міра выступили съ такой настойчивостью.

---

[1]) *Г. Брандесъ*, „Главныя теченія лит. XIX ст.“, Москва, 1881, стр. 15.

[2]) І. Шерръ, „Всеобщ. исторія литературы“, 3-е изд. Спб. 1880, т. II, стр. 238.

[3]) По словамъ Шиллера „Гете соединилъ въ своемъ произведеніи всё, что способно дѣйствовать на душу, и мечтательно-несчастную любовь, и влеченіе къ красотамъ природы, и религіозныя ощущенія, и философскую наблюдательность, и наконецъ, мрачный, туманный оссіановскій міръ, при чемъ сосредоточилъ всё это въ одномъ характерѣ, который съ пламенной страстью стремится въ слѣдъ за своимъ идеаломъ, убѣгаетъ дѣйствительности, чтобы отдаться неизвѣстному, который *только свои грёзы считаетъ чѣмъ—то существеннымъ*, для котораго наконецъ собственная опытность и свое собственное существованіе служатъ препятствіемъ, уничтожаемымъ имъ самимъ для достиженія существеннаго“. Это опредѣленіе заключаетъ всѣ существенные признаки, характеризующіе такъ называемый „Sturm-und-Drang periode“, который и должно считать первымъ актомъ начавшейся реакціи „вѣку просвѣщенія“.

Человѣкъ начиналъ жить своей личной жизнью: онъ мыслилъ уже себя не какъ часть цѣлаго — цеха, сословія, націи, а какъ микрокосмъ, т. е. какъ существо, которое хотя и единично, но заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ. Мы видимъ потомъ, какъ этотъ внутренній міръ все болѣе и болѣе растетъ въ глазахъ человѣка и принимаетъ наконецъ въ идеальной философіи Фихте такіе необъятные размѣры, что за предѣлами этого нашего „я“ становится сомнительнымъ существованіе вообще какого-нибудь другого міра, кромѣ „не я“, т. е. проявленія нашей внутренней психической работы.

Если мы обратимъ вниманіе на составные элементы новаго направленія періода „бурныхъ стремленій“, то почти всѣ они коренятся въ настроеніи Руссо: и возвращеніе къ вѣрѣ, основанное на глубокой потребности сердца [1]), и сентиментальное влеченіе къ природѣ и естественности (Вертеръ тоже ищетъ успокоенія въ деревнѣ), мечтательность, вѣра въ безсмертіе души и свободу воли, высоко возносящіе человѣка, котораго „я“ уже не только ощущающее страдательное существо, но вмѣстѣ и существо дѣятельное и производящее; республиканское пониманіе идей равенства, сближеніе съ крестьянами [2]); презрѣніе къ образованности, доходящее до того, что отрицается всякое серьезное изслѣдованіе, наука объявляется дѣломъ педантовъ и т. д.

Положительно всѣ эти элементы присущи писателямъ „Sturm und Drang“ періода, проходятъ у нихъ разные фазисы развитія, разныя степени измѣненія и извращенія [3]). Въ „Вертерѣ“ мы найдемъ всѣ типическія черты этого направленія: тирады противъ сословности общества и мелочности мѣщанскихъ отношеній [4]), противъ церемоніала, чопорности высшаго свѣта, противъ тривіальности

---

[1]) Чит. его „Profession de foi du Vicaire Savoyard.“ О Руссо чит. книгу Морлея (Русск. перевод. Невѣдомскаго. Спб. 1886 г.).

[2]) Руссо въ своихъ „Confessions“ разсказываетъ, что въ Мотье онъ плететъ со старыми женщинами шнурки и всегда вообще чувствуетъ потребность вмѣшаться между поселянами и раздѣлить ихъ простыя радости. Чит. „Les Confessions de J. J. Rousseau“, Paris, 1844. Ср. „Leiden des jungen Werthers“, Stuttgart, 1868: Письма отъ 15 марта, 17 марта и т. д.

[3]) О періодѣ „бурныхъ стремленій“ чит. І. Шерра, „Шиллеръ и его время“, М. 1875 г., а также Геттнера, „Ист. нѣм. лит.“ (глава: „Гете и Гетеанцы“).

[4]) „Leiden des jungen Werthers“. Sämmtliche Werke. Stuttgart. 1868. Чит. письма 15, 17 марта.

казенной терминологіи [1]), здѣсь та же льющая слезы сентиментальность, мечтательность [2]), то же увлеченіе природой, мечты о чистыхъ радостяхъ сельской жизни [3]); но тутъ же присоединяются и нѣкоторыя новыя очень важныя черты: мы замѣчаемъ здѣсь увлеченіе народной поэзіей, Оссіаномъ и Гомеромъ [4]), проскальзываютъ нѣкоторые признаки того сладострастія, которое доходитъ до полнаго неприличія въ „Люциндѣ“ Шлегеля [5]), и даже влеченіе къ фантастическому и призракамъ [6]).

Если мы обратимся къ польскому романтизму до революціи 1830—1831 года, то насъ поразитъ сходство его почти во всѣхъ подробностяхъ съ настроеніемъ періода „бурныхъ стремленій“, чѣмъ объясняется между прочимъ революціонность польскаго романтизма этого времени, тогда какъ мистическо-мессіаническое направленіе, возникшее послѣ революціи въ періодъ сильнаго нравственнаго утомленія, до извѣстной степени примыкаетъ къ реакціонному нѣмецкому романтизму братьевъ Шлегелей и т. п. Это сходство между геніальничающими гетеанцами и польскими романтиками 20-хъ и 30-хъ годовъ очень велико. Та же бурная безпорядочность, та же безпокойная подвижность характера, неуживчивость и строптивость, то же презрѣніе къ оффиціальной наукѣ, низверженіе авторитетовъ, вѣра въ свою геніальность, которая возмѣститъ и трудъ, и знанія [7]), тѣ же излишества самолюбія взлелѣяннаго чувства; въ художественныхъ произведеніяхъ то же нарушеніе всѣхъ правилъ, отсутствіе плана, нелѣпости и ужасы разнузданной фантазіи и т. д. Лессингъ, Кантъ и Гете боролись противъ подобныхъ крайностей „геніальничающихъ“ поэтовъ, порицали ихъ незрѣлую заносчивость, неспособность къ труду, выдержкѣ, и всего замѣчательнѣе то, что К. Бродзинскій, хотя и не всегда, впрочемъ, основательно, въ борьбѣ съ поль-

---

[1]) Ibid. Пис. 25 марта.

[2]) Ibid. Пис. 16 іюля, 10 сент., 15 сент., 30 нояб., 4 дек.

[3]) Ibid. Пис. 22, 9 мая.

[4]) Ibid. 13 м., 12 окт.

[5]) О ней чит. отзывъ Heine, „Die romantische Schule“; ср. „Leiden des jungen Werthers“, 16 іюля.

[6]) Ibid. Пис. 18 іюля.

[7]) Всѣ эти черты отражались, конечно, съ большей уродливостью и крайностями на второстепенныхъ представителяхъ романтизма.

скими романтиками употребляетъ тѣ же аргументы, заимствуя ихъ изъ Гердера и Канта, и даже по временамъ цитируя ихъ [1]).

Полнаго сходства, конечно, быть не могло: одновременно съ вертеровскимъ настроеніемъ [2]) въ Польшу проникалъ и реакціонный романтизмъ, изъ котораго, какъ мы увидимъ, тоже были заимствованы нѣкоторыя черты.

Періодъ бурныхъ стремленій не безъ основанія сравниваютъ съ французской революціей. Возбужденіе умовъ, вызванное имъ, смѣшало въ одну кучу различныя философскія и литературныя теченія: Гете, Гердеръ, Гаманнъ и даже Лафатеръ самымъ удивительнымъ образомъ были соединены въ общемъ союзѣ дружбы и уваженія. Скоро однако дороги ихъ разошлись, и когда волненіе улеглось, и подъ вліяніемъ крайняго умственнаго и нравственнаго утомленія возникъ реакціонный романтизмъ со всѣмъ его обскурантизмомъ и мракобѣсіемъ, Гете, Гердеръ не узнавали всходовъ, выросшихъ на нивѣ которую они когда-то усердно засѣвали.... Тѣмъ не менѣе и въ послѣдней стадіи своего развитія романтизмъ обязанъ всѣми лучшими своими чертами періоду Гете и Гердера и въ особенности дѣятельности геніальнаго Гердера. У него преимущественно романтизмъ заимствовалъ свое влеченіе къ народной поэзіи и пѣснямъ [3]), восхищенный художественнымъ предисловіемъ къ сборнику „Stimmen der Völker“ [5]), статьями „О еврейской поэзіи“, „Объ Оссіанѣ“ и т. д. [4]). Гердеръ же положилъ начало наукѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и раньше Шлегеля указывалъ на необходимость изученія санскритскаго языка [6]); онъ первый снялъ зарокъ осужденія съ среднихъ вѣковъ [7]);

---

[1]) Чит. „O exaltacyi“, „O krytyce“ и т. д.

[2]) „Werther“ былъ переведенъ въ 1821 году. „Польскій Вертеръ“, какъ говоритъ д-ръ П. Хмѣлёвскій о „Dziadach“, явился 1822 г. вмѣстѣ съ стихотвор. „Romantyczność“ и одой „Do młodości“.

[3]) Гейне говоритъ („Die romantische Schule“, H. 1887, стр. 45), что „Гердеръ смотрѣлъ на человѣчество, какъ на арфу въ рукѣ великаго артиста: каждый народъ ему казался отдѣльной струной, и онъ понималъ общую гармонію, истекавшую изъ этихъ различныхъ аккордовъ“.

[4]) „Stimmen der Völker“, Halle; чит. напр. „Vorrede der Volkslieder“, (o. cit. стр. 61—77). О его сборникѣ чит. Von B. Suphan, „Herders Volkslieder und Iohann von Müllers „Stim. der Vol.“ in Liedern“—„Zeit. für deutsche Philologie“, 1871, t. III.

[5]) Гаймъ, „Гердеръ, его жизнь и сочиненія“, М. 1888, т. I, 785—800.

[6]) Ibid. 157—169.

[7]) Ibid. 610—626.

въ его философскихъ взглядахъ лежатъ зародыши натурфилософіи Шеллинга [1]), въ которой находитъ свое обоснованіе и идея народности и универсализма въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Всѣ эти начала романтизмъ въ послѣдней стадіи своего развитія переработалъ, дополнилъ и видоизмѣнилъ въ духѣ той умственной усталости, слѣдствіемъ которой онъ явился, но въ главныхъ основаніяхъ онъ остался прежній. Если „вѣкъ просвѣщенія“ не безъ основанія дѣлятъ на два періода, имѣющихъ въ себѣ много общаго,—періодъ деизма и матерьялизма, то и реакція ему должна была неизбѣжно заключать тоже два момента, изъ которыхъ первый можно назвать періодомъ освобожденія чувства, а второй временемъ господства разнузданной фантазіи, періодомъ чисто дѣтскихъ усилій совершенно освободиться отъ законовъ и требованій разума, жить вдохновеніемъ, которое такъ родственно средневѣковому откровенію, руководиться поэзіей сладострастнаго [2]) піэтизма, мистицизмомъ средневѣковаго католицизма. Но такъ-какъ этотъ послѣдній періодъ романтизма характеризуется увлеченіемъ народной поэзіей, а съ другой стороны возникъ послѣ наполеоновскихъ войнъ, повсюду пробудившихъ національности отъ сна, то неудивнтельно, что время романтизма запечатлѣно успѣхами національной эманципаціи.

Для полнаго пониманія романтическаго настроенія послѣдняго періода необходимо припомнить себѣ значеніе политическихъ событій, наступившихъ послѣ великой французской революціи, съ одной стороны, и того умственнаго возбужденія, которымъ ознаменована жизнь нѣмецкаго народа времени Шиллера, Гете, Фихте и др.

Тѣ же самые дѣятели, которые были въ юности своей восторженными поклонниками этихъ великихъ политическихъ событій, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ отреклись отъ увлеченій молодости, были разочарованы. Весьма многіе будущіе романтики съ юношескимъ энтузіазмомъ привѣтствовали французскую революцію. „Въ 1795 году два молодыхъ человѣка, имена которыхъ пріобрѣли всемірную извѣстность, выходятъ въ уединенное поле и съ наивнымъ воодушевленіемъ насаждаютъ дерево свободы; то были Шеллингъ и Гегель“.

---

[1]) Шерръ, „Шиллеръ и его время“, стр. 362.

[2]) Что въ піэтизмѣ кроются элементы сладострастія, говоритъ уже Новалисъ въ „Fragmenten“.

Дѣятели, полные страсти и энергіи, о которыхъ Гете говоритъ, что

„.....съ возвышенной думой стремился
Всякъ изъ нихъ насаждать веселое древо свободы [1]),

— были испуганы ужасами террора [2]). Прогрессивное теченіе, исходившее отъ Шиллера и Фихте и создавшее поэтовъ-участниковъ войнъ за освобожденіе родины, Кернера, Клейста, Уланда, не имѣло серьезнаго и продолжительнаго вліянія [3]). „Трансцедентальный идеализмъ Фихте, этого великаго патріота, котораго „Reden an die deutsche Nation", говоренныя подъ наполеоновскими штыками, принадлежатъ къ лучшимъ подвигамъ нѣмецкой науки, — кончился такимъ остріемъ, что оно необходимо должно было изогнуться" [4]), и вотъ въ то время, какъ Гете и Шиллеръ находятъ успокоеніе въ своемъ эллинизмѣ, возникаетъ и растетъ другая группа, реакціонная, жаждавшая спокойствія послѣ великихъ переворотовъ, чисто артистическая, искавшая самоудовлетворенія въ искусствѣ для искусства, увлекавшаяся духомъ средневѣковой таинственности и потому романтически католическая [5]); ненависть къ дѣйствительности, апотеозъ праздныхъ мечтаній въ эпоху реставраціи довелъ это направленіе до крайнихъ предѣловъ обскурантизма и умопомраченія. Представители этого направленія группировались около Шеллинга и Шлегелей, не вполнѣ основательно благоговѣя передъ „язычникомъ" Гете не смотря на его протесты, унижая Шиллера, свободныя идеи котораго были постояннымъ бѣльмомъ для нихъ [6]). Это было время какого-то опьянѣнія, полнаго потемнѣнія сознанія. Праздность и растительное прозябаніе были объявлены Шлегелемъ самымъ счастливымъ состояніемъ человѣка [7]). Тѣмъ не менѣе тѣ же братья Шлегели, Шеллингъ и

---

[1]) „Герм. и Доротея".

[2]) „Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я не читаю французскихъ газетъ,—такъ опротивѣли мнѣ эти подлые живодеры", пишетъ Шиллеръ къ Кернеру послѣ казни Людовика XVI; Шерръ, „Шиллеръ и его время....", стр. 282.

[3]) Чит. *Гервинусъ*, „Ист. XIX вѣка", Спб. 1863, т. I, 282. Ср. *Брандеса*, „Главн. литер. теч. XIX вѣка", стр. 129, 142.

[4]) *Шерръ*. „Всеобщ. ист. литер." Спб. 1880, т. II, стр. 260.

[5]) Увлеченіе католицизмомъ сказывается въ произведеніяхъ такъ наз. писателей-эмигрантовъ. Чит. M-me de Staël, „Corinne", Paris, Charpentier, 1882, avec préface de M-me Necker.

[6]) *Шерръ*, „Шиллеръ и его время", стр. 303.

[7]) Ibid. 303.

другіе романтики своими работами по исторіи всеобщей литературы, изученіемъ языковѣдѣнія и индійской поэзіи, идеями народности всего болѣе содѣйствовали культурному объединенію народовъ, которое выразилось въ признаніи общей идеи универсализма, гуманности въ ихъ національномъ самовыраженіи.

И польскіе критики, начиная съ Бродзинскаго, съ большей или меньшей ясностью, понимали это отношеніе между общечеловѣческимъ и національнымъ [1]). Такъ, Грабовскій полагалъ, что названіе „романтизмъ" было только маскою, прикрывавшей поэзію, отвѣчающую духу XIX в. „Поэзія, по его мнѣнію, стремилась въ общемъ федеративномъ союзѣ различныхъ національностей сохранить опредѣленную физіономію за каждой изъ нихъ" [2]).

Польскій романтизмъ заимствовалъ изъ послѣдняго періода обще-европейскаго романтизма главнымъ образомъ идею народности и связанное съ ней увлеченіе народной поэзіей, живительное вліяніе которой сказалось во всѣхъ европейскихъ литературахъ. „Самъ Гете, по удачному выраженію Гайма, наклонился къ этому источнику и жадно черпалъ изъ него силу, здоровье и красоту". Эта же здоровая струя народности оживила, возродила и польскую литературу, зачахшую въ теплицахъ псевдоклассицизма [3]). Такимъ образомъ въ силу разнообразія своихъ источниковъ, а также по чисто-мѣстнымъ національнымъ причинамъ, романтизмъ получилъ въ Польшѣ сразу же совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ въ Западной Европѣ [4]). Культъ католицизма и поэзіи среднихъ вѣковъ не могли имѣть здѣсь мѣста: католицизмъ и безъ того былъ въ почетѣ, рыцарской поэзіи никогда не было [5]). Не могли здѣсь сильно развиться общественный индиферентизмъ и отвращеніе къ политикѣ. Совершенно иныя отно-

---

[1]) *Grabowski* писалъ еще въ 1837 году: „Zadaniem literatury naszego wieku jest utworzenie poezyi narodowej albo raczej poezyj narodowych". „Literatura i Krytyka"—Piśma M. Grabowskiego, t. I, Wilno, 1837, стр. 8—9.

[2]) Ibid. стр. 106.

[3]) На это указываетъ вполнѣ опредѣленно и Грабовскій. „Takim sposobem, говоритъ онъ, jest niewątpliwą rzeczą że nasza tak nazwana romantyczna poezya wzięła początek nie w naśladowaniu niemców, nie w teoryach Schleglów; ona wyszła świeża i piękna z żywego źródła narodowych gminnych poezyi". *„Literatura i Krytyka"*, t. I: „O pieśniach ukraińskich...", стр. 106.

[4]) Чит. D. Chmielowski, „Pogląd na poezyę polską". Studya, II. Kraków, 1886. Ср. I. Brandes „O poezyi polskiéj XIX st.", W. 1887.

[5]) На это указываетъ и Бродзинскій: „Piśma", Poznań, t. IV.

шенія устанавливаются въ Польшѣ между романтизмомъ и классицизмомъ съ одной стороны и либеральнымъ и консервативнымъ направленіемъ съ другой. Здѣсь классики были въ то же время и консерваторами, въ родѣ Яна Снядецкаго, Осинскаго, Козьмяна и др. Это были сторонники мирнаго развитія, они разочаровались неудачами революціонныхъ политическихъ предпріятій; для нихъ литература была единственнымъ достояніемъ народности,— правильно распланированный садъ съ ровными дорожками, съ подстриженными деревьями, гдѣ всѣ должны были работать по опредѣленному, заранѣе составленному плану, и все, что нарушало единообразіе общаго плана, казалось имъ зловреднымъ, опаснымъ. Къ романтикамъ же принадлежало молодое поколѣніе,выросшее совсѣмъ подъ иными впечатлѣніями; всѣ они родились въ концѣ прошлаго или началѣ этого столѣтія (Мальчевскій 1793 г., Одынецъ 1794 г., Мицкевичъ 1799 г., Залѣсскій 1800 г., Гощинскій 1803 г., и т. д.). Тяжелыя испытанія военной непогоды 1807—1813 годовъ застали ихъ еще слишкомъ молодыми людьми и потому не могли оставить очень сильнаго и тяжелаго впечатлѣнія, кромѣ нѣкотораго нерасположенія къ французамъ, какъ у Одынца [1]). Это было поколѣніе людей, жаждавшихъ впечатлѣній, людей бодрыхъ умственно и нравственно, рвавшихся на свободу. На этой благодарной почвѣ сказались въ удивительномъ соединеніи и идеи романтизма, и „*Sturm und Drang*“ періода. Что польскій романтизмъ не чуждъ былъ вѣяній этого періода, можно видѣть уже хотя бы изъ такихъ, напр., фактовъ, какъ тотъ, что знаменитый „*Вертеръ*“ появился въ польскомъ переводѣ только въ 1821 году.

Такимъ образомъ польскому романтизму было чуждо ретроградное настроеніе нѣмецкой литературы; напротивъ, въ немъ сильны были общественные инстинкты—любовь къ родинѣ, бурные революціонные порывы, чувство самопожертвованія и солидарности, стремленіе къ свободѣ и независимости.

„Польскій романтизмъ, говоритъ Брандесъ [2]), не обособилъ душъ въ чувствѣ эгоизма, какъ это было у нѣмцевъ, ни въ чувствѣ ди-

---

[1]) Изъ романтиковъ только одинъ *Мальчевскій* участвовалъ въ наполеоновскихъ походахъ („Złota Przędza“ 1884 г., 791).

[2]) *Iersy Brandes*, „O poezyi polskiéj XIX st.“ Warsz. 1887, стр. 15.

кой и мужественной независимости, какъ въ Англіи; напротивъ, онъ соединяетъ всѣхъ въ одномъ полномъ энтузіазма чувствѣ національной солидарности. На него вліяетъ не отвращеніе къ дѣйствительности, но фактъ, что отечество уже недѣйствительность, а что-то такое, чему должно вѣрить, но чего нельзя узрѣть очами тѣла".

Черты, роднившія польскій романтизмъ съ европейскимъ и нѣмецкимъ, сказались въ обращеніи къ народной поэзіи, увлеченіи всѣмъ фантастическимъ, возвеличеніи чувства и возведеніи его до крайнихъ предѣловъ экзальтаціи, въ пренебреженіи силами ума, геніальничаніи романтической молодежи.

Одною изъ главныхъ причинъ, придавшихъ польскому романтизму именно такой смѣшанный характеръ, были неблагопріятныя политическія условія, въ которыя было поставлено польское общество въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв.

Вообще польская жизнь всегда находилась въ тѣсной связи съ исторіей умственнаго развитія Западной Европы, и только событія второй половины XVIII вѣка задержали правильный ходъ ея развитія и нѣсколько отдалили ее отъ всего образованнаго міра. Притокъ новыхъ идей почти совсѣмъ прекратился въ эпоху, когда вниманіе каждаго польскаго писателя, также какъ и государственнаго дѣятеля, было всецѣло поглощено политическими судьбами несчастной родины. Правда, въ эпоху раздѣловъ польскому обществу были извѣстны уже идеи Руссо, но имъ интересовались больше, какъ политическимъ писателемъ, и его „*Contrat social*" оказало огромное вліяніе на политиковъ и государственныхъ дѣятелей этой эпохи [1]). Въ эпоху, слѣдующую за раздѣлами, въ Польшѣ почти совсѣмъ замираетъ всякая умственная и литературная дѣятельность. Польша какъ бы исчезаетъ съ лица земли—она вся уходитъ въ глухія села, отдаленныя помѣстья, гдѣ притаились въ отчаяніи бывшіе дѣятели Рѣчи Посполитой. Положеніе поляковъ, раздѣленныхъ политически, разбитыхъ нравственно, было крайне незавидно въ виду предстоящей

---

[1]) Чит. Waler. Kalinka: „Sejm czteroletni", Lwów, 1884—1886. Rozdz. III: „Jan Jakób Rousseau i jego wpływ na Polsce". Также Bol. Limanowski: „Polska w czasie wielkiéj rewolucyi francuskiéj i wpływ téj ostatniéj na nią", „Przegląd społeczny" 1886, t. II. Сравни также Н. Карѣева. „Паденіе Польши", Спб. 1888, стр. 80—81.

культурной борьбы съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ нѣмцы. Особенно тяжело было положеніе той части Польши, которая досталась по раздѣлу Пруссіи.

Энергическое и ловкое правительство, сразу же поставивъ своей задачей онѣмеченіе края, съ нѣмецкой методичностью и послѣдовательностью, медленно, но неумолимо шло къ намѣченной цѣли. Пощады нѣтъ! Мѣстныя учрежденія, мѣстное право, судопроизводство замѣняются нѣмецкимъ; только въ низшихъ судахъ еще слышится польская рѣчь, но компетенція этихъ судовъ такъ ничтожна, что почти въ каждомъ дѣлѣ приходится прибѣгать къ высшимъ инстанціямъ, гдѣ царитъ нѣмецкій языкъ [1]). Польская шляхта, считая позорнымъ служить подъ нѣмецкимъ ярмомъ, добровольно удаляется съ арены общественной дѣятельности, отказывается отъ государственной службы и ищетъ успокоенія и забвенія въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Въ своей оппозиціи всему нѣмецкому шляхта не искала поддержки народа, да и не могла расчитывать на нее.

Какъ сообщаетъ Скарбекъ, „народъ равнодушно относился къ новымъ господамъ; нѣмецкое хозяйничанье не отражалось непосредственно на его матеріальномъ бытѣ, а смутное нерасположеніе къ „нѣмцамъ“, свойственное всѣмъ славянскимъ народамъ, было еще недостаточнымъ побужденіемъ для борьбы“ [2]). Къ тому же и въ польскомъ прошломъ „хлопъ“ не видѣлъ и не помнилъ ничего для себя отраднаго....

Средствомъ къ агитаціи въ народѣ могли бы служить народныя школы, но правительство не торопилось ихъ заводить.

Переселеніе въ польскія земли нѣмецкихъ колонистовъ, ловкая финансовая система закладовъ, расчитанная на разореніе помѣщиковъ, воспитаніе молодежи въ нѣмецкомъ духѣ—все было пущено въ ходъ. Тѣмъ не менѣе нѣмецкое просвѣщеніе распространялось въ Польшѣ очень медленно. Гордой, замкнутой въ своихъ патріотическихъ и сословныхъ предразсудкахъ польской шляхтѣ былъ болѣе по вкусу аристократизмъ французскаго псевдоклассицизма, чѣмъ новая нѣмецкая литература.

---

[1]) Исторіи Польши въ періодъ отъ раздѣловъ до 1815 года посвящено соч. Fryd. Skarbka, *„Dzieje księstwa Warszawskiego“*, Poznań, 1860. I, II. Ср. изслѣд. Н. А. Попова: „Варшавское герцогство“, „Рус. Вѣст.“, 1866, 1, 3.

[2]) *Fr. Skarbek*, „Dzieje....“, стр. 37.

Нѣмецкій языкъ былъ въ полномъ пренебреженіи; на немъ какъ бы срывало свое негодованіе оскорбленное чувство народности. Какъ ни полезно было бы знаніе этого языка, какъ государственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ языка просвѣщенія, молодые люди, не говоря уже о старомъ поколѣніи, совершенно игнорировали его [1]).

Національный духъ поддерживался въ это время только въ школахъ и общежитіяхъ такъ называевыхъ Піяровъ. Здѣсь молодежь получала довольно основательное элементарное образованіе; учителя относились къ своему дѣлу усердно [2]), но такъ-какъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ бы можно было довершать начатое образованіе на народномъ языкѣ, не было, то неудивительно, если пріобрѣтенныя элементарныя свѣдѣнія скоро улетучивались.

Въ противовѣсъ „Піярскимъ“ школамъ существовало въ *Варшавѣ* нѣмецкое высшее учебное заведеніе подъ названіемъ лицея. Въ учебно-воспитательномъ отношеніи оно было превосходно обставлено и, не смотря на свои явно германизаторскія цѣли, привлекало и польскую молодежь, хотя главный контингентъ все же составляли здѣсь дѣти нѣмцевъ-чиновниковъ [3]).

Въ какомъ положеніи находилась Галиція, доставшаяся по раздѣлу Австріи, и какъ стояло дѣло народнаго образованія, мы имѣли уже случай говорить въ предыдущей главѣ. Напомнимъ только, что 16-лѣтній К. Бродзинскій послѣ 6-ти лѣтъ хожденія въ нѣмецкую школу нуждался въ помощи брата для перевода нѣмецкихъ поэтовъ [4]).

Такимъ образомъ только русская часть бывшихъ польскихъ владѣній въ дѣлѣ образованія находилась, по признанію самихъ поляковъ, въ благопріятныхъ условіяхъ [5]).

Само собою разумѣется, что такое положеніе польскихъ провинцій крайне невыгодно отражалось на развитіи литературы и

---

[1]) *Skarbek*, I, 42.

[2]) Джоховскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ передаетъ о нихъ весьма-хорошіе отзывы. Чит. „Wspomnienia od roku 1806 do 1830“, W. 1859, стр. 25—32.

[3]) Skarbek, t. I, 45—46.

[4]) *Hordyński*, „Lata szkolne....“, стр. 25. „Kw. Histor.“ 1888.

[5]) Чит. „Zapiski i dokumenta do dziejów instrukcyi publicznéj w Polsce“, D-ra Wł. Seredyńskiego („Arch. do dziejów lit. i oświaty w Polsce“, t. I, Kraków, 1878 r.). Ср. также „Obraz ogólny instytutów naukowych w Cesarstwie Ross. i królewstwie polskiem“ („Pam. W.“ 1821, tt. XX, 456, XXI, 141).

искусствъ. Творческая дѣятельность почти прекратилась [1]); поэтамъ оставалось лишь предаваться грустнымъ лирическимъ изліяніямъ „на гробѣ своей родины"; краснорѣчіе, достигшее въ предшествующую пору высокой степени совершенства, скромно пріютилось теперь на церковной каѳедрѣ; небольшая кучка ученыхъ, отдавшихся изученію родной старины и совершенно чуждыхъ вліяніямъ западно-европейскимъ, не имѣла публики, съ которой могла бы дѣлиться своими изслѣдованіями и въ свою очередь пользоваться ея поддержкой. Кругъ читателей въ эту пору все болѣе и болѣе съуживался, а литература и наука постепенно утратили всякое значеніе и цѣнность. „Чтобы считаться ученымъ и литераторомъ въ то время, немного требовалось: поверхностное знакомство съ французской литературой, обладаніе небольшой библіотекой, подписка на „*Pamiętnik Warszawski*" — давали каждому право на лестное званіе литератора. Кто написалъ гладкими стишками одну-другую басню, перевелъ французское стихотворенье,—считался уже поэтомъ; переводъ цѣлой трагедіи и постановка ея на сценѣ давали счастливцу званіе великаго стихотворца" [2]).

Существовавшее съ 1800 года ученое общество „*Towarzystwo przyjaciół nauk*" [3]) было довольно убогимъ пріютомъ заплѣсневѣвшихъ знаній, а тощіе „Roczniki", выходившіе нерегулярно, съ случайнымъ содержаніемъ, не давали ровно никакой пищи уму и сердцу читателя [4]). Ничтожество трудовъ этого общества, мертваго со дня его рожденія, легко видѣть изъ бѣглаго обзора его изданій и статей, напечатанныхъ въ „Rocznikach" [5]). Впослѣдствіи оно постоянно подвергалось насмѣшкамъ романтиковъ, и всѣхъ сильнѣе разгромили его М. Мохнацкій (въ „Gaz. Polsk.") [6]) и Мицкевичъ [7]).

Наполеоновскія войны выводятъ общество изъ состоянія апатіи и сна; оно пробуждается и съ лихорадочной энергіей и поспѣш-

---

[1]) Прекрасную характеристику польской литературы этого времени даетъ *Дмоховскій* въ своей статьѣ о Бродзинскомъ („*Biblioteka Warszawska*", 1870, III, 378).

[2]) *Skarbek*, ibid. I, 46.

[3]) О немъ подробно въ книгѣ Войцицкаго: „Społeczność Warszawy 1800—1830 r.", t. II, 1877, стр. 1—78.

[4]) Ibid. стр. 26—27.

[5]) Ibid. стр. 73—78. Здѣсь Войцицкій сообщаетъ подробный списокъ всѣхъ изданій и содержанія „Rocznik-овъ".

[6]) Ibid. 61.

[7]) Въ своей знаменитой статьѣ „O krytykach i recenzentach".

ностью кидается въ пучину политическихъ приключеній. Патріотическое воодушевленіе охватываетъ всѣ классы. Эфемерное Варшавское княжество разжигаетъ въ сердцахъ поляковъ надежды на „odbudowanie Polski“ въ предѣлахъ „od morza do morza“ [1]). Воодушевленіе достигаетъ необыкновенныхъ размѣровъ. Мечты принимаютъ за дѣйствительность. „Polska już jest“, восклицаетъ *Матушевичъ* въ первомъ засѣданіи сейма, и неистовые крики восторга сопровождаютъ это заявленіе, смѣшиваются съ ликованіемъ улицы [2]). Патріотическій восторгъ превосходитъ всякое описаніе. Съ помощью неестественныхъ героическихъ усилій создается изъ ничего огромная армія [3]), которая одерживаетъ въ короткій срокъ цѣлый рядъ побѣдъ, поддерживаетъ патріотическія надежды. Нечего и говорить, что при такомъ настроеніи литература и наука были заброшены. Все отдано было въ жертву политикѣ, всѣ силы края ушли на государственную службу. Въ цѣломъ краѣ не было литераторовъ по профессіи, говоритъ Войцицкій, потому что каждый пишущій имѣлъ постоянныя занятія въ администраціи [4]). Въ служащихъ полякахъ былъ большой недостатокъ, потому-что прусская администрація состояла исключительно изъ нѣмцевъ, а нѣмцы-чиновники исчезали во мгновеніе ока при первомъ же появленіи французскихъ войскъ [5]). Само собою разумѣется,—что въ эту эпоху увлеченія всѣмъ французскимъ не могло быть и рѣчи объ интересѣ къ нѣмецкой литературѣ и языку.

Поворотъ въ настроеніи и симпатіяхъ общества начинается только съ конца 1813 г. Эгоизмъ и непослѣдовательность политики Наполеона были разоблачены; разсѣянные остатки его „великой арміи“ наводняютъ и безъ того разоренную страну и наполняютъ ее всѣми ужасами мародерства. Тогда симпатіи къ французамъ смѣня-

---

[1]) Насколько такія надежды согласовались съ видами правительствъ, можно судить хотя-бы изъ статей договора между Александромъ I и Наполеономъ, приведенныхъ г. Татищевымъ („Русскій Архивъ“ 1890, VIII).

[2]) Чит. „Dzieje“, Skarbka, II, 158 и слѣд.

[3]) Въ одномъ 1812 году княжество Варшавское выставило 100-тысячную армію (Stan. Szczepanowski, „Nędza Galicyi w cyfrach“, Lwów, 1888, стр. 169).

[4]) *Wójcicki*, „Społeczność Warszawy“.... 1877, 29.

[5]) *S. Dmochowski*, „Wspomnienia od 1806 do 1830 roku“, W. 1858, стр. 57 и слѣд.

ются чувствами глубокой къ нимъ ненависти. Подростающее поколѣніе видитъ въ нихъ только мародеревъ, а не спасителей отечества [1]).

Этой перемѣнѣ въ настроеніи много содѣйствуетъ великодушіе побѣдителей. Императоръ Александръ I отнесся къ полякамъ въ высшей степени мягко и либерально. Разсѣяннымъ въ рядахъ наполеоновской арміи польскимъ войскамъ было позволено возвратиться на родину; въ торжественной процессіи по поводу встрѣчи смертныхъ останковъ *Понятовскаго* приняли участіе Кутузовъ и другіе русскіе генералы; въ 1814 году, 25 апрѣля, была объявлена всеобщая амнистія лицамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ противъ Россіи. Вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ отвѣтъ государя на письмо Костюшки, и обѣщанія русскаго Императора наполнили сердца поляковъ новыми упованіями [2]).

Въ Варшавѣ оживляется и растетъ литературное движеніе; здѣсь постепенно концентрируются литературныя и научныя силы края. По выраженію *Марренэ*, „голоса, отзывающіеся отовсюду, соединяются здѣсь въ одинъ хоръ. Начинается торопливая дѣятельность, энергическая умственная работа; со всѣхъ сторонъ края спѣшатъ люди, исполненные добрыхъ намѣреній, и не щадятъ труда и способностей, чтобы бросить и свою лепту въ отечественную сокровищницу“ [3]). Оживленная литературная дѣятельность проявляется

---

[1]) Одынецъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ изъ прошлаго“ разсказываетъ подробно о тѣхъ ужасахъ военнаго времени, которыми полно его дѣтство. Онъ до того возненавидѣлъ французовъ, что долго не хотѣлъ даже учиться французскому языку. Онъ же приводитъ свое стихотвореніе, написанное по поводу нападенія мародера, на село, характеризующее тѣ чувства, въ какихъ взростало молодое поколѣніе:

„Dobrze tak, francuzie, tobie,
Dobrze tobie tak,
Nie będzie stał na twym grobie
Swięty krzyża znak.

Ciało twoje, jak pies, zgnije,
Ty, synu czartowski!
A ja wołam: niechaj żyje
Bohater Kozłowski!

Сочиняя эти стихи, юноша „горько рыдалъ не отъ скорби, но отъ безсильной злости и ненависти къ французамъ“. „Wspomnienia“, стр. 28—29.

[2]) „J'eprouve une grande satisfaction, général, à repondre à votre lettre. Vos voeux les plus chers seront accomplis. Avec l'aide du tout Puissant j'espère réaliser la généralition de *la brave et respectable nation*, à laquelle vous appartenez....“, и т. д. Skarbek, „Dzieje....“, t. II. Гервинусъ, однако, говоритъ: „Если Александръ I утѣшалъ Чарторижскаго, увѣряя его, что либеральныя идеи ему всего пріятнѣе, то съ другой стороны утѣшалъ и Штейна увѣреніемъ, что онъ съумѣетъ держать Польшу въ страхѣ и повиновеніи“. Гервинусъ, „Ист. XIX вѣка“, Спб. 1863, т. I, стр. 171.

[3]) Wal. *Marrené*, „Studyum o K. Brodz.“, Kraków, 1881.

и въ другихъ умственныхъ центрахъ: во Львовѣ и въ особенности въ Вильнѣ а также въ Кременцѣ, Умани и другихъ провинціальныхъ центрахъ.

Новыя идеи вторгаются съ обѣихъ границъ: и съ запада, и со стороны Россіи [1]). Польское общество начинаетъ теперь знакомиться съ нѣмецкой литературой, и тутъ-то и врываются въ Польшу одновременно и идеи позднѣйшаго романтизма, и писателей періода „бурныхъ стремленій".

Посмотримъ однако, какъ проникали въ польскую литературу, послѣдовательно по времени, новыя литературно-общественныя стремленія, идеи народности, новыя понятія объ отношеніи искусства къ дѣйствительности, формы къ содержанію, наконецъ новыя литературныя произведенія. Меланхолическая поэзія Оссіана дѣлается извѣстной въ Польшѣ еще въ концѣ XVIII в. въ переводахъ Красицкаго, который, „чтобы занять чѣмъ-нибудь время, употребляемое его парикмахеромъ на завивку и прическу его головы, переложилъ „Пѣсни Оссіана" съ французской передѣлки" [2]). Онъ же первый сообщилъ въ своей книгѣ „O rymotworcach" краткія біографическія свѣдѣнія о Шекспирѣ (въ духѣ Вольтера) и даже о Вальтеръ-Скоттѣ, а также о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтахъ, руководясь въ своихъ отзывахъ сужденіями французской критики [3]).

Кромѣ того извѣстенъ еще другой переводъ Оссіана, сдѣланный въ концѣ прошлаго вѣка Князьнинымъ, а также переводы *К. Тымовецкаго* трехъ поэмъ Оссіана: „Oitona", „Kartona" и „Pieśni Selmy" (1790) и отрывокъ изъ поэмы Томсона: „Lato" [4]). Къ этому же времени относятся писанныя въ меланхолическомъ тонѣ произведенія *Дружбацкой* [5]) и элегія „*Bard polski*" (1796), неизвѣстнаго автора [6]). Здѣсь же можно отмѣтить и нѣкоторые другіе пере-

---

[1]) Объ этомъ чит. предисловіе Войцицкаго къ „Собр. соч." *Мицкевича* (Варшава, 1858 г., т. I), а также *Chodźko*, „Dwie konwersacye".

[2]) *Ad. Bełcikowski*, „Ze studyów nad literaturą polską". Warsz. 1886, стр. 410.

[3]) *L. Sowiński-Zdanowicz*, „Rys dziejów literatury polskiéj", t. II. Wilno. 1875, стр. 32.

[4]) *K. Wł. Wójcicki*, „Historya literatury polskiéj w zarysach", W. 1845, t. III, стр. 369.

[5]) „Złota przędza", t. IV, W. 1887, 602—623. Ср. *P. Chmielowski*, „Studya....", II, стр. 14.

[6]) „Złota przędza", 1887, t. IV, 864—867. Срав. P. Chmielowski, „Studya...." II, стр. 14.

воды: извѣстный Сташицъ перевелъ романъ Флоріана „Нума Помпилій“ 1788 г. [1]), Венгерскій перевелъ или, вѣрнѣе, передѣлалъ „Pigmalion“ Ж. Ж. Руссо [2]); Пржибыльскій, занимавшійся переводомъ Мильтона, розыскалъ переводъ „Неистоваго Орланда“, сдѣланный еще Яномъ Кохановскимъ; появлялись и другіе переводы, въ новомъ направленіи [3]).

Большую отзывчивость оказалъ въ этомъ отношеніи польскій театръ. Еще въ 1772 году была поставлена „Мина фонъ-Барнгельмъ“ *Лессинга* [4]); а въ 1790 году подъ дирекціей Богуславскаго шла на сценѣ „Эмилія Галотти“. Были извѣстны также нѣкоторыя произведенія Шекспира въ переводахъ Войтѣха Богуславскаго, и Л. Осинскаго, дѣлаемыхъ съ французскихъ передѣлокъ Дюси [5]). Въ 1794 году была поставлена комическая опера Богуславскаго: „Cud mniemany czyli Krakowiacy i Górale“, имѣвшая огромный успѣхъ и выдержавшая массу представленій. Въ ея содержаніи замѣтно вѣяніе народности. „Вѣславъ“ Бродзинскаго и „Pienia wiejskie“ Реклевскаго, нужно думать, возникли отчасти подъ вліяніемъ успѣховъ оперы Богуславскаго [6]). Богуславскому же принадлежитъ и переводъ трагедіи Альфіери: „Саулъ“ [7]). Вообще театръ долженъ былъ отличаться разнообразіемъ репертуара: чтобы привлекать публику, приходилось искать пьесъ помимо скучныхъ ложноклассическихъ трагедій.

Въ самомъ началѣ этого столѣтія появляются переводы Коцебу, Шиллера („Донъ-Карлосъ“, „Фіеско“), а также произведеній неистовствующей романтики (напр. „Maska żelazna“ или „Abelino Bandyta wenecki“) [8]).

---

[1]) Ibid. стр. 338.

[2]) *L. Sowiński-Zdanowicz*, „Rys dziejów“, t. II, W. 1875, стр. 109.

[3]) Ibid. 193—286. Полное перечисленіе ихъ можно найти въ библіографіи Эстрейхера.

[4]) „Kwartalnik Historyczny“, Lw. 1887, zesz. I, стр. 46.

[5]) *Ad. Bełcikowski*, „Romantyczność przed Mickiewiczem“—„Ze studyów“, 410.

[6]) Интересующіеся могутъ ознакомиться съ этой пьесой въ изданіи „Biblioteka Mrówki“, t. 217, Lwów.

[7]) Sowiński-Zdanowicz, „Rys dziejów ...“, t. II, стр. 172.

[8]) Ad. Bełcikowski, „Ze studyów...“, 411. Относительно Шиллера возникаетъ однако сомнѣніе, такъ-какъ другой извѣстный ученый R. Pilat утверждаетъ, что Шиллеръ впервые появился на польской сценѣ въ 1818 году („Фіеско“). Чит. „Kwart. Historyczny“, 1887, t. I, 48.

Появленіе этихъ произведеній должно было вызвать газетныя рецензіи за и противъ, и *Дмоховскій* утверждаетъ, что въ отчетахъ о представленіи перечисленныхъ нами произведеній Шиллера и Шекспира встрѣчаются уже отзывы, написанные, какъ онъ думаетъ, совершенно въ духѣ *Шлегеля* [1]).

Въ 1805 году мы встрѣчаемъ первую замѣтку о *Шиллерѣ* по поводу его смерти, напечатанную въ „*Dziennik Wileński*“ [2]). Достойно вниманія то, что подобная замѣтка появляется въ *Вильнѣ*, а въ Варшавскихъ изданіяхъ смерть Шиллера проходитъ незамѣченной.

Впрочемъ, надо замѣтить, что отзывъ о произведеніяхъ Шиллера написанъ еще въ духѣ псевдоклассицизма.

Сказавъ нѣсколько словъ о жизни поэта, авторъ (подписи нѣтъ) также бѣгло говоритъ о его произведеніяхъ, сообщая, что Шиллеръ въ первыхъ трехъ, по времени появленія, произведеніяхъ старался подражать Шекспиру. О „Донъ-Карлосѣ“ кратко сказано, что эта пьеса имѣетъ много недостатковъ, но и много достоинствъ [3]). Авторъ замѣтки сообщаетъ, что „нѣмецкіе ученые ставятъ Шиллера на первое мѣсто среди драматическихъ писателей“. „Согласно ихъ мнѣнію никого и ничто нельзя сравнить съ красотою его образовъ и силою его стиля“. Но автору, „трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы поэзія Шиллера была выше поэзіи Расина“. Онъ находитъ, что многія произведенія Шиллера имѣютъ характеръ простыхъ пробъ и черновыхъ набросковъ, „накиданныхъ для того, чтобы убѣдиться, какой способъ и форма писанія самые лучшіе“. При всѣхъ этихъ недостаткахъ авторъ удивляется таланту Шиллера, его знанію человѣческаго сердца и умѣнью изображать характеры. „Можетъ быть, говоритъ онъ время нѣсколько уменьшитъ то удивленіе и увлеченіе, которое обнаруживаютъ нѣмцы къ *Шиллеру*, но это же время помѣститъ навсегда его имя въ храмѣ славы“. Въ томъ же году „Dziennika Wileńsk'ago“ мы находимъ статью Юрія Снядецкаго

[1]) „*Biblioteka Warszawska*“, 1870, III. „O życiu i pismach K. Brodzińskiego“, стр. 378.

[2]) „Wiadomość o życiu i dziełach Schyllera“, „Dzien. Wil., 1805 r., № 7-й, стр. 302—307.

[3]) „...„rozwlekła ta sztuka wiele ma błędów, pełna jednakże jest najpiękniejszych kawałków poezyi i najwięcej do ugruntowania sławy Szyllera pomogła“. Ibid. стр. 303.

„Uwagi o fizyczném wychowaniu dzieci“, въ которой замѣтно вліяніе *Руссо*; упоминается его „Эмиль“, и самъ Руссо названъ „безсмертнымъ“ [1]) здѣсь же напечатанъ первый, кажется, по времени переводъ изъ Гердера: „Człowiek stworzony jest do oczekiwania nieśmiertelności“ [2]). До 1809 года появляются также „Grenadyer Filozof“ Годебскаго (1805), его же переводъ отрывка изъ „Слова о Полку Игоревѣ“; также переводъ, или вѣрнѣе передѣлка „Орлеанской Дѣвы“, сдѣланный Андреемъ Бродзинскимъ, хотя на сценѣ и въ печати переводъ появился только въ 1821 г. [3]). Въ 1808 г. знаменитый К. Шанявскій, первыя работы котораго по философіи относятся къ самому началу XIX в., печатаетъ разсужденіе, имѣвшее сильное вліяніе на молодое поколѣніе,—„O Naturze i przeznaczeniu urzędowań w społeczności“, въ которомъ впервые по мнѣнію Здановича высказана на польскомъ языкѣ основная идея философіи Шеллинга о тождествѣ абсолюта [4]). Въ 1809 году, какъ мы указали уже въ 1-й главѣ Минасовичъ перевелъ „Bogów Grecyi“. Въ 1810 году К. Тымовскій написалъ: „Dumania żołnierza polskiego w Hiszpanii“ [5]). Одновременно пробивается и другая струя романтизма въ пробуждающемся интересѣ къ народной поэзіи. Подробнѣе мы скажемъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Отмѣтимъ только вскользь, что вліяніе народной поэзіи никогда не прерывалось вполнѣ. Совершенно справедливо говоритъ Здановичъ, что рядомъ съ оффиціальной классической литературой 18 вѣка жила въ народномъ преданіи устная литература, которая не была однако исключительнымъ достояніемъ простонародья, и въ его пѣсняхъ, сказкахъ, импровизаціяхъ отражался вполнѣ народный вкусъ, его юморъ, фантазія [6]). Вліяніе народной поэзіи мы замѣчаемъ уже у Коховскаго [7]). Украинская поэзія, казавшаяся полякамъ еще въ 30 годахъ этого столѣтія народной польской, широкой струей вливалась въ польскую искус-

---

[1]) „Dzien. Wileński“, 1805 r., № 5, стр. 29.

[2]) „Dzien. Wileński“, 1805 r., № 6, Przekład X. Mich. Dluskiego.

[3]) „Dziewica Orleańska», tragedya romantycz. z Szyllera, polskim wierszem przełożona przez Andrzeja Brodzińskiego“, Warszawa, Zawadzki i Węcki, 1821, str. XXI+178, Przedmowa wydawcy (К. Бродзинскій).

[4]) L. Sowiński-Zdanowicz, Rys dziejów, t. II, 331.

[5]) Напечат. въ „Pam. Warsz.“, 1815 r., I, 80.

[6]) L. Sowiński-Zdanowicz, Rys dziejów...., II, стр. 22.

[7]) P. Chmielowski, Studya i Szkice, t. I, „Sobótka“.

ственную поэзію [1]). Въ XIX в. литературное возбужденіе на Украйнѣ началось значительно раньше, чѣмъ чисто-польское, и оно вызывало и поддерживало оживленіе и въ польской литературѣ [2]). Это замѣчали и многіе польскіе писатели [3]). Произведенія польской литературы тоже находили сбытъ преимущественно въ непольскихъ провинціяхъ [4]).

Первая работа по этнографіи въ польской литературѣ принадлежитъ знаменитому Г. Коллонтаю. Она напечатана въ 1805 году [5]). Въ 1810 году Янъ Вороничъ напечаталъ статью: „Rozprawa o pieśniach narodowych", читанную еще въ 1805 году на засѣданіи „Tow. Przyj. nauk." [6]). Въ 1811 году выходитъ сборникъ Червинскаго [7]). Съ 1813—1814 г. начинаются экскурсіи З. Доленги-Ходаковскаго [8]). Къ 1818 году относятся передѣлки народныхъ пѣсенъ Ляха Ширмы [9]), появляются переводы, знаменитая статья Ходаковскаго „O Słowiańszczyznie przed Chrześciaństwem" [10]), открывающая собой новую эру въ изученіи народной поэзіи.

Возвращаясь къ другой области проявленія романтическаго вѣянія—къ критикѣ, отмѣтимъ разсужденіе *Вежжика „O poezyi dramatycznéj"*, прочитанное авторомъ въ засѣданіи „Общества любителей наукъ" въ 1811 году.

---

[1]) Чит. произвед. Зиморовича, Симоновича, а также такъ называемыхъ поэтовъ польско-украинск. школы.

[2]) Объ этомъ чит. трудъ Н. П. Дашкевича, „Рецензія на трудъ Петрова", въ отчетѣ о 29 присуж. награ. графа Уварова.

[3]) Почтенный дѣятель этой эпохи Ф. Дмоховскій, писалъ въ 1825 году въ своей статьѣ „Uwagi nad teraźniejszym stanem, duchem i dążnością poezyi Polskiéj": „Pisząc o literaturze polskiéj, uważam teraz Wielką i Mało Polskę, nie mówię tu *o Litwie, Rusi, Ukrainie, gdzie poezya ludu daleko więcej kwitnie, i skąd dla literatury naszéj najpiękniejszych skarbów spodziewać się możemy....*" („Bibl. Polska", 1825, t. I, стр. 129).

[4]) „Gdyby nie Wołyń, Litwa i Ukraina, już by dawno księgarze warszawscy zbankrutowali",—пишетъ нѣкто R. D. (List do wydawców o stanie krytyki i gustu w kraju naszym. „Bibl. Polska", 1825, t. I, стр. 61).

[5]) „Pam. Warsz." 1805: „Swactwa, wesela i urodziny ludu na Rusi Czerwonéj".

[6]) „Roczniki tow. Warsz. przyjac. nauk.", t. VI, стр. 308.

[7]) *Czerwiński*, „Okolica zadniestrska....", Lw., 1811.

[8]) Чит. *А. И. Пыпина*: „Зоріанъ-Доленга Ходаковскій", „Вѣстн. Евр." 1886 г., 11. Также *Sowiński-Zdanowicz*, Rys dziejów, t. II и др.

[9]) *„Dziennik Wileński"* 1818, I, 486—496.

[10]) *„Ćwiczenia Naukowe"* 1818, t. II.

Венжикъ [1]) былъ едва-ли не первымъ почитателемъ Шиллера, произведенія котораго онъ такъ же высоко ставилъ, какъ и Шекспира и Лопе-де-Вега; ему были извѣстны произведенія Альфіери, Кальдерона, Гольдони, Гете [2]). Въ своихъ сужденіяхъ Венжикъ руководился собственно говоря мнѣніями Зульцера, теорія изящныхъ искусствъ котораго въ его „Allgemeine Theorie der schönen Künste“ построена на взглядахъ Баттэ [3]), полагавшаго сущность искусства въ подражаніи прекрасной природѣ,—противъ чего возставали уже Лессингъ и Гердеръ. Не смотря на скромный тонъ, разсужденіе Венжика вызвало негодованіе въ средѣ „Tow. przyjac. nauk.“ Была выбрана комиссія, которая, разсмотрѣвъ работу Венжика и составивъ противъ нея въ высшей степени курьезный обвинительный актъ, полный крайне неосновательныхъ и неумѣстныхъ придирокъ, совсѣмъ не по существу дѣла, въ концѣ концовъ не признала ея достойной напечатанія въ „Rocznikach“. Комиссія отвѣчала по пунктамъ на всѣ замѣчанія автора. Такъ, напр., относительно единства времени, она соглашалась съ авторомъ въ принципѣ, но тѣмъ не менѣе настаивала на сохраненіи этого правила изъ „опасенія возможности болѣе серьезныхъ злоупотребленій“ [4]). „Автору болѣе бы приличествовало поддерживать, а не ослаблять уже принятыя правила“; ссылки на Шекспира комиссія признала „далеко не безопасными“, выборъ „Athalie“, какъ образца для указанія недостатковъ ложноклассической трагедіи, неподходящимъ, и т. д, и т. д. [5]). Сконфуженный Венжикъ не рѣшился послѣ этого напечатать свое разсужденіе отдѣльной книжкой, и оно 60 лѣтъ пролежало въ рукописи.

---

[1]) Мы указывали уже на него въ 1-й главѣ. О Венжикѣ чит. С. Томковича: „Przyczynek do historyi romantyzmu w Polsce“.

[2]) Д-ръ П. Хмѣлёвскій полагаетъ, что Гете былъ извѣстенъ Венжику изъ лекцій по литературѣ Шлегеля (Ogólny pogląd na poezyę polską w połowie XIX st., стр. 25). Но, какъ извѣстно, лекціи Шлегеля были прочитаны въ Вѣнѣ впервые въ 1812 году (R. Haym, Die romantiscke Schule, B. 1870, 2-я кн., 2 гл.).

[3]) „Principes de littérature“ 1747—1755. Зульцеромъ пользовался и Круликовскій, и Бродзинскій.

[4]) „Wreszcie jakkolwiek słuszne są narzekania autora, гласитъ это любопытное опроверженіе, na wady sceny francuskiéj, gdzie czasem obok gabinetów monarchy mają swe zejscia przysiężeni, można wszelako powiedzieć, iż sprawiedliwiéj jest te oszczędnie, zdarzające się niemożliwości darować niż otwierac swobodne pole szkodliwszym nadużyciam“ [Arch. do dziejów lit. i ośw. w Polsce, t. I, 1875 r., Kraków, стр. 337).

[5]) Ibid. 337.

Здѣсь же слѣдуетъ припомнить „Pienia Wiejskie“ В. Реклевскаго, вышедшія въ Краковѣ тоже въ 1811 году и оказавшія серьезное вліяніе на К. Бродзинскаго, хотя въ публикѣ эта книжка пользовалась очень скромной извѣстностью въ свое время [1]).

Очень рано сдѣлалась извѣстной знаменитая книга m-me Сталь „De l'Allemagne“, вышедшая въ 1813 году. Новости французской литературы доходили въ Польшу всегда своевременно, и потому можно думать, что сочиненіе *Сталь* распространилось уже въ 1813—1814 годахъ въ оригиналѣ; оно произвело сильное впечатлѣніе на умы польскаго общества, и уже въ 1815 году мы видимъ массу отрывковъ и переводовъ изъ этого сочиненія, а также замѣчанія на него, критику и т. д., на страницахъ почти всѣхъ польскихъ періодическихъ изданій. Главная масса переводовъ появляется на страницахъ „Pam. Warsz.“ за 1815—1816 годы [2]).

Польская критика начинаетъ опасаться за судьбы французской литературы и ея авторитетъ въ Польшѣ; она предостерегаетъ общество отъ „парадоксовъ“ г-жи Сталь и совѣтуетъ не увлекаться крайностями нѣмецкой метафизики. Но молодежь уже была охвачена новымъ движеніемъ; знакомство съ нѣмецкой литературой ростетъ со дня на день.

Въ журналахъ появляются статьи, знакомящія публику съ современной нѣмецкой литературой. Виленскія изданія не отстаютъ отъ варшавскихъ. Такъ, въ „Dzien. Wil.“ за 1815 годъ мы находимъ отрывокъ: „Wpływ nowéj filozofii na rozwinięcie władz umysłowych w dzieciach“, въ „Tyg. Wil.“ за тотъ же годъ: „Wpływ nowéj nauki na umiejętności [3]).

Въ 1816 году въ послѣднихъ книжкахъ „*Pam. Warszawsk'*аго“ мы находимъ статью объ англійской литературѣ послѣднихъ 20 лѣтъ, переведенную, впрочемъ, изъ французскаго изданія „*Bibliothèque Universelle*“ [4]).

---

[1]) Ibid. 338.

[2]) „*Pam. Warsz.*“ 1815, I, 47.—O obyczajach i charakterze Niemców z dzieła *Pani Stael*.

— O kobietach niemieckich, стр. 159.

— Uwagi nad niemcami południowemi, a w szczególności nad Austryą, стр. 297.

— Obraz Wiednia II, 157. Еще въ 1816 г., t. V, 30.

[3]) *P. Chmielowski*, „A. Mickiewicz“, I, 143.

[4]) „*Pam. Warsz.*“, 1816, VI, 289: „Rzut oka na literaturę angielską w ostatnich 20 latach“.

Въ слѣдующемъ году изъ того же изданія переведена интересная статья о нѣмецкой литературѣ [1]), и здѣсь мы находимъ довольно обстоятельные и симпатическіе отзывы о новой нѣмецкой литературѣ. Говорится тутъ о Томазіусѣ, Готшедѣ, Бодмерѣ, о Гете, Шиллерѣ, Виландѣ, о Гердерѣ, Винкельманѣ, Ж. П. Рихтерѣ, Шеллингѣ, Тикѣ, Новалисѣ; послѣдніе отнесены къ тѣмъ „темнымъ и мистическимъ писателямъ, которыхъ трудно понять“ [2]). Авторъ говоритъ и о нѣмецкихъ ученыхъ и критикахъ: о Кантѣ, Якоби, Фихте, Шеллингѣ, Шлегеляхъ [3]); цитируется книга г-жи *Сталь*, которую авторъ оправдываетъ отъ многихъ обвиненій, взводимыхъ на нее критиками. „Глубокомысленное сочиненіе Сталь, говоритъ авторъ, превосходно доказало, что литература нѣмцевъ за послѣдніе 20 лѣтъ сдѣлала огромный шагъ впередъ.... [4]). „Слѣдовало бы желать какъ для блага науки, такъ и для славы нѣмцевъ...., чтобы *Виллеръ* [5]) (Willers) и г-жа *Сталь* нашли достойныхъ послѣдователей и наслѣдниковъ своего таланта, которые могли бы дополнить образы, намѣченные ими только нѣсколькими штрихами.... [6]). „Что касается литературы, то нѣмцы занимаютъ теперь первое мѣсто среди европейскихъ народовъ. Это мнѣніе кажется смѣлымъ, но оно можетъ быть оправданнымъ“ и т. д. [7]). Статья заканчивается пожеланіемъ, чтобы „иноземцы вошли съ нѣмцами въ самыя тѣсныя сношенія и связи“ [8]).

Эта переводная статья о нѣмецкой литературѣ являлась прекраснымъ предисловіемъ къ разсужденію Бродзинскаго о романтизмѣ.

Вѣроятно съ цѣлью умѣрить нѣсколько значеніе похвалъ, высказанныхъ нѣмецкой литературѣ въ этой статьѣ, редакція помѣстила сейчасъ же за ней „*Zdanie o literaturze niemieckiéj z angielskiego*“ — перепечатку изъ англ. журнала „Edinburg Rewiew“ (1816, № 9 5, стр. 67). Краткому (всего 2 страницы) и весьма поверхностному, хотя суровому отзыву англійскаго писателя редакція предпослала

---

[1]) „*Pam. Warsz.* 1817, VII, 154—183: „Rzut oka na stan niniejszéj literatury niemieckiéj“.

[2]) Ibid. 179.

[3]) Ibid. 158, 173, 174, 178.

[4]) Ibid. 160.

[5]) Willers еще въ 1809 году написалъ „Coup d'oeuil sur l'état actuel de la litterature allemande“ — въ донесеніяхъ институту (чит. ibid. 163).

[6]) Ibid. 161.

[7]) Ibid. стр. 162.

[8]) Ibid. стр. 183.

нѣсколько строчекъ объясненія, въ которомъ говоритъ, что „ученая республика“ допускаетъ мнѣнія самыя противуположныя; сопоставленіе „ихъ, всегда бываетъ весьма полезнымъ; къ тому же редакція находитъ многія сужденія автора весьма вѣрными и согласными съ ея убѣжденіями“ [1]).

Въ 1816 году появляется небольшое разсужденіе Яна-Самуила *Каульфуса*, учителя гимназіи въ Познани, который первый рѣшился высказать мнѣніе, что литература нѣмцевъ даетъ больше пищи нашей мысли и чувству, чѣмъ литература французовъ [2]).

Основная мысль Каульфуса та, что ни одинъ европейскій народъ не имѣетъ своей самостоятельной цивилизаціи, и всюду замѣчаются перекрестныя вліянія. Духъ греческой и римской цивилизаціи, какъ основа образованія, вліяетъ на развитіе ума, а азіатскій, при помощи религіи,—на сердце; отсюда Каульфусъ дѣлаетъ заключеніе, что ни одинъ народъ не имѣетъ основанія дѣлать укоры другому за пользованіе чужой цивилизаціей; тѣмъ не менѣе характеръ умственнаго и нравственнаго образованія, счастье личное и общественное, сохраненіе или утеря народности, часто зависятъ отъ выбора той или другой литературы и языка, какъ средства для дальнѣйшаго развитія [3]). Исходя изъ такихъ положеній, авторъ приходитъ къ заключенію, что всего полезнѣе для поляковъ пользоваться плодами нѣмецкой мысли и поэзіи. Нѣмецкій языкъ есть языкъ философіи; это ключъ къ познанію всѣхъ иныхъ литературъ; такихъ писателей, какъ Шиллеръ и Клопштокъ, не имѣетъ ни одна европейская литература; нѣмецкая образованность глубже и полна общечеловѣческими интересами [4]), знакомство съ ней ведетъ къ общечеловѣческому: низверженіе предразсудковъ, авторитетовъ, стремленіе къ добру и красотѣ и признаніе ихъ вездѣ, гдѣ онѣ ни нахо-

---

[1]) Ibid. стр. 184.

[2]) Подробное содержаніе этого разсужденія изложено въ рецензіи на него („Pam. Warsz.“ 1818, XI, 518—537), а также въ монографіи П. Хмѣлёвскаго: „Ad. Mickiewicz“ (t. I, 144—146).

[3]) Такъ-какъ по мнѣнію Каульфуса: „Język i literatura wtenczas uwłaściwiają się za środek pomocniczy do wykształcenia innych narodów, gdy 1) nie naruszasią narodowości, ale owszem w nią się przelać dają, 2) gdy dla umysłu i sercu tak obfite przynoszą owoce, iż 3) prowodzą do ogólnych wyobrażeń i tym sposobem zbliżają człowieka do prawdziwego ukształcenia“ („Pam. Warsz.“ XI, стр. 519).

[4]) „Iej charakterzem jest uniwersalność“ (ibid. 521). Срав. „Rzut oka na stan literat. niemieckiéj“, „Pam. W.“ 1817, VII, стр. 163.

дятся, — высокій нравственный подъемъ [1]) — вотъ результаты такой высшей точки зрѣнія на вещи [2]).

Если къ перечисленнымъ выше статьямъ прибавимъ еще интересное предисловіе *Ляха Ширмы* къ его передѣлкамъ народныхъ пѣсенъ, въ которомъ онъ зоветъ общество подъ „стрѣху крестьянской избы, потому-что тамъ живетъ „sędziwa narodowość", то мы и исчерпаемъ весь запасъ статей, появившихся до 1818 года и содержащихъ намеки, отдѣльныя мысли въ новомъ направленіи, а подъ часъ цѣликомъ посвященныхъ защитѣ новыхъ идей, какъ напр. въ замѣчательномъ разсужденіи *Каульфуса*, на два года упредившемъ знаменитую статью *Бродзинскаго*.

Неменѣе замѣтно вліяніе новыхъ идей и въ поэзіи. Какъ и въ прошломъ вѣкѣ, прежде всего обращаются къ Оссіану; его меланхолія находила отголосокъ въ польскомъ сердцѣ. Рыцарь, тоскующій по своимъ, на полѣ битвы, вдали отъ родины, напоминалъ положеніе тѣхъ поляковъ, которымъ приходилось сражаться въ войскахъ Наполеона чуть-ли не во всѣхъ частяхъ свѣта [3]). Наконецъ въ поэзіи Оссіана было что-то мирившее ее съ требованіями классическаго вскуса. Самъ *Янъ Снядецкій беретъ ее подъ свою защиту* въ своей статьѣ „O piśmach klassycznych i romantycznych" [4]). Похвалу Оссіану высказываетъ и другой писатель, воспитанный на классическихъ образцахъ, — *Францискъ Моравскій*, который написалъ, какъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Войцицкій [5]), еще въ 1818 году лирическую сцену „Сонъ". Въ ней авторъ изобра-

---

[1]) Ibid. стр. 522—523.

[2]) Коротенькую замѣтку по поводу этой статьи помѣстилъ „Dziennik Wileński" за 1817 г. (VI, 232). Суровый разборъ статьи Каульфуса мы находимъ въ указанной выше рецензіи, написанной въ тотъ годъ, когда была напечатана и статья Бродзинскаго „O klas. i romantyczności". Рецензія заканчивается слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма „одного изъ мужей, просвѣщающихъ литературу и польскій народъ": „Romantyczność najgorszy ten rodzay wprowadzony przez Niemców, który nic w klassycznym rodzaju zrobić nie mogli...." и т. д. *Весь этотъ отрывокъ мы находимъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ знаменитомъ отвѣтѣ Снядецкаго на статью Бродзинскаго.*

[3]) Объ этомъ чит. Z. I. Sulima, „Polacy w Hiszpanii 1808—1812", W. 1890.

[4]) ...„poezya Ossyana, która malując męztwo i posępność charakteru w dawnych ludach północnych, żywiąc się i zdobiąc mitologią sobie właściwą, nie jest przepisom Horacego przeciwna" („Dzienn. Wileński" 1819, I, 5).

[5]) Объ этомъ чит. „Warszawa i jéj społeczność w początku naszego stulecia", K. Wł. Wójcicki, W. 1875, стр. 79.

жаетъ себя съ книгами Гомера и Осciана въ рукѣ, колеблющагося, кому отдать первенство. Поэтъ обращается къ Гомеру и выставляетъ его достоинства; затѣмъ, взирая на книгу Осciана, говоритъ:

„Ty zaś, co na północnéj i samotnéj skale,
Na cichszéj lutni ciężkie rozwodziłeś żale;
I zawsze bladéj nocy otoczony mrokiem
Topiłeś smutne myśli w dumaniu głębokiem;
Bliższy tkliwéj natury, mniéj swietnéj od Greka,
Przez łzę tylko patrzałeś na świat i człowieka,
Jakże, jakże mnie często z Homerem rozdzielał,
Jakżeś lubą posępność w duszę moją przelał.
Jak często razem z tobą winiąc los okrutny,
Twem czuciem rozczulony, twoim smutkiem smutny
Na pustynie, na skały biegłem nocną dobą
Razem błądzić i dumać i zapłakać z tobą“ [1]).

Такимъ образомъ съ поэзіей Осciана мирились и классики, и въ началѣ этого столѣтія ему подражаютъ въ своихъ произведеніяхъ, а также и переводятъ его, Ципріанъ Годебскій, Островскій [2]), Боржевскій [3]), Янушевскій [4]) и затѣмъ уже Бродзинскій. До 1818 года продолжаютъ попадаться переводы и изъ *Руссо*. Такъ въ „Dzien. Wilenski“ за 1816 годъ (№ 22, стр. 270) находимъ „Kuźnie w Lemnos“, вольный переводъ Константина Петровскаго; годомъ раньше въ томъ же журналѣ „Tryumf miłości“, вольный переводъ Яна Стычинскаго (1815. I. 335). Въ 1809 году мы находимъ переводы изъ Клопштока [5]). Съ 1816 же года появляется цѣлый рядъ переводовъ изъ Шиллера поэтовъ: Минасовича, Тымовскаго, Бруно Кицинскаго, Бродзинскаго, Каминскаго (во Львовѣ), Хлендовскаго, Мѣрошевскаго. Большая часть переводовъ печатается въ „Pam. Warszawsk-омъ“; нѣкоторые—въ „Pam. Lwowsk-омъ“ и т. д. Впервые названіе „баллада“ появляется на польскомъ языкѣ въ

---

[1]) Эта сцена безъ подписи автора напечатана была только въ 1821 году („Wanda“ 1821, t. II, 12—16).

[2]) „*Pam. Warsz.*“ 1815, III, 494: „Bitwa pod Lorą“; ibid. 1816, V, 182: „Smierć Oskara“ i т. д.

[3]) Ibid. VI, 203, VIII. 52: „Karton“ и т. д.

[4]) Ibid. VI, 473—480, „Ostatny Hymn Ossyana“.

[5]) „Pam. Warsz.“ 1809 г. Переводилъ Руссо и Иг. Шидловскій („Dzienn. Wil.“ 1818, t. I, 611 и т. д.).

„Pam. Lw." (1816. II) [1]). Вслѣдъ затѣмъ Минасовичъ переводитъ извѣстное стихотвореніе „Der Taucher" [2]), и за нимъ масса другихъ переводчиковъ заполняютъ своими переводами изъ Шиллера всѣ періодическія изданія. Тымовскій переводитъ въ томъ же 1816 году „Die Ideale" Бродзинскій — „Кассандру" [3]). Нѣкоторыя произведенія Шиллера являются одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ: напр. „An die Freude" въ перев. Тымовскаго и Минасовича [4]). Вообще Шиллеру повезло въ польской литературѣ [5]). Появляются и новые виды стихотворнаго творчества: уже Реклевскій писалъ сонеты [6]). Минасовичъ знакомитъ съ другой формой — тріолетомъ [7]). Изъ оригинальныхъ поэтовъ этой эпохи нельзя не отмѣтить В. Реклевскаго [8]), І. Нѣмцевича, долгое пребываніе котораго въ Америкѣ доставило ему возможность познакомиться съ англійской литературой [9]), благодаря чему его „Śpiewy Hystoryczne", вышедшіе въ 1816 году, носятъ уже народный колоритъ, такъ-что нѣкоторые историки литературы уже въ немъ видятъ предтечу польскаго романтизма [10]).

Такимъ образомъ до появленія статьи Бродзинскаго „О романтизмѣ" мы замѣчаемъ уже многочисленные слѣды новаго направленія въ польской литературѣ [11]). Романтизмъ не былъ уже новостью, онъ имѣлъ уже горячихъ поклонниковъ, также какъ и противниковъ; первые громы Снядецкаго раздались по поводу разсужденія *Каульфуса*. Уже самъ Бродзинскій признаетъ это, когда дѣлитъ въ своей статьѣ представителей литературы на стариковъ и молодежь, которая, по его мнѣнію, „естественно" тянетъ въ сторону

---

[1]) „Rękoimia" Kamińskiego („Kw. Historyczny" 87, I, 50).
[2]) „Pam. Warsz." 1816, V, 135.
[3]) Ibid. 1816, V, 214.
[4]) Ibid. 1817, X, 242, VIII, 63.
[5]) Чит. E. Schnobrich, „Szyller w Polsce".
[6]) Напеч. „Pam. W." 1821, XIX, 393. Въ 1818 году мы находимъ два сонета въ польскихъ журналахъ. Одинъ принадлежитъ Бродзинскому и помѣщенъ въ примѣчаніи къ его статьѣ „О романтизмѣ и клас.", а другой, —Barteau, переведенъ Антоніемъ Горецкимъ („Dzien. Wil." 1818, t. I, стр. 610).
[7]) „Pam. W." 1816, V, Объ этомъ чит. 5-ю главу нашей работы.
[8]) „Pam. W." 1816, IV, 327—332.
[9]) L. Sowiński-Zdanow., Rys Dziejów, II, 146.
[10]) А. Штернъ. „Всеобщая ист. лит.", Спб. 1885, стр. 472.
[11]) О романт. вѣяніяхъ на Литвѣ чит. ниже.

романтизма [1]). Какъ человѣкъ умѣренный, какъ писатель, въ образованіи котораго значительный слѣдъ оставила псевдоклассическая литература, но которому не чужда и новая литература, Бродзинскій, поклонникъ (хотя и умѣренный) Шиллера, хорошо знакомый и съ произведеніями Гете, занимаетъ срединное положеніе въ возгорѣвшейся борьбѣ: онъ хочетъ примирить обѣ стороны указаніемъ истиннаго, средняго пути и съ этой цѣлью и пишетъ свою статью „O klas. i romantyczności“ [2]).

II.

„Кажется мнѣ, говоритъ Бродзинскій въ вступленіи къ своему разсужденію, что для польской поэзіи наступаетъ пора, когда начинающему писателю приходится остановиться въ недоумѣніи надъ вопросомъ, что̀ выбрать—классицизмъ, или романтизмъ. До сихъ поръ воображеніе, чувство, разсудокъ знали только одну дорогу къ святынѣ Аполлона, теперь мы начинаемъ думать, что открыли ихъ двѣ.

„Одна представляется намъ обсаженнымъ деревьями путемъ, хорошо убитымъ, однообразнымъ, — и это однообразіе начинаетъ многимъ надоѣдать, тѣмъ болѣе, что уклоняться отъ этого пути не позволено; другая дорога—это крутая тропинка, съ которой каждый воленъ сворачивать, куда ему угодно, и наслаждаться (nasycać) прекрасными видами природы и безъ стѣсненія перескакивать черезъ всякія препятствія“.

„Люди, умудренные опытомъ, пріобрѣтшіе опредѣленныя правила, хотятъ идти первымъ путемъ; *молодежь естественно тянетъ въ другую сторону* [3]). Она, молодежь, не вѣритъ опыту старшихъ

---

[1]) Если новое направленіе и не было еще формулировано, то все же оно чувствовалось современниками. Грабовскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: „jak zawsze, kiedy ważna zmiana ma nastąpić w państwie wyobrażeń, natychmiast rodzi się całe pokolenie uzdolnione i skłonne zmianę takową przyjąć i popierać, wszędy natrafiają się usposobienia, przygotowane ku niéj i nim się nawet objawi, już ją niemal wszystkie umysły przewidują, przeczuwają, rzekł byś, że się naprzód o niéj jakas głucha mowa rozeszła, tak było i teraz“ („Literatura i krytyka“, t. I, W., 1837 r., стр. 100).

[2]) Статья о романтизмѣ и классицизмѣ напечатана въ „Pam. Warsz.“ за 1818 г., I—V кн. Первоначальное заглавіе этой статьи таково: „Uwagi nad duchem poezyi polskiéj“ („Pam. W.“, t. X, 336), но уже въ оглавленіи содержанія этого тома она озаглавлена болѣе точно: „O klassyczności i romantyczności, tudzież o duchu poezyi polskiéj“ (ibid. 558).

[3]) „Pam. Warsz.“ 1818, t. X, стр. 356.

лѣтами; въ свою очередь старшіе не хотятъ быть снисходительными къ стремленіямъ молодости. Одни ставятъ на первомъ мѣстѣ образцы, другіе—вдохновеніе; одни выше всего цѣнятъ искусство, другіе природу, и обѣ стороны забываютъ, что приблизиться къ природѣ это величайшая цѣль искусства, и наоборотъ, природа въ поэзіи только при помощи искусства пріобрѣтаетъ неувядаемую красоту" [1]).

Причину этихъ несогласій Бродзинскій видитъ въ невѣрномъ пониманіи того, что должно разумѣть подъ именемъ классическаго и романтическаго: классическимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова можно называть, по мнѣнію Бродзинскаго, только то, что явилось въ области творчества у Грековъ и Римлянъ [2]). „Теперь же, говоритъ онъ, подъ это опредѣленіе подводятъ всѣ тѣ произведенія, которыя написаны по правиламъ искусства, и вообще всѣ тѣ, которыя были бы во вкусѣ времени Людовика XIV".

Равнымъ образомъ и романтизмъ по его мнѣнію невѣрно пріурочиваютъ нѣкоторые только къ эпохѣ рыцарства; если же „глубже вникнуть въ духъ романтизма, то мы увидимъ, что къ этому *роду* поэзіи относится все, что съ самыхъ давнихъ временъ создали восточные и иные народы, что до сихъ поръ мы называемъ *народной поэзіей* (poezyą ludu), а также то, что проникнуто духомъ рыцарства, христіанства и т. д."

Отъ невѣрнаго пониманія этихъ двухъ „родовъ" поэзіи, какъ думаетъ Бродзинскій, можетъ возникнуть безполезная борьба двухъ направленій, изъ которыхъ каждое одинаково чуждо народности и есть только подражаніе французамъ или нѣмцамъ [3]).

Особенно боится онъ за представителей новаго направленія. Они еще немногочисленны; всякая новинка производитъ сильное впечатлѣніе, и тутъ-то особенно желательны умѣренность и хладнокровіе, чтобы удержаться отъ крайностей [4]).

„Пусть идетъ горячая борьба между нѣмцами и французами. Ни тѣ, ни другіе не сознаются въ своихъ недостаткахъ, не при-

---

[1]) Ibid. стр. 358.

[2]) Ф. Гржимала въ 1821 году даетъ уже новое опредѣленіе: „nie zachowanie martwych prawideł, ale prawdziwa dzieła doskonałość stanowi klassyczności znamiona" („Astrea" 1821, t. I, 380).

[3]) Ibid. стр. 358.

[4]) Ibid. стр. 359.

знаютъ достоинствъ въ противникѣ; намъ не слѣдуетъ приставать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. *Мы должны безпристрастно опредѣлять заслуги и ошибки тѣхъ и другихъ, но работать на своемъ полѣ, усваивая себѣ то, что намъ свойственно, чуждаясь всего, отъ чего нельзя ожидать никакой пользы для нашей литературы*" [1]).

Литература должна быть самостоятельна и оригинальна, она должна создаваться по образцамъ, заповѣданнымъ предками, въ духѣ народности, согласно съ исторіей народа и его нравами. Народы живутъ не подъ однимъ небомъ, а потому отличаются и обычаями, и міровозрѣніемъ, и разными формами правленія; это различіе должно отражаться и въ поэзіи, потому-что „поэзія это зеркало, въ которомъ отражается каждая эпоха, каждый народъ".

„Не будемъ же эхомъ чужеземцевъ! восклицаетъ Бродзинскій: не станемъ вытаптывать цвѣты на родной землѣ потому только, что чужіе легко разростаются!"

Такова главная мысль въ разсужденіи Бродзинскаго, и онъ повторяетъ ее съ особенной настойчивостью и нѣсколько разъ въ своей статьѣ, а также очень часто съ незначительными модификаціями во многихъ другихъ своихъ публицистическихъ и ученыхъ работахъ; можно сказать, что это была руководящая идея всей литературной дѣятельности Бродзинскаго.

Само собою разумѣется, что мысли эти не были уже новостью въ началѣ XIX вѣка. Идеи самобытности народной поэзіи, народности, воодушевляли Гердера, который, слѣдя за образомъ мышленія націй, пришелъ къ заключенію, что каждая нація со-

---

[1]) Въ разсужденіи Бродзинскаго о романтизмѣ нужно постоянно имѣть въ виду, что романтическое направленіе не могло быть вполнѣ ясно для Бродзинскаго. Чтобы понимать Бродзинскаго, слѣдуетъ помнить, что подъ словомъ романтизмъ Бродзинскій иногда разумѣетъ литературу, возникшую изъ народной поэзіи, и слово romantyczność предлагаетъ замѣнить словомъ narodowość (такъ думалъ напр. и Грабовскій); въ другихъ случаяхъ романтизмъ Бродзинскій видитъ въ поэзіи среднихъ вѣковъ и подражателей ей также порицаетъ, какъ и псевдоклассиковъ („Pam. W." X, 358); иногда же подъ романтической поэзіей онъ разумѣетъ современную ему нѣмецкую литературу съ ея причудливой фантастикой, крайностями мистицизма и мечтательности или необузданными порывами геніальничанья; но онъ не безъ основанія признаетъ романтизмъ извѣстнымъ настроеніемъ, возможнымъ въ различные періоды жизни человѣчества и потому доступнымъ и польской литературѣ (объ этомъ чит. ниже, а также ср. „Pisma Brodzińskiego", t. V. 557, 339, 348, 370, VI. 305, „O krytyce", „O Exaltacyi" и т. д.).

здавала свои памятники по религіи своей страны, по преданію своихъ отцовъ и по понятіямъ народа, и что эти памятники явились въ національной одеждѣ [1]); Гердеръ выводилъ литературу изъ духа и чувствъ ея народа. Эти же идеи Шлегель внушилъ m-me de Staël, которая краснорѣчиво объясняла вредъ рабскаго усвоенія чужой культуры въ своей замѣчательной книгѣ „De l'Allemagne" [2]), и отрывки изъ которой мы находимъ въ польскомъ переводѣ уже въ 1815 году [3]). Наконецъ Шеллингъ возвелъ идею народности на степень философской системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что Бродзинскій былъ знакомъ и съ лекціями Шлегеля, о которомъ не разъ упоминаетъ [4]), и который высказываетъ тѣ же идеи о значеніи и вліяніи литературы на жизнь, о вредѣ усвоенія чужаго вкуса и т. д. [5]).

Отрывокъ изъ статьи Шлегеля былъ переведенъ Бродзинскимъ еще въ 1808 году („O tańcach"). Г. Белциковскій указалъ на одно заимствованіе изъ Шлегеля даже безъ обозначенія источника. Уже Дмоховскій въ своей статьѣ „Uwagi nad teraźniejszym stanem, duchem i dążnością poezyi Polskiéj" не безъ основанія упоминаетъ о статьѣ Бродзинскаго вслѣдъ за статьями Шлегеля и Сисмонди, и дѣйствительно, перечитавъ лекціи о новой и древней литературѣ Шлегеля, мы пришли къ заключенію, что Бродзинскій воспользовался отсюда очень многимъ, и во всякомъ случаѣ матерьяломъ и, какъ мы убѣдились, и нѣкоторыми его мнѣніями, дословно повторенными. Намъ кажется, что и самая статья Бродзинскаго „О класс. и романтизмѣ", а главное, ея планъ подсказаны знаменитыми лекціями Шлегеля. Но въ самомъ содержаніи статьи Бродзинскаго вліяніе собственно Шлегеля невелико [6]).

Основная мысль разсужденія о самобытности и народности литературы Бродзинскаго тоже не была уже новостью въ Польшѣ.

---

[1]) Г. Геттнеръ, „Нѣмецк. литература".

[2]) Чит. напр. Chapitre IX: „De l'imitation", 66—79 (De l'Allemagne, Paris, 1876): „Il n'y a point de nature, point de vie dans l'imitation", пишетъ г-жа Сталь.

[3]) Такъ напр. только что приведенная глава была напечатана въ переводѣ въ „Pam. Warsz." 1816, 63—71.

[4]) „Pisma K. Brodzińskago", IV, 456, V. 559. 416 и т. д.

[5]) Лекціи Шлегеля были переведены на польскій языкъ въ 1831 году, но не сполна, а только 1-я часть ихъ. Чит. „Obraz literatury starożytnéj i nowożytnéj", Warsz., 1831 r.

[6]) Нѣкоторыя мысли Бродзинскаго какъ бы заимствованы изъ статьи „O Poetyczn. liter. niemieckiéj", переводъ въ „Pam. Warsz." за 1819 г., t. XIII.

Въ Вильнѣ было сильно нѣмецкое вліяніе съ самаго начала этого столѣтія, романтическія идеи проникали туда и изъ Россіи. Еще раньше Бродзинскаго извѣстный виленскій ученый профессоръ *Гродекъ* развивалъ мысли о народности въ примѣненіи къ литературѣ древнихъ [1]); Бродзинскому принадлежитъ такимъ образомъ заслуга проведенія этой мысли по отношенію къ польской литературѣ.

Другая важная идея, которая была, какъ и первая, заимствована у Гердера, это мысль, что *„народныя пѣсни — источникъ самой прекрасной поэзіи“* [2]).

Подробному выясненію и развитію этихъ двухъ основныхъ мыслей, а также вопросу о томъ, въ чемъ же должна заключаться романтическая самобытность польской поэзіи,—и посвящено разсужденіе „О романтизмѣ и классицизмѣ“.

Съ этой цѣлью Бродзинскій дѣлаетъ краткій обзоръ всѣхъ главныхъ европейскихъ литературъ, начиная съ Грековъ и Римлянъ. Въ краткомъ очеркѣ греческой литературы Бродзинскій старается выяснить, въ какой тѣсной связи была жизнь и поэзія грековъ, какъ вліяли на литературу природа, общественныя условія, исторія, и какъ греческая литература принимала подъ этими вліяніями вполнѣ своеобразную, оригинальную форму [3]). Оцѣнка произведеній была дѣломъ не одного мецената или тирана, а цѣлаго народа, чѣмъ и объясняется достоинство греческой поэзіи и ея *полезность* [4]). Лите-

---

[1]) О немъ чит. предисловіе К. В. Войцицкаго къ соч. А. Мицкевича (Warszawa, 1858, t. I, 5), а также P. Chmielowski, Studya i Szkice, t. II, 44, его-же „A. Mickiewicz“. t. I, 56—57 и В. Спасовича, „Ист. польск. лит.“, Спб. 1881, стр. 605, 628, 629, 636.

[2]) Гердеръ въ предисловіи къ своему замѣчательному труду „Stimmen der Völker....“ пишетъ: „Sie (т. е. поэзія) war die Blume der Eigenheit eines Volks, seiner Sprache und seines Landes, seiner Geschäfte und Vorurteile, seiner Leidenschaften und Anmaszungen, seiner Musik und Seele“ (Vorrede der Volkslieder, стр. 62—63). Чтобы не повторяться, отмѣтимъ, что вліяніе Гердера сказывается на каждомъ шагу и каждой строчкѣ. Увлеченіе Оссіаномъ, Гомеромъ, нѣкоторыя мысли о римской и греческой литературѣ, характеристика славянъ, понятіе о народности и общечеловѣческомъ,— все это заимствовано Бродзинскимъ изъ разныхъ статей Гердера (интересующіеся могутъ судить по работѣ Гайма о Гердерѣ: „Гердеръ, его жизнь и произведенія“, t. I—II).

[3]) Характеристика греческой жизни и литературы очень похожа на подобную же характеристику въ лекціяхъ Шлегеля, такъ-что наводитъ на мысль о заимствованіи. Чит. Шлегеля: „О новой и древн. литерат.“, глава 1-я.

[4]) „Pam. Warsz.“ 1818, X, 366.

ратура черпала свое содержаніе изъ народной жизни, потому и была жизненной и правдивой [1]).

Тѣже черты народности находитъ Бродзинскій и въ поэзіи римлянъ, въ которой онъ видитъ уже плоды зрѣлой практической философіи, результатъ удачнаго соединенія природы и искусства [2]). Очеркъ двухъ древнихъ литературъ Бродзинскій заканчиваетъ вопросомъ, какая изъ нихъ выше, и какую должны мы предпочесть въ наше время.

„*Конечно*, говоритъ онъ, пылкая молодежь предпочла бы произведенія греческаго ума, а *разсудокъ и опытность другое* (т. е. римлянъ).... *Греки и природа*, думаетъ Бродзинскій, *должны быть нашими образцами, римляне и искусство нашими учителями*“ [3]).

Во французахъ Бродзинскій видитъ народъ во многихъ отношеніяхъ похожій на грековъ; но поэзія ихъ все-же имѣетъ свои оригинальныя черты. Французы—народъ съ сильно развитымъ инстинктомъ общественности, потому-то у нихъ всего сильнѣе и развилась драматическая литература; она болѣе другихъ подчиняется суду общественнаго мнѣнія, а потому „*неудивительно, что драматургія французовъ въ отношеніи искусства, цѣльности, единства, понимаемости, правдоподобія всегда останется образцовой*“ [4]).

Воздавъ хвалу французской литературѣ и французскимъ писателямъ—Корнелю, Расину, Мольеру, Бродзинскій осторожно переходитъ къ критикѣ недостатковъ французской поэзіи.

Ей чужда простота, естественность, глубокое пониманіе человѣческихъ страстей; французы не чувствуютъ красотъ природы, они слишкомъ салонны. „Писатели французскіе, говоритъ Бродзинскій, ссылаясь на Сталь, всегда чувствуютъ, что они въ обществѣ, и даже тогда, когда они пишутъ, они ни на минуту не отдаляютъ отъ себя мысли о судѣ общественнаго мнѣнія, о вкусахъ или модѣ той эпохи, въ которой они живутъ“. У нихъ „остроуміе — этотъ посредникъ между умомъ и чувствомъ, преобладаетъ во всемъ: какъ въ передачѣ мыслей, такъ и чувствъ [6])“. Перечисленіе недостатковъ совре-

---

[1]) Ibid. 367.
[2]) „Pam. Warsz.“ X, 368.
[3]) Ibid. 369—370.
[4]) Ibid. 371—373.
[5]) Ibid. 374.
[6]) Ibid. 375.

менной французской литературы онъ заканчиваетъ замѣчаніемъ, что въ настоящее время уже сами французы начинаютъ сознавать свои недостатки и проникаются духомъ и направленіемъ нѣмецкой литературы [1]).

Это даетъ ему поводъ перейти къ характеристикѣ нѣмецкой литературы. Но прежде чѣмъ говорить о ней, Бродзинскій еще разъ возвращается къ опредѣленію понятія „романтизмъ". „Одни понимаютъ подъ этимъ словомъ, говоритъ онъ, отступленіе отъ всѣхъ правилъ, на которыхъ зиждется классицизмъ; другіе считаютъ его искусствомъ пробуждать какія-то смутныя, грустныя чувствованія и ужасъ; третьи видятъ въ немъ простое стремленіе къ изображенію природы; для многихъ это духъ рыцарства и христіанства среднихъ вѣковъ; нѣкоторые считаютъ его праздной забавой ничѣмъ необузданной фантазіей, которая наполняетъ произведенія необыкновенными существами, небесными или адскими духами, чарами и всякими ужасами" [2]). Само собою разумѣется, что Бродзинскому не удается дать правильное и точное опредѣленіе, да это и невозможно было въ то время, когда писалъ Бродзинскій. Самые ярые романтики не могли бы сдѣлать этого въ разгаръ романтическаго движенія, особенно въ Польшѣ, гдѣ романтизмъ былъ явленіемъ наноснымъ, и гдѣ въ смѣнѣ различныхъ направленій, одновременно ворвавшихся въ польскую литературу, не могла быть соблюдаема историческая послѣдовательность. Сужденія о романтизмѣ возможны только въ наше время, когда это направленіе ушло, такъ сказать, въ историческую даль; въ эпоху же его господства новое вѣяніе схватывалось и понималось чувствомъ; а кто не чувствовалъ его на себѣ, тотъ и не былъ романтикомъ.

Когда М. Мохнацкій въ 1825 году пробуетъ опредѣлить, что такое романтизмъ, его опредѣленія еще спутаннѣе и сбивчивѣе, чѣмъ у Бродзинскаго [3]). Нисколько не лучше его опредѣленіе въ извѣстной книгѣ его о польской литературѣ [4]). И тѣмъ не менѣе Мохнацкій—

---

[1]) Ibid. 380.

[2]) Ibid. 516.

[3]) Чит. „O duchu i źródłach poezyi polskiéj" („Dzienn. Warsz." 1825 r., t. I стр. 129—196); также чит. „Złota Przędza", t. II, 1885.

[4]) M. Mochnacki, „O literaturze polskiéj XIX w.", Poznań, 1863. Чит. напр. стр. 93—95 („Czego chcieli romantycy na ziemi Bolesława...."). Сравни стр. 8, 33, 56, 69 и т. д.

ярый романтикъ, извѣстный теоретикъ романтизма. Точно также, напр., и русскіе критики—ни Надеждинъ, ни Бѣлинскій—не дали намъ, да и не могли дать вполнѣ правильное теоретическое опредѣленіе романтизма [1]).

Литературныя и эстетическія воззрѣнія Бродзинскаго были крайне сбивчивы, такъ какъ заимствованы были эклектически изъ разныхъ эпохъ. Его эклектизмъ всюду ищетъ средины, примиренія. Онъ думаетъ, что и классическая, и романтическая поэзія тоже примиримые „роды“ литературы [2]).

„Красоты романтическія, полагаетъ онъ, существуютъ для сердецъ чувствительныхъ, для умовъ, природу и духъ изслѣдующихъ“. „Кто захочетъ судить о поэзіи какого-нибудь народа, не вникая въ его духъ, религію, не желая перенестись на его почву, и судить по правиламъ классической поэзіи, заранѣе составленнымъ, тотъ никогда не найдетъ ключа къ ея тайникамъ, тому чужды будутъ всѣ красоты романтичности: простота, безыскусственность покажутся ему чѣмъ-то плоскимъ, образы дикими, сравненія безобразными, мысли непонятными....“ „Въ чьемъ сердцѣ картины природы не возбуждаютъ восторговъ, тоски, воспоминаній; кто не хочетъ поставить себя въ сердце человѣка каждой эпохи и каждаго положенія, чтобы раздѣлять вмѣстѣ съ нимъ невинность (?), скорби, печали и радости, тому чуждо романтическое чувство, тотъ будетъ называть все это ребячествомъ или испорченнымъ вкусомъ. Итакъ для классицизма необходимо имѣть образованный (udoskonalony) вкусъ, для романтизма образованное чувство“ [3]).

Существуютъ *три эпохи*, къ которымъ, по мнѣнію Бродзинскаго, уносится романтическое „udoskonalone“ чувство каждаго изъ насъ, какъ человѣка, какъ обывателя и христіанина.

Первая—это самая отдаленная старина, отъ начала сотворенія міра, „когда еще такъ ясно проявлялась опека Вездѣсущаго“, затѣмъ болѣе поздняя старина: „это время первыхъ основателей, ры-

---

[1]) Сравни напр. сочин. Бѣлинскаго т. VIII, стр. 203. „Что такое романтизмъ? Это желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несовершенныя надежды, грусть по утраченному счастью, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тѣмъ не менѣе неуловимыми; это уныло, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ передъ собою будущаго; наконецъ, это любовь, которая питается грустью, и которая безъ грусти не имѣла бы чѣмъ поддерживать свое существованіе“. Неудовлетворительны и многія другія опредѣленія Бѣлинскаго.

[2]) Сравни „O poetycznéj literaturze niemieckiéj“ („Pam. Warsz.“, t. XIII, стр. 358). „Romantyczność i klassyczność nie są rodzaje, wyłączające się połączenia się, ale dwa charaktery, skłonne do dobrego połączenia się z sobą“—слова автора этой переводной статьи (изъ франц. журнала „Минерва“).

[3]) „Pam. Warsz.“ 1818, X, стр. 517—518.

царей нашего края; наконецъ время нашего нравственнаго возрожденія—эпоха христіанства“ [1]). „Поэзія среднихъ вѣковъ, романтическая для насъ, черпаетъ свое содержаніе изъ двухъ источниковъ: христіанства и рыцарства“ [2]).

Опредѣливъ затѣмъ роль христіанства и рыцарства въ средніе вѣка и ихъ значеніе для поэзіи, Бродзинскій говоритъ о романтизмѣ у разныхъ народовъ—о трубадурахъ (причемъ приводитъ переведенный имъ съ провансальскаго сонетъ трубадура Jordi) [3]), о Данте, Петраркѣ и Боккачіо, характеризуя которыхъ, цитируетъ Гердера [4]), говоритъ объ испанской литературѣ и наконецъ о Шекспирѣ, котораго высоко цѣнитъ, но у котораго находитъ много недостатковъ [5]).

Переходя къ современной литературѣ, Бродзинскій вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что романтическое настроеніе свойственно не только среднимъ вѣкамъ. „Поэзія первобытная каждаго народа въ періодъ патріархальный также романтична, какъ и современная поэзія, проникнутая духомъ философской мистики. Такова современная нѣмецкая поэзія, въ которой романтическое чувство можно скорѣе назвать вкусомъ къ философіи“ [6]).

Желая подробнѣе остановиться на указанной выше мысли, Бродзинскій обстоятельно разбираетъ нѣмецкую литературу. Онъ указываетъ на ея заслуги, даетъ краткія характеристики писателей: Клопштока, Лессинга, Гердера, Шиллера, Гете, братьевъ Шлегелей; наконецъ говоритъ и о нѣмецкой метафизикѣ, „не уяснивъ которой, нельзя понять духа нѣмецкой романтической поэзіи“.

Главнымъ достоинствомъ нѣмецкой литературы онъ признаетъ то, что она вполнѣ народна: „за это, говоритъ онъ, мы должны цѣнить ее, и въ этомъ только и подражать ей [7]). Очень интерес-

---

[1]) Ibid. 523.

[2]) Ibid. 530.

[3]) Ibid. 536.

[4]) Ibid. 538.

[5]) „Najłatwiéj *wad* jego ustrzedź, najtrudniéj wielkości dosięgać; jest to samotny geniusz, który wskróś całą naturą przemierzył, powiernik serca....“, ibid. 540.

[6]) „Pam. W.“ XI, 25. Подобныя мысли высказывали и другіе писатели, напр. Deszanel („Le romantisme des classiques“). Чит. Н. П. Дашкевича, „Отч. о 29 прис. наг. гр. Увар.“, стр. 278.

[7]) Ibid. XI, 42—44.

ную параллель дѣлаетъ Бродзинскій между Шиллеромъ и Гете [1]). Покончивъ такимъ образомъ очеркъ литературъ главныхъ европейскихъ народовъ, охарактеризовавъ романтическое направленіе въ разныхъ литературахъ, Бродзинскій переходитъ къ самому важному вопросу о томъ, *въ чемъ же долженъ заключаться романтизмъ польской поэзіи*.

Польская исторія вѣдь не похожа на нѣмецкую; въ ней нѣтъ и слѣдовъ рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ, христіанство не несло крови, жертвъ, польскому духу не свойственъ мистицизмъ и идеализмъ нѣмецкой философіи; очевидно польскій романтизмъ долженъ имѣть иной характеръ [2]).

„Конечно, не довольствоваться дѣйствительностью свойственно человѣческой природѣ. Всѣ мы ищемъ чудесъ, устрашаютъ ли они, или только занимаютъ насъ; ихъ любятъ и дѣти, и простой народъ; человѣкъ образованный ищетъ ихъ въ по-

---

[1]) „Шиллеръ, говоритъ Бродзинскій, возвышается надъ своимъ временемъ, а не опускается до толпы такъ, какъ Гете, но увлекаетъ ее за собой. Гете всегда спокоенъ и всегда поэтъ; свободная муза всегда сопровождаетъ его среди людей; Шиллера всегда уносилъ могучій геній въ небеса, открывая каждому сердцу, доступному всѣмъ благороднымъ порывамъ, обширныя области фантазіи. Глубиною чувства и мысли онъ заставлялъ забывать дѣйствительнаго человѣка, а изображалъ его такимъ, какимъ онъ быть долженъ; Гете мечтаетъ о мірѣ счастья, Шиллеръ возноситъ къ любви добродѣтели. Любовь, дружба, свобода, правда для него—святыня, и онъ съ одинаковымъ энтузіазмомъ выражалъ свое влеченіе къ благородному и презрѣніе ко всему дурному“ („Pam. Warsz.“, XI, 44). Восторженный отзывъ о Шиллерѣ мы находимъ и въ отрывкѣ „Szyller“ („Pisma“, t. VIII, 279—283). О Гете, про котораго Бродзинскій говоритъ въ своихъ „Wspomn. młodości“, что „онъ дольше другихъ былъ его любимцемъ“, мы встрѣчаемъ довольно много отзывовъ въ сочиненіяхъ Бродзинскаго. О его отношеніи къ Гете можно судить хотя бы изъ слѣдующаго его афоризма: żałożył bym się, że Goethe, Herder, Lessing z krwi słowiańskiéj pochodzą“ (t. VIII, 367). Ему посвящена небольшая статья Бродзинскаго, написанная уже послѣ смерти Гете (1832 г.), въ которой онъ названъ самымъ могучимъ геніемъ прошлаго и настоящаго вѣка (Goethe, „Pisma“, t. VIII, 274—279). Но „отъ Гете, по мнѣнію Бродзинскаго, можно многому научиться, а изъ глубины сердца Шиллера—многое перенять“ (ibid. 279). О элегіяхъ Гете Бродзинскій говоритъ съ восторгомъ удивленія въ статьѣ „O elegii“ (t. V, 481), о „Германѣ и Доротеѣ“ въ статьѣ о идиліи.

Затѣмъ много замѣчаній о Гете встрѣчается въ курсѣ эстетики Бродзинскаго, въ его курсѣ литературы и т. д. Не во всемъ однако Бродзинскій сочувствовалъ Гете. Такъ, ему не нравился его основной принципъ: „искусство для искусства“; многіе другіе недостатки Гете указаны Бродзинскимъ въ „Отрывкѣ“ (t. V, 436). Здѣсь же, отмѣтимъ кстати, находится и первый отзывъ о Викторѣ Гюго, начинающійся слѣдующими словами: „Rozkosz, jaką mam czytając przedmowy i estetyczne myśli Wiktora Hugo, nie znosi jednak życzenia, aby się więcej tworzeniem niż refleksyą zajmował“—замѣчаніе вполнѣ справедливое.

[2]) Ibid. 129, 130—133, 385 и т. д.

эзіи, если не хочетъ *опуститься* до сказокъ и народныхъ разсказовъ, и также, какъ дѣтямъ, ему пріятно возноситься въ идеальные заоблачные края. Всѣ народы во всѣ времена создаютъ для себя эту идеальную область соотвѣтственно климату, въ которомъ живутъ, религіи, формѣ правленія; однако какъ ни прекрасно это стремленіе къ необычайному, сверхестественному, идеальному, нѣтъ основаній, по мнѣнію Бродзинскаго, чтобы въ нашемъ вѣкѣ эта чарующая область поэзіи возбуждала всѣ ужасы (okropności), скорѣе павшей, чѣмъ вознесшейся фантазіи, какая была у нѣмцевъ и французовъ въ періодъ рыцарства и до его появленія“ [1]).

„*Главнымъ и лучшимъ источникомъ поэзіи служатъ народныя пѣсни*, и хотя вслѣдствіе своей простоты въ способѣ передачи чувствъ они имѣютъ много общаго у всѣхъ народовъ, тѣмъ не менѣе пользованіе народными пѣснями и обычаями придаетъ поэзіи черты оригинальности и самобытности [2]). Искусство, созидающее изъ народныхъ пѣсенъ нѣчто цѣлое, какъ у Гомера напр., увѣковѣчиваетъ и характеръ народа и степень его образованности [3]). Поэтъ долженъ уважать на этомъ основаніи не только однѣ требованія установившагося вкуса, онъ долженъ черпать и изъ народнаго источника“. „На народныхъ пѣсняхъ создалась поэзія Грековъ, Англичанъ; къ нимъ обратились теперь и Нѣмцы. Бюргеръ, Гете, Шиллеръ умѣли превосходно пользоваться этимъ источникомъ, но они, къ сожалѣнію, расплодили множество подражателей, которые не обладаютъ драгоцѣннымъ даромъ простоты, хотятъ поддѣлаться подъ народныя пѣсни, хотятъ въ *наше просвѣщенное время возвратиться къ различнымъ суевѣріямъ, чарамъ, предразсудкамъ, духамъ* и поражать насъ дикостью отдаленныхъ вѣковъ, либо выдумками болѣзненной фантазіи, блуждающей въ долгія ночи по темнымъ лѣсамъ полуночи“ [4]).

Польскій романтизмъ не долженъ имѣть ничего общаго съ этими „ужасами“.

„Мы не знали странствующихъ рыцарей, бьющихся съ первымъ встрѣчнымъ; общими усиліями вели мы войны противъ враговъ отчизны. Народъ, стремившійся всегда дѣйствовать словомъ, совѣтомъ, долженъ имѣть и привычки болѣе мягкія. Наша исторія не упоминаетъ о женщинахъ; изъ-за нихъ не разоряли замковъ, не выходили рыцари на поединки; польки не назначали тяжелыхъ испытаній тѣмъ, кто добивался ихъ руки, но, можетъ быть, самымъ почетнымъ въ нашей исторіи и служитъ то обстоятельство, что онѣ не много говорили. Не праздность, а тихая привязанность и богобоязненность руководили ими, и дочь спокойно ждала отцовскаго выбора, посредствомъ котораго завязывались и упрочивались дружескія сосѣдскія отношенія“.

„Христіанство также распространилось мирнымъ путемъ, не вызывая кровопролитныхъ войнъ. Никогда не лилась кровь изъ-за религіозныхъ (?) вопросовъ“.

„Наше рыцарство спокойно отдавалось занятіямъ земледѣльческимъ, не подчиняясь однако волѣ и расчетамъ одного лица; независимое, оно единодушно выступало противъ общаго врага“.

„Мы были всегда народомъ мирнымъ, земледельческимъ [5]). Мы любили свобо-

---

[1]) Ibid. 40—41.

[2]) Ibid. 37.

[3]) Ibid. 38.

[4]) Ibid. 39.

[5]) Нижеслѣдующій отрывокъ мы беремъ изъ другой статьи *Бродзинскаго „O dążeniu polskiéj literatury“* (VI, 303). Мы позволяемъ себѣ сдѣлать это для большей выпуклости въ изложеніи взглядовъ Бродзинскаго по этому вопросу. Отрывки эти, взятые вмѣстѣ, прекрасно дополняютъ другъ друга, хотя и каждый въ отдѣльности даетъ представленіе о воззрѣніяхъ поэта.

ду, независимость. Мы опередили Европу: наша республиканская форма единственная въ своемъ родѣ. Учрежденія нашихъ отцовъ—прямой отголосокъ обще-славянскихъ учрежденій; въ нихъ мы видимъ тѣ же начала, на которыхъ стремятся устроиться и другія государства".

„При той свободѣ, которою мы пользовались, у насъ такъ мало, сравнительно съ другими народами, совершалось злодѣяній и возмущеній, что по справедливости насъ можно считать народомъ добрымъ и гуманнымъ".

Гражданскія доблести были тоже сильно развиты.

„Любовь къ свободѣ вмѣстѣ съ самопожертвованіемъ ради блага края были такъ сильно развиты у нашихъ предковъ, что смѣло можно поставить ихъ наравнѣ съ Римлянами и Греками; религіозность и простота, соединенныя съ этими гражданскими доблестями, напоминая лучшія времена патріархальнаго быта, указываютъ намъ идеалъ человѣческаго общежитія, къ которому должно прійти человѣчество послѣ цѣлаго ряда жертвъ и ошибокъ".

„Религія, король съ народомъ и народъ съ королемъ вотъ всегдашній нашъ девизъ. Древніе производили потомство царей отъ боговъ, а мы гордимся тѣмъ, что наши первые короли взяты прямо отъ плуга; мы величаемъ нашего Казимира Великимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ мужиковъ".

Таковы главныя черты, по мнѣнію Бродзинскаго, доблестнаго польскаго народа, какъ указываетъ ихъ исторія:— патріархальность и рыцарство, любовь къ свободѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая преданность престолу, любовь къ родинѣ; религіозность безъ всякаго фанатизма, практическій смыслъ и въ то же время самопожертвованіе, напоминающее классическія времена.

Польская поэзія по мнѣнію Бродзинскаго имѣетъ такой же самобытный, своеобразный и вполнѣ народный характеръ. „Съ одной стороны произведенія грековъ и римлянъ, которыми глубоко проникнута польская литература, съ другой—библія и христіанская поэзія среднихъ вѣковъ придаютъ нашей литературѣ народный характеръ, уже въ эпоху *Кохановскаго*" [1]).

Дальнѣйшее развитіе этихъ чудныхъ зародышей, которые замѣчаетъ Бродзинскій еще у древнихъ, и должно составлять задачу современной польской литературы.

Чтобы оправдать эти общія положенія, Бродзинскій дѣлаетъ довольно подробный очеркъ польской поэзіи, начиная съ Кохановскаго [2]): онъ говоритъ о лирикѣ Симоновича и Зиморовича [3]), о литературѣ времени отъ Сигизмунда III до Станислава Августа, о Нарушевичѣ, Трембецкомъ, Красицкомъ, Венгерскомъ, Князьнинѣ,

---

[1]) „Pam. Warsz.", XI, 133.
[2]) Ibid. 133—141.
[3]) Ibid. 141—148.

Карпинскомъ, „этомъ Несторѣ живущихъ поэтовъ“, и многихъ другихъ [1]).

Мы не будемъ останавливаться на этихъ характеристикахъ, такъ какъ объ этомъ придется еще говорить при разборѣ его курса литературы. Напомнимъ только, что его сужденія о польской литературѣ служатъ оправданіемъ изложенныхъ выше теоретическихъ взглядовъ; отсюда уже отчасти можно заключить, насколько они вѣрны.

Поэзіей Кохановскаго Бродзинскій особенно увлекается [2]). Идиллiи Симоновича и Зиморовича онъ находитъ возможность сравнить только съ подобными же произведеніями Фосса и Гете. Зиморовичъ, „хотя и менѣе народенъ, но напоминаетъ Оссіана“ [3]).

Карпинскій „по народности своей поэзіи и сердечному выраженію чувствъ можетъ быть сравниваемъ только съ однимъ Гете“. Это вполнѣ народный національный романтикъ-поэтъ, и его произведенія есть и будутъ достояніемъ всего народа [4]) и т. д.

Тѣмъ не менѣе многія сужденія Бродзинскаго о польскихъ писателяхъ свидѣтельствуютъ о значительной проницательности автора и его начитанности. Уже въ этомъ очеркѣ обнаруживается основательное знакомство Бродзинскаго съ польской литературой [5]), попадается много мѣткихъ замѣчаній.

Свой очеркъ польской литературы Бродзинскій заканчиваетъ рядомъ практическихъ выводовъ и совѣтовъ для всѣхъ пишущихъ. „Съ прошлымъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ разрывать связи, напротивъ: опираться на него, совершенствоваться, черпая для литературы свѣжіе мотивы изъ неизсякаемаго источника народной поэзіи, прямо изъ устъ народа, а также черезъ обстоятельное, добросовѣстное изученіе нашей исторіи, обычаевъ и характера народнаго“.

---

[1]) Ibid. 347—379.

[2]) Jest to nasza Wisła (jeżeli to przyrównanie uczynić wolno), pierwsza z naszych skał wytryskująca, zaraz od źródła znakomita, przepływająca najpiękniejsze polski okolice i pomniki swiętości naszéj....“ (ibid. 140).

[3]) Его пѣсни „tchną duchem starożytności i mają myśli godne Homera, obrazy wzawód idące z Ossyanem....“ (ibid. 146).

[4]) Ibid. 363: „jest on w tym rodzaju tem, co Niemcy przez romantyczność rozumieją“.

[5]) Такъ, напр., оцѣнка литературной дѣятельности Кохановскаго составляетъ безспорную заслугу Бродзинскаго. Онъ же первый обратилъ вниманіе на элементъ народныхъ пѣсенъ въ произведеніяхъ Симоновича и Зиморовича (ibid. 141); ему же первому принадлежитъ справедливая оцѣнка періода польской литературы отъ Сигизм. III до Стан. Августа (ibid. 347) и т. д.

Чтобы лучше уяснить себѣ смыслъ этихъ совѣтовъ, обратимся ко второй переводной статьѣ Бродзинскаго, тѣсно примыкающей къ первой и по времени появленія въ свѣтъ, и по содержанію [1]). Мы уже привели выше нѣсколько мнѣній изъ этой статьи, совершенно сходныхъ съ мнѣніями Бродзинскаго. Замѣчанія къ ней Бродзинскаго [2]) стремятся уяснить смыслъ характера понятія романтизмъ въ польской литературѣ. Онъ предлагаетъ замѣнить слово „romantyczność“ другимъ болѣе пріятнымъ — narodowość [3]). Затѣмъ въ этой же статьѣ Бродзинскій повторяетъ, что французская литература заимствовала свою форму изъ литературы древнихъ, и потому эта форма должна быть признана образцовой и для польской литературы [4]); что касается содержанія, то оно должно быть національнымъ. Точно также и относительно нѣмецкой литературы Бродзинскій находитъ, что въ ней слѣдуетъ заимствовать не ея содержаніе, не ея идеализмъ и мистицизмъ, недоступные и не свойственные польской жизни, не форму, а заслуживающее похвалы стремленіе къ національному самовыраженію [5]). Признавши такимъ образомъ для народной (романтической) литературы за первоэлементъ народную поэзію, отмежевавши для нее исключительно національное содержаніе, опредѣляемое всѣмъ прошлымъ и настоящимъ народа, и по скольку оно выразилось въ произведеніяхъ польскихъ поэтовъ, пользуясь засимъ, какъ образцами, поэзіей древнихъ и образцовой формой французовъ, можно будетъ, по мнѣнію Бродзинскаго, создать тотъ истинный средній путь для національной романтической поэзіи, который примиритъ всѣ крайности и приведетъ поэтовъ въ храмъ славы [6]).

---

[1]) „O poetycznéj lit. niemieckiéj, z uwagami tłumacza nad poezyą polską“.

[2]) Д-ръ П. Хмѣлёвскій цитируетъ эту статью („A. Mickiewicz“, t. I, 152), повидимому не зная, что она принадлежитъ Бродзинскому. Но въ этомъ нельзя сомнѣваться и по ея содержанію, и слогу, и согласно прямому свидѣтельству самого Бродзинскаго („Bibl. Warsz.“ 1870, III. 224).

[3]) „Ale nazwijmy w duchu powyższego autora *romantyczność* malowaniem uczuć według narodowości, religii i nowych ludzi stosunków, a to niemiłe naszym literatom słowo już u nas wspomniane nie będzie, a pod nazwiskiem narodności zamieni się w przyjemne uczucie“. „Pam. Warsz.“ 1819 r., VIII, 363.

[4]) Ibid. 304.

[5]) Ibid. 360—365.

[6]) „Ten jest stosunek między formą a istotą poezyi, a kto obadwa umie połączyć powszechnie ceniony być musi“ (ibid. 367. Статья написана 3 января 1819 года).

Что касается романтическаго чувства, какъ настроенія, то оно тоже можетъ быть (какъ справедливо думаетъ Бродзинскій) вполнѣ самобытно и должно искать своихъ возбужденій въ родной старинѣ.

„Какъ поляки, какъ христіане, не станемъ искать романтическихъ впечатлѣній въ религіи или въ этихъ ужасахъ (okropności) мрака, какіе мы видимъ у германскихъ народовъ...; какъ люди, любящіе свой край, не будемъ, вспоминая своихъ предковъ, искать образовъ въ рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ; изобразимъ ихъ, какъ гражданъ—рыцарей, занятыхъ заботой о своемъ уголкѣ, занимающихся земледѣліемъ, а не сторожащихъ добычу на скалахъ, какъ хищныя птицы; не изъ-за прелестныхъ дамъ, а за свободу родины сражались они, какъ орлы, вылетая изъ своихъ гнѣздъ на широкія равнины. Чудныя судьбы нашей родины представляютъ громадное поле для нашей поэзіи. Нашъ романтизмъ—это наши города, слѣды которыхъ прикрыла теперь чорная пашня,—наши мрачные замки, гдѣ жили нѣкогда наши короли, а теперь поселяне прилѣпили къ ихъ стѣнамъ свои убогія избы, — наша столица, въ которой спятъ вѣчнымъ сномъ въ уединенныхъ мѣстахъ наши рыцари, *могилы* предковъ, которые встрѣчаемъ мы повсюду на нашихъ нивахъ“ [1]) и т. д....

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе знаменитой статьи Бродзинскаго, изложенной нами довольно подробно въ виду ея значенія. Мы могли убѣдиться изъ нея, что Бродзинскій стоялъ еще по своему развитію и направленію только на рубежѣ новой эпохи. Воззрѣ-

---

[1]) „Pam. W.“ 1818, 392—393. Эти же мысли повторяетъ Бродзинскій въ своемъ посланіи къ Дафнѣ „О поэзіи“:

„Na jakiéj ziemi, z jakim ludom żyjesz razem,
Takiego twoje pienie niech będą obrazem...
Ty, ceniąc wszędzie piękność, własną śpiewaj ziemię,
Ruiny, smutne świadki dawnéj duchów chwały,
Mogiły, co z ojczyzną synów pogrzebały;
Sledź zgasłych ojców czyny“... и т. д.

Г. *Белциковскій* („Ze studyów..“) ошибочно относитъ эту поэму къ 1816 году, когда появилась только первая часть ея; вторая—была написана послѣ значительнаго перерыва и во всякомъ случаѣ позже статьи „О романтизмѣ“. Это видно и изъ содержанія поэмы. Та часть, которая напечатана въ 1819 году, не заключаетъ почти никакихъ уклоненій отъ правилъ псевдоклассическаго вкуса; а во второй части вліяніе новыхъ взглядовъ замѣтнѣе. Въ познанскомъ изданіи сочиненій Бродзинскаго эта поэма напечатана безъ всякихъ указаній относительно того, гдѣ и когда появились ея отдѣльныя части, что, нужно думать, и ввело г. Белциковскаго въ заблужденіе.

нія его не могли удовлетворить ни ту, ни другую изъ борящихся сторонъ, и объ онѣ одинаково были недовольны неопредѣленностью взглядовъ, шаткостью положеній, снисходительностью отзывовъ Бродзинскаго. Правда, польскіе писатели и критики, какъ романтики, такъ и классики, отзываются съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ объ авторѣ разсужденія „O klass. i romantycz.“ [1]), но это объясняется скорѣе уваженіемъ къ личнымъ достоинствамъ Бродзинскаго и его извѣстностью, какъ поэта.

Мохнацкій въ своей „Исторіи польской литературы“ говоритъ о немъ: „Онъ взялъ въ руки перо, началъ умно и глубокомысленно размышлять о поэзіи, и мы узрѣли перваго нашего критика и эстетика“ [2]). Тѣмъ не менѣе Мохнацкій былъ недоволенъ неопредѣленностью взглядовъ Бродзинскаго уже въ 1825 и оправдываетъ его излишнюю умѣренность стремленіемъ не поразить кого-нибудь „новизною предмета“ [3]). Такое объясненіе нельзя признать правильнымъ, хотя къ нему и прибѣгаютъ многіе.

Не отваги недоставало Бродзинскому быть самимъ собою, какъ думаетъ напр. *Марренe* [4]), а гораздо большаго.

Въ дѣйствительности во взглядахъ Бродзинскаго и его литературномъ вкусѣ замѣтно сильное вліяніе идей XVIII вѣка. Бродзинскій увлекается еще идиллiями Геснера, говоритъ съ крайнимъ почтеніемъ о произведеніяхъ французскихъ псевдоклассиковъ, слишкомъ осторожно хвалитъ Шекспира, находя однако въ немъ, не смотря на все свое уваженіе къ авторитету Гердера, много недостатковъ и грубости, точно также какъ это находили и французскіе критики, и Снядецкій. Бродзинскій сознаетъ, что старыя правила изъ рукъ вонъ плохи, что „все зданіе ложноклассической эстетики расшатано“, онъ самъ отрѣшился уже въ теоріи отъ многихъ предразсудковъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ писателей, но на практикѣ однако не рѣшается еще окончательно низвергнуть прежніе кумиры, на кото-

---

[1]) Напр. „Gazeta literacka“ r. 1822, t. I. 24, 67, 82, 112, 121, 158, 168, 213. 215; срав. ibid. № 18: „List literata, zamieszkującego na wsi“. Ср. отзывы Мохнацкаго, Лелевеля, Грабовскаго, и др.

[2]) *Dzieła M. Mochnackiego*, t. I. Poznań 1863. „O literaturze w wieku XIX“ 1830 r.

[3]) „Dzienn. Warsz.“ 1825.

[4]) Walerya Marrené, „Kaz. Brodziński“, st. literacki, Kraków. 1886.

рыхъ воспитался его вкусъ. Въ душѣ Бродзинскаго незамѣтно для него самого существуетъ разладъ. Вмѣстѣ съ г-жею Сталь, Гердеромъ и др. онъ признаетъ и проводитъ принципъ народности въ литературѣ, и въ то же время въ характеристикѣ этой литературы, въ пониманіи народности онъ проявляетъ сентиментально-идиллическій вкусъ въ духѣ Геснера и Карпинскаго. По его понятіямъ польская литература одинаково народна въ произведеніяхъ Зиморовича, Шимоновича, Карпинскаго и Реклевскаго. Онъ отрицаетъ пресловутыя три единства и въ то же время полагаетъ, что произведенія Корнеля, Расина со стороны формы навсегда останутся для насъ классическими образцами. Идею самобытности и оригинальности литературы соединяетъ онъ съ особенной теоріей „potrącenia i wzorów“, а также полагаетъ, что классическіе и библейско-христіанскіе мотивы составляютъ національную черту польской литературы.

Вмѣстѣ съ Гердеромъ Бродзинскій говоритъ о громадномъ значеніи народной поэзіи (не первый, впрочемъ, въ польской литературѣ) и тутъ же нападаетъ на послѣдователей Шиллера и Гете, которые-де злоупотребляютъ этимъ элементомъ. Самъ Бродзинскій позже и гораздо нерѣшительнѣе другихъ приступаетъ къ изученію и переводамъ народныхъ пѣсенъ разныхъ народовъ на польскій языкъ. Онъ слишкомъ горячо возстаетъ противъ нѣмецкой метафизики, потому-что не понимаетъ ея, и нѣсколько разъ повторяетъ въ своей статьѣ, что не хочетъ быть апостоломъ романтизма [1]).

Если Бродзинскій и высказываетъ какое-нибудь одобреніе тому или другому мнѣнію въ духѣ романтической школы, то сейчасъ же старается ограничить свою мысль порицаніемъ крайностей и увлеченій.

Эти постоянныя порицанія и предостереженія противъ яко бы крайностей и увлеченій романтизма слишкомъ преждевременны и потому весьма умѣряютъ значеніе его сужденій и ихъ вліяніе на распространеніе новыхъ взглядовъ, въ особенности, если принять въ расчетъ, что до 1818 года въ польской литературѣ не было еще ни одного произведенія, заслуживающаго порицанія своей крайностью или романтическими увлеченіями. Нѣкоторые критики полагаютъ, что Бродзинскій занялъ враждебное положеніе по отношенію къ романтикамъ только въ послѣдніе годы своей публицистической дѣя-

[1]) „Pam. W.“ XI.

тельности (съ 1826 года), но это не вѣрно: мы убѣдились, что взгляды Бродзинскаго не измѣнялись въ теченіи всего времени пребыванія его въ Варшавѣ до 1830 года; они только ярче опредѣлились во 2-ю половину 20-хъ годовъ, въ періодъ научно-педагогической дѣятельности его. По нашему мнѣнію, уже въ первой статьѣ Бродзинскаго слышится легкое неодобреніе начинающемуся увлеченію романтизмомъ. Въ 1821 году, т. е. всего три года спустя, это неодобреніе выражается уже въ довольно рѣзкой формѣ. Въ этомъ году Бродзинскій печатаетъ въ „Pam. Warsz." слащавую и скучную поэму своего друга *Реклевскаго*, написанную въ духѣ Геснера и защищаетъ ея напечатаніе слѣдующимъ предисловіемъ: „приходится не разъ теперь слышать и читать тирады противъ поэзіи; хотятъ, чтобы поэты были непремѣнно демагогами, чтобы въ каждомъ стихѣ заключалась сентенція о любви къ родинѣ, или по крайней мѣрѣ что-нибудь либеральное (liberalność figurowała).... Но патріотизмъ и либерализмъ не заслонятъ умѣренности, точно также, какъ поэзія (т. е. стихи Реклевскаго) не повредятъ этимъ добродѣтелямъ. Упоминаю объ этомъ потому, что піэ стихи Реклевскаго; онъ вѣдь тоже былъ превосходнымъ (dość roskosznem) художникомъ и хорошимъ патріотомъ; такъ, слагая свои пріятныя (miękie) риѳмы, онъ умеръ въ борьбѣ за родину въ 1812 году" [1]). Мы видимъ, что здѣсь Бродзинскій весьма недвусмысленно обзываетъ „демагогами", „либералами" всѣхъ тѣхъ, кто усумнится въ достоинствахъ его друга—идиллика. Когда же появились произведенія истинныхъ романтиковъ—Мальчевскаго, Гощинскаго, Мицкевича,— Бродзинскій прямо переходитъ въ лагерь ихъ противниковъ и шлетъ противъ нихъ цѣлый рядъ публицистическихъ статей, одна другой сердитѣе. Вообще Бродзинскій ни по своему характеру, ни по уму и воспитанію не могъ понять и сочувствовать новому направленію. Его кругозоръ былъ слишкомъ узокъ, его взгляды на жизнь дышатъ наивностью идиллической пасторали, сантиментальностью Руссо [2]).

[1]) „Pam. Warsz." 1821 r., XIX, 381 — 382. Неизмѣнность воззрѣній Бродзинскаго лучше всего можетъ быть подтверждена на его отзывахъ о Реклевскомъ. Самъ Бродзинскій въ приведенномъ выше предисловіи къ поэмѣ „Wieńce" ссылается на свою 1-ю статью о Реклевскомъ въ 1815 году („Pam. W." t. I). Въ курсѣ литературы онъ повторяетъ о немъ то же самое (чит. Pisma Brodzińskiego, t. IV).

[2]) Чит. напр. тирады Бродзинскаго въ Черняковѣ противъ цивилизаціи (K. W. Wójcicki, „Społeczność Warszawy 1800—1830 r." Warsz. 1877, стр. 190—192).

„Все, что ни писалъ онъ, говоритъ *Крашевскій*, онъ писалъ сердцемъ; а мысль головы подчинялась у него вліянію пріятельскихъ чувствъ“ [1]). Съ этимъ нельзя не согласиться; Бродзинскій былъ хорошій, сердечный человѣкъ, но слабый мыслитель. Сантиментальный патріотизмъ, религіозное миролюбіе онъ хотѣлъ передать и всему польскому обществу.

Ему непонятны, ненавистны были всѣ споры и пререканія, которыя казались ему прямо вредными для общаго блага. Поэтому онъ и пытается помирить враждующія литературныя партіи. Онъ искренне не понималъ, какъ можно идти къ одной прекрасной цѣли — благу родины, и идти разными путями; мысль о борьбѣ никакъ не вязалась у него съ его идеаломъ человѣческаго общежитія.

Литературные споры были для него вдвойнѣ непонятны, такъ какъ литературу онъ считаетъ отчасти дѣломъ забавы: „Слава Богу, говоритъ онъ, у насъ литература не ремесло, а плодъ доброй воли въ свободныя отъ обязанностей минуты“.

Бродзинскій убѣжденъ, что когда-нибудь „закроются исполинскія фабрики, которыя мы видимъ теперь, что когда-нибудь, дойдя до практическихъ результатовъ, люди освободятся отъ того громаднаго сырого матеріала, который, отрывая отъ настоящаго дѣла множество рукъ, дѣлаетъ народы иногда изнѣженными, а иногда фанатическими.... Всѣ эти фоліанты, комментаріи, философскія спекуляціи и ученые споры будутъ когда-нибудь забыты, какъ тѣ рыцарскіе доспѣхи, которые показываются нынѣ, какъ курьезы, въ старинныхъ замкахъ“ и т. д. [2]).

Взаимная помощь, согласіе и любовь должны по мнѣнію Бродзинскаго вести къ этому прекрасному идеалу; а между тѣмъ новое направленіе пугало Бродзинскаго своимъ бурнымъ характеромъ, энергіей страсти. Другая причина, отталкивавшая Бродзинскаго отъ новаго направленія—была его глубокая, истинно-христіанская религіозность: его отталкивали мрачныя картины средневѣковыхъ ужасовъ. Какъ добрый католикъ, онъ не сочувствовалъ ни нѣмецкой метафизикѣ, ни идеализму Фихте; пантеизмъ Гете казался ему слишкомъ холоднымъ.... Божественная правда вѣдь такъ проста, она не нуждается въ пута-

---

[1]) „Atheneum“ 1844, Wilno, VI: „Słówko o Kazimierzu Brodzińskiem“, стр. 41.
[2]) Чит. „O dążeniu polskiej literatury“.

ницѣ понятій, и Бродзинскій вѣрилъ, не мудрствуя, въ простотѣ искренняго глубоко чувствующаго сердца.

Совершенно вѣрно замѣтилъ *Крашевскій*, что „во всѣхъ его произведеніяхъ звучитъ чувство и глубокая вѣра; нѣкоторыя изъ нихъ диктованы исключительно религіознымъ чувствомъ, иныя навѣяны благочестивой скорбью. Вездѣ сказывается человѣкъ, возложившій все упованіе на религію, которой онъ жилъ и въ которой искалъ поддержки. Онъ не понимаетъ поэзіи безъ вѣры, а вѣру соединялъ неразрывнымъ узломъ съ народностью“ [1]).

Значеніе статьи „O klassyczności i romantyczności“ было вовсе не такъ велико, какъ это многіе думаютъ. Статья не создала направленія или школы; не была она и слишкомъ неожиданна. Романтики были ею недовольны, и уже въ 1819 году одновременно съ „Uwagami“ Бродзинскаго къ статьѣ „O literaturze niemeckiéj“ появляются разсужденія другихъ писателей, повторяющихъ независимо отъ Бродзинскаго тѣ же мысли о самобытности и народности литературы и часто идущихъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Бродзинскаго, который между тѣмъ еще въ 1819 году напечаталъ переводъ двухъ актовъ „Эсѳири“ Расина [2]).

Въ майской книжкѣ „Pam. Warsz.“ за этотъ же годъ *І. Р. Круликовскій* помѣщаетъ свою статью „O literaturze“ [3]), въ которой онъ, руководясь преимущественно Зульцеромъ, тоже приходитъ къ мысли о народности литературы. Онъ требуетъ гармоніи между разумомъ, чувствомъ и вкусомъ [4]), хочетъ, чтобы польская литература „przemawiała do serca polaka“ [5]).

Ученикъ Кременецкаго лицея О. Корженёвскій печатаетъ статью „O uczuciu nieskończoności“, написанную подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой философіи [6]), въ духѣ которой также продолжаетъ писать

---

[1]) „Słówko o K. Brodzińskiem“ („Atheneum“ 1844 r. стр. 34).

[2]) Чит. J. Dmochowski, „Bibl. Warsz.“ 1870. t. III, 224.

[3]) Заглавіе статьи таково: „O literaturze. Rozprawa, w której się rozważają istotne cele dzieł smaku i sposoby ich osiągnienia; tudzież co czególniejszym przedmiotem literatury narodnéj być powinno, przez I. F. Królikowskiego“.

[4]) Ibid. стр. 7, 25, 26.

[5]) „Chcemy być użyteczni Polacy dla Polaków, dla naszych obyczajów, dla naszych obrzędów, naszego ducha myślenia i narodowości; chcemy przemawiać do serca polskiego, kształcić jego własny, ale nie grecki, rzymski, angielski, francuzki, niemecki umysł, chcemy wznosić nasz tylko geniusz“.... Ibid. 31.

[6]) „Ad. Bełcikowski, Ze studyów nad literaturą polską“, W. 1886, стр. 419.

и К. Шанявскій. Нѣкто N. O. напечаталъ разсужденіе „O imaginacyi", въ которой авторъ высказывается вновь, въ защиту значенія фантазіи [1]); знаменитый W. Surowiecki пишетъ похвальную рецензію на статью Ходаковскаго „O słowiańszczyznie" [2]). Въ новомъ же духѣ написана и статья неизвѣстнаго автора „O potrzebie i zamiarach krytyki sztuk pięknych" [3]), въ которой доказывается между прочимъ, что критика не обязана руководиться въ своихъ приговорахъ личнымъ вкусомъ; цѣнить произведеніе можно только въ условіяхъ, въ коихъ оно создано [4]).

Появляются новыя работы и по славяновѣдѣнію; такъ „Pam. Nauk.", печатаетъ „Wiadomość o dziełach W. Stefanowicza Karadżicza", вмѣстѣ съ краткой его біографіей [5]). Въ статьѣ „O uczeniu się języków". Ѳ. Сѣроцинскій, учитель Кременецкой гимназіи, возстаетъ противъ господства латыни, которая „задержала на два вѣка прогрессъ наукъ и искусствъ" [6]).

Одновременно появляются и въ области поэзіи произведенія, написанныя въ новомъ духѣ. Ѳома Занъ въ Вильнѣ передѣлываетъ „Ленору" Бюргера [7]), а въ Варшавѣ Ляхъ Ширма печатаетъ другую передѣлку: „Kamilla i Leon" [8]), къ которой прибавляетъ „Uwagi nad Lenorą" Бюргера [9]). Какъ кажется, къ этому времени относится третья передѣлка „Леноры", принадлежащая Мицкевичу—„Ucieczka" (такъ думаетъ Д-ръ П. Хмѣлевскій: „A. Mickiewicz". t. I. 238).

„Karylla", „Żeglarz", „Dudarz" Мицкевича представляютъ послѣдовательные по времени моменты развитія романтическаго направленія, которое получаетъ наконецъ полное самоопредѣленіе въ сти-

---

[1]) „Dzienn. Wileński" 1819, Март.

[2]) „Pam. Warsz." 1819, XIV, 35.

[3]) „Pam. Warsz." 1819, XIII, Styczn., 1—17.

[4]) „Może nie każda tragiczna okropność, говоритъ авторъ, za którą Anglicy przepadają, byłaby na scenie naszéj wyborną, a przecież krytyk był by bardzo niesprawiedliwym gdyby ich wprost odrzucił inny jest geniusz Anglika; inny polaka; a może samo klima i sposób życia nadaje zmysłom inny stopień drażliwości, a ztąd inny stopień uczucia"... и т. д. Чит. ibid. стр. 14—15.

[5]) „Pam. Naukowy" 1819, t. I. Росс. Академія Наукъ присудила Караджичу въ въ этомъ году золотую медаль; чит. трудъ П. Кулаковскаго о Вукѣ Караджичѣ.

[6]) Ibid. Ему же принадлежитъ статья „O doskonaleniu mowy ojczystej...." („Cwicz. Nauk." 1818, t. I).

[7]) P. Chmielowski, „Ballady Tomasaz Zana", Studya i szkice, II, 202. О немъ же чит. Макушева: „Забытый польскій поэтъ", „Слав. Ежегодн.", Кіевъ, 1878.

[8]) „Pam. Nauk" 1819, t. I, 358—366.

[9]) Ibid. 275—280.

хотвореніяхъ: „Romantyczność“ и „Oda do młodości“ (1822 года) [1]). Съ 1819—1820 годовъ появляются произведенія Залѣсскаго, Мальчевскаго, Гощинскаго. Европейская литература доставляетъ кромѣ Шиллера [2]) и Оссіана, переводы изъ Вальтеръ Скотта, Гете [3]), Тассо, Аріоста и въ особенности Байрона [4]); почти всѣ польскіе журналы печатаютъ извѣстія о жизни и произведеніяхъ Байрона.

Въ 1820 году варшавскій театръ, какъ сообщаетъ „Ванда“, былъ переполненъ толпящейся публикой, сошедшейся на первое представленіе романтической трагедіи Шиллера „Орлеанская Дѣва“, постановки которой редакція „Ванды“ ожидала „давно и съ нетерпѣніемъ“, и по поводу которой она помѣстила хвалебную рецензію [5]). Трагедія не имѣла однако того успѣха, какой „она заслуживала бы“, какъ думаетъ „Ванда“, потому-что была больна главная актриса г-жа Ледоховская [6]).

Въ 1821 году имѣлъ огромный успѣхъ „Вертеръ“ въ переводѣ Бродзинскаго, о чемъ мы уже имѣли случай говорить. Оказывали вліяніе, конечно, и оригинальныя поэтическія произведенія Бродзинскаго, также какъ и его переводы („Wiesław“, „Legionista“, „Zbichon“ и др.). Въ критической литературѣ новый шагъ впередъ представляетъ разсужденіе Боровскаго: „Uwagi nad wymową i poezyą pod względem ich podobieństwa i różnicy“ [7]). Авторъ гораздо рѣшительнѣе Бродзинскаго выступаетъ противъ вліянія французской поэзіи и въ противуположность ему утверждаетъ, что польская литература вовсе не народна. Литературно-эстетическіе взгляды Боровскаго имѣли сильное вліяніе на умы виленской молодежи. Извѣстный уже намъ Круликовскій выступилъ съ усердной защитой романтизма на тор-

---

[1]) „Poezye Mickiewicza“, W. 1888 r., t. I.

[2]) Усерднымъ переводчикомъ Шиллера является графъ Бруно Кицинскій, талантливый поэтъ и публицистъ (чит. „Wanda“ и „Tygod. Polski“).

[3]) Чит. „Kwartaln. Historyczny“ 1890, zesz. III, рецензія профессора Р. Пилата на книгу Густава Карпелеса: „Goethe in Polen“, Berlin 1890, стр. 540. Въ „Tygodn. Pol.“ за 1819 напечат. „Nawrócona“, „Pasterz“, „Płocha“, „Różyczka na łące“.

[4]) Такъ въ „Pam. Warsz.“ 1820 г. за сентябрь мы находимъ „Rozstanie się z żoną“, переводъ L. S.; другіе переводы, напр. В. Н. К. (Pieśń Ateńska) изъ „Child Harolda“, печатала „Wanda“ 1820 и 1821 годовъ и т. д. (t. I—V), напр. „Obłężenie Korynta“, „Narzeczona z Abydos“ К. Островскаго и др.

[5]) „Wanda“ 1820, t. I, стр. 278—280.

[6]) Ibid., стр. 280.

[7]) „Dziennik Wileński“ 1820 г. „О Боровскомъ“, какъ профессорѣ чит. E. Odyńca. Wspomnienia z przeszłosci.

жественномъ актѣ познанской гимназіи и напечаталъ свою рѣчь въ „Mrówce Poznańsk.“ (t. III, 81—101) [1]).

Ему же принадлежитъ проэктъ реформы школьнаго преподаванія польскаго языка и литературы, написанный согласно новымъ требованіямъ времени [2]).

Въ духѣ Бродзинскаго H. Kamiński въ своихъ „Listach o literaturze polskiéj“ [3]) требовалъ народности и самобытности и предостерегалъ романтиковъ отъ увлеченій [4]). Тоже проповѣдывалъ Фр. Гржимала въ „Syb. Nadwislansk“ [5]).

„Число сторонниковъ романтизма растетъ со дня на день“, пишетъ анонимный авторъ статьи: „Niektóre uwagi nad stanem i duchem literatury polskiéj“, присланной въ видѣ письма въ редакцію журнала „Wanda“ [6]). Авторъ этой статьи тоже требовалъ „средней между классицизмомъ и романтизмомъ дороги, если ужъ она не можетъ быть совершенно новой и оригинальной“ [7]). Возставая противъ неудачныхъ подражаній, противъ туманности и напыщенности новой поэзіи, авторъ при всемъ томъ признавалъ, что „романтическимъ произведеніямъ свойственны необыкновенныя (znakomite) красоты“ и т. д.

Наконецъ въ 1822 году выходитъ въ свѣтъ 1-ое собраніе стихотвореній Мицкевича и при немъ въ видѣ предисловія статья поэта „*O poezyi romantycznéj*“, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ, недомолвкахъ и ошибкахъ, рветъ съ прошлымъ гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ дѣлали это всѣ предыдущіе критики. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ своемъ разсужденіи о романтизмѣ Мицкевичъ ни разу не упоминаетъ имени Бродзинскаго, какъ будто его статьи „O klas. i romant.“ и вовсе не существовало [8]).

---

[1]) P. Chmielowski, „A. Mickiewicz“, t. I, стр. 189.

[2]) „Pam. Warsz.“ 1822, 4, 5. Чит. стр. 14—15.

[3]) „Astrea“ 1821 r., t. I, № 1, а также № 1 1822 r.

[4]) „W poezyi malujmy czyny, uczucia, obyczaje i zwyczaje, ale przenośmy porządnie, przenośmy tak żywemi, tak prawdziwemi kolorami, jakiemi przedmioty swoje wydawali starożytni pisarze; oto własnie, czego klassyczność wymaga, to, w czem starożytne wzory naśladować należy“...

[5]) A. Bełcikowski, „Ze studyów....“, W., 1886 стр. 421.

[6]) „Wanda“ 1821, t. I, 212.

[7]) Ibid. 214.

[8]) Быть можетъ, къ Бродзинскому относится слѣдующее замѣчаніе Мицкевича: Cał. niestosowność podziałów i nagłych wniosków ztąd pochodzi, że piszący o poezyi,

Мицкевичъ отрицаетъ не только псевдоклассическую литературу французовъ, но и древне-римскую, которую онъ тоже считалъ ненародной [1]). Въ поэзіи Мицкевичъ ищетъ того, что удовлетворяло бы чувство и фантазію; въ оцѣнкѣ произведеній европейской литературы онъ обнаруживаетъ серьезную начитанность и вкусъ. Его сужденія о Шекспирѣ не грѣшатъ уже той двусмысленной неопредѣленностью, въ какой можно обвинить Бродзинскаго. Байрона Мицкевичъ считаетъ не меньшимъ геніемъ, чѣмъ Шекспира и т. д. [2]); словомъ—эта статья о романтизмѣ и по тону, и по содержанію доказываетъ, что польскіе романтики далеко опередили Бродзинскаго и въ настроеніи, и въ теоретическихъ сужденіяхъ. Выходъ въ свѣтъ произведеній Мицкевича и появленіе въ Варшавѣ „Gaz. literack.“ [3]) составляютъ событія огромной важности. 1821—1822 годы можно считать поворотнымъ пунктомъ въ польской поэзіи въ такой же мѣрѣ, какъ это было и въ самой жизни. Начиналась реакція въ правящихъ сферахъ, и одновременно съ ней росла въ обществѣ глухая оппозиція ей, нашедшая себѣ выраженіе въ романтической поэзіи. Мы прослѣдили такимъ образомъ литературное движеніе въ прогрессивномъ лагерѣ. Посмотримъ однако, что дѣлали классики въ эти первые годы со времени появленія статьи Бродзинскаго.

III.

Мы уже говорили въ первой главѣ о личныхъ отношеніяхъ варшавскихъ классиковъ къ Бродзинскому и выяснили, что они были далеко не враждебны. Въ литературѣ классики доживали свои послѣдніе дни. О романтизмѣ они знали только по слухамъ, знакомство ихъ съ нѣмецкой литературой было ничтожно; поэтому они не любили полемики, всего выше цѣня свое олимпійское спокойствіе и сытные обѣды въ кругу веселыхъ и остроумныхъ собесѣдниковъ въ

---

pochwyciwszy od teoretyków niemieckich wyrazy klassyczność, podszywają pod nie własnie swoje wyobrażenia“. Мицкевичъ требуетъ, чтобы всѣ выраженія употреблялись въ ихъ техническомъ значеніи, а не произвольно. „Poezye A. Mickewicza“, W. 1888, t. IV, 259.

[1]) „Tym sposobem w narodzie rzymskiem nie było właściwie poezyi, bo nie było poezyi narodowéj....“, ibid.

[2]) „Bajron w rodzaju powieściowym i opisowym jest tem, czem Szekspir w dramatycznym.“, ibid.

[3]) О другихъ періодич. изд. этого времени мы уже говорили въ 1-й главѣ.

родѣ Осинскаго, ограничиваясь насмѣшками и остротами надъ новымъ направленіемъ.

Блестящимъ защитникомъ классицизма во всеоружіи учености и авторитета выступилъ знаменитый Янъ Снядецкій, извѣстный ученый математикъ, видный общественный дѣятель, всѣми уважаемый бывшій ректоръ и профессоръ Виленскаго университета [1]).

Видя постепенно растущее увлеченіе романтизмомъ въ средѣ виленской молодежи, Янъ Снядецкій высказывалъ уже свое порицаніе несимпатичному для него движенію въ частной перепискѣ [2]). Статья Бродзинскаго дала ему поводъ выступить публично противъ новаго направленія, и вотъ наконецъ его негодованіе прорвалось въ громоносной статьѣ „O piśmach klassycznych i romantycznych“ [3]).

Янъ Снядецкій безспорно долженъ быть причисленъ къ самымъ замѣчательнымъ умамъ Польши начала этого столѣтія. Воспитанный за границей подъ руководствомъ лучшихъ парижскихъ и геттингенскихъ ученыхъ, онъ проникся духомъ той опытной философіи, родоначальникомъ коей былъ Бэконъ. Онъ былъ друженъ съ Лапласомъ, д'Аламбертомъ, Кондорсе и совершенно не замѣчалъ зарождающагося художественнаго и философскаго направленія, такіе представители котораго, какъ Гете, Гердеръ, Шиллеръ, были тогда уже всѣмъ извѣстны. Интересы положительной науки, политическія судьбы родины были ему гораздо ближе. Научная дѣятельность была его настоящимъ призваніемъ, но обстоятельства принуждали его постоянно принимать въ это смутное время участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ участвовалъ въ Гродненскомъ сеймѣ; когда Костюшко устроилъ повстанье, его, астронома, „стащили“, какъ говоритъ Спасовичъ, съ обсерваторіи и заставили набирать и продовольствовать солдатъ. Отъ 1803 до 1805 года онъ путешествуетъ въ качествѣ туриста по Европѣ. Въ 1807 году онъ занимаетъ мѣсто астронома въ Виленскомъ университетѣ, и въ томъ же году его выбираютъ ректоромъ. Въ 1812 году по вступленіи французскихъ войскъ въ Вильну

---

[1]) Бродзинскій неоднократно отзывается о Снядецкомъ съ почтеніемъ. Точно такъ же относится къ нему и горячій приверженецъ романтизма, извѣстный критикъ М. Мохнацкій (чит. его „Hystorya powstania naroda polskiego w r. 1830—1831, Berl.—Poznań. 1863, t. I, стр. 245—249 и др.).

[2]) Чит. выше.

[3]) „Dzienn. Wileński“ 1819, t. I, 2—27.

учреждено было Наполеономъ временное правительство, въ составъ котораго входятъ видные представители края въ числѣ 7 душъ, и здѣсь, на ряду съ княземъ Сапѣгой, А. Потоцкимъ, мы встрѣчаемъ и Яна Снядецкаго [1]). Должность ректора онъ занималъ до 1815 года. Съ 1815 года Снядецкій оставляетъ ректорство и предается исключительно интересамъ научнымъ и литературнымъ, выступая отъ времени до времени на торжественныхъ университетскихъ актахъ съ какой-нибудь рѣчью, говорить которыя онъ былъ большой любитель и мастеръ [2]). Горячій патріотъ, человѣкъ съ большимъ умомъ и серьезнымъ образованіемъ, Янъ Снядецкій принужденъ былъ пережить всѣ удары, которые нанесла судьба его родинѣ. Но какъ человѣкъ разсудительный и умный, онъ не падалъ духомъ, а старался приноровиться къ новымъ условіямъ, и вотъ какъ выражаетъ онъ свое настроеніе: „потерявъ отечество,—величайшее благо душъ благородныхъ и преданныхъ общимъ интересамъ,—мы осуждены жестокимъ приговоромъ судьбы на уничтоженіе и подавленіе движеній (душевныхъ), порождаемыхъ у насъ привычкой, воспитаніемъ и жаждою общественнаго блага, оживлявшими прежде всѣ наши умственныя силы, способности и таланты. Нынѣ полякъ долженъ пережить самого себя, создать въ себѣ иную душу и заключить свои чувства въ тѣсныхъ предѣлахъ своего личнаго бытія. Это предназначеніе слишкомъ жестоко, но оно законъ ничѣмъ непреодолимой дѣйствительности, которому надо покориться! Употребимъ же плоды просвѣщенія, чтобы сдѣлать сносной удручающую насъ судьбу“ [3]).

Янъ Снядецкій принадлежалъ такимъ образомъ къ кругу тѣхъ разсудительныхъ людей, горячихъ патріотовъ и въ свое время видныхъ государственныхъ дѣятелей, которые, „будучи лишены возможности устроять государственный порядокъ, обратились къ литературѣ, всецѣло посвятивъ себя устроенію области прекраснаго, которую они

---

[1]) Чит. Skarbek „Dzieje ks. Warszawskiego“, IV, 183.

[2]) Такъ напр. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, когда онъ выступилъ со своей статьей противъ романтизма, онъ читаетъ на засѣданіи литературнаго общества въ Варшавѣ свой рефератъ *„О философіи“*, въ которомъ весьма остроумно полемизируетъ съ Кантомъ. *„Dzienn. Wileńsk.“*, 1819, май, 457—481.

[3]) „Listy J. Sniadeckiego“, Poznań, 1878. Чит. Пыпинъ и Спасовичъ. „Ист. славянск. лит.“, С.-Пб. 1881, т. II, стр. 593.

стали обращать въ садъ на подобіе версальскаго съ цвѣтниками и клумбами, съ прямыми аллеями, заводя строгіе порядки, не допускавшіе ни какихъ самовольныхъ уклоненій отъ правилъ искусства, разъ на всегда преподанныхъ Аристотелемъ, Буало, Гораціемъ и Лагарпомъ“ [1]).

Когда въ этомъ правильно распланированномъ саду появились молодые побѣги, нарушавшіе симметрію и порядокъ въ общемъ планѣ, такіе люди, какъ Снядецкій, не могли оставаться равнодушны [2]). Этотъ кажущійся безпорядокъ казался ему гибельнымъ, опаснымъ для общаго спокойствія, и долгъ гражданина обязывалъ предостеречь общество. Янъ Снядецкій не могъ молчать въ виду грозившей опасности.

Какъ! Испытанныя вѣковымъ опытомъ, признанныя всѣмъ свѣтомъ правила, эти ясныя и логическія предписанія искусства, казавшіяся ему всю жизнь безукоризненными, оказываются вдругъ ни къ чему не пригодными! Какіе-то недоучившіеся мечтатели, горячіе головы, бредятъ туманной нѣмецкой метафизикой, тогда какъ существуетъ философія здраваго смысла, наконецъ правила положительной религіи [3]). Они утверждаютъ вопреки Локку, что наши понятія происходятъ не отъ ощущеній, что душѣ присущи врожденныя идеи, и что при помощи сверхъ-естественнаго вдохновенія можно дойти до истины и познанія. Строгому математическому уму Я. Снядецкаго была ненавистна эта умозрительная нѣмецкая философія, и онъ не признавалъ не только спиритуалиста Шеллинга, но и болѣе реальнаго Канта [4]). Другая причина, заставлявшая Снядецкаго полемизировать съ сторонниками новаго направленія, была, быть можетъ, та самая, которая побудила и Бродзинскаго выступить рѣзче про-

---

[1]) Сравни К. Бродзинскаго: „O dążeniu literat. polskiéj“, Piśma t. VI, стр. 303.

[2]) Чит. Пыпинъ и Спасовичъ, „Ист. слав. лит.“, t. II, стр. 600.

[3]) О Янѣ Снядецкомъ существуетъ довольно значительная литература. Но почти всѣ отзывы о немъ, начиная съ Бродзинскаго и Мохнацкаго, исполнены уваженія къ личности Снядецкаго и признанія его научныхъ заслугъ. Чит. напр. „Jeszcze kilko słów o J. Sniadeckim“ въ „Pielgrzym-ѣ“ 1843 г., t. II; ср. М. Страшевскій: „Rozbior piśm literacko-filozoficznych J. Sn.“, Krak. 1875; также „Kłosy“ 1873, t. XVII, „Krytyka nasza w wieku XIX“, S. T. Hodi и т. д.

[4]) О. Я. Снядецкомъ, какъ философѣ, чит. H. Struwe: „O filozofji Jana Sniadeckiego“, „Wiek“ 1873 г., №№ 13, 14, 16.

тивъ романтиковъ въ послѣднія 5—6 лѣтъ передъ революціей 1830—1831 года. Янъ Снядецкій былъ постепеновецъ, сторонникъ мирнаго развитія; современникъ и участникъ многихъ политическихъ переворотовъ, онъ пришелъ наконецъ къ тому заключенію, что всякое революціонное движеніе не приноситъ желанныхъ результатовъ, а между тѣмъ въ новонарождающемся литературномъ движеніи—онъ чувствовалъ—кроется нѣчто революціонное, клокочутъ страсти.... Онъ предвидѣлъ приближеніе бури и старался предупредить общество отъ новыхъ увлеченій. Всей опытностью своей 60-лѣтней жизни онъ понималъ, что общество не выдержитъ новаго переворота, и хотѣлъ упредить бѣды. Но совѣты его, пропитанные затхлымъ духомъ псевдоклассицизма, не могли уже оказать желаннаго вліянія; они и были отвергнуты, а Снядецкаго признали брюзжащимъ отъ старости обскурантомъ. Иначе, впрочемъ, и не могло быть: Янъ Снядецкій слишкомъ отсталъ отъ вѣка; ему была совершенно незнакома новѣйшая литература, а его эстетическія воззрѣнія были слишкомъ ортодоксальны.

Статья Снядецкаго *„O piśmach klassycznych i romantycznych“* направлена не противъ Бродзинскаго, о которомъ Снядецкій отзывается очень лестно, „какъ о извѣстномъ въ нашей литературѣ писателѣ, какъ о ученомъ, пріятно изложившемъ особенности классическихъ и романтическихъ произведеній“; Снядецкій пользуется только случаемъ, который доставила ему статья Бродзинскаго, для того, чтобы вообще выступить противъ романтизма.

На романтиковъ онъ обрушивается въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. „По моему, говоритъ онъ, классическимъ слѣдуетъ считать все то, что согласно съ правилами поэзіи, которыя изложили для французовъ Буало, для поляковъ Дмоховскій, а для всѣхъ остальныхъ образованныхъ народовъ (wypolerowanych) Горацій“..., „романтическимъ же то, что грѣшитъ противъ этихъ правилъ или совсѣмъ ихъ нарушаетъ“ [1]). Предписанія поэтики Горація существу-

---

[1]) Въ русской литературѣ высказывались подобныя же мнѣнія и почти дословно въ той же формѣ. Такъ въ журналѣ *„Благонамѣренный“*, *1823 г.*, *№ 13*, какой-то классикъ пишетъ: „Что такое романтическая поэзія? Думаю, что романтической поэзіей, которую обыкновенно противуполагаютъ классической, называются стихотворенія, написанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ...“, и т. д. Любопытно и то, что самый журналъ, въ

ютъ уже двѣ тысячи лѣтъ и долго еще будутъ существовать.— Ссылки на Оссіана не говорятъ въ пользу романтиковъ, потому-что его поэзія не противна правиламъ Горація. Романтики же не заботятся о ихъ выполненіи и ведутъ себя, точно помѣшанные. Они вводятъ на сцену сборища вѣдьмъ, духовъ, упырей, вставляютъ разговоры дьяволовъ и ангеловъ и т. д. „Что же тутъ остроумнаго, спрашиваетъ Снядецкій: каждая баба давно уже знаетъ объ этихъ красотахъ и отзывается о нихъ со смѣхомъ пренебреженія.

„Романтики увлекаются природой простой, дикой и не культивированной. Но чары, упыри, кудесничество—это еще не природа; это плодъ превращеннаго (spodlonego) невѣжества, предразсудковъ; это глупости (głupstwa), свойственныя едвали не всѣмъ дикимъ народамъ, погруженнымъ въ варварство и не просвѣщеннымъ религіей, а сцена вѣдь не кабакъ и не рынокъ: она должна быть школой образованія для общества.

„Правда, и римляне украшали свои произведенія миѳами, но они никогда не доходили до такой каррикатурности и фальши, какъ въ произведеніяхъ романтиковъ". Снядецкій старается объяснить тотъ вредъ, какой можетъ произойти отъ излишества фантазіи, развитой въ ущербъ здравому смыслу; онъ возстаетъ противъ нѣмецкой „метафизики чувства", а вмѣстѣ съ ней порицаетъ и романтическую грусть (tęsknotą) о прошломъ, надъ которой очень язвительно смѣется [1]); не одобряетъ онъ и сценическія новшества.

„Романтики не любятъ раздѣленія драматическихъ произведеній на акты и сцены и уничтожаютъ ихъ". „Правда это ново, но совсѣмъ неудачно; это еще мыслимо въ операхъ, гдѣ все заключается въ музыкѣ, но въ комедіи и трагедіи это положительно не возможно"!

Защита предписанныхъ будто-бы Аристотелемъ 3-хъ условій

которомъ помѣщались подобныя сужденія, названъ „Благонамѣреннымъ". Чит. Весина, „Очерки по исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ", С-пб. 1881, стр. 228.

[1]) „Przy dobrych pokarmach i napojach, jako darach rólnictwa i przemysłu, nikt zapewnie z nich nie tęskni do jabłek lesnych, korzonków i żołędzi: w domu wygodnym ktoż by płakał do bud lesnych, do jaskiń, albo do jam podziemnych? Mieszkańcy miast nie tęsknią zapewnie do borów i lasów, do napaści i krwawych bojów z Rzymianami. Przy opiece praw własności i rządnego towarzystwa nikt zapewnie nie wzdycha do ucisków i rozbojów feudalnych". *„Dzien. Wil."* 1819, I, стр. 8.

единства приводитъ его къ оцѣнкѣ кумира романтиковъ Шекспира. Здѣсь уже Снядецкій имѣлъ расчищенное поле для своихъ сужденій. Извѣстенъ строгій приговоръ о Шекспирѣ Вольтера. Въ своихъ „письмахъ къ Академіи“ (1761—1768) онъ называетъ Шекспира „пьянымъ дикаремъ, нелѣпымъ акробатомъ, оборваннымъ шутомъ, Θесписомъ, который могъ бы иногда быть и Софокломъ, и который часто создаетъ между грязными пьяницами героя съ чертами величія“. Въ своихъ „англійскихъ письмахъ“ онъ упрекаетъ Шекспира въ отсутствіи всякаго вкуса и полномъ незнаніи драматическихъ правилъ [1]). Впрочемъ эти нелѣпые отзывы относятся къ болѣе поздней эпохѣ завистливаго отрицанія. Въ предшествующую пору своей литературной дѣятельности Вольтеръ отзывается гораздо сдержаннѣе и справедливѣе; такъ въ своей Dissertation sur la Tragédie ancienne et moderne“ [2]) Вольтеръ говоритъ о Гамлетѣ, что не смотря на всѣ грубыя нарушенія правилъ, которыя и до сего дня дѣлаютъ англійскій театръ такимъ нелѣпо-варварскимъ „on trouve dans Hamlet par une bizarrerie encor plus grande dés traits subbimes, dignes des plus grands geniés“ [3]). О Шекспирѣ онъ говоритъ что „природа повидимому хотѣла соединить въ головѣ Шекспира все, что она могла создать высокаго и величественнаго съ тѣмъ, что безсмысленная грубость даетъ низменнаго и отвратительнаго [4]).

Снядецкій почти дословно повторяетъ этотъ послѣдній отзывъ, стараясь оправдать Шекспира недостаткомъ образованія и личными условіями его жизни а также низкимъ уровнемъ развитія публики, для которой приходилось Шекспиру сочинять свои комедіи и трагедіи.

„Если бы Шекспиръ зналъ предписанія Аристотеля и Горація, если бы онъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями грековъ и римлянъ, если бы читалъ Расина и Мольера, и вообще если бы онъ имѣлъ такое образованіе, какъ современные писатели, развѣ онъ писалъ бы такъ, какъ писалъ“.

---

[1]) Геттнеръ, „Ист. Франц. лит.“, t. II, стр. 171.

[2]) Ch. Voltaire, „Ouvrages dramatiques, précédés et suivis de toutes les piéces, qui leur sont relatives“, t. III, *MDCCLXXV.*

[3]) Ibid. 24.

[4]) Ibid. стр. 25.

Полемику противъ нѣмецкой литературы и философіи Снядецкій ведетъ во имя здраваго смысла, положительной религіи и философіи Локка и заканчиваетъ свою сердитую отповѣдь сильной тирадой противъ романтизма, который „отрицаетъ опытъ, возмущаетъ фантазію противъ разума, зажигаетъ междуусобную войну между человѣческими способностями".

„Мы, поляки, говоритъ онъ, предоставимъ другимъ это поприще славы: будемъ скромнѣе въ нашихъ намѣреніяхъ и держимся разсудка".

„Романтизмъ нарушаетъ правила искусства, онъ бунтуетъ противъ ума и науки, *онъ опасенъ*"... „А мы будемъ лучше послушны ученію Локка въ философіи, предписаніямъ Горація и Аристотеля въ литературѣ, правиламъ Бэкона въ опытныхъ наукахъ! Бѣжимъ отъ романтизма, какъ отъ школы измѣны и заразы " [1]).

Статья Снядецкаго произвела очень сильное впечатлѣніе на общество и ободрила классиковъ. Еще въ 1825 году Мохнацкій долженъ былъ считаться съ нею и полемизировать. Онъ пишетъ въ „Dzienn. Warszawsk." „Niektóre uwagi nad poezyą romantyczną z powodu rozprawy J. Sniadeckiego", въ которой называетъ статью Снядецкаго „памятной въ исторіи польской литературы", а ея автора — „найбольшимъ непріятелемъ романтизма", и вообще говоритъ, что классики видѣли въ этой статьѣ non plus ultra убѣдительности, ясности и опредѣленности.

Вообще, и въ годъ появленія, и въ слѣдующіе годы статья Снядецкаго вызвала много возраженій, отдѣльныхъ замѣчаній и критикъ [2]). Но въ этой полемикѣ Бродзинскій принимаетъ очень слабое участіе, только вскользь повторяя свои мнѣнія въ разныхъ критическихъ статьяхъ и въ курсѣ литературы. Первый отвѣтъ на статью Снядецкаго появился въ томъ же 1819 году въ послѣдней книжкѣ „Pam. Warsz." неизвѣстнаго автора [3]).

---

[1]) „Dzienn. Wil.", 1819, I, стр. 27.

[2]) Adam Bełcikowski, „Romantyczność przed Mickiewiczem", стр. 418.

[3]) „Uwagi nad Jana Sniadeckiego rozprawą o piśmach klassycznych i romantycznych", „Pam. Warsz." 1819, XVI, 458.

Отвѣтъ этотъ не подписанъ, и потому трудно рѣшить, кому онъ принадлежитъ. Въ спискѣ статей, помѣщенномъ въ „Pam. Warsz." за 1821 годъ (XXI, 491) и содержащемъ перечень всего того, что было печатаемо въ журналѣ отъ 1815 по 1821 годы, мы находимъ въ отдѣлѣ „критики и литературы" указанія на нѣкоторыя

Въ своей отповѣди анонимный авторъ прямо обвиняетъ Снядецкаго въ полномъ незнаніи того вопроса, о которомъ онъ берется толковать съ такой диктаторской развязностью.

Авторъ находитъ, что статья не заслуживала бы вниманія, если бы подъ ней не стояло имя Яна Снядецкаго; разъ однако писатель всѣмъ извѣстный и уважаемый высказываетъ ничѣмъ не оправдываемыя нелѣпости, его авторитетъ и слава могутъ сбить общество съ истиннаго пути; предупредить эту опасность и тотъ вредъ, который можетъ отсюда произойти,—долгъ каждаго друга истины [1]). Снядецкій, по мнѣнію автора отповѣди, ничего не смыслитъ въ новомъ направленіи; онъ не читалъ произведеній романтиковъ, а знакомъ съ ними только по слухамъ. Онъ знаетъ „Фауста“ только по тѣмъ выдержкамъ, которыя приведены въ „Pam. Warszaws-комъ“ [2]); если бы ему были извѣстны произведенія Шиллера хоть по заглавію и по списку дѣйствующихъ лицъ, онъ могъ бы убѣдиться, что тамъ нѣтъ ни дьяволовъ, ни упырей, ни ангеловъ, а романтики точно также, какъ и всѣ, признаютъ требованія здраваго смысла, отрицая

статьи Бродзинскаго и между, ними находится и данная критика на статью Снядецкаго. Это могло бы служить косвеннымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что „Uwagi“ написаны Бродзинскимъ. Но многія другія соображенія заставляютъ насъ отвергнуть такое предположеніе. Бродзинскій не любилъ и избѣгалъ полемики. Къ тому же онъ былъ врагъ анонимности и въ одной своей статьѣ признаетъ необходимымъ подпись автора подъ его произведеніемъ, что въ большинствѣ случаевъ и исполнялъ, хотя мы и имѣемъ одну статью, безспорно принадлежащую Бродзинскому, но не подписанную имъ (1822 г.). Изъ содержанія разбираемой статьи мы еще болѣе убѣждаемся, что она написана не Бродзинскимъ: тонъ ея крайне рѣзкій, энергичный, весьма язвительный и даже обидный для автора разсужденія „O piśmach klass. i romantycznych“. Слогъ мало напоминаетъ Бродзинскаго. Въ отповѣди мы находимъ даже цитаты и ссылки на статью Бродзинскаго (чит. стр. 466, 477). Скромность Бродзинскаго не позволила бы ему цитировать и хвалить самого себя. Намъ кажется, что „Uwagi nad uwagami“ могъ всего скорѣе написать Островскій, такъ какъ кромѣ него только одинъ Б. Кицинскій былъ основательно знакомъ съ нѣмецкой поэзіей, но, какъ кажется, онъ критическихъ статей не писалъ. Что касается гр. В. Островскаго, то это былъ, какъ извѣстно, рьяный романтикъ. Черезъ 12 лѣтъ онъ выступилъ энергическимъ противникомъ самого Бродзинскаго, и его замѣчанія на статью этого послѣдняго „O exaltacyi“ такъ сильно уязвили Бродзинскаго, что онъ даже не захотѣлъ продолжать предпринятое имъ въ 1830-мъ году изданіе своихъ сочиненій. Само собою разумѣется, что это только предположеніе,—вопросъ по прежнему остается открытымъ.

[1]) „Pam. Warsz.“ 1819, XIV, 459.

[2]) Въ критикѣ на извѣстную уже намъ статью Каульфуса излагается вкратцѣ содержаніе этой драмы. Чит. „Pam. Warsz.“ 1818, XII, 531—533.

только нелѣпыя правила [1]). Отзывы Снядецкаго о романтизмѣ авторъ прямо называетъ ложью (kłamliwe) и даже клеветой (oklepanie); онъ возмущенъ тѣмъ, что Снядецкій осуждаетъ цѣлую школу потому, что въ ней попадаются бездарныя произведенія, и осмѣливается называть безумцами людей, одаренныхъ геніемъ. Онъ опровергаетъ мнѣніе, что вся разница между романтизмомъ и классицизмомъ заключается въ отрицаніи романтиками правилъ. Романтизмъ возникъ изъ потребности сердца, и въ то время, какъ французскую поэзію читаетъ только высшее сословіе, пѣсни нѣмецкихъ романтиковъ повторяетъ простой народъ [2]). Новая нѣмецкая литература „произвела необычную и весьма спасительную революцію не только въ наукахъ, но и въ характерѣ и нравственности своего народа". Ее необходимо имѣть въ виду и полякамъ, которые должны въ литературѣ слѣдовать „спасительнымъ" совѣтамъ Бродзинскаго [3]).

Всю статью Снядецкаго авторъ признаетъ не вполнѣ послѣдовательной и логичной и вообще не видитъ даже въ томъ оправданія для Снядецкаго, что онъ имѣлъ, печатая свою статью, благую цѣль— общественную пользу. „Авторъ долженъ помнить, что прежде, чѣмъ что-нибудь совѣтовать, нужно понимать дѣло. Если онъ этого не забудетъ то и его громкая и заслуженная научная извѣстность не понесетъ урона".

Такой суровой отповѣди никакъ нельзя было бы ожидать отъ скромнаго и миролюбиваго Казимира Бродзинскаго!

Вообще въ возгорѣвшемся литературномъ спорѣ Бродзинскій занимаетъ весьма пассивное положеніе. Онъ продолжаетъ однако печатать статьи, въ которыхъ повторяетъ и развиваетъ основныя положенія, высказанныя уже въ разсужденіи „*O klass. i romant.*" Въ 1819 году, кромѣ указанныхъ уже нами замѣчаній на статью „О нѣмецкой литературѣ", Бродзинскій печатаетъ статью „O wychowaniu kobiet" и „O wdzięku naturalności", въ которыхъ подробнѣе развиваетъ мысль, брошенную уже вскользь въ статьѣ „O klass. i romant.", что, „все препятствующее развитію характера, противно естественности, и въ этомъ и заключается ея опредѣленіе". Здѣсь

[1]) Ibid. 462.
[2]) Ibid. 474—475.
[3]) Ibid. 476.

Бродзинскій является врагомъ всякой фальши, неестественности, подражательности [1]). Въ статьѣ: „Pamiątka po dobréj matce“—того же года—Бродзинскій высказываетъ почтенную мысль о необходимости популярной литературы для народа [2]), а также говоритъ о воспитаніи женщинъ, которыя должны быть „неусыпными стражами семейнаго очага, отечественныхъ обычаевъ и нравовъ“.

Въ 1820-мъ году появляются „Listy o polskiéj literaturze“; изъ нихъ первое письмо посвящено общимъ соображеніямъ о значеніи понятія humanitas, о причинахъ, почему существуетъ гибельное по мнѣнію Бродзинскаго раздѣленіе между точными науками и изящной словесностью, которая по мнѣнію многихъ служитъ теперь развлеченіемъ и пріятной побрякушкой (powołanie literatury zabawa i kwiaty“), тогда какъ въ дѣйствительности наука, религія, философія и искусство должны быть тѣсно связаны [4]). „Планъ (porządek) въ произведеніяхъ ума, высокое нравственное чувство въ произведеніяхъ фантазіи, вотъ главныя особенности сердца и души, доводящія ихъ общія созданія до совершенства“ [5]). „Чувство всегда развивается по мѣрѣ развитія ума“. „Необходимо соединять внутреннія достоинства произведенія съ соотвѣтственной формой, силу—съ красотой“ [6]). Снядецкіе кажутся Бродзинскому примѣромъ того, какъ можно соединять глубину научнаго содержанія съ безукоризненной формой.

Изъ другихъ писемъ Бродзинскаго [7]) представляетъ еще интересъ второе и четвертое. Во второмъ письмѣ Бродзинскій говоритъ о необходимости изученія славянства, указываетъ на успѣхи славяновѣдѣнія въ другихъ странахъ, повторяетъ сдѣланную уже раньше характеристику Славянъ, которую почти цѣликомъ выписываетъ изъ Гердеровыхъ „Ideen zur Geschichte der Philosophie der Menschheit“

---

[1]) „Pam. Warsz.“, XIV, 337.

[2]) Ibid. XV. 311.

[3]) Ibid. 313.

[4]) „Pam. Warsz.“ XVI, стр. 25. Эту мысль подробно развиваетъ Бродзинскій въ статьѣ „O dążeniu polskiéj liter.“.

[5]) Ibid. 26.

[6]) Ibid. 24, 27.

[7]) „Pam. Warsz.“ XVI, 212, 310, t. XVII, 53, 65. Въ Познанскомъ изданіи напечатано еще письмо „O poezyi w ogólności“, но оно, какъ замѣтилъ еще д-ръ П. Хмѣлёвскій, принадлежитъ не Бродзинскому, а Венжику, и было напечатано въ „Pam. Warsz.“ за 1815 годъ (t. III, 35—47).

(чит, кн. XVI, IV) [1]), и кончаетъ статью заявленіемъ о намѣреніи отъ времени до времени посвящать нѣсколько страницъ „Pam. Warsz." переводу произведеній славянской музы [2]). Четвертое письмо [3])—„O narodowości"—посвящено разъясненію этого понятія.

Бродзинскій различаетъ понятія: любовь къ народности и къ отечеству. „Въ странахъ мало просвѣщенныхъ и дурно управляемыхъ, говоритъ онъ, немыслима любовь къ отечеству! Любовь къ своему краю и къ свободѣ это одно и тоже. У насъ же возможна только любовь къ народности. Гдѣ не умерла народность, не все еще пропало. Каждый долженъ, насколько хватитъ у него силъ, трудиться на пользу и славу своего народа".

Только геніямъ Провидѣніе опредѣлило болѣе широкій кругъ дѣятельности—непосредственно на пользу всего человѣчества. Обыкновенные же смертные двигаютъ обще человѣческій прогрессъ, трудясь на родной нивѣ. „Совершенствовать и развивать народность, не передѣлывая однако ея, возбуждать и оживлять воспоминаніемъ прекрасныя чувства отцовъ, возносить то, чего требуетъ просвѣщеніе, отрѣшаясь отъ старыхъ ошибокъ и заблужденій, но и не впадая въ новыя, лелѣять (pielęgnować) народный языкъ, искусство, литературу, чтобы они были не только пріятны, но и полезны, не слишкомъ увлекаясь, но и не пренебрегая родной литературой, *любить её такой, какой она можетъ и должна быть*"—такъ понимаетъ Бродзинскій служеніе народности [4]). Эти взгляды *дословно* повторены имъ и въ другой статьѣ „Na czem narodowość zależy", относящейся по всей вѣроятноси къ его курсу литературы [5]). Подобныя же мысли непрестанно твердилъ Бродзинскій и въ другихъ мѣстахъ своихъ университетскихъ лекцій [6]). Но самое интересное и самое характерное изъ произведеній К. Бродзинскаго—это „Myśli o dążeniu polskiéj literatnry", напечатанные въ концѣ 1820 года [7]).

---

[1]) „Pam. Warsz." XVI, 219—223.
[2]) Ibid. 224.
[3]) Ibid. t. XVII, 65—71.
[4]) Ibid. 71.
[5]) Pisma K. Brodzińskiego, Pozn., t. VII, 269.
[6]) Ibid. t. V, 453, 545, t. VI, 92, 93, 144, 145, 296, 302, 303, 306, t. VII. 269—270, 281 и т. д.
[7]) „Pam. Warsz." XVIII, 324—342, 346—478.

Это самое слабое по мысли, самое наивное изъ произведеній Бродзинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное для характеристики личности и мировоззрѣнія автора. Самъ Бродзинскій называетъ свои мысли мечтами (marzenia), но все же утѣшается надеждой, что и эти мечты при доброй волѣ и искреннемъ желаніи могутъ быть осуществлены. Бродзинскій исходитъ, собственно говоря, изъ того же положенія, какъ и Снядецкій. Онъ говоритъ [1]):

„Мы были въ свое время могущественнымъ народомъ, но судьба и обстоятельства намъ не благопріятствовали. Свобода была слишкомъ раннимъ плодомъ на нашей землѣ; мы не съумѣли воспользоваться ею, не съумѣли ее оцѣнить; другіе сорвали этотъ недозрѣвшій плодъ своею рукою. Мы пали, но не естественной смертью, присущей всѣмъ народамъ,—мы погибли, словно могучій дубъ, сраженный громомъ; остался одинъ пень, который начинаетъ теперь пускать свѣжіе ростки, и въ нихъ заключается наша связь съ прошедшимъ, надежды на будущее....“.

„Въ настоящее время, побѣжденные однимъ изъ величайшихъ монарховъ, мы получили отъ него право на независимое существованіе и связанную съ нимъ свободу“....

„Охраняемые его высокимъ покровительствомъ, мы можемъ теперь спокойно созерцать взволнованное море, въ которое стремятся теперь пуститься разные народы, и *всѣ сокровища и опасности котораго изслѣдовали мы до дна.* Умудренные вѣковымъ опытомъ, стоимъ мы у берега во всей силѣ и свѣжести молодой распускающейся жизни..... Мы можемъ имѣть только *одну цѣль*: стремиться къ нравственному самоусовершенствованію, къ поднятію достоинства народнаго; мы должны догнать народы во всемъ томъ, въ чемъ отстали отъ нихъ въ годину тяжкихъ испытаній. Вотъ мирная, самая спасительная и священная наша задача“.

Такимъ образомъ литература сдѣлалась по мнѣнію Бродзинскаго единственной цѣлью польскаго патріотизма [2]). Къ достиженію этой цѣли ведетъ одна дорога: единеніе и согласіе въ стремленіяхъ; этимъ духомъ единенія и согласія непремѣнно должна проникнуться литература. Должно оставить всѣ споры и несогласія, и, собравшись всѣмъ, кто только можетъ, дружно идти къ общей цѣли. Правда, это трудно сдѣлать, потому-что люди, сошедшіеся у одного очага изъ разныхъ краевъ, обладаютъ разными вкусами, привычками, взросли подъ разными впечатлѣніями, навѣянными первыми годами молодости и воспитаніемъ,—все же спасеніе только въ единеніи, которое *должно создаться на почвѣ полнаго согласія между религіей, философіей, политикой и народностью.*

---

[1]) Излагаемъ въ сокращеніи. Отрывки изъ этой статьи приведены и у В. Спасовича („Ист. польск. лит.“, С-пб. 1881, стр. 613 и слѣд.).

[2]) Ср. въ его курсѣ литерат. (V, 545): *„...literatura zamiast być środkiem, stała celem“* и т. д.

„Исторія, думаетъ Бродзинскій, доказала уже, какія вредныя послѣдствія приносятъ распри между религіей, народностью, философіей и политикой. Преобладаніе одного надъ другимъ всегда приноситъ огромный вредъ; а ихъ единеніе и взаимодѣйствіе ведетъ къ счастью. Такъ было у грековъ; ихъ писатели были похожи одинъ на другого, они жили однимъ вкусомъ, одними впечатлѣніями фантазіи, и это поддерживало ихъ народность; поэтому-то у нихъ вся Грѣція была оригинальна и самобытна, а не отдѣльныя личности".

Поэтому и онъ, Бродзинскій, не видитъ никакой иной благодарной цѣли въ трудахъ ученыхъ, какъ только ту, что бы *соединить политическія, религіозныя и философскія воззрѣнія возможно тѣснѣе съ народностью. „По скольку они соединены (spojone) въ тѣсной взаимной связи, по столько обезпечиваютъ они счастье народа.*

„Пусть же и теперь религія, философія, политика и народность проникнутся *однимъ духомъ,* будутъ имѣть *одну* цѣль—двигать народъ на пути просвѣщенія и нравственнаго самоусовершенствованія" [1]).

Для достиженія этой цѣли нужно отрѣшиться въ особенности отъ стремленія къ оригинальности, которое проявляютъ теперь очень многіе писатели. Это стремленіе враждебно интересамъ народнымъ. Слѣдуетъ быть оригинальнымъ такъ, какъ были оригинальны греки. „Немыслимо, чтобы писатель въ наше время, какъ *забіяка*, вторгался въ населенныя мѣста, чтобы поразить противника и, похвастившись силою, ожидать затѣмъ одобрительныхъ рукоплесканій толпы". „Время средневѣковыхъ поединковъ безвозвратно миновало". „Лучше быть сотрудникомъ въ работѣ на общую пользу, чѣмъ соперникомъ всѣхъ ради личнаго самолюбія". „Плоды современныхъ писателей, какъ маленькіе ручейки, высохнутъ гдѣ-нибудь въ пространствѣ, ежели не сольются съ подобными себѣ, чтобъ вмѣстѣ нестись въ одно море; въ этомъ морѣ каждый отдѣльно со своимъ именемъ пропадаетъ, но живетъ безконечно въ цѣломъ [2]). Споры же о классицизмѣ или романтизмѣ ни къ чему не пригодны. „Всѣ эти разсужденія сводятся къ одному вопросу—о соблюденіи предписаній Аристотеля или братьевъ Шлегелей (!?). Правда, еще со времени Кохановскаго насъ ни одинъ писатель не огорчалъ

---

[1]) Ibid. XVIII, 458.

[2]) Пушкинъ только 10 лѣтъ спустя повторилъ этотъ образъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи".

излишествами фантазіи, однако *мы все же боимся выпустить нашихъ писателей изъ повиновенія греческому законодателю.* Классицизмъ хочетъ стараго здраваго смысла, а романтизмъ новыхъ идей (образовъ? wyobrażeń). *Мы же можемъ уважить старый здравый смыслъ, но не станемъ жертвовать ему тѣмъ, въ чемъ исторія просвѣщенія двинулась впередъ. Выбираемъ отовсюду все лучшее, передѣлываемъ и запечатлѣваемъ народнымъ клеймомъ*".

Въ заключеніе Бродзинскій предлагаетъ въ высшей степени наивную практическую программу выполненія и достиженія намѣченнаго идеала и создаетъ настоящую идиллическую картину будущихъ общественныхъ и литературныхъ отношеній. Ученые, литераторы, критики, актеры, переводчики, всѣ, согласно этой программѣ будутъ работать по опредѣленному и для всѣхъ обязательному плану, такъ сказать, по уставу. Бродзинскій даетъ подробныя указанія относительно того, какъ должны издаваться газеты, журналы, какъ должна вестися критика, какой долженъ быть языкъ, какіе переводы должно дѣлать, а какіе нѣтъ; какъ установить контроль и проч.

Когда программа будетъ выполнена, настанетъ блаженное время: не будетъ ни „греческихъ философовъ", ни „ученыхъ нѣмецкихъ педантовъ" (eruditów), ни кропателей французскихъ стиховъ; прекратятъ свою работу литературныя фабрики, люди избавятся отъ этой массы огромныхъ фоліантовъ, толстыхъ книгъ и комментаріевъ, прекратится трудовая жизнь [1]) человѣка, и радостный народъ, физически и нравственно обновленный, будетъ предаваться покою, невинности и забавамъ [2]). Возвратятся счастливыя времена аркадскихъ пастушковъ!

Въ наше время конечно, не представляется никакой надобности разбирать подобныя мнѣнія и доказывать ихъ нелѣпость: каждый изъ насъ прекрасно понимаетъ, что жизнь была бы слишкомъ ничтожна и жалка безъ труда и борьбы. Еще Лессингъ сказалъ, что гораздо интереснѣе ловить зайца, чѣмъ его поймать, и если бы ему Богъ предоставилъ выборъ: вѣчно искать истину, или обрѣсти ее, онъ

---

[1]) Праздность была идеаломъ нѣмецкихъ романтиковъ, и такой идеалъ съ особенной настойчивостью проводилъ Ф. Шлегель (чит. *Шерръ*, „Ист. всеобщ. литерат.", II, 263).

[2]) „Pam. Warsz.", XVIII, 460—478.

предпочелъ бы первое. Но уже и во время Бродзинскаго польскіе романтики отлично понимали, что осуществленіе идеала Бродзинскаго повело бы къ полному застою и смерти.

Въ упомянутой уже нами книгѣ М. Мохнацкаго мы находимъ по этому поводу очень опредѣленное мнѣніе: „я долженъ предупредить читателя, говоритъ онъ, что я не согласенъ съ мнѣніемъ, будто-бы разные литературные кружки вредятъ просвѣщенію.... Я же, напротивъ, думаю, что всѣ эти пререканія (niesnaski) полезны и даже спасительны.... Когда нѣсколько лѣтъ назадъ..... возникъ у насъ споръ между сторонниками двухъ направленій, никто не догадывался тогда, какая была истинная причина этихъ недоразумѣній, и какая польза для польской литературы отъ нихъ проистечетъ. Думали многіе, что эти диспуты между неустановившимися умами должны были сбить ихъ съ истиннаго пути вкуса, красоты, свѣта. Дошло даже до того, что люди свѣдущіе въ наукахъ, заботящіеся о ихъ развитіи и распространеніи (намекъ очевидно на Бродзинскаго), старались отвлечь школьную молодежь отъ всякаго участія въ спорахъ, которые такъ волновали образованную часть общества Франціи и Германіи“ [1]). Мохнацкій краснорѣчиво доказываетъ, что эти споры имѣли огромное вліяніе на развитіе общества и его умственное пробужденіе: „гдѣ нѣтъ борьбы партій, говоритъ онъ, тамъ нѣтъ никакого движенія, а жизнь только и проявляется въ различныхъ комбинаціяхъ общественныхъ настроеній“ [2]). Тоже говорилъ въ свое время и другой извѣстный польскій критикъ, М. Грабовскій [3]). Не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, что романтики могли быть недовольны уже этой статьей Бродзинскаго, общая идея которой дѣйствительно сближаетъ автора ея съ классиками. Тѣмъ не менѣе въ этой статьѣ Бродзинскаго враждебное отношеніе къ романтикамъ только намѣчается; Бродзинскій даже совѣтуетъ имъ не уступать классикамъ въ томъ, что составляетъ потребность нашего времени, и только мимоходомъ возстаетъ противъ трансцедентальной философіи,

---

[1]) M. Mochnacki. Historya lit. XIX st., стр. 69—70.

[2]) „Gra tych przeciwienstw sprawuje najpiękniejszy fenomen—*fenomen życia*,“ и т. д. Чит. стр. 70 и слѣд.

[3]) „Gdzie zachodzi jednostajność, tam niema życia, którego rozmaitość i zmienność są najistotniejszym warunkiem“ („Liter. i kryt.“, t. I, стр. 11).

довольно кротко убѣждая молодежь отказаться отъ моднаго стремленія къ оригинальности [1]).

Къ чему вело „примирительное“ направленіе Бродзинскаго, видно хотя бы изъ того удивительнаго факта, что въ той же самой книжкѣ, въ которой было напечатано разсужденіе „O dążeniu lit. posk.“, Бродзинскій напечаталъ „Prolog z Dziewicy Orleańskiéj“, переводъ своего брата, въ которомъ, какъ объясняетъ въ примѣчаніи, *онъ нашелъ возможнымъ допустить поправки и измѣненія, сдѣланныя даже не имъ, а извѣстнымъ защитникомъ псевдоклассицизма Л. Осинскимъ* [2]). 1821 годъ кромѣ упомянутаго уже нами предисловія къ поэмѣ Реклевскаго „Wieńce“ почти ничего не даетъ для характеристики положенія Бродзинскаго въ спорѣ классиковъ съ романтиками. Онъ печатаетъ въ этомъ году въ двухъ томахъ свои стихотворенія, холодно, впрочемъ, принятыя публикой, переводитъ изъ Гердера повѣсть „Sfinx“, статью Морганъ „O французахъ и французской литературѣ“ и небольшую статью „Zdanie Francuzów o lordzie Byronie“, къ которой Бродзинскій прибавилъ нѣсколько строчекъ предисловія. Въ немъ онъ сообщаетъ, что уже и во Франціи появляются почитатели Шекспира, Мильтона, Гете, Шиллера, и такимъ образомъ французы тоже отказываются отъ своихъ *предразсудковъ* („przynajmniéj znaczna część oświeceńszych.... uprzedzeń pozbywają„ [3]). Конечно, и выборъ статей къ переводу бываетъ иногда характеристиченъ. Если мы прочтемъ напр. „Zdanie o Byronie“, то

---

[1]) Нѣкоторыя мысли въ статьѣ „O dążeniu polskiéj lit.“, какъ замѣтилъ уже д-ръ П. Хмѣлёвскій, навѣяны разсужденіемъ Шиллера „O театрѣ, какъ нравственномъ учрежденіи“, которое Бродзинскій перевелъ на польскій языкъ („Pam. Warsz.“ 1821, t. XX, 312—327). Такъ, напр. идеи „o единеніи и согласіи“ безспорно являются извращеніемъ мыслей Шиллера, (Ср., напр., въ польск. перев. на стр. 325). Нѣкоторыя другія мнѣнія—объ взаимныхъ отношеніяхъ правительства и наукъ взяты у Гердера изъ статьи „O wpływie rządu na nauki i nauk na rząd“ („Pam. Warsz.“ XVII, 358, 470. XVIII, 35). Переводъ этой статьи Бродзинскій дополнилъ тоже своими примѣчаніями, въ которыхъ высказываетъ нѣсколько мыслей, повторенныхъ имъ въ разсужденіи „O dążeniu polskiéj lit.“ Онъ возстаетъ противъ обилія переводовъ, которые застилаютъ поле народной литературы и „сушатъ народные цвѣты“, и также требуетъ „jedności dążenia“ (498), такъ-какъ въ противномъ случаѣ литература будетъ „pomieszaną wrzawą, niezgodnym echem“ (499). Въ народныхъ пѣсняхъ Бродзинскій видитъ „żyzne i obszyrne pola, *jak stepy ukraińskie*“, которые „czekają przemysłu i rąk pracowitych (ibid. стр. 366).

[2]) „Pam. Warsz.“ XVIII, 214—226.

[3]) Всѣ указанные переводы напеч. въ „Pam. Warsz“, tt. XIX и XX.

увидимъ, что авторъ стоитъ на той же эклектической почвѣ, какъ и Бродзинскій, требуетъ примиренія двухъ родовъ поэзіи, дополненія одного другимъ и т. д. [1]). Въ статьѣ леди Морганъ есть очень рѣзкая тирада противъ французской трагедіи;—Бродзинскій оговаривается въ выноскѣ, что съ мнѣніемъ автора онъ не во всемъ согласенъ и статью переводитъ только въ интересахъ безпристрастія [2]).

Съ 1821—1822 года въ Польшѣ усиливаются репрессаліи и цензурныя строгости. Общество возбуждено и настроено враждебно къ правительству. Глухое броженіе находитъ себѣ выходъ исключительно въ полемикѣ по вопросамъ литературнымъ; споръ между романтиками и классиками становится всё ожесточеннѣе, литературный азартъ, дошедшій до своего крайняго предѣла въ знаменитой статьѣ Мицкевича „O krytykach i recenzentach“ (1829) ростетъ въ удивительномъ согласіи съ развитіемъ и распространеніемъ въ обществѣ революціонныхъ идей. Объ стороны—и правительство, и общество—повидимому понимали скрытую сторону дѣла. Это видно хотя бы изъ того, что одно время о Мицкевичѣ прямо было запрещено не только писать, но даже упоминать его имя, какъ это видно изъ письма Моравскаго къ А. Козьмяну [3]). Шанявскій—человѣкъ литературно и философски образованный, находясь во главѣ цензуры, по убѣжденію давилъ и преслѣдовалъ молодыхъ, писателей которые въ свою очередь не очень скрывали свои намѣренія [4]). Многіе демагоги въ родѣ Мохнацкаго, Островскаго, Жуковскаго и др. находили выходъ своему негодованію въ бурныхъ публицистическихъ статьяхъ, направленныхъ противъ классиковъ, какъ сторонниковъ status quo [5]). Всѣ романтики принадлежали къ тайнымъ обществамъ и политическому масонскому союзу „Narodowe patryotyczne towarzystwo“, возникшему немедленно по закрытіи масонскихъ ложъ (1819)

---

[1]) „Pam. Warsz.“ XIX, стр. 160—161.

[2]) Ibid. 473—474.

[3]) S. Siemieński, Dzieła., W. 1881 r., t. V, „Obóz klassyków“, стр. 86. Письмо М. къ А. К. отъ 5 апрѣля 1828 года.

[4]) Читай ниже отповѣдь Островскаго Бродзинскому.

[5]) М. Мохнацкій открыто говоритъ: „...te dwie sekty literackie dość smiesznie, bo zapalczywe, miały w Warszawie *w swéj wojnie papierowéj stronę polityczną ukrytą*“. „Powstanie narodu polskiego“, t. II, стр. 85.

и имѣвшему уже въ 1822 году до 5000 членовъ [1]). Всѣ романтики участвовали и вызвали революцію 1830—1831 года [2]).

Любопытно положеніе Бродзинскаго. Срединное состояніе, собственно говоря, вообще невозможно: чѣмъ рѣзче становились романтики, тѣмъ больше и больше отстранялся отъ нихъ Бродзинскій [3]). Послѣдняя статья его, направленная еще скорѣе противъ классиковъ, чѣмъ противъ романтиковъ, относится къ 1822 году,—это юмористическое „Listy o literaturze", переписка двухъ обывателей Сѣцѣха и Желислава [4]). „Listy" не подписаны, но самъ Бродзинскій признавъ ихъ своими, какъ видно изъ списка его произведеній, напечатаннаго Дмоховскимъ [5]).

На вопросъ Сѣцѣха, что такое романтизмъ и классицизмъ, Желиславъ даетъ отвѣтъ, что „подъ классиками должно разумѣть въ настоящее время тѣхъ писателей, которые подражаютъ древнимъ со стороны содержанія и въ формѣ такъ рабски слѣдуютъ имъ, какъ не желалъ бы того и самъ философъ" (Горацій?). Такихъ писателей онъ называетъ аристократами литературы, которые ничего не унаслѣдовали отъ древнихъ и отъ французовъ, кромѣ кичливости, предубѣжденій и извѣстнаго придворнаго лоска. Это едвали не самый рѣзкій, какой намъ извѣстенъ, отзывъ Бродзинскаго о классикахъ. Въ остальномъ взгляды его остаются прежними [6]).

---

[1]) Ks. St. Załęski „O Masonii w Polsce, (1742—1822)", Kraków 1889, стр. 227—235. Сравни M. Mochnacki, „Powstanie narodu polskiego", гл. „Tajne związki".

[2]) Объ этомъ кромѣ, указанныхъ уже работъ, чит. Schmitt, „Geschichte des polnisches Aufstandes", а также Spazier, „Geschichte des Aufstandes". Рецензію на эти труды чит. Пузыревскій, „Русско-польская война 1831 года". С.-пб. 1885, стр. 1—12.

[3]) Когда масонство изъ явнаго сдѣлалось тайнымъ, изъ него выключили всѣхъ ненадежныхъ и нерѣшительныхъ членовъ (M. Mochnacki, „Powstanie..."); вѣроятно, въ числѣ исключенныхъ былъ и К. Бродзинскій, о участіи котораговъ масонскихъ ложахъ нѣтъ съ 1821 года никакихъ свѣдѣній (чит. „O Masonii").

[4]) Несамостоятельный складъ ума Бродзинскаго сказывается на каждомъ шагу. Такъ и эти „Письма" по всей вѣроятности имитируютъ подобное же произведеніе Нѣмцевича: „Dwaj Sieciechowie" 1815 г. („Złota Przędza", 1887., t. IV, стр. 860).

[5]) „Bibl. Warsz.", 1870, t. III, 224. Принадлежность „Listów" Бродзинскому нетрудно установить и безъ этого свидѣтельства—и по содержанію, и по способу выраженія мыслей, и по отдѣльнымъ намекамъ; такъ, напр., Сѣцѣхъ высказываетъ свои симпатіи къ Карпинскому, Трембецкому, Кохановскому (любимые авторы Бродзинскаго), говоритъ о толстой книгѣ своихъ выписокъ изъ лучшихъ польскихъ писателей, что совѣтуетъ дѣлать Бродзинскій въ своей рѣчи „O powołaniu młodzieży akademicznéj", и т. д.

[6]) „Pam. Warsz." 1822, I, 8—23. Въ познанскомъ издан. соч. Бродзинскаго этой статьи нѣтъ.

Въ 1822—1823 году, какъ мы уже имѣли случай говорить, Бродзинскій редактируетъ „Pam. W.“ и въ немъ ни разу даже не упоминаетъ имени Мицкевича, о которомъ польскіе журналы заговорили уже съ 1821 года. Въ этомъ упорномъ молчаніи Бродзинскаго мы видимъ доказательство полнаго непониманія и непризнанія таланта Мицкевича. Его мировоззрѣніе было для Бродзинскаго крайне несимпатично: Мицкевичъ довершалъ разрывъ съ эстетическими и литературными традиціями прошлаго вѣка; полная самостоятельность и независимость духа, презрѣніе къ авторитетамъ такъ и сквозятъ въ каждомъ стихѣ Мицкевича—и въ его изображеніи старца „ze szkełkiem“ [1]), и въ его могучемъ гимнѣ свободы—„Одѣ къ молодости“, въ которой молодой поэтъ, разрывая съ разсудочной дѣйствительностью, стремился взнестись надъ мертвеннымъ міромъ

„W rajską dziedzinę ułudy“ [2]).

Избытокъ силъ неисчерпанной энергіи юности, мутившей умъ и сердце Мицкевича въ такой же степени, какъ это было у Гете въ періодъ созданія „Вертера“, подсказалъ поэту заключительныя строфы этой знаменитой оды:

Pryskają nieczułe lody
I przesądy światło ćmiące.
Witaj, jutrzenko swobody,
Za tobą zbawienia słońce!... [3]).

Польская революція 1830—1831 года исходитъ по нашему мнѣнію изъ настроенія, выраженнаго этими произведеніями Мицкевича.

Въ сравненіи съ ними какъ смѣшно и ничтожно воркованіе идиллическаго Бродзинскаго, который въ 1823 году печатаетъ свое разсужденіе „O idyllii pod względem moralnym“ и въ немъ настаи-

---

[1]) Снядецкій носилъ лорнетъ, какъ это мы узнаемъ изъ переписки Моравскаго съ Козьмяномъ (S. Siemieński, „Obóz klassyków...“).

[2]) Ср. Пушкина: „Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“.

[3]) „Poezye A. Mickiewicza“, W. 1888, t. I, стр. 83. Въ сборникѣ 1822 года мы находимъ поэму „Dziady“, въ которой д-ръ П. Хмѣлевскій видитъ произведеніе, равно по значенію въ польской литературѣ „Вертеру“.

ваетъ на томъ, чтобы поэты, оставивъ всѣ „namiętności“, изображали картины „скромной добродѣтели и тихаго счатья“, ища его въ золотомъ вѣкѣ польской литературы [1]). Эти же взгляды онъ проводитъ и въ своихъ университетскихъ лекціяхъ по польской литературѣ, являющихся простымъ распространеніемъ и развитіемъ его статьи „O klass. i romantyczn.“ [2]). Вообще всѣ произведенія Бродзинскаго между 1818—1830 годами представляютъ поразительный примѣръ неподвижности мысли, застоявшейся даже въ формѣ. Обремененный многочисленными занятіями Бродзинскій какъ бы самъ у себя переписываетъ, *повторяя дословно черезъ значительные промежутки времени одни и тѣ же мысли, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, въ одной и той же группировкѣ* [3]).

1824 годъ въ Варшавѣ былъ временемъ относительнаго затишья. Не существовало ни одного солиднаго журнала, посвященнаго литературѣ [4]). Бродзинскій былъ занятъ университетскими лекціями и своимъ курсомъ стилистики. Тѣмъ не менѣе произведенія Мицкевича дѣлались все болѣе и болѣе извѣстными въ Варшавѣ, производя несогласія и одерживая побѣды въ средѣ классиковъ, въ самомъ штабѣ ихъ—въ домѣ генерала В. Красинскаго. Классики не рѣшились выступить открыто противъ романтизма, писали мало и всю надежду возлагали на К. Козьмяна, пятнадцать лѣтъ уже работавшаго надъ дидактической поэмой „Ziemiaństwo“. Классики съ волненіемъ слѣдили за окончаніемъ этого произведенія, доставляли Козьмяну матеріалы, критиковали форму, разбирали отдѣльные стихи и т. д. Они надѣялись, что „Ziemiaństwo“ дастъ отпоръ поэзіи Мицкевича и романтиковъ, служа образцомъ и примѣромъ правильнаго вкуса и изящества слога. Съ этой же цѣлью отъ времени до времени отрывки изъ „Ziemiaństwa“ были читаемы на засѣданіяхъ „Tow. przyjac. nauk“ [5]). Вообще классики работали сообща, давая другъ другу

---

[1]) „Pam. Warsz.“, 1823, X. Въ познанскомъ изданіи соч. Бродзинскаго этой статьи нѣтъ.

[2]) Чит. „Pisma“ K. Br. Poznań. t. IV, Poeci sielscy, 77—127; V. 348, 370, 426, 461 и т. д.

[3]) Сравн. напр. „O narodowości (1820) и Na czem narodowość zależy“, отзывы о Реклевскомъ 1815, 1821 и 1824 года, отзывы о Карпинскомъ 1818 и 1827 года, „Myśli o dążeniu liter“. 1820 и „Uwagi o duchu i dążeniu pisarzy i krytyków....“ 1829 года, „Głos do uczniów konwictu“ 1821 и „Ogólne myśli“ и т. д.

[4]) F. S. Dmochowski, „Wspomnienia“, W. 1858, стр. 248, 249.

[5]) L. Siemieński, „Obóz klassyków“ t. V, 68—69.

для поправокъ и просмотра свои произведенія [1]); сообща же они хотѣли перевести „De arte poëtica“ на польскій языкъ, и даже помышляли одно время объ изданіи органа, обращеннаго систематически на борьбу съ романтизмомъ [2]); всѣ эти проэкты однако дальше обѣденныхъ разговоровъ не пошли. Собственно говоря, одинъ К. Козьмянъ былъ непоколебимымъ классикомъ, которому даже Бродзинскій казался подозрительнымъ потатчикомъ безнравственности молодежи [3]) который считалъ Мицкевича еще въ 1827 году „уродомъ, выпущеннымъ изъ сумашедшаго дома“, а его произведенія „глупостью“, „мерзостью“ („paskudstwem“) [4]), и который видимо былъ доволенъ цензурнымъ мѣрамъ противъ романтиковъ и даже одобрялъ ихъ [5]). Но онъ, какъ чиновникъ, занимающій важное общественное положеніе, не хотѣлъ печатно выступать противъ новаторовъ. Другой авторитетный классикъ, Л. Осинскій, отдѣлывался только остротами да эпиграммами [6]). Что касается другихъ посѣтителей литературныхъ обѣдовъ генерала Красинскаго, то это были либо мало авторитетные, либо мало убѣжденные классики. Самъ генералъ Красинскій и въ особенности Моравскій относились къ романтикамъ съ гораздо большей снисходительностью и признаніемъ ихъ таланта, чѣмъ остальные классики. Относительно Моравскаго можно положительно сказать, что онъ не рѣшался печатно выступать въ защиту романтиковъ, только изъ боязни классическихъ громовъ. Уже въ 1824 году онъ признаетъ въ Мицкевичѣ „безспорный талантъ“, а „баллады его помимо недостатковъ языка весьма пріятными произведеніями“ [7]), 14-го декабря этого же года Моравскій очень разсудительно оправдываетъ передъ Козьмяномъ свои симпатіи къ романтизму, хвалитъ Оссіана, Байрона, Шиллера, Шекспира и признается, что классики уже не могутъ восторжествовать надъ романтиками въ такой мѣрѣ,

---

[1]) Любопытно, что и Бродзинскій нашелъ возможнымъ дать переводъ „Орл. Дѣвы“ для просмотра и поправокъ Л. Осинскому.

[2]) S. Siemieński, ibid. 61.

[3]) A. Bełcikowski, „Ze studyów nad literaturą polską“, W. 1885, стр. 422.

[4]) S. Siemieński, t. V, 67.

[5]) Ibid. 88, 59.

[6]) Такъ онъ заявлялъ, что собирается написать балладу на тему: „Przeleciały trzy pstre przepiorzyce“, а также: „Tańcowała ryba z rakiem, a petruszka z pasternakiem“ (ibid.).

[7]) Ibid. стр 54. Письмо къ К. Козьмяну 13-го ноября 1824 г.

чтобы совершенно ихъ уничтожить [1]). Въ письмѣ къ Красинскому отъ 16 дек. 1824 онъ откровенно смѣется надъ классиками, отмѣчаетъ тотъ небезъинтересный фактъ, что даже классики „уже имѣли найти различіе между Мицкевичемъ и Витвицкимъ, хотя оба поэта и писали въ одномъ направленіи“ [2]). Впослѣдствіи Моравскій въ своихъ „Классик. и Романт.“ (1829) совершенно выдѣляетъ Мицкевича изъ числа романтиковъ, подвергшихся его нападкамъ, и заслужившихъ его полнаго порицанія. Такимъ образомъ въ средѣ самихъ классиковъ не было согласія, и нѣкоторые изъ нихъ безспорно признавали и цѣнили талантъ Мицкевича, задолго до появленія его сонетовъ: въ 1825 году вновь наступаетъ литературное оживленіе, появляется много новыхъ періодическихъ изданій, и въ нихъ почти одновременно находимъ статьи о романтизмѣ Дмоховскаго, Лелевеля, Грабовскаго, Мохнацкаго; изъ нихъ только одинъ Дмоховскій по своему направленію является продолжателемъ и послѣдователемъ Бродзинскаго, хотя и онъ уже дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Въ противуположность Бродзинскому онъ признаетъ только одного Карпинскаго народнымъ поэтомъ, а о произведеніяхъ Мицкевича, о „Marуi“ Мальчевскаго даетъ очень удачный, весьма обстоятельный и вполнѣ лестный отзывъ. Въ произведеніяхъ Мицкевича онъ находитъ возможность указывать, и то довольно справедливо, только формальные недостатки языка и стиля [3]). Дмоховскій возвысился даже до серьезной похвалы 4-ой части „Dziadów“ [4]).

---

[1]) Ibid. стр. 57.

[2]) Ibid. 58.

[3]) F. S. Dmochowski, „Wspomnienia“, W. 1858. Здѣсь приведенъ весь его отзывъ на стр. 250—264. Дмоховскій довольно вѣрно указываетъ на нѣкоторые неудачные провинціонализмы, справедливо замѣчаетъ напр., что слово „włoski“ нельзя употребить вмѣсто „włosy“ и т. д. Вообще его замѣчанія относительно языка нельзя назвать псевдоклассической придирчивостью. Мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться, на сколько мѣтки и справедливы его стилистическія поправки относительно произведеній Бродзинскаго. Что же касается самаго содержанія его рецензій, то д-ръ Хмѣлёвскій справедливо говоритъ о нихъ: „w ogólnéj zasadzie wydawania sądu krytycznego o dziełach poetyckich (Дмоховскій) wykazał taki rozum, że i dziś nic lepszego w téj mierze powiedzieć nie zdołamy“ (A. Mickiewicz, t. I, 339).

[4]) Онъ пишетъ: „Kto chce sprawiedliwie ocenić autora, ten nigdy przeciw niemu iść nie powinien: trzeba postawić się w jego miejscu, wyrozumieć, jaki miał cel i wybadać, czyli go osiągnął, jeżeli tego dokazał, jeżeli zajął wyobraźnią, nie pytajmy się dla czego tą, a nie inną poszedł drogą“ (ibid. стр. 261). Эта статья Дмоховскаго была переведена въ „Московск. Телеграфѣ“ Полевого за 1826 годъ, а Полевой, какъ извѣстно, былъ горячимъ поклонникомъ Мицкевича.

Къ сожалѣнію онъ, по собственному своему признанію, хотѣлъ удержаться на срединѣ, а среднія мнѣнія, какъ извѣстно, всегда несутъ уронъ въ особенности въ моментъ напряженной борьбы крайностей. То же случилось и съ Дмоховскимъ: онъ не поладилъ съ классиками и навлекъ на себя несправедливо язвительные сарказмы Мицкевича. Бродзинскій вышелъ счастливѣе изъ этой полемики потому, что до послѣдней крайности старался молчать и предпочиталъ косвенные намеки и нападки въ статьяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ злобѣ дня. Въ 1825 году онъ по прежнему хранитъ молчаніе, и только его рѣчь „O powołaniu młodzieży akademickiéj“ содержитъ нѣкоторые весьма отдаленные намеки по вопросамъ, волнующимъ общество.

Въ 1826 году появились въ Москвѣ знаменитые сонеты Мицкевича, вызвавшіе такую бурю восторговъ и негодованія. Намъ нѣтъ надобности касаться полемики по поводу этихъ сонетовъ, поднятой варшавскими критиками. Интересующійся ею найдетъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ въ почтенномъ изслѣдованіи д-ра П. Хмѣлёвскаго „Адамъ Мицкевичъ“ [1]). Отмѣтимъ только, что и въ данномъ случаѣ классики хранили молчаніе въ печати, неистовствуя по поводу Мицкевича въ своей частной перепискѣ [2]); Дмоховскій же написалъ разсужденіе „О сонетахъ“, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по существу, склоняясь къ характеристикѣ польской литературы въ духѣ идиллическаго Бродзинскаго, но признавая сонеты въ отношеніи художественности „новымъ вѣнцомъ славы поэта“ [3]). Намъ нечего уже упоминать, съ какимъ восторгомъ были приняты сонеты Мицкевича русской публикой [4]); и тѣмъ не менѣе Бродзинскій оказался болѣе отсталымъ, чѣмъ даже Дмоховскій. О сонетахъ Мицкевича онъ написалъ отдѣльную статью, къ сожалѣнію не дошедшую до насъ, но изъ отдѣльныхъ намековъ мы знаемъ, что сонетовъ Мицкевича Бродзинскій не одобрялъ; самая форма, казалось ему, мало „отвѣчаетъ польскому характеру“. Впрочемъ, въ болѣе поздней статьѣ „О сонетѣ“ (1829 года) Бродзинскій приводитъ одинъ сонетъ Мицкевича („Ajudah“) [5]) безъ всякихъ, впрочемъ, комментаріевъ.

---

[1]) P. Chmielowski, „A. Mickiewicz“, 1886, t. I, 360—431.

[2]) Объ отношеніи Мицкевича къ классикамъ чит. Biegieleisena, „Attak Mickiewicza na obóz klassyków“, въ „Przegl. Tyg.“ 1885 г.

[3]) F. S. Dmochowski, „Wspomnienia....“, стр. 265.

[4]) Чит. С. Весинъ, „Очеркъ русской журналистики“, Спб. 1884 г.

[5]) „Pisma“, t. V, 432.

Изъ письма Козьмяна къ Моравскому, 22 декабря 1827 года, мы узнаемъ, что Бродзинскій на одномъ обѣдѣ порицалъ нѣкоторые сонеты, что̀ крайне огорчало и приводило въ негодованіе Лелевеля [1]). Наконецъ, въ статьѣ „Recenzenci i estetycy“ (1829—1830) Бродзинскій высказываетъ свое неудовольствіе раздражительно-ѣдкимъ замѣчаніемъ, что „романтики видимо желаютъ, чтобы у каждаго поэта, *„какъ въ сонетахъ Мицкевича, было больше фантазіи, чѣмъ риѳмъ, больше чувства, чѣмъ словъ“*. Когда же такія пожеланія романтиковъ будутъ исполнены, поэзія сдѣлается такою темной и непонятной, что каждый поэтъ-романтикъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

„A ja spojrzałem przez świata szczeliny,
Tam widziałem; com widział, opowiem po śmierci,
Bo w żyjących języku niema na to głosu“ [2]).

Какъ разъ въ разгаръ споровъ по поводу сонетовъ Мицкевича Бродзинскій печатаетъ переводъ элегій Кохановскаго и напоминаетъ вновь о своей теоріи сентиментальнаго славянства въ предисловіи къ переводу народныхъ пѣсенъ, въ которомъ мимоходомъ возстаетъ противъ „моды на Байрона“, и которое, какъ мы уже знаемъ, такъ изумило Мицкевича своимъ содержаніемъ [3]). Какъ кажется, подъ вліяніемъ замѣчаній Мицкевича на это предисловіе (въ письмахъ къ Одынцу), въ „Gaz. Polsk.“, издаваемой М. Мохнацкимъ, появляется весьма удачно написанная отповѣдь Бродзинскому: „Czy obudzanie uczuć spokojnych i łagodnych ma być jedyném poezyi dążeniem“ [4]). Это была первая статья, изъ лагеря романтиковъ, направленная противъ Бродзинскаго.

Въ 1827 году вышелъ въ свѣтъ „Конрадъ Валленродъ“ Мицкевича, а Бродзинскій нашелъ возможнымъ напечатать свою „Похвалу Карпинскому“. Черезъ годъ появляется наконецъ „Zamek Kaniowski“ Гощинскаго; Бродзинскій молчитъ о немъ и печатаетъ „Похвалу Липинскому“, извѣстному переводчику буколикъ Вирги-

---

[1]) L. Siemieński, „Obóz klassyków....“, стр. 75.
[2]) „Pisma“, t. VII, 235.
[3]) Чит. 1-ю главу, стр. 74.
[4]) „Gaz. Polska“ 1827, № 160—161. Чит. у d-ra P. Chmielowskiego, „A. Mickiewicz“, t. I, стр. 372.

лія, а въ слѣдующемъ 1829-мъ, году—„O życiu i piśmach Birkowskiego“. Мы думаемъ, что въ этихъ сопоставленіяхъ достаточно ясно сказывается враждебное отношеніе Бродзинскаго къ романтикамъ, непониманіе и неодобреніе ихъ поэзіи.

IV.

1828—1830 годы, предшествующіе революціи, были временемъ настоящей оргіи романтической. Литература находилась въ какомъ-то безуміи экзальтаціи: кумиры были низвергнуты и попраны, возбужденіе и негодованіе противъ существующаго порядка дошли до крайняго предѣла, программа дѣятельности, провозглашенная въ „Одѣ къ молодежи“, казалось, была близка къ осуществленію; оставалось только довести общество до крайней степени напряженія, и взрывъ былъ неизбѣженъ. Разъ была намѣчена такая цѣль, понятно, что умѣренность и благоразумная разсудительность не могли играть никакой роли: на сторонѣ романтиковъ были безспорные таланты; это служило достаточнымъ оправданіемъ и прикрытіемъ всевозможныхъ публицистическихъ и критическихъ крайностей, изъ-за которыхъ отчасти противники романтиковъ не хотѣли видѣть безспорныхъ достоинствъ и таланта главныхъ представителей романтической поэзіи. Извѣстно, какую бурю вызвала знаменитая статья Мицкевича: *„O krytykach i recenzentach warszawskich“* (1829). Весьма вѣроятно, что и Бродзинскій, возмущенный этой статьей, въ pendant къ ней написалъ злую замѣтку „Recenzenci i estetycy“ [1]), направленную противъ критиковъ „украинской“ школы, а отчасти и противъ самого Мицкевича. Бродзинскій давно чувствовалъ себя обиженнымъ, видя, что его кроткій и тихій голосъ заглушенъ, а „неблагодарные ученики“, нисколько не считаются съ его совѣтами. Научный авторитетъ, казалось, давалъ Бродзинскому право на уваженіе, а къ нему относились только съ почтительной снисходительностью. Скромный, но не чуждый чувства собственнаго достоинства Бродзинскій былъ обиженъ и задѣтъ за живое. Впервые раздраженіе его вылилось въ такой ѣдкой и притомъ личной формѣ. Исполненная желчи статья его носитъ сатирическій характеръ притворной скромности и простодушія, уступающихъ дорогу „геніямъ“.

---

[1]) „Pisma“, t. VII, 233—237.

„Съ нѣкоторыхъ поръ, говоритъ авторъ, появилось въ Варшавѣ нѣсколько писателей, навѣрное молодыхъ и навѣрное прибывшихъ изъ провинціи, которые завладѣли литературнымъ отдѣломъ нашихъ періодическихъ изданій и возвѣщаютъ теперь о поэзіи понятія въ такой степени возвышенныя и новыя, что намъ простякамъ остается только раскрыть ротъ отъ удивленія и молчать. А нѣкоторые наши редакторы такъ любезны и внимательны къ пріѣзжимъ, что позволяютъ каждому, лишь-бы только наполнить пустыя мѣста, *верещать* (wrzeszczać) что заблагоразсудится, и придерживаются очевидно того мнѣнія, что не бѣда, если гости ссорятся, лишь-бы *трактиръ былъ полонъ*. Поэтому мирные обыватели боятся заходить въ такіе трактиры, чтобы не нарваться на непріятности; а гости въ свою очередь становятся все смѣлѣе и смѣлѣе; они окончательно завладѣваютъ трактиромъ и въ своихъ шумныхъ спорахъ и крикахъ заявляютъ, что на ихъ сторонѣ правда, между тѣмъ какъ *никто изъ пріятелей классицизма не осмѣливается имъ отвѣчать* („Gazeta Polska“ № 80).

„Однако, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что мнѣнія, высказываемыя въ такихъ трактирахъ, раздѣляются всѣми, я, скромный обыватель, осмѣлюсь высказать свое низменное мнѣніе (poziomemi myśli), если только господа, такъ высоко летающіе, соблаговолятъ меня выслушать“.

Въ такомъ грубовато-сатирическомъ тонѣ написана вся статья. Заканчивается она приведенной уже нами вылазкой противъ Мицкевича.

Двѣ другія статьи Бродзинскаго „O krytyce“ и „O exaltacyi i entuzyazmie“ впервые появились въ печати въ 1-мъ томѣ новаго изданія его сочиненій (1830) [1]). Но статья „O exalt. i entuzyazmie“ собственно говоря составляетъ одну изъ главъ курса эстетики, читаннаго Бродзинскимъ въ 1826 году въ университетѣ. Такимъ образомъ она даетъ намъ понятіе о настроеніи и взглядахъ Бродзинскаго въ теченіи послѣдняго пятилѣтія 20-хъ годовъ [2]). Въ статьѣ „O exalt. i entuzyazmie“ [1]), замѣчанія, направленныя противъ романтизма и романтиковъ, сдѣланы по обыкновенію какъ-бы вскользь, такъ-что кажется, будто главной задачей автора было желаніе выяснить различіе между нѣкоторыми синонимическими понятіями. Въ дѣйствительности же посредствомъ разбора понятій „экзальтація“ и „энтузіазмъ“ авторъ очень искусно подходитъ къ другой цѣли.

Какъ ни въ чемъ не бывало, разбираетъ онъ синонимы gorliwość, zapał, zagorzalec, zapaleniec, szaleniec, gorliwy, żarliwy, и

---

[1]) „Pisma rozmaite „Kazimierza Brodzińskiego. Tom pierwszy. W Warszawie, nakładem autora, 1830 r. Здѣсь помѣщены статьи: „O krytyce“, „O życiu i piśmach Karpińskiego“, „O satyrze“, „O Fabianie Birkowskim“, „O elegii“, „O exaltcyi i entyzyazmie“.

[2]) Вообще о романтизмѣ вскользь у Бродзинскаго разбросано много замѣчаній въ курсѣ литературы, а также и эстетики. Много замѣчаній мы находимъ и въ очеркѣ, посвященномъ жизни и сочиненіямъ Карпинскаго („Pisma rozmaite“, 1830, а также т. V, познанскаго изд.), въ статьѣ „O Kochanowskomъ“ (t. IV), въ 4-мъ же томѣ на стр. 10, 453; въ t. VI, 84, 101, 178, 200, 215, 305, 313 и т. д.

каждое опредѣленіе является у него, собственно говоря, укоромъ или колкимъ намекомъ противъ какого-нибудь романтическаго прегрѣшенія или увлеченія.

Такъ, опредѣляя различіе синонимовъ zagorzalec і zapaleniec, zamącony и obłąkany, szaleniec, Бродзинскій по этому поводу замѣчаетъ, что многія мечтанія метафизиковъ являются попросту „obłąkaniem“, а поэтическій восторгъ (zapał) часто переходитъ въ безуміе (szał), которое можетъ само себя поражать, но не создастъ ничего совершеннаго [2]). Каждое „необыкновенно оригинальное поэтическое произведеніе приводитъ неудачныхъ послѣдователей къ безумію. Такъ, Донъ-Кихотъ, сбитый съ толку (obłąkany) рыцарскими романами, помѣшался (VI, 159). Энтузіасты (zapaleńcy) „похожи на людей, предающихся азартнымъ играмъ, въ которыхъ выигрышъ или проигрышъ не зависитъ отъ соединенія разсудительности и случая, но отъ страстей и случая; каждое новое впечатлѣніе занимаетъ его, потому-что непосредственно поражаетъ его воображеніе. Такіе люди могутъ быть слѣпыми противниками того, что только-что защищали. Сообразно тому или другому ярлычку, который случайно присталъ къ нему, они будутъ поворачиваться то вправо, то влѣво; съ одинаковымъ ожесточеніемъ они будутъ нападать на дѣло, которое сами начали, и наоборотъ. *Каждаго, кто держится собственнаго мнѣнія, и даже тѣхъ, кто не съ одинаковымъ воодушевленіемъ защищаетъ ихъ же дѣло, они считаютъ своимъ противникомъ.* Какъ горячія головы, они не признаютъ ничего посредствующаго и видятъ только рьяныхъ сторонниковъ или противниковъ [3]). Если они служатъ доброму дѣлу, то причиняютъ ему всего чаще ущербъ, внушая къ нему подозрѣніе и даже отвращеніе, если пристанутъ къ господствующему настроенію,—что обыкновенно и бываетъ,—то дѣлаются орудіемъ распространенія и разжиганія страстей, являясь всего чаще жертвою холоднаго эгоизма или чужихъ расчетовъ, ко-

---

[1]) Въ познанскомъ изданіи сочиненій Бр-го по недосмотру эта статья помѣщена дважды (т. VIII и VI). Эпиграфъ къ статьѣ „Sieh! was dein Werk für einen Eindruck macht....“ приписанъ и въ познанскомъ, и въ виленскомъ изданіи, не знаемъ, по чьей ошибкѣ, Гердеру. Въ дѣйствительности это пятистишіе заимствовано изъ „Апоѳеоза художника“ Гете

[2]) „Dziady“, „Grażyna“, „Sonety“, „Konrad Wallenrod“, „Marya“, „Zamek Kaniowski“—были уже извѣстны Бродзинскому.

[3]) Очевидныя указанія на самого себя.

торымъ слѣпо вѣруютъ. Ихъ настроеніе можно сравнить съ тѣмъ, въ какое приходятъ люди подъ вліяніемъ спирта или, попросту сказать, водки, подливаемой мужикамъ въ кабакахъ людьми расчетливыми и болѣе трезвыми.... Когда такіе люди выступаютъ на арену общественной дѣятельности, они являются знаменіемъ времени и карою неразгаданныхъ и суровыхъ предопредѣленій".

Косвенные намеки смѣняются открытыми нападками, когда авторъ переходитъ къ вопросу о значеніи здраваго смысла въ поэзіи и говоритъ о геніальности. Тутъ Бродзинскій не щадитъ ни сторонниковъ разсудочности, ни тѣхъ, кто вѣритъ въ одну геніальность и силу фантазіи. Относительно первыхъ онъ говоритъ: „почитатели опыта, пріобрѣтаемаго при посредствѣ ощущеній, хорошо бы сдѣлали, если бы не заставляли каждаго вѣрить только въ чистый разумъ, потому-что въ такомъ случаѣ эти добрые и полезные люди становятся тоже своего рода энтузіастами (zapaleńcami), фанатиками, смѣшными въ своемъ деспотизмѣ".

Еще хуже первыхъ, по мнѣнію Бродзинскаго, тѣ, которые хотятъ жить одними абстракціями.

„Обыкновенно этой опасной дорогой увлекается молодежь, полная довѣрія къ своимъ собственнымъ силамъ: она признаетъ особенную породу геніальныхъ людей, которые не довольствуются уже аристократическимъ происхожденіемъ (какъ классики), а прямо ведутъ свой родъ съ неба. Они ведутъ себя еще надменнѣе, чѣмъ сторонники здраваго смысла".

Эти геніи „пренебрегаютъ вещами самыми очевидными только потому, что ихъ признаютъ всѣ и во всѣ времена. Кажется, они готовы были бы выпустить изъ молитвы Господней слова: „хлѣбъ нашъ насущный", потому-что этотъ хлѣбъ—насущный, повседневный [1]).

---

[1]) Любопытно, что *Горацій* въ своемъ „Посланіи къ Пизонамъ" возстаетъ противъ подобныхъ же крайностей. Онъ пишетъ:

„*Ingenium* misera quia fortunatius arte
Credit et excludit sanos helicone poëtas
Democritus, bona pars non ungues ponere curat,
Non barbam, secreta petit loca, balnea vitat.
Nanciscetur enim pretium nomenque poëtae,
Si tribus Anticyris caput insanabile nunquam
Tonsori Licino commiserit" и т. д.

„*Ars poëtica*", 295—301.

Они объявили себя привиллегированными дѣтьми природы, а возстаютъ именно противъ всего самаго естественнаго и почтеннаго по своей простотѣ и въ людяхъ, и въ природѣ. Они откажутся отъ дороги, указываемой здравымъ смысломъ и предпочтутъ блуждать по невѣдомымъ тропинкамъ въ погонѣ за призраками.

На помощь этимъ „геніямъ", увлекающимъ молодежь своей „дерзостью", являются критики, которые кричатъ, что геній ничего общаго не имѣетъ съ людьми, что его создаютъ необузданныя страсти и воображеніе, что имъ не обязательны даже предписанія морали; „мало того — они идутъ дальше и утверждаютъ на основаніи новѣйшихъ эстетиковъ, что разумъ небезопасенъ для поэзіи, а польза и нравственныя цѣли чужды ей. Эти люди утверждаютъ, что въ своемъ творчествѣ они руководятся божественнымъ вдохновеніемъ, силою страсти и фантазіи, и потому де всякія предписанія искусства и изящнаго вкуса совершенно излишни".

Съ большей энергіей Бродзинскій отвергаетъ эти крайнія мнѣнія „неистовствующаго" романтизма.

Съ цитатами изъ Канта, Гердера, Рихтера, Шиллера, Гете, слѣдитъ онъ шагъ за шагомъ и разбиваетъ по пунктамъ ошибочныя мнѣнія романтиковъ. Онъ тоже вѣритъ во вдохновеніе, но не признаетъ вдохновеннымъ каждаго, кто кричитъ объ этомъ. Онъ не понимаетъ, какъ можно отрицать вкусъ, здравый смыслъ и логику въ поэтическихъ произведеніяхъ. „Что бы не говорили романтики, а хорошіе образцы всегда сохранятъ свое значеніе [1]), и Расинъ останется Расиномъ".

„Какъ Виргилій ввелъ Данте, такъ и другіе древніе писатели будутъ вводить современныхъ поэтовъ въ свѣтъ новой поэзіи". Англичане, — народъ вполнѣ оригинальный и самобытный, всегда высоко цѣнили классиковъ и на нихъ воспитывались.

„Геній не сумашедшій, онъ долженъ быть спокойнымъ и ясно созерцающимъ ту дорогу, которой онъ идетъ, какъ Аполлонъ, увѣренно правящій своей колесницей".

Поэтъ не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ своихъ восторговъ, которые не всегда вѣдь идутъ съ неба.

---

[1]) Ср. *Горацій*, „Ars poëtika", стихи 309—316.

„Геніальность была бы слишкомъ грустнымъ даромъ неба, если бы человѣкъ, одаренный ею, ничѣмъ не былъ обязанъ самому себѣ. Чѣмъ больше силъ влила въ него природа, тѣмъ больше онъ долженъ усовершенствоваться образованіемъ.

„Со времени Байрона распространяется всюду убѣжденіе, крайне вредное для нравственныхъ и поэтическихъ понятій, будто человѣкъ, одаренный сильнымъ чувствомъ, можетъ найти свою стихію въ страстныхъ необузданныхъ стремленіяхъ".

Его подражатели стремятся въ адъ, пытаются взнестись на небо, выводятъ духовъ. „Эти гиганты не могутъ достигнуть неба и потому килаются въ пропасти, избѣгаютъ свѣта, борятся съ природой" и т. д.

А между тѣмъ „прогрессъ истинной цивилизаціи заключается въ умиротвореніи необузданныхъ страстей".

Вмѣстѣ съ Гердеромъ Бродзинскій утверждаетъ, что „тотъ, кто хочетъ жить одной головой, такой же уродъ, какъ и тотъ, кто хочетъ жить однимъ сердцемъ. Здоровый человѣкъ живетъ и тѣмъ, и другимъ, и тѣ, что все въ немъ на своемъ мѣстѣ—сердце не въ головѣ, а голова не въ сердцѣ — собственно и дѣлаетъ его человѣкомъ".

Бродзинскій даетъ очень интересную характеристику Байрона, котораго онъ признаетъ необыкновеннымъ геніемъ, выразителемъ нашего вѣка въ такой степени, какъ Шекспиръ своего. Это, по его мнѣнію, падшій ангелъ; Байронъ проникся духомъ вѣка со всей силою своего генія и изображалъ извращенную сторону своего времени въ высшей степени натурально. Байронъ является самымъ лучшимъ выраженіемъ необузданности страстей (namiętności) вѣка, явившейся слѣдствіемъ усталости и отчаянія пытливаго ума. „Это падшій и вмѣстѣ съ тѣмъ ищущій обновленія ангелъ".

„Кто не умѣетъ понять этого генія во всей его правдѣ, въ его природѣ, кто силится повторить его впечатлѣнія безъ его творческой силы, тотъ создаетъ фальшивые характеры, чуждые художественности и правды".

Характеризуя Байрона, этого „падшаго и вмѣстѣ ищущаго обновленія ангела", Бродзинскій предостерегаетъ отъ рабскаго подражанія ему

тѣхъ, кто не одаренъ его творческой силой [1]). Противъ стремленія романтиковъ къ оригинальности, противъ ихъ геніальничанія Бродзинскій выступаетъ съ цитатой изъ Канта, боровшагося въ свое время противъ необузданнаго геніальничанья Вертеровской молодежи „Sturm und Drang“ періода [2]).

Романтиковъ Бродзинскій обвиняетъ въ томъ, что они считаютъ себя сторонниками нѣмецкой литературы и философіи; въ томъ же, въ чемъ слѣдовало бы подражать — въ трудолюбіи и начитанности, они не особенно то слѣдуютъ своимъ учителямъ. Вообще де романтики не любятъ читать, и имъ чужды образцы классической литературы; каждый, берущійся за перо, читаетъ только любимыхъ писателей и считаютъ это вполнѣ достаточнымъ для своего образованія; въ остальномъ должно де помочь вдохновеніе; вслѣдствіе этого они не могутъ даже дать толковый отвѣтъ на нападки противниковъ и „только вздыхаютъ по поводу сужденій критиковъ, взирающихъ на нихъ черезъ свое „*szkiełko*“ [3]). Если же романтики

---

[1]) Подобные отзывы повидимому были повсемѣстны. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ русской литературѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ; вѣроятно, они навѣяны нѣмецкой критикой (чит. Весина, „*Очерки русск. журн.*“; сравни также превосходный отзывъ Бѣлинскаго, т. II, 391—392).

[2]) Кантъ говоритъ: „Я не хочу рѣшать вопросъ, какую пользу приносятъ міру геніи, которые прокладываютъ новые пути, указываютъ новые горизонты, и какая польза—отъ скромныхъ работниковъ которые упорнымъ трудомъ и мыслью, постепенно прогрессирующей съ помощью опыта, хотя и не созидаютъ эпохи, но весьма значительно содѣйствуютъ развитію наукъ и знанія; они не возбуждаютъ удивленія, но за то и не вносятъ никакого безпорядка. Но есть родъ людей, будто бы геніальныхъ, утверждающихъ, что они отъ природы надѣлены блестящими мыслями и идеями и считающихъ удѣломъ посредственности всякія научныя занятія и изслѣдованія. Эти люди весьма вредны для научнаго и общественнаго прогресса, такъ-какъ они толкуютъ о самыхъ важныхъ предметахъ такимъ авторитетнымъ тономъ, какъ будто умы ихъ просвѣтлены самой мудростью, и этимъ ловко прикрываютъ убожество своего духа. И нѣтъ противъ нихъ никакого иного оружія, какъ только насмѣшка; самому же слѣдуетъ совершенно не считаться съ этимъ фиглярствомъ, а продолжать совершенствоваться, терпѣливо и прилежно работая, приводя въпорядокъ и ясность свои мысли“. „Anthropologie“, 163. Чит. „Pisma“ Бродзинскаго, t. VI, стр. 163. Ср. Геттнеръ, „Нѣмецк. литература“, t. III, кн. 3. (отзывъ Канта во введеніи приводится).

[3]) Очевидный намекъ на *Мицкевича* и его стихотвореніе „*Romantyczność*“, содержаніе котораго таково: дѣвушка потеряла своего возлюбленнаго; ночью онъ приходитъ къ ней, бесѣдуетъ до позднихъ пѣтуховъ, потомъ исчезаетъ. Дѣвушка объясняетъ свое горе прохожимъ; изъ толпы выдѣляется старикъ „ze szkiełkiem“ (Янъ Снядецкій) и заявляетъ самоувѣренно:

„Ufajcie memu oku i szkiełku:
Nic tu nie widzę dokoła!“

сами начинаютъ сочинять критики, то вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго плана, согласно ихъ привычкѣ работать по вдохновенію, вслѣдствіе недостаточной начитанности и эрудиціи они сочиняютъ настоящія „лирическія“ рецензіи [1]), которыя такъ же скоро забываются, какъ и появляются въ свѣтъ [2]). Художественныя произведенія пишутся также небрежно и потому имѣютъ много недостатковъ, о которыхъ Бродзинскій говоритъ въ статьяхъ „O exaltacyi“ и „O krytyce“. Прежде всего въ нихъ поражаетъ отсутствіе какого бы то ни было плана [3]), полное пренебреженіе къ какимъ-бы то ни было предписаніямъ искусства, отсутствіе цѣльности. Въ изложеніи безпорядокъ, постоянныя отступленія, смѣшеніе комическаго съ трагическимъ, изображеніе пошлаго, вслѣдствіе стремленія рабски копировать дѣйствительность, философскія отступленія, которымъ не мѣсто, по мнѣнію Бродзинскаго, въ поэтическомъ произведеніи, непонятныя фантастическія мечтанія и т. д.

Въ содержаніи романтическихъ произведеній Бродзинскій видитъ отсутствіе простоты и природы, аффектацію, преувеличенную поэтическую экспрессію, необузданность страстей, вѣчную меланхолію, неумѣстную дикость понятій, стремленіе выводить людей ненормальныхъ умственно и физически; вообще проглядываетъ какое-то удивительное стремленіе къ необычайному, фантастическому, замѣчается искусственный энтузіазмъ, напыщенность и надутость [4]).

„Не успѣли они, говоритъ Бродзинскій о молодыхъ писателяхъ, освободиться отъ вліянія французскаго псевдоклассицизма, какъ тотчасъ бросились разъѣзжать по аравійскимъ степямъ, взбираться

Извѣстенъ отвѣтъ Мицкевича:

„Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdéj gwiazd iskierce;
Nieznasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
Miéj serce i patrzaj w serce!“
(A. Mickiewicza, Warsz., 1888, I, 7).

[1]) Это замѣчаніе, относящееся по всей вѣроятности къ критику Мохнацкому, не совсѣмъ несправедливо. Кто прочелъ до конца его книгу „О польской литературѣ XIX вѣка“, тотъ согласится съ Бродзинскимъ, что романтики не особенно заботились о планѣ, порядкѣ и послѣдовательности изложенія.

[2]) О лирическихъ рецензіяхъ Бродзинскій говоритъ въ статьѣ „O krytyce“. „Pisma“, t. V, стр. 552.

[3]) „Pisma“, t. V, „O krytyce“, стр. 558.

[4]) Чит. „O exaltacyi“, также и „O krytyce“.

на скалы Скандинавіи; одинъ талантъ далъ почувствовать красоты восточной поэзіи, и всѣ вообразили, что арабская поэзія ближе къ намъ, чѣмъ классики" („O krytyce", t. V, 552). Языкъ романтиковъ обилуетъ провинціализмами, массой новыхъ сочиненныхъ словъ, такъ-что, по мнѣнію Бродзинскаго, по прошествіи какихъ-нибудь 10 лѣтъ никто, пожалуй, не пойметъ польской книжки....

Въ поученіе и примѣръ романтикамъ Бродзинскій приводитъ Гете и Шиллера, которые совершенно отрѣшились отъ изложенныхъ выше недостатковъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ и потому могутъ служить прекраснымъ образцомъ для тѣхъ, у кого сохранилась еще хоть капля здраваго смысла.

Въ общемъ совѣты Бродзинскаго сводятся къ слѣдующему заключенію:

„Какъ философія, которая бы учила только размышлять, доказывать, не требовала бы соотвѣтственнаго поведенія, — была для насъ мертвой и безжизненной; такъ и поэзія, подчиненная одной только фантазіи и необузданности страстей, была для насъ зрѣлищемъ сумашествія или безобразій пьянства, зрѣлищемъ, достойнымъ базарной площади" („O krytyce", VI, 167).

Несочувствіе Бродзинскаго романтическому направленію было выражено здѣсь, какъ видимъ, весьма опредѣленно и довольно рѣзко; къ тому же въ тонѣ его рѣчи чувствуется какое-то личное раздраженіе, нѣкоторая досада на то, что его мнѣнію не придаютъ должнаго значенія и такимъ образомъ какъ-бы не хотятъ считаться съ нимъ и признавать его авторитетъ, какъ ученаго профессора, критика и поэта. Въ такомъ же тонѣ написана и другая статья „*O krytyce*" (1829—1830), изъ которой мы уже привели нѣсколько выдержекъ.

Нѣкоторыя его замѣчанія собственно о критикѣ и критикахъ заслуживаютъ вниманія. Бродзинскій признаетъ за ней безспорное значеніе и пользу. Знаменитые писатели понимали это и отдавали свои произведенія на судъ другихъ и собственной критики. Критическія и эстетическія замѣчанія мы находимъ у Шекспира. Шиллеръ и Гете также оказали огромное вліяніе на эстетическое развитіе публики своими критическими статьями. Корнель и Расинъ также давали въ рѣчахъ отчетъ о своей творческой дѣятельности.

„Правда, изящныя искусства, говоритъ Бродзинскій вслѣдъ за Катръ-мэръ-де-Кенси, возникли не изъ теоріи, а наоборотъ: теорія

возникла изъ прекрасныхъ произведеній; но есть и превосходныя теоріи, которые могутъ быть названы въ своемъ родѣ прекрасными произведеніями".

Критика, думаетъ Бродзинскій, не создастъ генія, потому-что геній—даръ неба; но хорошая критика можетъ и должна распространять хорошій вкусъ, она должна объяснить, растолковать обществу съ точки зрѣнія этого хорошаго вкуса художественныя созданія генія [1]). Польскую критику Бродзинскій признаетъ неудовлетворяющей своему назначенію. До конца прошлаго вѣка она разсуждала съ чужого голоса, и только съ того времени, какъ „незабвенной памяти Александръ I, благодѣтель поляковъ, позволилъ, чтобы его имя величали на большемъ числѣ языковъ", появились зародыши критики. Совершенно неожиданно всѣ понятія о вкусѣ должны были измѣниться. Французскія теоріи были вытѣснены мало-по-малу нѣмецкими, но все это пришло слишкомъ поздно. „Всѣ споры о классицизмѣ и романтизмѣ давно уже забыты нѣмцами и возобновлены уже французами [2]), а мы все еще толчемся на одномъ мѣстѣ".

Въ настоящее время „каждый, вкусившій (dorwawszy) розогъ отъ какого-нибудь нѣмецкаго профессора, норовитъ загнать въ свою школу все общество, требуетъ изученія метафизики отъ всѣхъ, кто хочетъ судить о поэтическихъ достоинствахъ баллады или сонета.

„Новые критики, стыдясь старыхъ заблужденій, вопіютъ теперь: „nierządem stoi poezya!" Они кладутъ на все свое veto и заявляютъ: „никому изъ смертныхъ не позволено судить поэтовъ, они не суть обитатели этой земли!" (V, 555).

Вліяніе этихъ критиковъ—съ грустью сознается Бродзинскій—слишкомъ велико. „Они запрудили литературу массой мелкихъ періодическихъ изданій и почти одни у насъ имѣютъ право голоса въ вопросахъ общественныхъ, *тогда какъ ученые, имѣющіе за себя авторитетъ науки, смолкли, а иные отстали отъ вѣка;* они хвалятъ произведенія только своихъ приверженцевъ. Художественныя достоинства произведеній не имѣютъ для нихъ никакого значенія.

---

[1]) Тоже говоритъ Бродзинскій и въ своей рѣчи *„O powołaniu i obowiązkach młodzieży akademickiéj" 1826 года.* „Pisma", t. VIII, 43—82.

[2]) Бродзинскій намекаетъ здѣсь, очевидно, на ново-романтическое движеніе „юной Франціи".

Они обращаютъ вниманіе только на одно: къ какому роду принадлежитъ данное произведеніе. Въ этомъ весь вопросъ, и на эту тему ведутся длинные споры" („Pisma K. B.", V, 556).

Статьи Бродзинскаго не оставались, конечно, безъ отвѣта. Мохнацкій, Грабовскій, Островскій выступили противъ Бродзинскаго тѣмъ суровѣе, что въ Варшавѣ Бродзинскій былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго уважали всѣ партіи и къ голосу котораго отчасти прислушивались. Рѣшительное выступленіе Бродзинскаго противъ романтиковъ требовало не менѣе рѣшительнаго отпора. Возбудили общее вниманіе послѣднія статьи Бродзинскаго; но благопріятный отзывъ о нихъ мы нашли только въ одномъ журналѣ, въ которомъ Бродзинскій сотрудничалъ,—въ „Pamiętn. dla płci pięknéj" за 1830 г. Уже съ самаго начала года мы встрѣчаемъ тутъ самые лестные отзывы о Бродзинскомъ по поводу его перевода элегіи Кохановскаго [1]). Еще до появленія новаго изданія сочиненій Бродзинскаго, редакція этого журнала высказывала свою радость по поводу предстоящаго ихъ выхода, признавая Бродзинскаго единственно „способнымъ указать истинный путь и цѣли" для польской литературы [2]).

Наконецъ, по выходѣ въ свѣтъ 1-го тома сочиненій Бродзинскаго, появляется рецензія, въ которой признается, что „всѣ непредубѣжденные знатоки литературы приняли произведенія эти съ восторгомъ и прочли ихъ съ интересомъ" [3]). Рецензія отмѣчаетъ нападки на Бродзинскаго и довольно неожиданно сравниваетъ ихъ съ подобными же вылазками противъ Мицкевича, совѣтуя автору отвѣчать на нихъ молчаніемъ [4]).

Гораздо болѣе сдержанный отзывъ о произведеніяхъ Бродзинскаго даетъ нѣкто Е. К. [5]): онъ во многомъ уже несогласенъ съ Бродзинскимъ, и нѣкоторыя замѣчанія его въ этомъ отношеніи весьма

---

[1]) „Pam. dla płci pięknéj", W., 1830, t. I, стр. 47. Замѣчательно, что среди массы статей о Бродзинскомъ самыя лестныя принадлежатъ женщинамъ и помѣщены въ женскихъ журналахъ.

[2]) Ibid. „Prenumerata na literacko-estetyczne prace K. Brodzińskiego", стр. 86.

[3]) Ibid. „Pisma K. B-ego", t. II, стр. 175.

[4]) „Pisma czasowe umrą z swoją datą, a chwała wielkiego męża do sądu wieków należy" (ibid.).

[5]) „Gazeta Polska" 1830, № 124.

даже двусмысленны [1]). Онъ уже рѣшается защищать молодежь отъ нападокъ Бродзинскаго, находя, что и „молодежь, правильно руководимая, можетъ имѣть зрѣлыя сужденія“ и т. д. [2]).

Всѣ эти статейки за и противъ не могли имѣть да и не имѣли никакого вліянія на текущія событія. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ отповѣдь Островскаго „Co są prawidła“ громовымъ ударомъ разразившаяся надъ головою бѣднаго Бродзинскаго [3]).

„Когда Мицкевичъ писалъ,—такъ начинаетъ Островскій свою статью,—что варшавскіе ученые хотятъ устроить рогатки противъ новыхъ идей, я думалъ, что онъ хотѣлъ только разсмѣшить читателя, ибо никто не рѣшится высказать такой нелѣпой мысли; оказалось, что я ошибся: такъ думаетъ Бродзинскій“. Къ самому Бродзинскому Островскій, однако, относится съ признаніемъ, публично высказаннымъ въ свое время. „Онъ первый у насъ *мыслилъ* о новомъ направленіи и задачахъ искусства и литературы, но теперь, когда сѣмена брошенныя имъ, пали на благодарную почву“, Бродзинскій не узнаетъ своихъ всходовъ, не признаетъ ни такихъ замѣчательныхъ ученыхъ, какъ Лелевель, увѣнчанныхъ уже европейской славой, ни нашего поэта Мицкевича, котораго считаетъ, повидимому, экзальтированнымъ, сумасшедшимъ, моднымъ геніемъ. Бродзинскій, однако, напрасно думаетъ, что можно соединить духъ прежней литературы съ новыми стремленіями. Это немыслимо. Въ области духа, мысли, нѣтъ обязательныхъ неизмѣнныхъ правилъ. Нѣтъ! Мысль всегда, постоянно прогрессируетъ!

....„Авторъ требуетъ правилъ, но какихъ,—мы не знаемъ“.... „Можно быть почтеннымъ, благороднымъ, прекраснымъ человѣкомъ, можно имѣть всѣ добродѣтели, необходимыя въ обществѣ, и не понимать Канта и этой пресловутой метафизики и философіи, преслѣдуемыхъ у насъ вслѣдствіи ихъ яко-бы темноты и непонятности“. „Бродзинскій вообще не имѣетъ опредѣленныхъ принциповъ, онъ самъ себя не понимаетъ, самъ себѣ противорѣчитъ“. Островскій приводитъ цѣлый рядъ такихъ противорѣчій: Бродзинскій то приз-

---

[1]) Напр. „Pięknie powiedział młody poeta: „Mysl gdy młoda nie rozwiła, już się nigdy nie rozwija....“

[2]) Ibid. стр. 4.

[3]) „Powszechny Dziennik Krajowy“ 1830 г., 12 мая, № 130, стр. 660—662; девять столбцовъ.

наетъ, то не признаетъ для генія обязательность правилъ, Шекспиръ у него то натураленъ, то не натураленъ; Бродзинскій твердитъ, что каждая эпоха имѣетъ свою физіономію и признаетъ, что Байронъ вѣрно изображалъ свое время, и въ то же время мечетъ въ него громы своего негодованія, называетъ неестественнымъ. Десять разъ перечиталъ Островскій опредѣленіе поэтики Бродзинскаго и пришелъ къ заключенію, что самъ авторъ не понимаетъ истиннаго значенія поэтики; точно также и въ философіи Бродзинскій отвергаетъ матеріализмъ, а между тѣмъ его психологическія понятія—сущій эмпиризмъ. И при такой неясности собственныхъ воззрѣній Бродзинскій смѣетъ гнѣваться на „фабрикантовъ газетнаго сектаторства“, говоритъ, что при современномъ положеніи дѣла, ученые только пожимаютъ плечами или совсѣмъ замолкаютъ. „Какіе же это ученые, спрашиваетъ Островскій, гдѣ ихъ права на это почетное званіе, какими трудами, какими заслугами пріобрѣли они себѣ это званіе“.... „Бродзинскій говоритъ, что одни ученые *замолкли*, а другіе забросили занятія (zanedbali); но, Богъ мой, кто же станетъ считать молчащихъ и бездѣльниковъ (próżniaków) за ученыхъ, кто станетъ уважать людей, добровольно покидающихъ поле битвы, трудовъ, мысли, равнодушно, а можетъ быть и съ пренебреженіемъ взирающихъ на усилія этой мысли, стремящейся къ лучшей поэзіи,—восходящей зарѣ цивилизаціи“. Кого уважать? Давителей мысли, сторонниковъ застоя въ искусствѣ поэзіи, философіи!“

„Бродзинскій рекомендуетъ умѣренность, хочетъ задержать! Что задержать? Мысль, идеи, стремленія литературы? Онъ не хочетъ уразумѣть той истины, великой истины, что эта усиленная работа мысли, такъ во всемъ подорвавшая существующія понятія, есть безспорное свидѣтельство серьезнаго умственнаго оживленія, свидѣтельство совершенствованія и прогресса, которыя предвѣщаютъ только новые успѣхи просвѣщенія“.

„Мы не имѣемъ гордаго желанія поучать, не пожимаемъ плечами, видя чужое непониманіе, не дерзаемъ сами себя называть *учеными*; охотно подавляемъ въ себѣ это несчастное „я“; но мы чувствуемъ потребность мыслить и дѣйствовать, и мы мыслимъ дѣйствуемъ! Результаты узрятъ и оцѣнятъ потомки. Сильные своей вѣрой, сильные могуществомъ мысли, отвергаемъ мы прошлое со всѣми его правилами и предписаніями, дерзаемъ идти новыми

путями, руководясь вдохновеніемъ, этой творческой силой, взнесщей уже человѣчество на такую высоту [1]).

Бродзинскій повидимому не ожидалъ подобнаго нападенія. Онъ былъ такъ имъ ошеломленъ и огорченъ, что рѣшилъ остановить дальнѣйшее печатаніе своихъ произведеній. Оба его отвѣта Островскому, и на его „замѣчанія объ экзальтаціи“ [2]), и на статью только что нами приведенную, отличаются весьма скромнымъ и даже нерѣшительнымъ тономъ [3]). Въ защиту Бродзинскаго выступилъ нѣкто Р—а [4]), совѣтуя Островскому трудиться и больше учиться: тогда онъ научится и другихъ уважать!.. Статейка, однако, не представляетъ интереса, точно также какъ и почтительно любезный отвѣтъ на неё Островскаго. Для насъ важно то, что подъ впечатлѣніемъ отповѣди Островскаго Бродзинскій болѣе не появлялся въ печати вплоть до самой революціи. Какое участіе принималъ Бродзинскій въ революціи, извѣстно уже намъ изъ предыдущей главы. Теперь отмѣтимъ только то, что революція, увлекшая и самого Бродзинскаго, принесла и болѣе справедливую оцѣнку его дѣятельности. 5-го января 1831 года новый органъ „Nowa Polska“ въ 1-мъ № приноситъ намъ въ высшей степени интересную статью, характеризующую главныя теченія польской литературы въ періодъ отъ 1815 до 1831 года, и воздающее должное и заслугамъ Бродзинскаго, четыре же мѣсяца спустя въ той же газетѣ Островскій пишетъ свою „Исповѣдь“ [5]), въ которой говоритъ о Бродзинскомъ слѣдующее: „Еще въ 1824 году, когда Бродзинскій не зналъ ничего о моемъ существованіи, я питалъ уже къ нему почтеніе... я писалъ ему, что мать дала мнѣ жизнь, природа—способности, а онъ развилъ ихъ, довелъ до совершенства“... „Бродзинскій былъ моимъ духовнымъ отцомъ, истиннымъ благодѣтелемъ; но когда Бродзинскій нѣсколько измѣнилъ свой образъ мыслей (niecо zmodyfikował)..., я возсталъ противъ него главнымъ образомъ изъ по-

---

[1]) Не смотря на такую энергическую отповѣдь Островскій нѣсколько разъ говоритъ съ почтеніемъ и расположеніемъ о личности Бродзинскаго.

[2]) Odpowiedź P. J. B. Ostrowskiemu, Pisma, VIII, 40—43.

[3]) Его отвѣтъ появился черезъ 4 дня въ № 134 „Powsz. Dz. Kraj“. Здѣсь онъ между прочимъ заявляетъ, что такіе писатели, какъ Мицкевичъ, не нуждаются ни въ похвалахъ, „a ni tak niewczesnéj obrony“ стр. 684.

[4]) Ibid. № 134.

[5]) Ibid. № 140.

литическихъ цѣлей. Дѣло шло къ революціи, а Бродзинскій выступилъ противникомъ насилій. Я рѣшился пожертвовать своимъ личнымъ расположеніемъ ради высшихъ соображеній... Я рѣшился сказать, что народы имѣютъ право, должны стремиться къ своему счастью хотя бы съ помощью переворота. Это была прокламація независимости, революціи! Самъ Бродзинскій согласился съ этимъ когда сказалъ мнѣ послѣ 29 ноября: „кто же могъ догадаться, что вы думаете о революціи“.... „И теперь, не смотря на различіе въ принципахъ и взглядахъ, я не хочу быть не благодарнымъ.... незабываю, чѣмъ я обязанъ Бродзинскому, и всегда сохраню къ нему истинное почтеніе“.

V.

Намъ остается теперь подвести итоги всему сказанному и опредѣлить мѣсто и значеніе, которое занимаетъ Бродзинскій въ исторіи развитія польской литературы и общественности, поскольку это отражалось въ эволюціи его литературныхъ взглядовъ въ борьбѣ классиковъ съ романтиками. Такая задача осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что литературныя и политическія теченія этого времени идутъ рука объ руку, взаимно переплетаясь и дополняя другъ друга; справедливая оцѣнка потому дѣлается затруднительной, что приходится относиться не одинаково къ политической и литературной сторонѣ дѣла.

Какъ извѣстно романтики всего свѣта хотѣли отожествить поэзію и жизнь [1]), внести свой идеалъ въ дѣйствительность. Этимъ идеаломъ въ Польшѣ является свободная, независимая Польша, которой нѣтъ въ дѣйствительности, но которую можно узрѣть, по выраженію Брандеса, „очами духа“. Осуществленіе этого идеала дѣлается задачей всей жизни, завѣтной мечтой каждаго романтика и приводитъ къ нелѣпой, безполезной революціи, гибельныя послѣдствія которой не могли не предвидѣть люди здравомыслящіе.

Въ этомъ отношеніи польскій романтизмъ осужденъ безвозвратно самими поляками [2]).

---

[1]) Чит. *Шерръ*, „Ист. всеобщ. лит.“, II, 261.

[2]) Чит. P. Chmielowski, „Zarys literatury polskiéj z ostatnich lat dwudziestu“ Warszawa, 1886. Первая часть „Przekonania i dażności“ 1—176.—Спасовичъ „Маркизъ Велепольскій и его время“ „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 10, 11, 1881 г. № 2, 5—7, 12.

Но съ другой стороны романтизмъ „служилъ только оболочкой для выклевывающейся новой поэзіи, совершенно своеобразной и еще въ большей степени національной, нежели которая бы то ни была изъ предшествующихъ литературъ даже въ золотую пору Сигизмундовъ“ [1]).

Романтизмъ создалъ интересъ къ народности; черпая содержаніе изъ народной поэзіи, онъ постепенно подготовлялъ почву реализму. Въ этомъ отношеніи онъ былъ явленіемъ вполнѣ прогрессивнымъ и какъ таковой блещетъ именами такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Мальчевскій, Гощинскій, Мицкевичъ—лучшихъ его представителей и защитниковъ. Къ польскому романтизму могутъ быть примѣнены въ этомъ отношеніи слова Бѣлинскаго, сказанныя о русской литературѣ [2]).

„Если сказать по правдѣ, то у насъ не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственнаго движенія съ умственнымъ застоемъ; но борьба, какая она ни была, рѣдко носитъ имя того дѣла, за которое она возникла, и это имя, равно какъ и значеніе этого дѣла почти всегда узнаются уже тогда, когда борьба кончится [3]).

„Всѣ думали, что споръ былъ за то, которые писатели должны быть образцами: древніе ли, греческіе и латинскіе, и ихъ рабскіе подражатели XVII и XVIII, вѣка, или новые — Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ Скотъ, Шиллеръ, Гете; а между тѣмъ спорили въ сущности о томъ, имѣетъ ли право на титулъ поэта и притомъ великаго такой поэтъ, какъ *Пушкинъ*..., поэтъ, который тайны души и сердца дерзнулъ предпочесть плошечнымъ иллюминаціямъ. Вслѣдствіе движенія, даннаго преимущественно явленіемъ *Пушкина*, молодые люди, выходившіе тогда на литературное поприще, усердно гонялись за новизной, считая ее за романтизмъ [4]).

„Романтизмъ остался побѣдителемъ, онъ расчистилъ литературную арену, заваленную соромъ псевдоклассическихъ предразсудковъ“.

„Онъ далеко разметалъ ихъ деревянные барьеры, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ [5]), уничтожилъ ихъ австралійскіе „Табу“ *и тѣмъ приготовилъ возможность самобытной литературы.*

„Теперь едва ли повѣрятъ, что стихи Пушкина классическимъ колпакамъ *казались вычурными безсмысленными, искажающими русскій языкъ*, нарушающими завѣтныя правила грамматики, а это было дѣйствительно такъ, и между тѣмъ колпакамъ вѣрили многіе; но когда расходились на просторѣ романтики, то всѣ догадались, что стихъ Пушкина благороденъ, изящно простъ, національно вѣренъ духу

---

[1]) Пыпинъ и Спасовичъ, „Ист. славянск. лит.“, II, 611.

[2]) Сочиненія. IX, стр. 30 и слѣд.

[3]) Почти тоже говоритъ Мохнацкій въ своей „Истор. лит. XIX. в.“.

[4]) Припомнимъ кстати, какъ возстаетъ Бродзинскій противъ этой погони за новизной.

[5]) Соч., VII, 20—21

языка.... Равнымъ образомъ теперь едва ли повѣрятъ, если мы скажемъ, что *созданія Пушкина считались некогда дикими, уродливыми, безвкусными, неистовыми*; но произведенія романтиковъ скоро показали всѣмъ, какъ произведенія Пушкина чужды всего дикаго, неистоваго, какимъ глубокимъ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ запечатлѣны они".

Въ отношеніи къ польскому романтизму эти слова Бѣлинскаго могутъ быть примѣнены съ тѣмъ только дополненіемъ, что русскій романтизмъ обнаружилъ революціонныя стремленія только въ нѣкоторыхъ своихъ литературныхъ группахъ [1]) (декабристы), а польскій былъ цѣликомъ революціонный, поэтому вполнѣ справедливо, что нѣкоторые нападки Бродзинскаго на романтиковъ отчасти объясняются его несочувствіемъ ихъ политическимъ тенденціямъ. Но эти нападки все таки не могутъ быть совершенно оправданы [2]). Къ тому же и политическіе взгляды Бродзинскаго объясняются не его политической прозорливостью, а скорѣе его оппортунизмомъ, какъ это мы уже имѣли случай замѣтить.

Разномысліе Бродзинскаго съ романтиками коренится гораздо глубже, въ настроеніи поэта, въ его воспитаніи, въ его литературныхъ вкусахъ. Бродзинскій расходился съ классиками только въ вопросѣ о роли чувства и въ признаніи нѣкотораго элемента народной стихіи въ поэзіи, а съ романтиками — во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Если многіе взгляды Бродзинскаго и покажутся намъ теперь довольно справедливыми, характеризуя его какъ человѣка разсудительнаго, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что историческая точка зрѣнія требуетъ вѣдь не объективной, а относительной мѣрки, и для насъ могутъ казаться болѣе цѣнными и прогрессивными романтическія увлеченія, какъ переходной моментъ въ развитіи общества. Наконецъ многіе нападки Бродзинскаго были *по существу* не справедливы; такъ, напр., обвиненія критиковъ, въ томъ, что они заботятся только опредѣлить „родъ" произведенія, а не его достоинства", совершенно не основательны. Мы знаемъ, что Грабовскій громилъ Витвицскаго, отрицая всякую художественность въ его произведеніяхъ, не смотря на то, что онъ былъ романтикъ, Мохнацкій не затруднился указать въ довольно рѣзкой критикѣ недостатки

---

[1]) А. Пыпинъ, „Обществ. движ. въ Россіи при Алек. I," стр. 451 и сл.
[2]) Дмоховъ, VII, 237...., а также Белциковскій (Ze Studyów w).

въ планѣ Конрада Валленрода“ [1]); сами классики уже въ 1824 году признавали различіе между Мицкевичемъ и бездарными сочинителями балладъ, а между тѣмъ Бродзинскій, покровительствовавшій Витвицкому, не съумѣлъ выдѣлить Мицкевича изъ толпы посредственностей. Въ этомъ отношеніи Ф. Гржимала (1821), Моравскій С. Дмоховскій (1822,1825, 1826, 1829) проявили гораздо большее художественное чутьё и большую проницательность.

Не нужно забывать, что Бродзинскій, называя романтиковъ сумасшедшими, энтузіастами, экзальтированными, величая ихъ критиковъ чуть не пьяницами, ихъ періодическія изданія—трактирами, обвиняя въ напыщенности, аффектаціи, въ отсутствіи смысла и художественности, искаженіи языка, невѣжествѣ и т. д. безспорно имѣлъ въ виду произведенія Мицкевича, Мальчевскаго, и др. корифеевъ польской литературы, а не второстепенныхъ представителей романтизма, къ которымъ отчасти даже благоволилъ! Такимъ образомъ большая часть нападокъ Бродзинскаго свидѣтельствуетъ скорѣе объ отсталости его вкуса, засореннаго псевдоклассическими образцами, а не о трезвости мысли, будто бы опередившей въ своемъ развитіи время романтизма.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ несправедливы, напр замѣчанія Бродзинскаго о искаженіи языка, неудачной выдумкѣ словъ и провинціализмахъ въ произведеніяхъ лучшихъ мастеровъ слога Мицкевича, Мальчевскаго и др. Въ то время новыя понятія неизбѣжно требовали и новыхъ терминовъ [2]), ихъ нужно было сочинять „ковать“, и никакая критика напередъ не могла оцѣнить ихъ достоинства и пригодности. Для насъ достаточно припомнить, напр., разсужденія Сумарокова, споры Шишковистовъ и Карамзинистовъ, чтобы убѣдиться, что только время и привычка являются тутъ справедливымъ судьею: очень часто общество усваиваетъ именно тѣ слова, которыя были отвергнуты всѣми авторитетами и наоборотъ. Бродзинскому должно бы быть лучше извѣстнымъ мѣткое замѣчаніе Горація:

---

[1]) W. Wojcicki, Społeczność Warszawy, t. II; ср. „Kawa literacka“, W. 1873.

[2]) Еще Лукрецій въ своей поэмѣ „De rerum natura“ замѣтилъ это, жалуясь, что

..... Grajorum obscura reperta
Difficile inlustrare latinis versibus esse
Multa novis verbis praesertim cum sit agendum
Propter lingvae egestatem et rerum novitatem“ (I. 136-138).

„Multa renacentur, quae jam cecidere, cadentque,
Quae sunt in honore vocabula, si volet usus,
Quem penes arbitrium est et jus, et norma loquendi"
(De Arte poet. 70—73).

Точно также неправъ былъ Бродзинскій, преслѣдуя провинціализмы. Анлогическое явленіе наблюдается и въ русской литературѣ гоголевскаго періода; мы знаемъ, что такое внесеніе свѣжей струи въ обще-литературный потокъ только содѣйствовало развитію и обогащенію языка.

Несправедливы и многія другія замѣчанія Бродзинскаго. Когда онъ говоритъ о модничаньи романтиковъ, ихъ неудачныхъ подражаніяхъ Байрону, невольно вспоминается байроническая фигура Гощинскаго, личнаго друга Байрона, оказавшаго даже на него вліяніе, подсказавшаго ему сюжетъ „Мазепы".

Точно также намъ странно слышать огульныя обвиненія романтиковъ въ незнакомствѣ съ литературой, нежеланіи учиться, слабой научной подготовкѣ, когда именно романтики выдвинули такую крупную ученую силу, какъ І. Лелевель, а образованіе Мицкевича было такъ основательно, универсально, что даже Пушкинъ, по собственному своему признанію, уступалъ ему въ эрудиціи [1]).

Полемика Бродзинскаго съ романтиками исходила изъ поклоненія здравому смыслу и разсудочности и потому и не могла имѣть значенія для тѣхъ, кто именно находился подъ вліяніемъ реакціи господству разсудочности. Этимъ опредѣляется и историческое значеніе полемики Бродзинскаго..

По своимъ литературнымъ вкусамъ Бродзинскій напоминаетъ намъ отчасти Карамзина съ его сентиментальнымъ чувствительнымъ настроеніемъ, отчасти Надеждина, съ которымъ у Бродзинскаго много общаго во взглядахъ на народность и романтизмъ [2]).

---

[1]) Объ образованіи Мицкевича Чит. P. Chmielowski: Ad. Mickiewicz, zarys literacko-biograficzny, t. I, гл. 4, 5 и т. д.

[2]) О Надеждинѣ чит. Пыпина: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". Спб. 1876, I, глава 3-я,—его же „Исторія русской этнографіи", t. I, 233—275. Спб. 1890, а также *Весина*. „Очерки рус. журналистики 20 и 30-хъ годовъ этого столѣтія". Срав. Скабичевскій. Сочиненія. Спб. 1890. Т. I. Сорокъ лѣтъ русской критики. стр. 360. Также „Очерки Гоголевскаго періода" „Современникъ" 1856. № 4.

Вообще дѣятельность этихъ двухъ критиковъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, напрашивается на аналогію.

Точно такъ-же, какъ Бродзинскій въ польской литературѣ, у насъ Надеждинъ первый выступилъ съ систематическимъ, связнымъ изложеніемъ идей романтизма въ своей магистерской диссертаціи [1]). Такъ-же какъ Бродзинскій, онъ велъ горячую борьбу противъ романтизма, утверждая что русскіе XIX в. не палладины среднихъ вѣковъ, и поэтому для нихъ нѣтъ никакого основанія увлекаться романтической поэзіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что наша поэзія не должна быть и классической, такъ какъ мы не греки и не римляне. Онъ тоже требовалъ новой поэзіи изъ примиренія этихъ обоихъ началъ. Совершенно индиферентный въ вопросахъ политики Надеждинъ громилъ „растрепанныхъ, длинноволосыхъ“ романтиковъ, которыхъ называлъ „сонмищемъ нигилистовъ“ [2]), предвосхищая такимъ образомъ это выраженіе у Тургенева. Въ своихъ критическихъ и научныхъ статьяхъ онъ, подобно Бродзинскому, но только съ большимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла защищалъ идею народности, отсутствіе которой оплакивалъ „какъ величайшее народное бѣдствіе [3]). Точно также, какъ Бродзинскій примыкалъ къ журналу Бентковскаго, Надеждинъ сотрудничалъ у классика Каченовскаго, хотя какъ человѣкъ, какъ личность безупречной нравственности, Бродзинскій стоитъ безусловно выше Надеждина, сильно уступая ему за то въ развитіи, въ знаніяхъ, учености и основательности сужденій. Требуя подобно Бродзинскому народнаго языка, Надеждинъ видѣлъ въ изученіи славянскихъ языковъ средство пополнить, обогатить, возрастить родной языкъ [4]).

При всемъ томъ Надеждинъ тоже не съумѣлъ оцѣнить появившихся талантовъ, порицалъ Байрона [5]), нападалъ на Пушкина, не видя въ его „Онѣгинѣ“ „ни цѣли ни плана“ а одно лишь „дѣйствіе по свободному внушенію играющей фантазіи“. Впослѣдствіи онъ

---

[1]) „De origine, natura et fatis poeseos, quae romantika audit. M. 1830 г.

[2]) Скабичевскій, Сочиненія, Спб. 1890, t. I стр. 360.

[3]) Чит. его статьи: „Европеизмъ и народность“, „Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ“ („Телескопъ“ 1836).

[4]) Бродзинскій тоже писалъ: „jeżeli chcemy zbogacić język przez tłómaczenia, nie zapominajmy o pobratnich językach“ (t. VI).

[5]) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Спб., 1890, t. I.

тоже измѣнилъ свое мнѣніе о Пушкинѣ и съ большимъ уваженіемъ отзывался о „Борисѣ Годуновѣ“ едвали ли не одновременно съ тѣмъ, какъ и Бродзинскій прочелъ съ умиленіемъ „Pana Tadeusza“ и призналъ наконецъ огромный талантъ Мицкевича. Точно такъ-же какъ Бродзинскому пришлось бороться съ Мохнацкимъ и Островскимъ, и Надеждинъ нашелъ сильнаго противника сначала въ Полевомъ, а впослѣдствіи въ Бѣлинскомъ.

И. Бѣлинскій, и Полевой однако во многомъ обязаны Надеждину, точно также какъ Островскій и другіе польскіе романтики не отрицали на себѣ благотворности вліянія Бродзинскаго въ первые годы его литературной дѣятельности.

К. Арабажинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПАРАЗИТИЗМѢ НѢКОТОРЫХЪ БОЛѢЗНЕТВОРНЫХЪ МИКРОБОВЪ НА РАСТЕНІЯХЪ.

(Экспериментальное изслѣдованіе).

Изъ лабораторіи Общей Патологіи Проф. В. В. Подвысоцкаго въ Кіевѣ.

Растенія имѣютъ огромное значеніе въ жизни многихъ животныхъ и человѣка, а потому рѣшеніе вопроса: могутъ, или не могутъ на нихъ паразитировать болѣзнетворные микробы, является весьма интереснымъ не только съ теоретической, но и съ практической точекъ зрѣнія. Экспериментальное рѣшеніе этого вопроса и послужило предметомъ настоящей работы.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что я не бралъ для опытовъ овощей и, вообще, тѣхъ растеній, которыя употребляются въ пищу человѣкомъ,—въ которыхъ, слѣдовательно, присутствіе болѣзнетворныхъ микробовъ опаснѣе всего.—По этому поводу я долженъ замѣтить, что во 1-хъ цѣль моей работы—убѣдиться, могутъ ли болѣзнетворные микробы паразитировать, вообще, *на какихъ бы то ни было* растеніяхъ, во 2-хъ работа начата была зимой и потому приходилось пользоваться не тѣми растеніями какія желательны, а какія имѣлись подъ рукой и въ 3-хъ, наконецъ, я не хотѣлъ брать для опытовъ многихъ видовъ растеній, такъ какъ изслѣдованіе ихъ, для меня, какъ не спеціалиста—ботаника, сопряжено съ затрудненіями. Вообще, я долженъ сказать, что предлагаемую работу я не считаю вполнѣ законченной: въ ней существуютъ пробѣлы, нѣкоторые вопросы не достаточно обработаны, но, во всякомъ случаѣ, факты добытые мною на столько интересны и новы, что я счелъ возможнымъ обнародовать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены ниже.

Понятно, что работать экспериментально надъ занимавшимъ меня вопросомъ можно было только при лабораторной обстановкѣ и я не могу не высказать здѣсь глубокой благодарности профессору В. В. Подвысоцкому, любезно предоставившему мнѣ всѣ средства, необходимыя для производства этой работы.

Считаю долгомъ поблагодарить также ассистента ботанико-физіологической лабораторіи Университета св. Владиміра И. К. Бордзиловскаго за нѣкоторыя указанія по вопросамъ чистой ботаники.

Давно извѣстно, что болѣзнетворные микробы могутъ жить и размножаться на мертвыхъ растительныхъ средахъ, какъ то: настояхъ сѣна, гороховины, вымоченныхъ зернахъ пшеницы и проч. Нѣкоторыя изъ такихъ средъ считаются даже особенно благопріятными для развитія микробовъ: вареный картофель, напримѣръ, представляетъ на столько благопріятную почву для развитія большинства болѣзнетворныхъ микробовъ, что употребляется въ лабораторіяхъ, какъ весьма цѣнная среда для полученія разводокъ.

Совсѣмъ другое дѣло—ткани живыхъ ростущихъ растеній. Эти послѣднія считались и по настоящее время считаются не благопріятной средой для развитія микроорганизмовъ. Мало того, прежде существовало мнѣніе, что растенія способны уничтожать микробовъ путемъ ассимиляціи, поэтому на живыя растенія смотрѣли, какъ на важный факторъ въ дѣлѣ очищенія почвы отъ микроорганизмовъ.

Такой взглядъ мы встрѣчаемъ у *Нэгели* [1]). Разсматривая условія существованія шизомицетовъ въ почвѣ и борьбу ихъ за существованіе съ другими грибами, онъ говоритъ:.... „Конкурентами не только шизомицетовъ, но и вообще всѣхъ низшихъ грибовъ являются корни высшихъ растеній. Почва пересѣченная многочисленными живыми корнями, достаточно свободна отъ всякихъ грибовъ, тогда какъ въ этой же самой почвѣ, какъ скоро корни засохнутъ, въ изобиліи размножается растительность, состоящая, смотря по количеству воды, изъ плѣсневыхъ грибковъ или шизомицетовъ“.

Этотъ взглядъ на роль растеній, въ дѣлѣ очищенія почвы отъ микробовъ, далеко не раздѣляется другими авторами.

---

[1]) *Нэгели, Карлъ:* Низшіе грибы и ихъ роль въ заразительныхъ болѣзняхъ и здоровьи человѣка. Русск. пер. 1879, г.

Straus [1]) говоритъ: „Le rôle depurateur de la vegetation à la surface du sol, n'a donc pas la puissance qu'on etait tenté de lui attribuer".

Не согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ Нэгели. также и *Дюкло* [2]). Основываясь на томъ фактѣ, констатированномъ *Pasteur'ом*ъ [3]), что зародыши resp. споры сибирской язвы были находимы на поверхности старыхъ могилъ, гдѣ, со времени зарыванія сибиреязвеннаго трупа, земля не была тронута, а равно и на поверхности другихъ могилъ, гдѣ она была подвергаема всѣмъ операціямъ культуры и жатвы, Дюкло дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „этотъ послѣдній фактъ показываетъ, что нужно отказаться отъ того, что бы найти въ растительной ассимиляціи универсальное средство очищенія и органическаго сгоранія, которое очень склонны искать въ ней. Большія растенія могутъ утилизировать первоначальные элементы, которые фабрикуются ниже ихъ въ черноземѣ низшими организмами, живущими тамъ на счетъ органическихъ веществъ, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе; но сами эти организмы, особенно ихъ зародыши, противостоятъ всякой ассимиляціи. Большое растеніе не разрушаетъ того, безъ чего оно само жить не можетъ".

Дѣйствительно, въ послѣднее время убѣждаются все болѣе и болѣе, что высшія растенія не только не разрушаютъ низомицетовъ, находящихся въ почвѣ, но даже могутъ, иногда, пользоваться услугами ихъ. Услуга, оказываемая растеніямъ почвенными микробами, основана на способности ихъ превращать свободный азотъ въ органическія соединенія. Давно извѣстно, напримѣръ, что растенія изъ семейства Papilionaceae могутъ образовать большія количества органическихъ веществъ, содержащихъ азотъ, не встрѣчая азотистыхъ веществъ въ той почвѣ, на которой онѣ ростутъ.

Hellriegel [4]) въ 1887 году, показалъ, что питаніе ихъ, въ этомъ случаѣ, происходитъ на счетъ азотистыхъ веществъ образуемыхъ микробами. (Послѣдніе помѣщаются въ небольшихъ узелкахъ,

---

[1]) *I. Straus*: Le charbon des animaux et de l'homme. 1887.

[2]) *Дюкло*: Ферменты и болѣзни 1883 стр. 122.

[3]) *M. Pasteur, Chamberland et. Roux*: Sur l'etiologie du charbon. Comptes Rendus de l'academie des sciences 1880. t. 91.

[4]) Врачъ 1887, № 6, стр. 157.

находящихся на корняхъ нормально растущихъ растеній этого семейства). Сравнительные опыты, произведенные *Hellriegel'*емъ, показали, что горохъ хорошо развивался и образовывалъ азотистыя вещества только на такой, не содержащей азота почвѣ, которая намѣренно была заражена микробами, на почвѣ же не зараженной микробами, посѣянный горохъ умиралъ.

Въ новѣйшее время эти микробы подвергаются тщательному изученію. Полезное вліяніе ихъ на питаніе растеній отмѣчаютъ также: *Beijernick* [1]), *Prazmovski* [2]), *Frank* [3]) и др.

Если, на основаніи имѣющихся фактовъ, мы должны признать, что растенія не разрушаютъ микробовъ и не въ состояніи ассимилировать ихъ, то, съ другой стороны, является вопросъ:—не могутъ ли микробы, находящіеся въ почвѣ и тѣсно соприкасающіеся съ корнями растеній, проникать внутрь ихъ (растеній) и жить тамъ въ качествѣ паразитовъ?.

Посмотримъ какія данныя имѣются въ литературѣ для рѣшенія этого вопроса:

Въ 1887 году д-ръ *Galippe* [4]), имѣя въ виду, что въ навозѣ, которымъ удобряются овощи и другія растенія, находится огромное количество микробовъ, между которыми могутъ быть и болѣзнетворные, задался цѣлью опредѣлить: не содержится ли микроорганизмовъ внутри растеній?—Онъ бралъ овощи, выращенныя на поляхъ Gennevilliers, которыя, какъ извѣстно, орошаются сточными водами Парижа, и, съ необходимыми бактеріологическими предосторожностями, производилъ посѣвы на питательныя среды частицъ, взятыхъ изъ средины моркови, лука, сельдерея, пастернака, брюквы, картофеля, свеклы, козельца, порея, салата, капусты и проч. Для каждой овощи онъ дѣлалъ 14—16 посѣвовъ. Эти посѣвы *всегда давали ему обильныя разводки микроорганизмовъ* и только посѣвы изъ чеснока дали отрицательный результатъ. Кромѣ овощей, взятыхъ изъ

---

[1]) *Beijernick, M. W*: Die Bakterien der Papilionaceenknöllchen, Centralblatt für Bacterie logie und Parasitenkunde, 1889 стр. 804.

[2]) *Prazmovski, A:* Ueber die Wurzelknöllchen der Leguminosen, Centralblatt für Bakteriologie und Parasitenkunde, 1889 стр. 805.

[3]) *Frank, B:* Ueber die Pilzsymbiose der Leguminosen. Centralblatt für Bakteriologie und Parasitenkunde, 1890, Bd. VII стр. 413.

[4]) *Galippe:* Sur la présence de micro-organismes dans les tissus vegetaux. La semaine medicale 1887 стр. 267.

полей Gennevilliers, *Galippe* изслѣдовалъ овощи, выращенныя въ другихъ мѣстностяхъ, при чемъ получилъ тѣ же самые результаты. Задавшись цѣлью констатировать лишь самый фактъ существованія микробовъ въ тканяхъ растеній, не касаясь вовсе вопроса патогенны ли эти организмы или нѣтъ, *Galippe*, изъ своей работы, дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) микроорганизмы, находящіеся въ почвѣ, могутъ проникать въ ткани растеній и механизмъ этого проникновенія остается не выясненнымъ; 2) количество микроорганизмовъ въ растеніяхъ, повидимому, зависитъ отъ количества микробовъ въ употребленномъ удобреніи.

Результаты полученные Galippe были на столько внушительны, что работа его вскорѣ была подвергнута провѣркѣ:

Въ слѣдующемъ 1888 году появилось изслѣдованіе *Fernbach*'а [1]). Выходя изъ того положенія, что во всякой удобренной почвѣ достаточно микробовъ для того, что бы они могли проникнуть въ растеніе, если только такое проникновеніе ихъ физіологически возможно, *Fernbach* не принуждалъ себя брать для опытовъ непремѣнно овощи, культивированныя въ Gennevilliers, а пользовался тѣми растеніями, которыя получались на рынкѣ. Онъ бралъ нѣсколько видовъ растеній resp. овощей: картофель, морковь, брюкву, свекловицу и томаты. Методъ, которому слѣдовалъ *Farnbach*, былъ тотъ же, что и у *Galippe* т. е. онъ, при всѣхъ бактеріологическихъ предосторожностяхъ, бралъ частицы мякоти растеній и дѣлалъ изъ нихъ посѣвы въ питательныя среды. Изъ представленной имъ таблицы видно, что изслѣдовано было всего 98 растеній, изъ которыхъ сдѣлано 555 посѣвовъ въ питательныя среды; при этомъ плодовитыхъ посѣвовъ оказалось 35 т. е. $6{,}3\%$, остальные же посѣвы были безплодны. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ *Fernbach* приходитъ къ заключенію, что здоровая растительная ткань не можетъ быть населяема микробами, а только случайно можетъ быть сопровождаема ими.

Вскорѣ послѣ работы *Fernbach*'а появилось изслѣдованіе *Di-Vestea* [2]). Послѣдній, желая провѣрить *Galippe*, производилъ опыты

---

[1]) ***Fernbach, M. A:*** De l'absence des microbes dans les tissus vegetaux. Annales de l'institut Pasteur, 1888, № 10, стр. 568.

[2]) ***Di Vestea, M. A:*** De l'absence des microbes dans les tissus vegetaux; Annales de l'institut Pasteur 1888 № 12 стр. 670.

надъ растеніями, культивированными въ окрестностяхъ Неаполя, гдѣ собираются городскія нечистоты. Для опытовъ онъ пользовался сердцевиной салата, который онъ называетъ „laïuc romaine". Методъ былъ тотъ же, что и у выше указанныхъ авторовъ т. е. онъ сѣялъ кусочки мякоти овощей въ питательныя среды. Выводы къ которымъ онъ пришелъ слѣдующіе: 1) посѣвы сдѣланные изъ растеній, которыя онъ самъ собиралъ, или которыя были принесены въ лабораторію съ поля свѣжими, оставались безплодными; 2) если тѣ же растенія оставались на воздухѣ въ теченіи 24 часовъ, то новыя пробы, взятыя изъ сердцевины, часто давали плодовитые посѣвы; 3) наконецъ, всякій разъ, когда онъ экспериментировалъ надъ растеніями купленными на рынкѣ, онъ, какъ и *Galippe*, получалъ посѣвы, которые всегда были плодовиты.

Этотъ послѣдній результатъ *Di Vestea* объясняетъ тѣмъ, что садовники и купцы, желая сохранить естественную свѣжесть своихъ товаровъ, смачиваютъ ихъ водой, которая, вообще, содержитъ большое количество микробовъ.

Изъ сказаннаго видно, что *Di-Vestea*, подобно *Fernbach'*у, пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ отрицательнымъ результатамъ; однако онъ оговаривается, что съ гигіенической точки зрѣнія все таки слѣдуетъ остерегаться употребленія въ пищу растеній, взятыхъ изъ полей орошаемыхъ сточной водой, такъ какъ растенія эти могутъ переносить микробовъ, приставшихъ къ ихъ поверхности, или даже случайно проникнувшихъ въ ихъ внутренность (напр. при помощи насѣкомыхъ).

Miquel [1]), реферируя въ прошломъ году работу Fernbach'а, отмѣчаетъ, что еще за 6 лѣтъ до появленія работы *Fernbach'*а онъ экспериментировалъ почти по тѣмъ же методамъ надъ овощами (бобами, морковью, рѣпою, брюквой, картофелемъ), собранными съ полей Gennevilliers и пришелъ къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ какъ и Fernbach. Результаты, полученные *Galippe*, онъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи или старые плоды, или, можетъ быть, поврежденные на нѣкоторыхъ мѣстахъ своей поверхности.

---

[1]) *Miquel*: *A. Fernbach*, De l'absence des microbes dans les tissus vegetaux; Annales de Micrographie 1889, № 5 стр. 245.

Cornil [1]), въ своей рѣчи, произнесенной въ Парижскомъ Сенатѣ по поводу орошенія полей сточными водами Парижа, также указываетъ, что нормальная растительная ткань безусловно противится проникновенію въ нее микробовъ.

Кромѣ опытовъ со взрослыми растеніями resp. овощами, нѣкоторые изслѣдователи старались опредѣлить не содержится ли микроорганизмовъ въ самомъ зародышѣ растеній,—въ сѣменахъ ихъ.

Въ концѣ 1888 года были опубликованы изслѣдованія *Hugo Bernheim'*а [2]), работавшаго въ лабораторіи проф. Lehmann'а и подъ руководствомъ послѣдняго. Для своихъ изслѣдованій *Bernheim* избралъ, главнымъ образомъ сѣмена маиса. Пользуясь, повидимому, всѣми современными бактеріологическими предосторожностями, онъ дѣлалъ посѣвы изъ средины содержимаго сѣмянъ въ питательныя среды (желатину); при этомъ ему удалось обнаружить въ сѣменахъ бактеріи и кокки. *Bernheim* довольно подробно описываетъ найденныхъ имъ микробовъ, ростъ ихъ на желатинѣ (муть образующуюся вокругъ посѣянныхъ кусочковъ зеренъ), способъ окраски, расположеніе микробовъ въ сѣменахъ, отношеніе ихъ къ клѣткамъ и т. п.

Результаты этой, на первый взглядъ, очень обстоятельной работы были вскорѣ опровергнуты.

Buchner [3]) отрицаетъ присутствіе микробовъ въ маисовыхъ зернахъ. Изъ результатовъ *Bernheim'*а, по его мнѣнію, былъ вѣренъ лишь тотъ фактъ, что кусочки эндоспермы маисовыхъ зеренъ, при помѣщеніи ихъ въ питательную желатину, окружались нѣжнымъ, бѣлымъ, прозрачнымъ ободкомъ. Этотъ ободокъ состоялъ, однако, не изъ бактерій или микрококковъ, какъ утверждалъ *Bernheim*, а изъ различной величины круглыхъ зернышекъ жира. Все явленіе, по мнѣнію *Buchner'*а, основано на томъ, что въ теплую желатину происходитъ диффузія масла, содержащагося въ значительномъ количествѣ въ эндоспермѣ маисовыхъ зеренъ: если желатину съ нѣсколькими частицами эндоспермы маисовыхъ зеренъ нагрѣть до тем-

---

[1]) Врачъ 1888, № 50, стр. 1015.

[2]) *Hugo Bernheim*: Die parasitären Bakterien der Cerealien; Medicinische Wochenschrift 1888 №№ 44 и 45 стр. 743 и 767.

[3]) Buchner: Notiz betreffend die Frage des Vorkommens von Bakterien im normalen Pflanzgewebe. Cbt. f. Bakteriologie und Parasitenkunde 1889, Bd. V стр. 341.

пературы кипѣнія и тотчасъ застудить, то такой ободокъ происходитъ въ нѣсколько минутъ.

Наконецъ самъ проф. *Lehmann* [1]) рѣшился провѣрить своего ученика. Онъ изслѣдовалъ бобы, каштаны, маисъ, горохъ и миндаль. Продѣлавъ надъ ними тѣ же опыты, что и *Bernheim*, онъ пришелъ къ заключенію, что послѣдній грубо ошибался. Выводы, къ которымъ пришелъ Lehmann, слѣдующіе: 1) нормальныя сѣмена растеній не содержатъ микробовъ; 2) муть, наблюдавшаяся на желатинѣ вокругъ обломковъ сѣмени, не состоитъ изъ микроорганизмовъ; она не состоитъ также и изъ жира, какъ утверждалъ *Buchner*, но изъ известковыхъ солей, при чемъ многое говоритъ за то, что соли эти нужно принимать за фосфатъ кальція.

Если бы мы теперь подвели итогъ всѣмъ представленнымъ изслѣдованіямъ и при этомъ задали себѣ вопросъ, содержатся или не содержатся въ произростающихъ растеніяхъ микробы, то мы затруднились бы дать категорическій отвѣтъ.

Дѣйствительно, на основаніи работъ большинства выше указанныхъ авторовъ, мы должны придти къ заключенію, что нормально произростающія растенія не содержатъ въ своихъ тканяхъ микробовъ, а если и содержатъ ихъ, то какъ случайную примѣсь, чаще всего находящуюся на ихъ поверхности. Съ другой стороны мы указали также и такихъ изслѣдователей, которые доказываютъ противное т. е. что и въ нормально произростающихъ растеніяхъ находятся микроорганизмы.

Если даже мы отнесемся съ недовѣріемъ къ работѣ *Bernheim*'а, какъ опровергнутой самымъ Lehmann'омъ, подъ руководствомъ котораго она производилась, то у насъ все таки останутся данныя *Galippe*, съ которыми мы не можемъ не считаться. Нужно быть совсѣмъ не знакомымъ съ бактеріологическими способами изслѣдованія или игнорировать всѣми правилами предосторожности, что бы получить такіе результаты, какіе были получены Galippe; между тѣмъ мы его не можемъ заподозрить ни въ томъ, ни въ другомъ. На возраженія, сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ, при докладѣ въ Па-

---

[1]) Lehmann, K, B: Erklärung in Betreff der Arbeit von Herrn Dr Hugo Bernheim: „Die parasiten Bakterien der Cerealien". Centralblatt für Bakteriologie und Parasitenkunde, 1889, № 22, Bd. V, стр. 732.

рижскомъ біологическомъ Обществѣ, *Galippe* отвѣчалъ, что результаты его обезпечены на столько же, на сколько вообще обезпечена чистота строго произведенныхъ бактеріологическихъ посѣвовъ. Онъ работалъ съ совершенно здоровыми и неповрежденными растеніями. Противъ заноса микробовъ извнѣ между прочимъ говоритъ тотъ фактъ, что для нѣкоторыхъ растеній, напримѣръ для салата и капусты, положительные результаты доходятъ до 100%; для другихъ же, хотя число плодовитыхъ посѣвовъ и меньше, но все таки значительно: напр. для картофеля 50—60%. Наконецъ индифферентные объекты, напримѣръ кусочки пемзы, предварительно стерилизованные, и, помѣщенные въ тѣ же условія какъ и растенія, оставались безплодными. Вообще же *Galippe* думаетъ, что гистологическое строеніе растеній едва ли можетъ составлять препятствіе для проникновенія микробовъ въ ихъ толщу.

На основаніи изложеннаго, мнѣ кажется, необходимо все таки допустить, что существуютъ условія, при которыхъ даже нормально произростающія растенія могутъ содержать микробовъ внутри тканей. Во всякомъ же случаѣ, вопросъ объ отношеніи микроорганизмовъ къ тканямъ живыхъ растеній, по моему мнѣнію, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Что ткани живыхъ растеній не составляютъ абсолютнаго препятствія для проникновенія и паразитизма въ нихъ микробовъ имѣется достаточно данныхъ:

Вакеръ [1]), изслѣдуя такъ называемую „желтую болѣзнь гіацинтовъ", нашелъ, что эта болѣзнь производится бактеріей, длина которой 2,5 μ., а ширина въ 2—4 раза меньше. Бактеріи скопляются въ слизисто желтыя массы, которыя во время покоя вегетаціи наполняютъ сосуды и ткани сосудныхъ пучковъ въ луковичныхъ чешуяхъ. Ко времени цвѣтенія онѣ подымаются также и въ листья и здѣсь не ограничиваются одними только сосудными пучками, но проникаютъ въ межклѣтные ходы и въ клѣтки листовой паренхимы, наполняя первыя, разрушая послѣднія, и наконецъ выступаютъ наружу чрезъ растрескивающуюся кожицу (эпидермъ).

Бурриллъ [2]) въ Урбанѣ (Иллинойсъ) описываетъ подъ названі-

---

[1]) *Де-Бари, А:* лекціи о бактеріяхъ 1886 стр. 144.

[2]) *Де-Бари, А:* лекціи о бактеріяхъ (l. c.).

емъ „blight“ особую болѣзнь грушевыхъ и яблочныхъ деревъ, причину которой сводитъ къ нападенію одной бактеріи, а именно продолговатаго микрококка (?), клѣтки котораго достигаютъ приблизительно 1 μ. длины. Болѣзнь эта состоитъ въ отмираніи коры, которое бываетъ сначала строго локализированнымъ, но можетъ потомъ распространиться далѣе, охватить собою со всѣхъ сторонъ пораженную вѣтвь или стебель и умертвить ихъ. *Буррилль* находилъ этотъ микрококкъ на пораженныхъ мѣстахъ проникшимъ въ клѣтки, въ которыхъ, по мѣрѣ его развитія, исчезали нормальныя составныя части ихъ содержимаго, въ особенности крахмалъ, при одновременномъ развитіи углекислоты, водорода и масляной кислоты. Многочисленные опыты зараженія, произведенные посредствомъ введенія микрококка въ небольшіе разрѣзы или проколы въ кору здоровыхъ грушевыхъ и яблочныхъ деревъ дали положительные результаты.

Heinz [1]) описываетъ заболѣваніе гіацинтовъ, зависящее отъ палочковидной бактеріи, которую онъ называетъ „bacillus hyacinthi septicus“. При заболѣваніи гіацинта верхушки его листьевъ сморщиваются, желтѣютъ и засыхаютъ на протяженіи нѣсколькихъ сентиметровъ; цвѣты или отпадаютъ почками, или раскрываются неправильно и также вскорѣ отпадаютъ. Микроскопическое изслѣдованіе показало, что заболѣваніе производится бактеріей, которая находится въ межклѣточныхъ ходахъ, омертвѣвшихъ клѣткахъ и сосудахъ. Найденная бактерія подвижна, съ округленными концами, длиною 4—6 μ. и толщиною около 1 μ., располагается всегда въ одиночку. Она растетъ на всѣхъ питательныхъ средахъ. При прививкахъ ея подъ эпидерму листьевъ гіацинта, уже чрезъ сутки наблюдается заболѣваніе этихъ частей: вокругъ укола, на протяженіи 3 сентиметровъ, ткани размягчаются, части становятся прозрачными и отпадаютъ. Ткань листа, включительно съ эпидермой, на указанномъ протяженіи вокругъ мѣста укола измѣняется (какъ и при естественномъ зараженіи) въ характерную слизисто-грязную, гнило пахнущую, кашицеобразную массу. Распространеніе бациллъ съ мѣста укола весьма быстрое: если привить ихъ у основанія листа длиною 15—20 сент., то бациллы чрезъ 24 часа могутъ быть найдены въ паренхимѣ листа на разстояніи 5—10 сент. отъ мѣста прививки. Кромѣ гіа-

[1]) *Heinz, A*: Centralblatt für Bacteriologie und Parasitenkunde, 1889 т. V стр. 535.

цинтовъ прививки этой бактеріи удались на листьяхъ и луковицахъ Allium Cepa, напротивъ, опыты съ другими растеніями (Richardia, Chlorophytum, Triticum, Phaseolus и пр.) дали отрицательный результатъ.

Бурилль [1]) наблюдалъ заболѣваніе ржи, при которомъ, по его мнѣнію, играютъ существенную роль почвенныя условія. На одномъ большомъ полѣ ржи онъ, именно, могъ наблюдать, что на той части поля, гдѣ прежде были болота, заболѣвали всѣ растенія, между тѣмъ какъ на сухихъ частяхъ его росли большею частью нормальные экземпляры. Заболѣваніе состояло въ томъ, что пораженное растеніе скоро переставало расти, желтѣло, на листьяхъ, стеблѣ и корняхъ его получались темныя, слизистыя пятна и въ короткое время оно умирало. Если удалить растеніе изъ нездоровой почвы, то нѣкоторое время оно можетъ еще развиваться, но позднѣе все таки погибаетъ. При микроскопическомъ изслѣдованіи онъ находилъ массу микробовъ палочковидной формы, а также шаровидныхъ. Обѣ формы, какъ показали чистыя культуры принадлежали одному и тому же виду. Изслѣдованныя имъ бактеріи неподвижны, быстро размножаются при обыкновенной температурѣ, при температурѣ же выше 36°C. ростъ ихъ пріостанавливается; желатины не разжижаютъ; образованія споръ въ нихъ не наблюдалось.

Kellerman и Swinge [2]) нашли, что растеніе Sorghum поражается болѣзнью, которую они называютъ „Sorghum Blight“. Болѣзнь причиняется бактеріей, которая сначала появляется на листьяхъ, но за тѣмъ поражаетъ корни и ведетъ самое растеніе къ гибели. Прививки чистой культуры на растенія Sorghum удались изъ 9 въ 6 случаяхъ. Нѣкоторые виды Sorghum, не содержащіе сахара (Sorghum vulgare) этой палочкой не заражаются.

Работы приведенныхъ авторовъ уже достаточно показываютъ, что растенія не представляются иммуными ко всѣмъ микробамъ, но что послѣдніе нерѣдко могутъ обусловливать патологическіе процессы въ растеніяхъ и даже могутъ вести ихъ къ гибели.

Однако всѣ бактеріальныя заболѣванія растеній имѣли бы для насъ, врачей, лишь косвенный интересъ, если бы бактеріи, обу-

---

[1]) *Burill, T.*: A bacterial disease of corn; Centralblatt für Bakteriologie und Parasitenkunde 1890, Bd. VII стр. 70.

[2]) *Kellerman W. A.* and *Swinge W. T.*: Sorghum Blight; Centralblatt für Bakteriologie und Parasitenkunde, 1890, Bd. VII, стр. 169.

словливающія эти заболѣванія оставались безвредными для животныхъ. Если же растеніе способно питать хотя бы одинъ видъ микробовъ патогенныхъ для животныхъ, то это обстоятельство, (въ виду важности растеній въ жизни многихъ животныхъ и человѣка), имѣло бы въ нашихъ глазахъ уже большое значеніе.

Къ сожалѣнію, по вопросу объ отношеніи болѣзнетворныхъ микробовъ къ растеніямъ, въ литературѣ почти не существуетъ никакихъ данныхъ. Здѣсь имѣются только болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія, основанныя частью на изслѣдованіи выше указанными авторами нормальныхъ растеній, частью же на клиническихъ наблюденіяхъ,

Раевскій [1]), по поводу этіологіи сибирской язвы говоритъ: „съ давнихъ временъ существуетъ мнѣніе, что трава, выростающая на могилахъ, въ которыхъ зарыты трупы животныхъ, погибшихъ отъ сибирской язвы и поѣдаемая животными, производитъ у нихъ зараженіе. Въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ зараза выносящаяся на поверхность почвы токами воздуха или высоко поднимающеюся грунтовою водою (въ болотахъ) можетъ приставать къ растеніямъ. Возможно предполагать также, что ядъ сибирской язвы, накопляясь въ большомъ количествѣ въ поверхностныхъ слояхъ почвы *можетъ подыматься въ самыя растенія, проникая чрезъ поры корней*. Но здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ районахъ сибирской язвы, во время ея развитія, весьма легко ошибиться въ источникѣ зараженія. Доказать заразительность травы, ростущей на сказанныхъ могилахъ, можно только путемъ эксперимента, весьма хорошо обставленнаго, а такихъ экспериментовъ до сихъ поръ не сдѣлано".

Прямые опыты, произведенные съ цѣлью выясненія отношенія патогенныхъ микробовъ къ растеніямъ принадлежатъ *Grancher* и *Deschamps'*у [2]).

Изслѣдованія ихъ касаются брюшно-тифозныхъ палочекъ. Для опыта былъ приготовленъ ящикъ-питомникъ, раздѣленный сплошными перегородками и въ эти послѣднія были посѣяны сѣмена редиса и моркови. Посѣянныя сѣмена въ однѣхъ перегородкахъ орошались стерелизованной водой со взвѣшенными въ ней тифозными бациллами,

---

[1]) *Раевскій А. А.*: Руководство къ изученію инфекціонныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ (Epizootologia) 1880, стр. 88.

[2]) *I. Grancher* и *E. Deschamps* Recherches sur le bacille typhique dans le sol, Archives de medicine experimentale et d'anatomie pathologique, 1889, № 1, стр. 33.

въ другихъ же перегородкахъ сѣмена бациллами не орошались. Въ теченіе періода проростанія (около мѣсяца) всего вылито было на сѣмена 20 колбъ тифозной культуры, размѣшанной въ 10 литрахъ стерелизованной воды. Изъ пульпы растеній, выросшихъ при указанныхъ условіяхъ, были сдѣланы посѣвы на питательную желатину, но безуспѣшно,—никакой разводки при этомъ не получилось. Такіе же отрицательные результаты были получены при посѣвахъ изъ салата, который росъ при тѣхъ же условіяхъ. Кромѣ того, для контроля, были изслѣдованы редисъ и морковь изъ госпитальнаго сада, а также редисъ, морковь и спаржа съ полей Gennevilliers;—результаты и здѣсь получились отрицательные (одна только редиска изъ госпитальнаго сада дала разводку обыкновенныхъ (?) микробовъ, но, по мнѣнію авторовъ, эта редиска была повреждена).—Въ виду всего сказаннаго авторы приходятъ къ заключенію, что тифозныя бациллы и микробы свойственные почвѣ не проникаютъ въ пульпу здоровыхъ овощей.

Если, на основаніи имѣющихся въ литературѣ данныхъ, нельзя считать вопроса объ отношеніи микробовъ почвы къ растеніямъ, произростающимъ на той же почвѣ, вполнѣ выясненнымъ и законченнымъ, то вопросъ объ отношеніи *болѣзнетворныхъ микробовъ* къ тѣмъ же растеніямъ долженъ считаться почти не початымъ. Между тѣмъ рѣшеніе послѣдняго вопроса имѣетъ, по моему мнѣнію, важное значеніе не только съ теоретической, но и съ практической точекъ зрѣнія.

Прежде всего оно имѣетъ значеніе для уясненія этіологіи тѣхъ инфекціонныхъ заболѣваній resp. эпизоотій, въ происхожденіи которыхъ питаніе растеніями (травами) играетъ выдающуюся роль. Первою, въ ряду этихъ заболѣваній, я поставилъ бы сибирскую язву. Дѣйствительно, клинически давно замѣчено, что питаніе травами на поляхъ, гдѣ были когда нибудь зарыты сибиреязвенныя животныя, причиняетъ заболѣваніе той же болѣзнью. Въ этомъ согласны и *Pasteur*, и *Koch*, а за ними *Straus*, *Duclaux* и др. Существуютъ даже цѣлыя поля, которыя пріобрѣли печальную славу и названіе „проклятыхъ полей“. На эти поля, говоритъ Duclaux (стр. 114. l. c.), „никогда не выгоняютъ пастись животныхъ, особенно овецъ“.

Но такія травы опасны и могутъ вызывать заболѣванія не только въ періодъ произростанія на зараженныхъ поляхъ,—они опасны

также и тогда, когда будутъ собраны и консервированы въ видѣ сѣна. *Френкель* [1]) говоритъ: „споры сибирской язвы воспринимаются животными во время пастбы вмѣстѣ съ кормомъ или же попадаютъ въ скошенное сѣно и впослѣдствіи дѣлаются, въ зимнее время, причиной неожиданно появляющихся конюшенныхъ эпидемій.

Какимъ же образомъ растенія вызываютъ заболѣванія сибирской язвой?

Роль растеній при зараженіи животныхъ сибирской язвой до сихъ поръ сводится къ двумъ моментамъ:

а) Главный моментъ, вліяющій на зараженіе животныхъ,—это загрязненіе травъ спорами сибирской язвы. Споры, находящіяся на поверхности земли, или, вынесенныя изъ глубины ея, пристаютъ къ травамъ какъ пыль, грязь и пр., и впослѣдствіи заносятся въ кишечникъ животныхъ съѣдающихъ эти травы. Дѣйствительно, *Pasteur* (l. c.) показалъ, что такой путь зараженія возможенъ: онъ давалъ овцамъ ѣсть кормъ загрязненный спорами сибирской язвы и наблюдалъ при этомъ между ними значительную смертность.

б) Другой моментъ, способствующій зараженію животныхъ растеніями, сводится къ чисто механическимъ условіямъ. Въ этомъ случаѣ принимаютъ во вниманіе физическія свойства кормовыхъ травъ т. е. ихъ жесткость, колючесть и проч. Жесткія, колючія травы легко вызываютъ раненія въ томъ или другомъ мѣстѣ пищеварительнаго тракта и такимъ образомъ способствуютъ внѣдренію заразы и переходу ея въ кровь. *Pasteur* (l. c.) произвелъ прямые опыты въ этомъ направленіи, которые подтвердили только что высказанное: онъ примѣшивалъ къ корму смѣшанному со спорами сибирской язвы колючіе предметы, напримѣръ, острые высушенные листья волчеца (чертополоха) или ости колосьевъ ячменя и при этомъ замѣчалъ увеличеніе смертности между овцами.

Д-ръ Maurans [1]) также подтвердилъ это вліяніе колючей пищи на зараженіе. Скотохозяева округа Aix en Provence жаловались *Maurans*'у, что ежегодно случаи сибирской язвы совпадаютъ у нихъ со второй половиной августа, когда сильно падаютъ листья миндальнаго дерева (amygdalus dalcis), при чемъ заболѣванія бываютъ только въ жаркіе дни. Изслѣдованіе показало, что черешки и зубчики отпадающихъ листьевъ миндальнаго дерева, высыхая въ жаркіе дни,

[1]) Врачъ 1883 г. № 39. стр. 623.

дѣлаются жесткими и колючими, въ сырое же время и тотчасъ послѣ утренней росы мягки и потому не могутъ причинять раненій.

Что бы провѣрить скотохозяевъ, *Maurans* взялъ 8 овецъ и раздѣлилъ ихъ на двѣ группы: одна группа паслась только ночью, а другая не только ночью но и днемъ. Изъ первой группы не заболѣла ни одна овца, а изъ второй пали отъ сибирской язвы двѣ овцы.

Вотъ этимъ двумъ моментамъ: механическому загрязненію корма и его жесткости отводится главное мѣсто въ случаяхъ зараженія сибирской язвой.—Но исчерпывается ли этими двумя моментами все вліяніе растеній на зараженіе? Не могутъ ли растенія содержать микробовъ сибирской язвы внутри своихъ тканей и, такъ сказать, нести въ себѣ самихъ заразу?—Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ.

Выясненіе отношенія патогенныхъ микробовъ къ растеніямъ важно не только для этіологіи эпизоотій, но имѣетъ большое значеніе и для этіологіи инфекціонныхъ заболѣваній человѣка. Вѣдь и въ жизни человѣка растенія играютъ существенную роль! Правда, человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, принимаетъ растительную пищу, предварительно подвергая ее высокой температурѣ, но есть цѣлый рядъ овощей и плодовъ, которые принимаются въ пищу сырыми, какъ то: огурцы, салатъ, редисъ, арбузы, дыни и проч. [1]).

Припомнимъ теперь, что овощи, которыми мы питаемся часто произрастаютъ на почвѣ, въ которой находится масса не только безвредныхъ микробовъ, но могутъ быть и патогенные. Количество послѣднихъ, а priori, должно быть особенно велико во время эпидемій на такъ называемыхъ „поляхъ для орошенія“, которыя искусственно удобряются сточными водами, содержащими городскія нечистоты.

Мы до сихъ поръ не можемъ быть увѣрены, что питаясь овощами, произростающими на этихъ поляхъ, мы не рискуемъ вмѣстѣ съ мясомъ овощей принять и тѣхъ микробовъ, или ихъ зародышей, которые мы всѣми силами стремились удалить изъ городовъ и нашихъ жилищъ! Возможность этой опасности и вызываетъ горячіе дебаты всякій разъ какъ вводится канализація въ томъ или другомъ городѣ и идетъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ на „поля орошенія“.

Въ концѣ 1888 года во Французскомъ Сенатѣ разбирался въ

---

[1]) Поэтому совѣтъ *Di-Vestea* (l. c.) употреблять во время эпидемій растенія основательно прокипяченными имѣетъ лишь относительное значеніе.

законодательномъ порядкѣ вопросъ о загрязненіи рѣкъ и объ орошеніи полей сточными водами.—Проф. *Cornil* [1]), въ своей рѣчи, произнесенной по этому поводу, указалъ, что средство противъ загрязненія Сены сточной водой предложенное правительствомъ и принятое городскимъ управленіемъ Парижа, заключается въ пропусканіи сточныхъ водъ чрезъ почву полей въ Gennevilliers, Garenne'ѣ, Romainville'ѣ, Achères'ѣ и въ лѣсу Saint-Germain. Приводя затѣмъ доводы въ пользу системы орошенія Cornil между прочимъ высказалъ слѣдующую мысль: „говорятъ, что, снимая овощи съ орошаемыхъ полей, вмѣстѣ съ ними снимаютъ и прилипшую къ нимъ землю; въ землѣ же этой имѣются болѣзнетворные организмы, стало быть вмѣстѣ съ овощами можно де вводить въ тѣло организмы брюшнаго тифа, холеры и т. д.; но ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается; не было ничего подобнаго и въ тѣхъ общинахъ, которыя, если бы эти предположенія были вѣрны, должны были бы страдать особенно сильно, т. е. въ общинахъ расположенныхъ близъ полей орошенія". Наконецъ, Cornil, ссылаясь на свои собственныя изслѣдованія и на изслѣдованія другихъ авторовъ, заявилъ что растительная ткань безусловно противится проникновенію микроорганизмовъ и что послѣдніе встрѣчаются въ ней лишь тогда, когда она омертвѣла.

Однако доводы Cornil'я противъ возможности занесенія заразы съ овощами едва ли могутъ быть безусловно приняты, такъ какъ мы уже ранѣе видѣли, что имѣющихся въ литературѣ данныхъ еще не достаточно для рѣшенія этого вопроса.

Что касается факта приведеннаго Cornil'емъ, будто санитарныя условія Gennevilliers и большаго числа городовъ, пользующихся орошеніемъ полей, не страдаютъ отъ этого орошенія, то уже сенаторъ *Leon Say* [2]), возражавшій, *Cornil'*ю и, передававшій, въ сущности, возраженія *Pasteur'*а, (который, какъ не сенаторъ, не могъ участвовать въ преніяхъ въ Сенатѣ, но сообщилъ Say всѣ свои возраженія), замѣтилъ, что это объясняется, быть можетъ, постепеннымъ привыканіемъ населенія къ заразѣ.—Pasteur съ ужасомъ отнесся бы къ мысли замѣнить неселеніе Gennevilliers такимъ же числомъ другихъ людей, прибывшихъ изъ здоровой мѣстности, въ которой нѣтъ, напримѣръ, брюшнаго тифа.

---

[1]) Врачъ 1888, № 50 стр. 1015 (l. c.).

[2]) Врачъ 1888, стр. 1015 (l. c.).

Къ этому мы можемъ прибавить, что случаи зараженія растеніями, произростающими на поляхъ орошенія, если бы они и были, легко могли быть просмотрѣны или отнесены къ другимъ причинамъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ этіологіи инфекціонныхъ заболѣваній, до послѣдняго времени, растеніямъ не придавали никакого значенія. Ихъ не считали источникомъ болѣзни, такъ какъ на растеніе привыкли смотрѣть какъ на организмъ, который, при всѣхъ условіяхъ своей жизни, свободенъ отъ какихъ бы то ни было микробовъ.

Въ виду изложеннаго, мнѣ кажется, можно будетъ категорически высказаться за или противъ системы орошенія полей сточными водами только тогда, когда будутъ строго изучены, между прочими условіями, также и отношеніе натогенныхъ микробовъ къ растеніямъ, произростающимъ на этихъ поляхъ.

По этому то я и задался цѣлью прослѣдить: не могутъ ли микробы, болѣзнетворные для животныхъ найти въ тканяхъ произрастающаго растенія почву благопріятную для ихъ существованія?

Для опытовъ я взялъ палочки сибирской язвы, палочки брюшнаго тифа и златококкъ.

Растенія, служившія для опытовъ были, главнымъ образомъ пшеница (Triticum vulgare) и Crinum giganteum [1]), а отчасти также гречиха (Polygonum fagopyrum), клеверъ (Trifolium pratense), бузина (Sambucus nigra), гіацинтъ (Hyacinthus orientalis) и тюльпанъ (Tulipa).

Подойти къ рѣшенію намѣченнаго вопроса я старался двумя путями: 1) наносилъ раненія воздушнымъ органамъ (чаще всего листьямъ) одного изъ указанныхъ выше растеній и приводилъ раненое мѣсто въ соприкосновеніе съ опредѣленнымъ видомъ микробовъ т. е. говоря проще, дѣлалъ прививки, 2) давалъ возможность сѣменамъ, (чаще всего сѣменамъ пшеницы), произростать на почвѣ зараженной болѣзнетворными микроорганизмами.

Соотвѣтственно этимъ двумъ путямъ я раздѣляю свою работу на двѣ части: въ I-й части ея я буду говорить объ опытахъ надъ воздушными органами растеній, въ II-й же, объ опытахъ надъ произростаніемъ растеній на зараженной почвѣ.

---

[1]) Это растеніе, пріобрѣтенное мною какъ Agapanthus, и подъ этимъ именемъ помѣщенное въ моемъ предварительномъ сообщеніи (Врачъ 1890, № 6), при болѣе тщательномъ изслѣдованіи его листьевъ и цвѣтовъ оказалось Crinum giganteum изъ сем. Amarylidaceae).

I.

ОПЫТЫ

СЪ НАДЗЕМНЫМИ (ВОЗДУШНЫМИ) ОРГАНАМИ РАСТЕНІЙ.

А). Методы изслѣдованія.

Изъ надземныхъ органовъ растеній я бралъ для своихъ экспериментовъ, главнымъ образомъ, листья и при томъ чаще всего листья пшеницы (Triticum vulgare) и листья Crini gigantei.

Опыты состояли, какъ сказано выше, въ прививкахъ патогенныхъ микробовъ: палочекъ сибирской язвы, палочекъ брюшнаго тифа и златококка. При этомъ почти исключительно употреблялись микробы, культивированные на поверхности варенаго картофеля.

Прививка микробовъ въ листья производилась какъ у очень молодыхъ, такъ и у взрослыхъ растеній.

Для зараженія очень молодыхъ экземпляровъ растеній предварительно дѣлался посѣвъ сѣмянъ пшеницы въ землю или вату; чрезъ нѣсколько дней, когда зеленый ростокъ пшеницы достигалъ 2—5 сент. надъ поверхностью почвы, въ него дѣлался болѣе или менѣе глубокій вколъ иглой, зараженной тѣмъ видомъ микробовъ, надъ которымъ я желалъ вести опытъ. Послѣ зараженія, растеніе оставалось при обыкновенной комнатной температурѣ или помѣщалось въ термостатъ, при температурѣ 27—28°Ц. Чтобы не лишать растенія необходимаго для нихъ свѣта, передняя стѣнка термостата устраивалась стеклянная.

При опытахъ надъ взрослыми растеніями я старался избѣгать такихъ растеній, листовая пластинка которыхъ очень тонка, (какъ

напр. у пшеницы). Такіе листья неудобны для прививокъ, потому что вколъ зараженной иглой приходится дѣлать очень поверхностно, вслѣдствіе чего привитое мѣсто скоро засыхаетъ, или загрязняется другими грибами попадающими изъ воздуха. Болѣе удобнымъ для опытовъ, казалось мнѣ растеніе принадлежащее къ семейству Амариллисовыхъ—Crinum giganteum. Длинные, сидячіе листья этого растенія, какъ и большинство листьевъ однодольныхъ, линейные и цѣльнокрайные; они довольно толсты и сочны; реакція ихъ сока слабо кислая [1]).

Если разсматривать зеленую пластинку листа при проходящемъ свѣтѣ, то легко замѣтить на ней продольныя жилки (сосудные пучки), направляющіяся почти параллельно другъ другу отъ основанія къ верхушкѣ листа; между каждыми двумя параллельными жилками расположенъ рядъ поперечныхъ (послѣднія перпендикулярны къ параллельнымъ). Вслѣдствіе такого расположенія продольныхъ и поперечныхъ жилокъ вся пластинка листа представляется состоящей изъ множества не большихъ четырехъ-угольныхъ ячеекъ, расположенныхъ рядами, параллельно продольной оси листа (см. фиг. I и II). Если сдѣлать разрѣзъ листа параллельно верхней или нижней поверхностямъ его, то, указанныя выше поперечныя и продольныя жилки представляются въ видѣ перегородокъ а пространство между ними составляетъ полость наполненную воздухомъ (воздушное пространство).

Я остановился нѣсколько долѣе на описаніи макроскопическаго вида листьевъ Crini gigantei, потому что строеніе ихъ оказалось весьма удобнымъ для моихъ опытовъ.

Въ воздушныя полости одной или нѣсколькихъ, указанныхъ выше ячеекъ я вводилъ патогенные микробы и затѣмъ, при нѣкоторыхъ опытахъ, могъ изо дня въ день слѣдить невооруженнымъ глазомъ оказываетъ ли зараза вліяніе на сосѣдніе съ пораженными ячейки и какое именно число ихъ вовлечено въ страданіе, или же процессъ остается строго локализированнымъ на мѣстѣ прививки.

Зараженіе листьевъ Crini gigantei дѣлалось такъ: прежде всего листъ, на которомъ должна быть сдѣлана прививка, обмывался крѣп-

---

[1]) При своихъ опытахъ я предпочиталъ растенія съ слабо кислой реакціей сока, такъ какъ извѣстно, что рѣзко кислая реакція среды не только мѣшаетъ развитію находящихся въ ней микробовъ, но даже прямо можетъ убивать ихъ.

кимъ растворомъ сулемы (1:1000) и высушивался кускомъ стерелизованной ваты, затѣмъ въ него вкалывалась прокаленная платиновая игла: игла продвигалась между верхней и нижней поверхностями листа (по продольной оси) и при этомъ проходила, конечно, чрезъ воздушныя полости одной или нѣсколькихъ, (1—10) указанныхъ выше, ячеекъ; въ образовавшійся каналъ вводились на концѣ прокаленной платиновой иглы заражающіе микробы и, отверстіе оставшееся отъ вкола иглы, заливалось коллодіемъ.

Въ другихъ случаяхъ я пользовался для введенія микробовъ въ рану листа не платиновой проволокой, а стекляной капилярной трубкой, въ которую насасывались микробы, разболтанные въ стерелизованной водѣ.

Послѣ зараженія растеніе оставалось при комнатной температурѣ, или же переносилось въ термостатъ, гдѣ температура поддерживалась на 27—28°Ц. По истеченіи 3—42 дней послѣ прививки зараженные листья изслѣдовались микроскопически, а также изъ нихъ дѣлались посѣвы въ питательныя среды и производились прививки животнымъ [1]).

При другихъ опытахъ я не причинялъ никакихъ раненій растенію, а только приводилъ листья его въ тѣсное соприкосновеніе съ микробами. Достигалъ я этого двумя путями: погружалъ листья растенія въ обезпложенную воду, въ которой былъ разболтанъ тотъ или другой видъ микробовъ, или же просто смазывалъ листья ростущаго растенія чистой разводкой того микроба, съ которымъ желалъ вести опытъ. Въ послѣднемъ случаѣ, что бы предохранить находящуюся на листѣ разводку отъ высыханія, все растеніе помѣщалось въ стекляную чашку съ водой, покрывалось воронкой, верхнее отверстіе которой закрывалось ватной пробкой и оставлялось въ термостатѣ при температурѣ 27—28° Ц; испаряющаяся въ чашкѣ вода осаждалась на листьяхъ, поддерживая на нихъ влажность. По истеченіи 1—15 дней листья изслѣдовались микроскопически.

---

[1]) Посѣвы въ питательную желатину дѣлались такъ: кусочекъ ткани растенія въ которомъ подозрѣвалось присутствіе микробовъ я бросалъ въ разогрѣтую желатину, или же ткань растенія немного раминалась платиновой иглой и, концомъ той же иглы, дѣлался вколъ въ застывшую желатину или проводилась черта на вареномъ картофелѣ.

Животнымъ прививались подъ кожу кусочки ткани, взятые изъ пораженныхъ участковъ растенія.

Кромѣ листовыхъ пластинокъ я заражалъ также черешки листьевъ и стебли растеній. Прививки здѣсь производились также какъ и на листовыхъ пластинкахъ т. е. въ черешекъ листа или въ стебель вкалывалась игла, зараженная микробами, или же дѣлался надрѣзъ, въ который затѣмъ вводились микробы.

Растенія, назначенныя для микроскопическаго изслѣдованія, уплотнялись въ спиртѣ и затѣмъ изслѣдовались на срѣзахъ, сдѣланныхъ отъ руки или при помощи микротома.

Окраска бактерій въ растительныхъ тканяхъ велась по способамъ, которые приняты для окраски тѣхъ же бактерій въ животныхъ тканяхъ. Если окрашивались объекты, приготовленные изъ растеній зараженныхъ сибирской язвой или златококкомъ, то производилась двойная окраска: сначала изслѣдуемый препаратъ обрабатывался борнымъ карминомъ Герлаха и обезцвѣчивался въ жидкости, состоящей изъ 70 ч. спирта, 30 ч. воды и 20 капель соляной кислоты; затѣмъ онъ переносился, послѣдовательно, въ растворъ генціана-віолетъ въ анилиновой водѣ (на 15—20 минутъ), въ слабый спиртно-водный растворъ пикриновой кислоты, спиртъ, гвоздичное масло и канадскій бальзамъ. При такой обработкѣ препарата, протоплазма клѣтокъ окрашивается въ розовый цвѣтъ, ядра—въ красный, сосуды и оболочки клѣтокъ—въ голубой, а бактеріи—въ интенсивно фіолетовый цвѣтъ.

Тифозныя палочки окрашивались жидкостями *Loeffler'a* и *Ziehl'я*.

Всѣхъ опытовъ надъ растеніями произведено мною до 300.

Б). Макроскопическія измѣненія привитыхъ листьевъ.

Прививки микробовъ въ листья растеній, въ большинствѣ случаевъ, не давали характерныхъ макроскопическихъ измѣненій, которыя можно было бы поставить въ непосредственную связь съ введенными микробами: въ первые дни послѣ зараженія молодыхъ ростковъ пшеницы, они продолжали развиваться и не измѣняли своего зеленаго цвѣта. Рана, нанесенная прививной иглой, слегка зіяла и также не измѣнялась въ цвѣтѣ; иногда только края прививнаго укола немного бурѣли вслѣдствіе высыханія.

Бывали случаи, что, при дальнѣйшемъ развитіи ростка пшеницы, на выроставшихъ листьяхъ замѣчались нѣкоторыя уродливости, а именно: листовыя пластинки представлялись расщепленными или продырявленными, мѣстами на нихъ обнаруживались бурыя пятна, дефекты и проч.—Всѣ эти измѣненія листьевъ не находились, однако же, въ связи съ привитыми микробами, а зависѣли отъ механическаго поврежденія, произведеннаго прививной иглой въ моментъ зараженія: такъ какъ зараженіе пшеницы производилось въ раннемъ возрастѣ, когда молодые листочки ея еще не распустились, но были обернуты наружнымъ листомъ, то, вкалывая зараженную иглу въ наружный листъ, мы повреждали не только его, но и заключенные въ немъ внутренніе листья; эти послѣдніе, удлиняясь вслѣдствіе роста, обнаруживали вмѣстѣ съ тѣмъ и выше упомянутыя уродливости.

Что касается привитыхъ листьевъ Crini gigantei, то и на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, нельзя было замѣтить рѣзкихъ макроскопическихъ измѣненій. Привитой листъ цѣлыми недѣлями оставался зеленымъ и только побурѣвшее пятнышко, залитое коллодіемъ, указывало то мѣсто, куда были введены микробы.

Только въ немногихъ случаяхъ можно было констатировать измѣненія въ окраскѣ листа, которыя локализировались, исключительно, вокругъ мѣста укола. Эти измѣненія я чаще всего замѣчалъ при прививкѣ златококка.—Уже чрезъ сутки послѣ зараженія, на листѣ появлялась свѣтло зеленая полоска, положеніе и длина которой вполнѣ соотвѣтствовали каналу образованному прививной иглой; въ слѣдующіе 5—6 дней полоска эта немного увеличивалась въ длину и въ ширину, а дней черезъ 10 послѣ зараженія на мѣстѣ прививки можно было обнаружить свѣтло-зеленое пятно съ неправильными очертаніями, величиною въ двугривенный (см. таб. 1, фиг. II). Соотвѣтственно этому пятну на верхней поверхности листа замѣчалось небольшое углубленіе, а нижняя его поверхность, соотвѣтственно тому же пятну, казалась полупрозрачной, какъ бы сальной. Въ послѣдующіе дни это пятно больше не увеличивалось [1]).

---

[1]) Еще болѣе рѣзкія измѣненія листа Crini gigantei я получилъ въ одномъ случаѣ, когда у верхушки его былъ привитъ b. prodigiosus. Въ началѣ и здѣсь появилась свѣтло-зеленая полоса, соотвѣтствовавшая каналу, образованному иглой, но уже на 2-я сутки внутри (въ глубинѣ) этой полоски можно было замѣтить рядъ красно-бурыхъ пятнышекъ, число которыхъ съ

Привитые черешки листьевъ и стебли растеній также не представляли макроскопическихъ измѣненій, за исключеніемъ мѣста прививнаго укола, которое въ большей или меньшей степени бурѣло.

B). Микроскопическое изслѣдованіе привитыхъ листьевъ.

a). Изслѣдованіе листьевъ зараженныхъ микробами сибирской язвы.

Прежде чѣмъ заняться производствомъ прививокъ я желалъ убѣдиться не могутъ ли не поврежденныя листья растеній заражаться микробами сибирской язвы путемъ одного только соприкосновенія съ ними. Для этого я, какъ сказано выше, смазывалъ поверхность листьевъ пшеницы чистой разводкой сибирской язвы, или же погружалъ ихъ въ стерилизованную воду, загрязненную той же разводкой. По истеченіи 1—10 дней я изслѣдовалъ листья и при этомъ могъ убѣдиться, что палочки сибирской язвы всегда находились только на поверхности листьевъ т. е. тамъ, гдѣ онѣ были намазаны, или куда онѣ попали изъ воды; напротивъ, внутри тканей листа я никогда не могъ найти ни одной палочки.

Убѣдившись, такимъ образомъ, что неповрежденные листья растеній противостоятъ проникновенію микробовъ сибирской язвы внутрь ихъ тканей, я занялся собственно прививками т. е. наносилъ листьямъ раненія и, по способамъ изложеннымъ выше, приводилъ раненныя мѣста въ соприкосновеніе съ чистой разводкой сибирской язвы.

Главнымъ объектомъ для этихъ опытовъ служили мнѣ листья Crini gigantei [1]).

каждымъ днемъ увеличивалось все болѣе и болѣе; они распространялись по окружности прививнаго укола и, мѣстами сливаясь, образовали кирпично-краснаго цвѣта полоски. На шестой день послѣ зараженія привитой листъ представлялся такимъ, какъ онъ изображенъ на рисункѣ (Таб. 1, фиг. I). Чрезъ 12 дней послѣ зараженія верхушка листа (около 8 сантим. въ длину) рѣзко пожелтѣла и была срѣзана для изслѣдованія.

[1]) Что бы яснѣе описать тѣ измѣненія, которыя я находилъ въ привитыхъ листьяхъ, а главное, чтобы точнѣе обозначить отношеніе палочекъ сибирской язвы къ тканямъ листа я позволю себѣ хотя въ немногихъ словахъ очертить микроскопическое строеніе листа Crini gigantei.

Если мы сдѣлаемъ поперечный отрѣзокъ листа Crini gigantei, окрасимъ его карминомъ и затѣмъ будемъ разсматривать подъ микроскопомъ, то увидимъ слѣдующее: (таб. 1, фиг. III):

Изслѣдуя микроскопически привитые листья чрезъ различные промежутки времени я нашелъ слѣдующее:

Въ первые дни послѣ зараженія измѣненія сосредоточиваются исключительно только у самаго мѣста прививки; они рѣзче всего выражены въ области раневаго канала, особенно въ клѣткахъ, которыя прилежатъ къ наружному его отверстію.

На поперечныхъ срѣзахъ, проведенныхъ чрезъ привитую область листа, мы можемъ видѣть, что клѣтки, ближайшія къ мѣсту раненія, большею частью разорваны и мертвы. Оболочки ихъ представляются бурыми и сухими; контуры оболочекъ становятся рѣзкими, при поворотахъ микрометрическаго винта онѣ въ значительной мѣрѣ блестятъ. Если препаратъ окрасить генціана-віолетомъ, то оболочки мертвыхъ клѣтокъ сильно воспринимаютъ краску, но при этомъ онѣ окрашиваются не равномѣрно, а пятнами. Протоплазма клѣтокъ совершенно отсутствуетъ или сильно съежена и имѣетъ бурый оттѣнокъ. Ядра, если они сохранились, также представляютъ значительныя измѣненія: они дѣлаются угловатыми, зазубренными и, иногда, до такой степени сморщиваются, что, на препаратахъ, окрашенныхъ карминомъ, выдѣляются въ видѣ темно-красныхъ безформенныхъ комочковъ; ядрышка въ нихъ или вовсе нельзя отличить, или же оно отличается только съ трудомъ. Въ другихъ клѣткахъ ядро измѣняется нѣсколько иначе, а именно: контуры его становятся

Верхняя и нижняя поверхности листа состоятъ изъ слоя клѣтокъ, которыя образуютъ такъ называемую эпидермоидальную ткань листа или просто эпидерму (фиг. III, а). Между клѣтками эпидермы находятся отверстія—устьица (б), ограниченныя своеобразными полулунными клѣтками; они ведутъ въ, лежащія тотчасъ подъ ними, небольшія воздушныя пространства (ж). Число устьицъ на верхней поверхности листа меньше чѣмъ на нижней. Тотчасъ подъ эпидермой верхней поверхности листа помѣщается одинъ слой вытянутыхъ клѣтокъ, расположенныхъ на подобіе столбиковъ, параллельно другъ другу и перпендикулярно къ поверхности листа.—Это такъ наз.: столбчатый или палисадный слой (в). Книзу отъ столбчатаго слоя находятся паренхимныя клѣтки, составляющія мякоть листа (г). Эти клѣтки имѣютъ округлую или полигональную форму; онѣ довольно рыхло связаны другъ съ другомъ, такъ что между клѣтками получаются промежутки наполненныя воздухомъ (межклѣтные ходы); особенно рыхло связаны клѣтки въ мякоти нижней поверхности листа, отчего ее и называютъ губчатой мякотью. Межклѣтные промежутки находятся въ связи между собою, а также съ устьицами и съ пространствами находящимися подъ ними;—всѣ они вмѣстѣ составляютъ одну воздухоносную сѣть. Между верхней и нижней поверхностями листа расположенъ рядъ уже знакомыхъ намъ большихъ воздушныхъ полостей (А). Эти послѣднія отдѣляются другъ отъ друга тканевыми перегородками, въ срединѣ которыхъ проходятъ сосудисто-волокнистые пучки (д). Пучки гор. перегородки соотвѣтствуютъ жилкамъ, которыя замѣтны снаружи листа при разсматриваніи его невооруженнымъ глазомъ.

не ясными, расплывчатыми, зернистость (хроматинъ), свойственная здоровымъ ядрамъ исчезаетъ, ядрышко становится мало или вовсе не замѣтнымъ. Такія ядра слабо воспринимаютъ окраску карминомъ.

Рядомъ съ клѣтками измѣненными описаннымъ образомъ находятся также клѣтки, въ которыхъ явленія смерти и высыханія выражены менѣе рѣзко. Такія клѣтки, по своему внѣшнему виду, кажутся нормальными и только рѣзкость контуровъ, блескъ и буроватый оттѣнокъ оболочки, а также небольшія уклоненія въ очертаніяхъ и окраскѣ ядра указываютъ, что и эти клѣтки были вовлечены въ страданіе.

Чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ мѣста прививки, тѣмъ меньше мы встрѣтимъ мертвыхъ клѣтокъ и тѣмъ рѣзче выступаетъ здоровая ткань листа.

Всѣ описанныя измѣненія не зависятъ однако отъ присутствія микробовъ сибирской язвы въ ткани листа, а составляютъ результатъ травмы, нанесенной растенію въ моментъ зараженія.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на привитыя нами палочки сибирской язвы и прослѣдимъ отношеніе ихъ къ прилежащимъ тканямъ, то увидимъ, что, въ первые дни послѣ зараженія, палочки сибирской язвы въ значительной степени размножаются и выростаютъ въ длинныя нити. Нити располагаются, главнымъ образомъ, въ каналѣ образованномъ прививной иглой; онѣ лежатъ здѣсь частью свободно, среди разорванныхъ и измятыхъ клѣтокъ, частью же въ ближайшихъ межклѣтныхъ пространствахъ, образованныхъ измѣненными, отмершими клѣтками, а часто и внутри этихъ послѣднихъ. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что микробы сибирской язвы преимущественно встрѣчаются въ тѣхъ клѣткахъ, въ которыхъ явленія смерти и высыханія выражены не особенно рѣзко; наоборотъ, въ клѣткахъ высохшихъ, потерявшихъ свое содержимое, въ которыхъ измѣненія достигли высокой степени, нити и палочки сибирской язвы попадаются рѣже; въ нормальныхъ же клѣткахъ, даже самыхъ близкихъ къ ранѣ, онѣ въ это время не встрѣчаются вовсе.

Толщина нитей, конфигурація ихъ и отношеніе къ анилиновымъ бактеріальнымъ краскамъ въ это время ни чѣмъ не отличаются отъ нормы т. е. нити представляются такими же, какими мы встрѣчаемъ ихъ въ чистой культурѣ, полученной въ пробиркѣ.

Измѣненія подобныя описаннымъ я наблюдалъ также въ подсѣмядольномъ колѣнѣ (подсѣмядольнымъ колѣномъ называется часть стебля ниже семядолей) молодаго ростка гречихи, въ который я прививалъ сибирскую язву. И здѣсь на первый планъ выступаютъ аналогичныя явленія со стороны пораненной ткани, и здѣсь палочки сибирской язвы также размножаются и, уже на 4-й день послѣ прививки, ихъ можно было встрѣтить внутри клѣтокъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ краями раны.

Если мы сдѣлаемъ срѣзъ чрезъ привитую часть листа Crini gigantei въ болѣе поздніе сроки, напримѣръ **чрезъ 6—8 дней** послѣ прививки, то увидимъ, что живая ткань растенія не относится безучастно къ нанесенному поврежденію: въ здоровыхъ частяхъ ткани, окружающихъ мѣсто укола, наступаетъ реакція; она выражается въ томъ, что живыя клѣтки, расположенныя на границѣ съ разрушенной и омертвѣвшей тканью, начинаютъ усиленно пролиферировать. Пролиферація прежде всего сказывается въ размноженіи ядеръ. Самое большее количество дѣлящихся ядеръ мы находимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ омертвѣвшимъ участкомъ ткани, наоборотъ, чѣмъ дальше отъ этого участка, тѣмъ и дѣленіе выражено менѣе рѣзко и, наконецъ, удаляясь еще болѣе отъ мѣста раны, мы встрѣчаемъ уже совершенно нормальную ткань, въ которой не замѣтно никакихъ признаковъ дѣленія.—Дѣленіе ядеръ совершается при явленіяхъ волокнистаго метаморфоза. Изучая дѣленіе на цѣлой серіи срѣзовъ мы можемъ познакомиться со всѣми стадіями этого метаморфоза; здѣсь мы встрѣчаемъ послѣдовательно: сѣтчатую, клубочковидную, звѣздообразную форму ядра, стадію экваторіальной пластинки, стадію полубочекъ, а также наступающія въ обратномъ порядкѣ волокнистыя измѣненія дочернихъ ядеръ. Чаще другихъ попадалась мнѣ клубочковидная форма ядра и при томъ, въ тотъ періодъ, когда ядрышко еще не растворилось, а занимало то болѣе центральное, то эксцентрическое положеніе среди нитей клубочка. На нѣкоторыхъ препаратахъ количество дѣлящихся клѣтокъ такъ велико, что на одномъ такомъ препаратѣ можно встрѣтить большую часть указанныхъ волокнистыхъ фигуръ.

Рядомъ съ усиленной пролифераціей клѣтокъ, въ здоровой ткани листа наступаетъ еще другое измѣненіе, а именно: живыя клѣтки, находящіяся въ непосредственной связи съ отмершей тканью начи-

наютъ увеличиваться въ объемѣ и вытягиваться по направленію къ просвѣту раневаго канала resp. въ направленіи къ просвѣту воздушныхъ полостей (таб. 1, фиг. III, A), поврежденныя стѣнки которыхъ и составляютъ собственно раневой каналъ. Въ этомъ вытяженіи клѣтокъ къ мѣсту поврежденія сказывается стремленіе растенія закрыть нанесенную ему рану.

Слѣдя за дальнѣйшей судьбой привитыхъ нами микробовъ сибирской язвы, мы можемъ видѣть, что главная масса ихъ все таки помѣщается въ самомъ каналѣ, образованномъ прививной иглой и въ прилежащей къ этому каналу отмершей ткани листа. Въ каналѣ они образуютъ цѣлые клубки, нити которыхъ различнымъ образомъ переплетаются и перекручиваются между собою; въ участкахъ отмершей ткани они выполняютъ межклѣтные ходы, а часто и самыя клѣтки. Но распространеніе нитей сибирской язвы не ограничивается только указанными мѣстами, а идетъ далѣе, въ область здоровыхъ тканей листа: изъ межклѣтныхъ ходовъ отмершей ткани нити сибирской язвы проникаютъ въ межклѣтные ходы здоровой мякоти листа и встрѣчаются здѣсь то въ видѣ отдѣльныхъ палочекъ, то въ видѣ нитей. Оболочки живыхъ клѣтокъ, непосредственно соприкасающіяся съ палочками сибирской язвы нерѣдко претерпѣваютъ измѣненія, которыя бываютъ частичными и рѣзче всего выражены на границѣ съ омертвѣвшей тканью. Эти измѣненія состоятъ въ слѣдующемъ: тѣ части клѣточныхъ оболочекъ, которыя участвуютъ въ образованіи межклѣтныхъ ходовъ, выполненныхъ бациллами, дѣлаются блестящими, буроватыми и рѣзко очерченными, между тѣмъ какъ всѣ остальныя части тѣхъ же оболочекъ сохраняютъ свои нормальныя свойства; въ протоплазмѣ клѣтокъ и въ ихъ ядрахъ при этомъ нельзя замѣтить никакихъ патологическихъ измѣненій,—нерѣдко даже ядра клѣтокъ съ частично измѣненными оболочками находятся въ состояніи волокнистаго метаморфоза resp. дѣленія. На тѣхъ же препаратахъ мы иногда можемъ встрѣтить палочки сибирской язвы не только въ межклѣтныхъ ходахъ, но и внутри живыхъ клѣтокъ и именно въ тѣхъ, которыя расположены на границѣ съ омертвѣвшей тканью и представляются вытянутыми въ направленіи къ просвѣту раневаго канала.

Изслѣдуя при большихъ увеличеніяхъ самыя нити сибирской язвы, мы можемъ убѣдиться, что онѣ не одинаково относятся къ

бактеріальнымъ краскамъ: между нитями, которыя хорошо окрашиваются генціана-віолетомъ, мы встрѣчаемъ также нити, у которыхъ только отдѣльныя палочки окрашены генціаной въ фіолетовый цвѣтъ, между тѣмъ какъ другія палочки, входящія въ составъ той же нити, остаются безцвѣтными; наконецъ попадаются и такія нити, которыя вовсе не воспринимаютъ краски и остаются безцвѣтными на всемъ протяженіи. Въ послѣднихъ двухъ видахъ нитей мы, весьма часто, можемъ замѣтить присутствіе споръ въ видѣ круглыхъ или овальныхъ, блестящихъ тѣлецъ. Между нитями хорошо окрашивающимися генціаной также, иногда, можно находить экземпляры, въ отдѣльныхъ членикахъ которыхъ содержатся блестящія, еще не рѣзко очерченныя споры. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ препаратахъ, мы можемъ встрѣтить и инволюціонныя формы сибирской язвы; послѣднія представляются въ видѣ нитей, отдѣльные членики которыхъ чрезмѣрно утолщены, колбообразно вздуты и т. п. Но, вообще, я долженъ сказать, что, при искусственныхъ прививкахъ, инволюціонныя формы попадались не часто.

На срѣзахъ, приготовленныхъ изъ зараженнаго листа Crini gigantei **на 16—20 день** послѣ прививки, мы можемъ замѣтить нѣкоторыя измѣненія даже макроскопически, а именно: воздушныя полости (фиг. III, A) тѣхъ ячеекъ, которыя были повреждены при прививкѣ, значительно съужены, просвѣтъ ихъ уменьшенъ, а стѣнки ограничивающія полость утолщены;—иногда съуженіе просвѣта и утолщеніе стѣнокъ замѣчается не только на тѣхъ ячейкахъ, которыя были непосредственно повреждены, но и на сосѣднихъ съ ними, не поврежденныхъ.

Изслѣдуя срѣзъ микроскопически, можно видѣть, что стремленіе растенія закрыть причиненную ему рану теперь сказывается еще яснѣе: ближайшія къ раневому каналу живыя клѣтки частью дѣлятся, частью же сильно удлиняются по направленію къ просвѣту поврежденной ячейки и перпендикулярно къ длинной оси листа (таб. 1, фиг. III, e). Удлиненіе клѣтокъ поврежденной ячейки происходитъ по всей окружности ея воздушной полости т. е. со стороны верхней и нижней поверхностей листа, а также со стороны стѣнокъ, въ которыхъ содержатся сосудисто-волокнистые пучки. Если въ верхней поверхности листа всѣ клѣтки мякоти разрушены или умерли, а остался одинъ только палисадный слой, то клѣтки этого послѣд-

няго, обыкновенно, также удлиняются. Результатомъ удлиненія клѣтокъ является съуженіе просвѣта поврежденной ячейки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утолщеніе стѣнокъ ея, которое обратило наше вниманіе при макроскопическомъ разсматриваніи срѣза.

Удлиненныя клѣтки, обыкновенно, кажутся узкими, такъ какъ ширина ихъ почти равняется ширинѣ той клѣтки (мякоти) изъ которой онѣ образовались, длина же въ 6—8 разъ превосходитъ ширину ея; онѣ тѣсно соединены другъ съ другомъ и состоятъ изъ тонкой и нѣжной оболочки, протоплазмы и одного, а иногда и двухъ ядеръ. Узкія стороны ихъ, обращенныя къ мякоти листа, соединяются съ клѣтками послѣдней такъ же, какъ и всѣ другія клѣтки, входящія въ составъ той же мякоти, свободные же концы ихъ, обращенные къ воздушной полости ячейки, представляются закругленными и, часто, неправильно вздутыми. Иногда описываемыя удлиненныя клѣтки могутъ въ свою очередь дѣлиться поперечными перегородками, при чемъ дѣленію обыкновенно предшествуетъ волокнистый метамарфозъ ихъ ядра.

Если мы обратимъ вниманіе на отношеніе палочекъ и нитей сибирской язвы къ живой ткани листа, то увидимъ, что палочки встрѣчаются въ ней въ меньшемъ количествѣ чѣмъ въ мертвыхъ клѣткахъ, или въ полостяхъ зараженныхъ ячеекъ, но, вообще говоря, и въ здоровой ткани количество микробовъ сибирской язвы очень обильно. Прежде всего мы встрѣчаемъ ихъ въ слоѣ удлиненныхъ клѣтокъ, лежащихъ на границѣ съ отмершей тканью; здѣсь они располагаются, преимущественно, въ межклѣтныхъ промежуткахъ (таб. 1, фиг. IV). Если эти промежутки довольно велики, то въ нихъ замѣчается цѣлое скопленіе палочекъ и нитей (фиг. IV. г), наоборотъ, при незначительныхъ межклѣтныхъ пространствахъ, какъ это чаще всего и бываетъ, онѣ располагаются между клѣточными оболочками (фиг. IV, д), въ рядъ одна за другою.

Внутри удлиненныхъ клѣтокъ онѣ также встрѣчаются весьма часто: тутъ онѣ или разсѣяны по всей клѣткѣ, или же группируются въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ ея,—чаще у того полюса, который обращенъ къ просвѣту поврежденной ячейки (фиг. IV, в). Не рѣдко случается, что ядро пораженной клѣтки начинаетъ дѣлиться, а за тѣмъ въ ней образуется поперечная перегородка; послѣдняя отдѣляетъ ту часть клѣтки, которая содержитъ нити и палочки сибир-

ской язвы, отъ остальной ея части, не содержащей микробовъ. Иногда бываетъ, что въ одной и той же клѣткѣ образуется послѣдовательно двѣ порегородки, при чемъ обѣ онѣ отдѣляютъ пораженные участки клѣтки отъ здоровыхъ.

Изъ слоя удлиненныхъ клѣтокъ микробы сибирской язвы попадаютъ въ мякоть листа. Они располагаются, главнымъ образомъ, въ межклѣтныхъ ходахъ мякоти и образуютъ здѣсь цѣлыя сплетенія, или же встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ нитей. Часто бываетъ, что одна и та же нить сибирской язвы тянется чрезъ 2—3 межклѣтныхъ хода, иногда нити оплетаютъ клѣтку со всѣхъ сторонъ, образуя вокругъ нея какъ бы войлочную капсулу, случается, наконецъ, что такимъ же образомъ оплетается цѣлая группа клѣтокъ.

Изъ межклѣтныхъ ходовъ микробы сибирской язвы проникаютъ и внутрь клѣтокъ мякоти листа; при этомъ можно иногда замѣтить палочку или нить сибирской язвы въ тотъ моментъ, когда она еще не проникла вся въ клѣтку, но часть ея находится въ межклѣтномъ промежуткѣ, тогда какъ другая ея часть помѣщается внутри клѣточной оболочки. Въ томъ случаѣ, если двѣ клѣтки тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, такъ что межклѣтный промежутокъ между ними незначителенъ, можно бываетъ замѣтить, что часть нити сибирской язвы находится внутри одной клѣтки, а другая ея часть—въ другой смежной клѣткѣ.

Расположеніе микробовъ сибирской язвы внутри клѣтокъ никогда не бываютъ постояннымъ и опредѣленнымъ: палочки сибирской язвы могутъ лежать по внутренней поверхности клѣточной оболочки, далѣе, между клѣточной оболочкой и, сморщенной подъ вліяніемъ реактивовъ протоплазмой, могутъ быть разбросаны въ безпорядкѣ по всей клѣткѣ, или же, наконецъ, могутъ находиться въ самой клѣточной протоплазмѣ. Внутри протоплазмы палочки встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, или же ихъ много и онѣ лежатъ вблизи ядра клѣтки, а часто даже прилипаютъ къ его поверхности. (Внутри самыхъ ядеръ я ихъ никогда не встрѣчалъ). Въ нѣкоторыхъ клѣткахъ микробы сибирской язвы скопляются въ огромномъ количествѣ, такъ что скрываютъ съ глазъ и протоплазму и ядро.

Указанныя отношенія микробовъ сибирской язвы къ живой ткани листа могли быть прослѣжены только въ ближайшей окружности прививнаго укола, наоборотъ, въ тѣхъ тканяхъ, которыя болѣе уда-

лены отъ мѣста прививки, палочки сибирской язвы вовсе не встрѣчались.

Въ сосудахъ растеній микробы сибирской язвы встрѣчаются очень рѣдко, а именно тогда, когда нарушена цѣлость стѣнокъ сосуда. Въ одномъ случаѣ, гдѣ былъ поврежденъ (при прививкѣ) точечный сосудъ въ стеблѣ молочая, палочки сибирской язвы проникли чрезъ сдѣланное отверстіе и внутри его выросли въ длинныя нити. Такъ какъ росту ихъ въ стороны мѣшали плотныя стѣнки сосуда, то нити сибирской язвы распространились вдоль его оси и при этомъ приняли извилистую, спиралеобразную форму.

Изслѣдуя нити сибирской язвы при большихъ увеличеніяхъ, мы можемъ видѣть, что многія изъ нихъ представляютъ то же отношеніе къ окраскѣ, какое мы видѣли на срѣзахъ, приготовленныхъ изъ листа Crini gigantei чрезъ 6—8 дней послѣ прививки, а именно: между аспорогенными нитями, которыя хорошо воспринимаютъ фіолетовую анилиновую краску и по своей конфигураціи не уклоняются отъ нормы (таб. 1, фиг. VI, а), мы встрѣчаемъ безцвѣтныя нити, которыя окрашиваются въ фіолетовый цвѣтъ только участками, такъ что на длинной нити чередуются окрашенныя мѣста съ мѣстами не окрашенными, замѣтными лишь по слабо выраженнымъ контурамъ. Окрашенные участки не всегда одинаковой величины: они бываютъ то болѣе длинными, такъ что по своей длинѣ соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ сибиреязвеннымъ палочкамъ, то, наоборотъ, на столько коротки, что имѣютъ видъ узкихъ перемычекъ (таб. 1, фиг. VI, в). Наконецъ, очень часто, встрѣчаются и совершенно безцвѣтныя, блѣдно контурированныя нити, внутри которыхъ содержится обильное количество споръ (фиг. VI б). Рядомъ съ описанными измѣненіями нитей мы встрѣчаемъ еще и другое отношеніе ихъ къ окраскѣ, а именно: мы находимъ большое количество нитей, которыя вовсе не окрашиваются генціаной, но за то хорошо воспринимаютъ дополнительную окраску карминомъ, при этомъ въ нихъ, какъ и въ безцвѣтныхъ нитяхъ, обнаруживаются споры (фиг. VI, г). Эти, окрашенныя въ красный цвѣтъ, нити встрѣчаются одинаково часто какъ въ межклѣтныхъ ходахъ, такъ и внутри клѣтокъ. Нѣкоторыя клѣтки почти сплошь набиты послѣдняго рода нитями, такъ что, (при двойной окраскѣ карминомъ и генціана-віолетомъ), окрашенныя генціаной палочки встрѣчаются среди нихъ въ видѣ еденичныхъ экземпляровъ

(таб. 1, фиг. V). Но не всегда нить окрашивается карминомъ на всемъ протяженіи: часто она окрашивается только мѣстами и при томъ такъ, что красные, окрашенные карминомъ участки чередуются съ участками, которые окрашены въ фіолетовый цвѣтъ генціаной (фиг. VI, д); въ тѣхъ и другихъ участкахъ могутъ находиться споры. Наконецъ, попадаются такія нити, въ которыхъ фіолетовые участки имѣютъ круглую или овальную форму, между тѣмъ какъ остальная часть нити окрашена въ красный цвѣтъ (фиг. VI, е). Если эти кругловатыя образованія дѣлаются свободными, какъ это иногда бываетъ, и располагаются въ полѣ зрѣнія въ видѣ кучки, то они производятъ на насъ впечатлѣніе крупныхъ микрококковъ (фиг. VI, ж), но, присутствіе ихъ внутри окрашенныхъ нитей, не одинаковая величина, а часто и расположеніе ихъ, напоминающее форму нити, показываетъ съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло. Кромѣ того здѣсь, какъ и на объектахъ изслѣдованныхъ чрезъ 6—8 дней послѣ прививки, мы изрѣдка встрѣчаемъ характерныя инволюціонныя формы сибирской язвы.

Спорообразованіе, въ это время, выражено очень рѣзко: мы встрѣчаемъ споры не только внутри нитей, но находимъ ихъ также и свободными, въ видѣ круглыхъ или слегка овальныхъ блестящихъ тѣлецъ (фиг. VI, з).

Относительно вліянія какое оказываетъ клѣточная протоплазма на микробовъ сибирской язвы ничего опредѣленнаго сказать нельзя, такъ какъ всѣ описанныя измѣненія нитей встрѣчались одинаково часто какъ внутри клѣтокъ resp. въ протоплазмѣ, такъ и внѣ ихъ —въ межклѣточныхъ ходахъ.

При изслѣдованіи листьевъ Crini gigantei на 26 день послѣ прививки я находилъ палочки и цѣлыя нити сибирской язвы, которыя обнаруживали глубокія измѣненія. На неокрашенныхъ препаратахъ измѣненныя нити бросались въ глаза по своему блеску, который напоминаетъ блескъ стекла или гіалина; цвѣтъ ихъ немного желтоватый, толщина въ 2—3 раза превосходитъ толщину нормальныхъ нитей; очертанія ихъ также измѣнены: онѣ теряютъ правильную линейность, дѣлаются неровными, зазубренными, какъ бы изъѣденными; иногда нити сплетаются и какъ бы склеиваются другъ съ другомъ, образуя цѣлые пучки. Если мы изолируемъ такой пучекъ ращипываніемъ и, давленіемъ на покровное стекло, заставимъ его

передвигаться изъ стороны въ сторону, то намъ не удастся разъеденить составляющіе его нити,—пучекъ передвигается цѣликомъ и нити, составляющія его, скорѣе ломаются, чѣмъ разъединяются. Рядомъ съ измѣненными такимъ образомъ нитями можно видѣть и блестящіе комочки, которые происходятъ, по всей вѣроятности, отъ распада тѣхъ же нитей; комочки эти также имѣютъ желтоватый блескъ и неправильную форму; не рѣдко они пристаютъ въ различныхъ мѣстахъ къ нитямъ и тѣмъ еще больше обезображиваютъ ихъ очертанія. На первый взглядъ вся картина производитъ такое впечатлѣніе, будто на палочкахъ сибирской язвы произошло отложеніе солей, однако испытаніе азотной, соляной и сѣрной кислотами дало отрицательный результатъ: ни измѣненныя нити, ни блестящіе комочки, приставшіе къ ихъ поверхности, отъ кислотъ не измѣнялись, только отъ азотной кислоты желтоватый цвѣтъ нитей становился рѣзче. —Изслѣдованіе препаратовъ окрашенныхъ генціана-віолетомъ показало, что блескъ нитей зависитъ отъ утолщенія и глубокаго измѣненія resp. перерожденія ихъ наружной части: на препаратахъ, окрашенныхъ генціаной, наружная часть нитей остается желтоватой, блестящей,—она представляется какъ бы разбухшей оболочкой, внутри которой содержатся рѣзко окрашенныя въ фіолетовый цвѣтъ палочки сибирской язвы (фиг. VI, к). На нѣкоторыхъ препаратахъ можно убѣдиться, что не только наружная часть, но и вся палочка цѣликомъ можетъ подвергаться подобному измѣненію т. е. она во всѣхъ своихъ частяхъ становится блестящей, пріобрѣтаетъ желтоватый цвѣтъ и вовсе не окрашивается генціана-віолетомъ; въ послѣднемъ случаѣ очертанія палочки не всегда измѣняются. Мнѣ попадались цѣлыя нити сибирской язвы, одинъ конецъ которыхъ окрашивался нормально, тогда какъ другой конецъ состоялъ изъ блестящихъ, неокрашенныхъ палочекъ, претерпѣвшихъ выше описанное перерожденіе, средину же нити занимали палочки, находившіяся въ переходномъ состояніи. На препаратѣ съ котораго срисована нить *л* (таб. 1, фиг. VI), она состояла изъ 7 члениковъ, при чемъ три членика нити были окрашены нормально и лишь немного утолщены, 4-й членикъ хотя и окрашенъ, но уже слегка блестѣлъ, въ 5-мъ блескъ выраженъ еще рѣзче и фіолетовая окраска его едва замѣтна и наконецъ послѣднихъ два, а также палочки лежащія сбоку нити, представляли характерное стекловидное перерожденіе.

Что касается отношенія измѣненныхъ подобнымъ образомъ палочекъ сибирской язвы къ тканямъ листа то, нужно сказать, что онѣ встрѣчаются главнымъ образомъ въ межклѣтныхъ ходахъ и лишь изрѣдка попадаются внутри клѣтокъ. Я, обыкновенно, встрѣчалъ ихъ рядомъ съ нормальными палочками и палочками, окрашенными карминомъ въ красный цвѣтъ.

Извѣстно, что кислая среда представляетъ весьма неудобную почву для роста большинства бактерій, поэтому естественно было допустить, что стекловидное перерожденіе палочекъ сибирской язвы, а равно и тѣ измѣненія ихъ, которыя описаны нами выше, всецѣло зависѣли отъ кислой реакціи сока Crini gigantei. Чтобы убѣдиться, на сколько кислотность среды, вообще, могла вліять на измѣненіе палочекъ сибирской язвы, я искусственно приготовлялъ кислыя среды и дѣлалъ въ нихъ посѣвъ сибиреязвенныхъ микробовъ.

Для опыта я бралъ нѣсколько пробирокъ съ обыкновенной МПЖ (мясо-пептонной желатиной). Въ одну изъ этихъ пробирокъ, которая служила мнѣ для контроля, я дѣлалъ посѣвъ сибиреязвенныхъ палочекъ, желатину же въ другихъ пробиркахъ доводилъ до кислой реакціи прибавленіемъ кислаго фосфорно-кислаго кали; послѣдній прибавлялся въ такомъ количествѣ, чтобы содержаніе его въ желатинѣ равнялось $^1/_{32}$, $^1/_{16}$, $^1/_8$ и т. д. до 1%. Микробы сибирской язвы, посѣянныя въ такія, искусственно приготовленныя среды, росли довольно успѣшно. Въ томъ случаѣ, если содержаніе кислой соли не превышало $^1/_2\%$ они очень мало отставали въ ростѣ отъ микробовъ посѣянныхъ на обыкновенную (слабо-щелочную) МПЖ.; наоборотъ, съ усиленіемъ кислотности желатины ростъ ихъ замедлялся и при содержаніи кали въ 1% совершенно прекращался.

При микроскопическомъ изслѣдованіи микробовъ сибирской язвы, культивированныхъ въ кислой средѣ, въ нихъ замѣчались измѣненія до нѣкоторой степени аналогичныя тѣмъ, которыя наблюдались въ привитыхъ листьяхъ Crini gigantei, а именно: микробы сибирской язвы выростали въ длинныя нити и очень скоро проявляли наклонность къ образованію споръ. Но, съ другой стороны, разводки сибирской язвы на кислой желатинѣ очень рано обнаруживали присутствіе involюціонныхъ формъ, которыя, на привитыхъ листьяхъ Crini gigantei, наблюдались сравнительно рѣдко. Стекловиднаго перерожденія палочекъ и появленія у нихъ блестящихъ, разбухшихъ

оболочекъ я, въ кислыхъ средахъ, никогда не наблюдалъ. Если для подкисленія употреблялась чистая щавелевая кислота, въ той же пропорціи какъ и фосфорно кислое кали, то, уже при очень маломъ содержаніи ея въ желатинѣ, палочки не росли вовсе, но давали рѣзко выраженныя involюціонныя формы, рядомъ съ которыми наблюдалось усиленное спорообразованіе.

При изслѣдованіи Crini gigantei на 42 [1]) день послѣ прививки мы уже макроскопически можемъ замѣтить, что раневой каналъ или вѣрнѣе рядъ воздушныхъ полостей тѣхъ ячеекъ, въ которыя была сдѣлана прививка микробовъ, выполнены новообразованной тканью.

При микроскопическомъ изслѣдованіи срѣзовъ оказывается, что эта ткань состоитъ изъ удлиненныхъ клѣтокъ, о которыхъ было говорено выше (см. стр. 29). Такъ какъ удлиненіе этихъ клѣтокъ совершалось по всей окружности поврежденной ячейки (фиг. III, A) въ направленіи къ ея центру, то клѣтки, постепенно выростая и вытягиваясь на встрѣчу другъ другу, наконецъ соприкоснулись своими концами и въ мѣстѣ соприкосновенія срослись. Картины, которыя мы получали на срѣзахъ разнообразны: если клѣтки, лежавшія по окружности поврежденной ячейки, удлинялись равномѣрно и сростались какъ разъ по срединѣ ячейки, то въ этомъ мѣстѣ получался какъ бы центръ отъ котораго удлиненныя клѣтки отходили какъ радіусы; если же ростъ ихъ совершался не равномѣрно т. е. однѣ клѣтки росли быстро, въ то время какъ ростъ другихъ почему либо замедлялся, то и мѣсто соприкосновенія ихъ находилось уже не въ центрѣ ячейки, но помѣщалось эксцентрически,—ближе къ тѣмъ клѣткамъ, ростъ которыхъ былъ замедленъ. Менѣе правильная картина получалась въ томъ случаѣ, когда удлиненныя клѣтки дѣлились поперечными перегородками у своихъ свободныхъ концовъ;—тогда въ мѣстѣ ихъ соприкосновенія resp. въ срединѣ ячейки, получалась группа короткихъ клѣтокъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка. Подъ вліяніемъ хлоръ-цинкъ-іода оболочки новообразованныхъ

---

[1]) Указываемые сроки имѣютъ только относительное значеніе, такъ какъ скорость процессовъ совершающихся въ привитомъ листѣ много зависитъ отъ температуры, при которой остается растеніе послѣ прививки. Ниже мы увидимъ, что растеніе, помѣщенное въ термостатъ при температурѣ 27—28°Ц уже, чрезъ 6 дней представляетъ такія измѣненія въ области прививки, какія получались въ немъ при комнатной температурѣ только на 42 день.

клѣтокъ окрашивались въ фіолетовый цвѣтъ, а отъ сѣрной кислоты онѣ растворялись.

Такимъ образомъ процессъ заживленія раны, нанесенной листу Crini gigantei, выражается образованіемъ на мѣстѣ поврежденія своеобразной ткани изъ удлиненныхъ клѣтокъ. Эта ткань носитъ названіе мозольной ткани или просто мозоли (callus). Способъ образованія мозоли, въ нашемъ случаѣ, весьма сходенъ со способомъ, который Frank [1]) принимаетъ при заживленіи ранъ вообще однодольныхъ растеній и, который въ частности описанъ имъ при заживленіи порѣзныхъ и колотыхъ ранъ Leucojum verum.

Расположеніе палочекъ сибирской язвы въ ткани мозоли представляетъ много сходнаго съ тѣмъ расположеніемъ ихъ, которое мы встрѣчали въ зараженныхъ листьяхъ на 20 день послѣ прививки. Здѣсь точно также мы встрѣчаемъ огромное количество нитей сибирской язвы, которыя располагаются преимущественно въ межклѣтныхъ ходахъ. Если эти ходы довольно велики, какъ между клѣтками мякоти листа, то микробы сибирской язвы скопляются въ нихъ и образуютъ цѣлыя сплетенія, наоборотъ, между удлиненными клѣтками мозоли, гдѣ межклѣтные ходы незначительны, палочки лежатъ въ одиночку и при томъ въ рядъ, одна за другою. Внутри удлиненныхъ клѣтокъ палочки и нити сибирской язвы располагаются различно: иногда онѣ встрѣчаются въ небольшомъ числѣ и лежатъ по внутренней поверхности клѣточной оболочки, въ другихъ же клѣткахъ онѣ образуютъ цѣлыя клубкообразныя сплетенія. Клубки сибиреязвенныхъ нитей помѣщаются у одного изъ полюсовъ клѣтки, или же въ ея протоплазмѣ, вблизи ядра, или же наконецъ окутываютъ самое ядро, скрывая его изъ глазъ наблюдателя. Мы находимъ микробовъ сибирской язвы, иногда въ очень обильномъ количествѣ, также и внутри тѣхъ клѣтокъ, которыя образовались изъ удлиненныхъ клѣтокъ, вслѣдствіе дѣленія ихъ перегородками, перпендикулярными къ длинной оси (см. стр. 30).

Измѣненія самыхъ палочекъ представляются такими же, какъ мы ихъ встрѣчали на 20-й день послѣ прививки, съ тою лишь разницей, что количество свободныхъ споръ и спороносныхъ нитей

---

[1]) *Frank*, *A*, *B*: Die Krankheiten der Pflanzen, 1880 стр. 102.

въ это время значительно увеличено, а равно увеличено и количество нитей отрицательно относящихся къ анилиновымъ краскамъ, напротивъ количество нитей хорошо окрашивающихся анилиновыми красками кажется уменьшеннымъ, но, говоря безотносительно, и количество послѣднихъ нитей все еще довольно велико.

Кромѣ палочекъ я прививалъ въ листья Crini gigantei также и чистыя споры сибирской язвы. Споры для прививки приготовлялись такъ: ломтики вареная картофеля, обезпложенные въ текуче-паровомъ аппаратѣ, засѣвались палочками сибирской язвы и оставлялись въ термостатѣ при температурѣ 30°Ц. Сначала посѣянные микробы энергично развивались, и, выростая въ нити, покрывали поверхность ломтика толстымъ сливко-подобнымъ налетомъ, но затѣмъ въ нитяхъ постепенно начинали образовываться споры. Когда спорообразованіе достигало высокой степени, налетъ соскабливался прокаленной платиновой проволокой и разбалтывался въ небольшомъ количествѣ стерилизованной воды;—получалась жидкость, которая содержала, главнымъ образомъ, споры и небольшое количество палочекъ и нитей сибирской язвы. Чтобы освободиться отъ послѣднихъ, жидкость кипятилась въ теченіи нѣсколькихъ минутъ (въ текуче-паровомъ аппаратѣ), при чемъ палочки и нити умирали, а споры получались совершенно чистыми (*Кохъ*).

Прививка споръ въ листья производилась по тому же методу, какъ и прививка палочекъ сибирской язвы т. е. въ листъ вкалывалась платиновая игла, которая продвигалась между верхней и нижней его поверхностями и проходила вдоль, чрезъ одну или нѣсколько (1—10) ячеекъ; въ образованный такимъ образомъ каналъ вводилась жидкость содержавшая споры и наружное отверстіе, сдѣланное иглой, заливалось коллодіемъ. Послѣ прививки растеніе помѣщалось въ термостатъ при температурѣ 27—28°Ц.

Въ термостатѣ растеніе быстро увеличивалось въ ростѣ, но при этомъ оно макроскопически не обнаруживало никакихъ измѣненій, которыя можно было бы поставить въ зависимость отъ привитыхъ споръ. Макроскопически привитой листъ представлялся совершенно нормальнымъ и только иногда на немъ замѣчалась свѣтло-зеленая полоска, которая по своему положенію вполнѣ соотвѣтствовала прививному уколу.

При микроскопическомъ изслѣдованіи привитаго листа оказалось, что измѣненія въ немъ сосредоточиваются исключительно въ области прививки и по своему характеру представляютъ много общаго съ тѣми измѣненіями, которыя мы находили въ листьяхъ на 42 день послѣ прививки къ нимъ вегетирующихъ формъ сибирской язвы. Разница состояла лишь въ томъ, что процессъ заживленія раны, нанесенной растенію, наступалъ въ термостатѣ гораздо скорѣе. На срѣзахъ листа сдѣланныхъ чрезъ привитую область его мы можемъ видѣть, что процессъ заживленія раны уже на шестой день представляется вполнѣ законченнымъ. Въ это время весь раневой каналъ resp. всѣ воздушныя полости поврежденныхъ ячеекъ представляются выполненными мозольной тканью, которая произошла, какъ сказано выше, частью путемъ новообразованія (дѣленія) клѣтокъ, частью же путемъ удлиненія ближайшихъ къ ранѣ старыхъ клѣтокъ.

Если мы обратимъ вниманіе на привитыя нами споры сибирской язвы, то увидимъ что къ 6-му дню большая часть ихъ уже проросла. Въ это время мы находимъ на срѣзахъ большое количество палочекъ, которыя часто сочленяются по двѣ, а иногда попадаются и въ формѣ короткихъ нитей. Палочки располагаются преимущественно въ ткани мозоли; здѣсь онѣ лежатъ между клѣтками и внутри этихъ послѣднихъ. Между клѣтками онѣ рѣдко образуютъ скопленія; чаще палочки лежатъ по одиночкѣ и при томъ въ рядъ одна за другой. Внутри удлиненныхъ клѣтокъ онѣ бываютъ разсѣяны или же, скучиваясь въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ клѣтки, образуютъ довольно большія колоніи.

Въ ткани мякоти листа палочки сибирской язвы попадаются въ меньшемъ количествѣ чѣмъ въ мозольной ткани, при этомъ большая часть ихъ помѣщается въ межклѣтныхъ ходахъ, въ клѣткахъ же (мякоти) онѣ встрѣчаются рѣдко. Палочки прекрасно окрашиваются анилиновыми красками и вовсе не обнаруживаютъ тѣхъ измѣненій, которыя мы отмѣтили при прививкѣ вегетирующихъ формъ сибирской язвы. Одно только обстоятельство обращало на себя вниманіе—это наклонность ихъ къ образованію споръ. Присутствіе споръ замѣчалось почти во всѣхъ палочкахъ и при томъ въ одинаковой степени у тѣхъ, которыя помѣщались въ межклѣтныхъ ходахъ, такъ равно и у тѣхъ, которыя лежали внутри клѣтокъ. На препаратахъ окрашенныхъ генціана-віолетомъ, палочки окрашивались въ фіолето-

вый цвѣтъ и споры выступали въ нихъ очень рѣзко, въ видѣ свѣтлыхъ. блестящихъ тѣлецъ.

Не довольствуясь однимъ только микроскопическимъ изслѣдованіемъ зараженныхъ листьевъ, я дѣлалъ изъ нихъ посѣвы въ питательныя среды, а также производилъ прививки животнымъ.

Посѣвы изъ зараженныхъ листьевъ дѣлались съ двоякою цѣлью: во 1-хъ я желалъ убѣдиться, что палочки сибирской язвы выросшія внутри тканей растенія не теряютъ своей жизнеспособности и во 2-хъ старался провѣрить показанія микроскопа, что микробы развиваются только въ ближайшей окружности прививнаго укола, а не распространяются далеко по тканямъ растенія. Для этой цѣли я бралъ изъ различныхъ мѣстъ зараженнаго листа кусочки тканей и вводилъ ихъ въ расплавленную желатину или же распредѣлялъ по поверхности варенаго картофеля. Опыты произведены были на 16 и 42 день послѣ прививки сибирской язвы въ листья Crini gigantei. Результаты этихъ опытовъ показали, что палочки сибирской язвы, развившіяся внутри тканей растенія, не теряютъ своей жизнеспособности;—характерный ростъ ихъ получался на желатинѣ и картофелѣ всякій разъ, когда для опыта брались кусочки тканей изъ области прививки, напротивъ, если ихъ брали изъ другихъ мѣстъ зараженнаго листа, то посѣвы всегда оставались безплодными.

Наконецъ желая убѣдиться, что микробы сибирской язвы, развивающіеся въ тканяхъ растенія, не теряютъ своей вирулентности, я вводилъ кусочки тканей зараженнаго листа подъ кожу сѣрымъ мышамъ. Опыты произведены были на 16 и 42 день послѣ зараженія растенія. Они показали во 1-хъ, что микробы сибирской язвы сохраняютъ свою вирулентность, и во 2-хъ еще разъ подтвердили данныя, полученныя путемъ микроскопа. Мыши погибали только въ томъ случаѣ, если вводимыя имъ кусочки тканей (листа) брались изъ ближайшей окружности прививнаго укола и оставались живы, если имъ вводились кусочки тканей, взятыхъ изъ другихъ частей растенія.—Если мышамъ вводились кусочки тканей, взятыя изъ области прививнаго укола, то онѣ погибали обыкновенно чрезъ сутки и тогда въ органахъ ихъ можно было доказать всѣми способами присутствіе палочекъ сибирской язвы.

Изъ изложеннаго нами видно, что микробы сибирской язвы мо-

гутъ размножаться въ тканяхъ привитаго листа только въ ближайшей окружности раны, но никогда не заносятся въ отдаленныя части того же листа и тѣмъ болѣе никогда не поражаютъ всего растенія цѣликомъ.—Какія же причины мѣшаютъ распространенію микробовъ по тканямъ листа на значительныя разстоянія?

Мы могли бы отвѣтить на этотъ вопросъ стереотипной фразой: микробы сибирской язвы не находятъ въ тканяхъ листа почвы благопріятной для своего распространенія. Такой отвѣтъ хотя и прямо отвѣчаетъ на вопросъ, но едва ли онъ можетъ считаться удовлетворительнымъ.

На основаніи микроскопическаго изслѣдованія зараженныхъ листьевъ, способъ распространенія микробовъ по тканямъ растенія представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: въ первое время послѣ прививки палочекъ сибирской язвы въ листья Crini gigantei онѣ находятъ въ раневомъ каналѣ всѣ условія для своего существованія; встрѣчая здѣсь большое количество разорванныхъ и измятыхъ клѣтокъ, протоплазма которыхъ по своей реакціи и по содержанію бѣлковыхъ веществъ очень удобна для ихъ питанія, онѣ усиленно размножаются и выростаютъ въ нити. По мѣрѣ размноженія палочекъ и увеличенія ихъ количества, онѣ уже не находятъ для себя достаточно мѣста въ раневомъ каналѣ, а потому стремятся распространиться въ сторону меньшаго сопротивленія т. е. въ ближайшіе къ нимъ межклѣтные ходы. Развиваясь въ этихъ послѣднихъ, онѣ постепенно подвигаются далѣе и далѣе отъ мѣста прививки и попадаютъ наконецъ въ здоровую мякоть листа, межклѣтные ходы которой и выполняютъ. Такимъ образомъ распространеніе микробовъ сибирской язвы по межклѣтнымъ ходамъ происходитъ вслѣдствіе роста ихъ въ сторону меньшаго сопротивленія, такъ сказать per continuitatem, и вовсе не зависитъ ни отъ движенія соковъ въ растеніи (потому что межклѣтные ходы выполнены воздухомъ), ни отъ активнаго движенія самыхъ палочекъ (потому что палочки сибирской язвы такимъ движеніемъ не обладаютъ).

Такъ какъ стѣнки межклѣтныхъ ходовъ состоятъ изъ клѣточныхъ оболочекъ, то палочки сибирской язвы, проникая сквозь эти послѣднія, попадаютъ также и внутрь клѣтокъ; здѣсь онѣ снова находятъ протоплазму, на счетъ которой и развиваются далѣе.

Такой путь распространенія микробовъ сибирской язвы по межклѣтнымъ ходамъ, а оттуда по клѣткамъ растенія казалось бы долженъ существовать безпрерывно и въ концѣ концовъ повести къ пораженію цѣлаго листа или даже цѣлаго растенія, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Главная причина, мѣшающая распространенію микробовъ на значительныя разстоянія, заключается, по моему мнѣнію, въ трудной проникаемости ихъ сквозь клѣточныя оболочки. Эти послѣднія хотя и не представляютъ абсолютнаго препятствія для проникновенія микробовъ внутрь клѣтки, но въ значительной степени препятствуютъ ему; вслѣдствіе этого пріобрѣтеніе микробами питательнаго матеріала (въ видѣ клѣточной протоплазмы) идетъ несравненно медленнѣе, чѣмъ истребленіе его. Почва, которая въ первые дни послѣ прививки представлялась удобной для развитія микробовъ, въ концѣ концевъ, истощается и палочки сибирской язвы лишаются средствъ для дальнѣйшаго развитія. Не находя для себя достаточно пищи, большая часть палочекъ стремится перейти въ болѣе стойкую и выносливую форму,—форму споръ; палочки не обладающія значительной жизненной силой отмираютъ и перерождаются и только тѣ изъ нихъ, которыя еще способны утилизировать оставшееся количество питательнаго матеріала, продолжаютъ развиваться далѣе.

Само собою разумѣется, что противодѣйствіе, оказываемое клѣточными оболочками, не служитъ единственной причиной, мѣшающей распространенію микробовъ сибирской язвы по тканямъ растенія;—здѣсь вѣроятно играютъ роль и другіе моменты, какъ то: накопленіе на мѣстѣ размноженія палочекъ продуктовъ ихъ жизнедѣятельности, степень кислотности сока растенія и т. п.

б) Изслѣдованіе листьевъ зараженныхъ златококкомъ.

При опытахъ надъ златококкомъ, какъ и при опытахъ надъ сибирской язвой, я прежде всего старался убѣдиться: не можетъ ли златококкъ проникать чрезъ *неповрежденную кожицу* растенія внутрь его тканей? Для рѣшенія этого вопроса я пользовался методами,

которые были употреблены мною для рѣшенія того же вопроса по отношенію къ микробамъ сибирской язвы т. е. я смазывалъ листья произростающаго растенія чистой разводкой златококка, или же погружалъ листья въ стерилизованную воду, загрязненную той же разводкой. Эти опыты привели меня къ отрицательнымъ результатамъ. Какъ бы густо ни были смазаны листья растенія разводкой златококка и какъ бы долго ни находились съ нею въ соприкосновеніи, кокки никогда не проникали чрезъ неповрежденную кожицу внутрь тканей растенія, по крайней мѣрѣ я не могъ доказать присутствія кокковъ въ тканяхъ ни путемъ микроскопа, ни путемъ посѣвовъ на МПЖ.

Что касается опытовъ съ прививкою златококка на поврежденныя листья растеній, то способы этихъ прививокъ описаны мною при изложеніи общихъ методовъ изслѣдованія. Здѣсь я считаю нужнымъ только отмѣтить, что объектомъ для опытовъ служили мнѣ, преимущественно, листья Crini gigantei и молодые листочки пшеницы.

При микроскопическомъ изслѣдованіи привитыхъ листьевъ Crini gigantei мы находимъ измѣненія, которыя въ общемъ весьма сходны съ измѣненіями, найденными нами при прививкѣ микробовъ сибирской язвы. Сходство заключается не только въ отношеніи той реакціи, которая наступаетъ въ листѣ подъ вліяніемъ травмы нанесенной ему прививной иглой, но и въ отношеніи способа распространенія кокковъ по тканямъ. Реакція наступающая въ листѣ послѣ раненія и здѣсь выражается прежде всего усиленной пролиферацією клѣтокъ. Въ здоровой ткани листа, на границѣ ея съ клѣтками разрушенными прививкой, появляется масса ядеръ въ состояніи волокнистаго метаморфоза. Количество этихъ ядеръ resp. количество дѣлящихся клѣтокъ больше всего въ ближайшей окружности раны, напротивъ, чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ мѣста прививки въ сторону здоровой ткани листа, тѣмъ меньше выражено дѣленіе. (Протяженіе, на которомъ мы встрѣчаемъ каріокинетическія фигуры ядеръ, указываетъ, между прочимъ, на большую или меньшую интенсивность раневой реакціи). Съ теченіемъ времени новообразованныя клѣтки, возникшія путемъ дѣленія ближайшихъ къ ранѣ старыхъ клѣтокъ, а также эти послѣднія начинаютъ увеличиваться въ объемѣ. Онѣ постепенно удлиняются и вытягиваются по направленію къ просвѣту

раневаго канала, а за тѣмъ выполняютъ его, образуя такъ называемую мозоль (callus).

Способъ распространенія златококка по тканямъ привитаго листа, въ общемъ, также сходенъ со способомъ распространенія микробовъ сибирской язвы; разница заключается лишь въ томъ, что златококкъ гораздо интенсивнѣе и гораздо быстрѣе поражаетъ ткани. Скорость распространенія златококка по тканямъ листа зависитъ отъ способности его быстро размножаться, а также отъ незначительной его величины. Незначительная величина кокковъ позволяетъ имъ проникать въ такія узкія отверстія и распространяться по такимъ щелямъ, въ которыя палочки, а тѣмъ болѣе нити сибирской язвы проникнуть не могутъ. Незначительными размѣрами златококка объясняется также и то обстоятельство, что онъ способенъ распространяться въ тканяхъ листа на болѣе далекое разстояніе отъ мѣста прививки, чѣмъ палочки сибирской язвы. Я долженъ прибавить однако же, что и область распространенія златококка не бываетъ особенно значительной: она всегда расположена въ ближайшей окружности прививнаго укола и можетъ быть измѣряема только линіями, но не дюймами.

Если мы будемъ слѣдить за распространеніемъ златококка въ тканяхъ листа Crini gigantei чрезъ различные сроки послѣ прививки, то увидимъ слѣдующее: уже на 2-я сутки послѣ зараженія листа, златококкъ энергично размножается; въ это время мы находимъ густыя колоніи его, которыя частью лежатъ свободно, въ каналѣ образованномъ иглой, частью же внутри разрушенныхъ и поврежденныхъ клѣтокъ и въ ближайшихъ къ ранѣ межклѣточныхъ промежуткахъ. Въ послѣдующіе дни кокки не только размножаются на мѣстѣ прививки, въ раневомъ каналѣ, но распространяются и далѣе въ глубину тканей листа. Прежде всего они поражаютъ слой клѣтокъ непосредственно прилежащихъ къ ранѣ. Въ этомъ слоѣ мертвыхъ и измѣненныхъ клѣтокъ мы замѣчаемъ то же явленіе, которое было уже отмѣчено нами при прививкахъ сибирской язвы, а именно: кокки селятся густыми колоніями преимущественно въ тѣхъ мертвыхъ клѣткахъ, у которыхъ протоплазма и ядро сравнительно мало измѣнены и которые представляются довольно сочными, напротивъ въ тѣхъ клѣткахъ, которыя потеряли свою протоплазму, или она съежи-

лась, а сама клѣтка высохла, кокки или вовсе не встрѣчаются или же встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ.

Изъ слоя мертвыхъ клѣтокъ златококкъ постепенно проникаетъ въ здоровую ткань губчатой мякоти листа. Прежде всего онъ появляется въ межклѣтныхъ ходахъ этой ткани и при этомъ заселяетъ ихъ иногда такъ густо, что на препаратахъ, окрашенныхъ генціана-віолетомъ, они кажутся выполненными сплошной фіолетовой массой, въ которой отдѣльные экземпляры кокковъ могутъ быть различаемы только съ трудомъ. Рядомъ съ густо набитыми межклѣтными ходами мы встрѣчаемъ другіе ходы, въ которыхъ кокки разбросаны въ небольшомъ количествѣ, или же образуютъ въ нихъ небольшія кругловатыя колоніи. При помощи межклѣтныхъ ходовъ злотококкъ распространяется въ нижней поверхности листа до самой эпидермы, на верхней же поверхности листа онъ также доходитъ до эпидермы, при чемъ его можно встрѣтить между клѣтками палисаднаго слоя, а также въ тѣхъ воздушныхъ пространствахъ, которыя расположены непосредственно подъ устьицами.

Изъ межклѣтныхъ пространствъ златококкъ, подобно микробамъ сибирской язвы, проникаетъ также и внутрь клѣтокъ. Какимъ образомъ происходитъ прониканіе кокковъ внутрь клѣтки, сказать трудно; по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не удавалось замѣтить въ клѣточной оболочкѣ отверстій, которыя дѣлали бы возможнымъ это прониканіе. Внутри клѣтокъ златококкъ распредѣляется различнымъ образомъ. На препаратахъ уплотненныхъ въ спиртѣ мы очень часто находимъ колоніи златококка, лежащими между внутренней поверхностью клѣточной оболочки и съеженной протоплазмой, при чемъ внутри самой протоплазмы они содержатся не всегда. Въ другихъ клѣткахъ кокки помѣщаются преимущественно въ протоплазмѣ. Они разсѣяны въ ней въ небольшомъ числѣ или же образуютъ мѣстами скученія resp. колоніи, иногда же выполняютъ всю клѣтку болѣе или менѣе равномѣрно (Таб. 2, фиг. IX).

Въ клѣточныхъ ядрахъ мнѣ никогда не удавалось обнаружить ни одного кокка. Мало того, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вся клѣтка была выполнена кокками, послѣдніе не прилегали непосредственно къ ядру, но скучивались на нѣкоторомъ разстояніи отъ него; при этомъ между ними и ядромъ клѣтки рѣзко выдѣлялось свѣтлое пространство, не содержащее кокковъ. (Фиг. IX, б.).

Описанныя измѣненія клѣтокъ мы можемъ обнаружить въ губчатой ткани листа, а отчасти и въ эпидермѣ уже на 6—7 день послѣ прививки златококка.

По мѣрѣ образованія мозоли, златококкъ поражаетъ и ее. Прежде всего онъ появляется между удлиненными клѣтками, входящими въ составъ мозоли, а за тѣмъ проникаетъ и внутрь самыхъ клѣтокъ. Если промежутки между клѣтками очень узки, то златококкъ располагается въ нихъ довольно правильными рядами, въ видѣ цѣпочекъ; при болѣе широкихъ промежуткахъ онъ образуетъ толстые зернистые тяжи или же скопляется на отдѣльныхъ мѣстахъ небольшими колоніями.

Внутри клѣтокъ мозоли златококкъ также образуетъ колоніи, при чемъ эти послѣднія располагаются или эксцентрично,—у внутренней поверхности клѣточной оболочки, или же занимаютъ центръ клѣтки, или же наконецъ, распредѣляются равномѣрно по всей клѣткѣ, оставляя свободнымъ только ядро. Нужно замѣтить однако же, что описанное пораженіе ткани мозоли не всегда было рѣзко выражено: иногда златококкъ селился только въ межклѣтныхъ ходахъ, но не проникалъ внутрь клѣтокъ, въ другихъ же случаяхъ во всей мозольной ткани не содержалось ни одного кокка, между тѣмъ какъ губчатая ткань листа (лежащая кнаружи и болѣе удаленная отъ мѣста прививки, чѣмъ ткань мозоли) содержала ихъ въ огромномъ количествѣ.

Въ неповрежденные сосудисто-волокнистые пучки златококкъ никогда не проникалъ, напротивъ, если какая нибудь часть пучка была повреждена, то златококкъ селился и въ ней. Такимъ образомъ я находилъ его въ кольчатомъ сосудѣ, который былъ поврежденъ прививной иглой въ моментъ зараженія листа. Кокки выполнили сосудъ на нѣкоторомъ протяженіи, но на далекое разстояніе по этому сосуду не распространились.

Что касается измѣненій, которыя претерпѣваетъ протоплазма клѣтки и ея ядро подъ вліяніемъ златококка, то объ этихъ измѣненіяхъ, на основаніи спиртныхъ препаратовъ, трудно сказать что нибудь положительное. Въ клѣткахъ непосредственно прилежащихъ къ мѣсту раненія, я находилъ измѣненія, которыя были уже описаны нами при опытахъ надъ сибирской язвой, а именно: оболочки клѣ-

токъ бурѣли, сильнѣе нормальныхъ преломляли свѣтъ, протоплазма съеживалась и также бурѣла, а ядро теряло хроматинъ, дѣлалось неровнымъ, зазубреннымъ, или же сильно съеживалось и имѣло видъ компактнаго, блестящаго комочка. Но всѣ эти измѣненія составляли результатъ смерти клѣтокъ, а вторженіе въ нихъ кокковъ составляло уже послѣдующее явленіе. Въ живыхъ клѣткахъ мякоти листа и въ клѣткахъ мозоли я не наблюдалъ измѣненій, которыя можно было бы поставить въ непосредственную зависимость отъ жизнедѣятельности присутствующихъ въ нихъ кокковъ.

Какихъ либо дегенеративныхъ формъ златококка, въ теченіи періода наблюденія (32-хъ дней), я не встрѣчалъ. Кокки всегда прекрасно окрашивались анилиновыми красками, и, будучи посѣяны на МПЖ или вареный картофель, давали характерную для нихъ оранжевую разводку.

Кромѣ Crini gigantei объектомъ для опытовъ служили мнѣ листья пшеницы.

Выше (стр. 19) было уже сказано, что прививка златококка въ листья пшеницы дѣлалась въ очень раннемъ возрастѣ ея, а именно въ то время, когда молодые листочки, (выросшіе изъ сѣмени) еще не распустились, но были обернуты наружныхъ листомъ. Вкалывая прививную иглу въ наружный листъ, мы обыкновенно ранили и верхушки лежащихъ подъ нимъ внутреннихъ листочковъ; послѣдніе, при дальнейшемъ ростѣ, сохраняли слѣды раненій въ видѣ надрывовъ, бурыхъ пятенъ и проч. При микроскопическомъ изслѣдованіи поврежденныхъ частей (на внутреннихъ листочкахъ) мы всегда могли констатировать присутствіе златококка, но при этомъ златококкъ рѣдко помѣщался внутри тканей; чаще всего онъ распредѣлялся только по поверхности поврежденнаго листа во всѣхъ его неровностяхъ, а иногда и въ отверстіяхъ устьицъ.

Если мы поизслѣдуемъ теперь наружный листъ и для этого сдѣлаемъ нѣсколько поперечныхъ срѣзовъ чрезъ привитую область его, то увидимъ, что способъ распространенія златококка здѣсь тотъ же что и въ листьяхъ Crini gigantei. На 3—4 день послѣ прививки мы находимъ густыя колоніи кокковъ въ щели, образованной прививной иглой и въ межклѣтныхъ промежуткахъ, непосредственно прилежащихъ къ мѣсту укола. Отсюда кокки распространяются далѣе:

они частью проникаютъ внутрь мертвыхъ клѣтокъ, частью же вторгаются въ здоровую ткань листа и селятся между клѣтками и внутри ихъ. Область распространенія златококка въ листьяхъ пшеницы не велика; она можетъ измѣряться нѣсколькими линіями по направленію отъ мѣста прививки къ верхушкѣ листа и къ его основанію. Интенсивность пораженія тканей выражена рѣзче всего въ области прививки, напротивъ, чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ нея, тѣмъ меньше встрѣтимъ клѣтокъ пораженныхъ кокками. На нѣкоторыхъ срѣзахъ, проведенныхъ поперечно чрезъ весь наружный листъ, я могъ найти всего 1—2 клѣтки съ кокками внутри, между тѣмъ какъ вся остальная ткань на томъ же срѣзѣ не представляла никакихъ измѣненій. (Таб. 2 фиг. XII). Степень пораженія отдѣльныхъ клѣтокъ также можетъ быть различна: иногда мы встрѣчаемъ внутри клѣточной протоплазмы лишь не многіе экземпляры кокковъ, иногда же ихъ много и они выполняютъ всю клѣтку. Въ клѣточныхъ ядрахъ я и здѣсь никогда кокковъ не наблюдалъ.

Если мы привьемъ на листья пшеницы разводку златококка, смѣшанную съ палочками сибирской язвы и чрезъ 8—10 дней поизслѣдуемъ привитой листъ, то увидимъ что оба вида микробовъ могутъ развиваться въ немъ одновременно, но при этомъ златококкъ всегда развивается быстрѣе и присутствіе его въ клѣткахъ можетъ быть констатировано на болѣе далекомъ разстояніи отъ мѣста прививки чѣмъ палочекъ сибирской язвы. Даже въ области самой раны количество клѣтокъ, пораженныхъ златококкомъ, несравненно больше чѣмъ количество клѣтокъ пораженныхъ микробами сибирской язвы. Если, наконецъ, одна и та же клѣтка поражается обоими видами микробовъ, то и въ этомъ случаѣ главными поселенцами являются кокки, палочки же сибирской язвы попадаются между ними только въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ.

в) Изслѣдованіе листьевъ, зараженныхъ палочками брюшнаго тифа.

Опыты съ погруженіемъ листьевъ растеній въ стерилизованную воду съ разболтанными въ ней палочками брюшнаго тифа, а также

смазываніе различныхъ органовъ растенія чистой разводкой тѣхъ же палочекъ еще разъ убѣдили меня, что неповрежденная кожица служитъ для растенія надежной защитой отъ вторженія микробовъ resp. палочекъ брюшнаго тифа, внутрь его тканей.

Зараженіе произростающихъ растеній производилось посредствомъ введенія палочекъ брюшнаго тифа въ толщу тканей растенія. Способъ этого рода прививокъ изложенъ мною при описаніи общихъ методовъ изслѣдованія. Объектомъ для опытовъ служили листья Crini gigantei, а отчасти также молодые листочки пшеницы и стебли бузины. Микроскопическое изслѣдованіе привитыхъ листьевъ производилось въ различные сроки послѣ зараженія (1—20 дней).

Казалось бы, что палочки тифа, обладая значительной подвижностью, должны скорѣе проникать въ ткани и распространяться на болѣе далекое разстояніе отъ мѣста прививки, чѣмъ неподвижные микробы. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что подвижность палочекъ не оказываетъ никакого вліянія на скорость распространенія ихъ по тканямъ растенія. Сравнивая препараты изъ листьевъ, зараженныхъ златококкомъ, мы можемъ видѣть, что въ первые дни послѣ прививки тѣ и другіе микробы распространяются одинаково быстро, впослѣдствіи же златококкъ распространяется даже быстрѣе. Точно также нельзя было констатировать, чтобы тифозныя палочки распространялись на болѣе далекія разстоянія отъ мѣста прививки чѣмъ златококкъ. Область распространенія тифозныхъ палочекъ также ограничивалась ближайшей окружностью раны и при томъ интенсивнѣе всего поражались тѣ ткани, которыя непосредственно прилегали къ ранѣ, наоборотъ, по мѣрѣ удаленія отъ мѣста прививки, пораженіе тканей было выражено все меньше и меньше; при послѣдовательныхъ срѣзахъ чрезъ зараженные листья я получалъ иногда такіе препараты, въ которыхъ микроскопъ открывалъ всего одну или двѣ клѣтки, пораженныя тифозными палочками, между тѣмъ какъ вся остальная ткань была свободна отъ микробовъ. (Такіе срѣзы мнѣ удавалось получать изъ зараженныхъ листьевъ пшеницы (Таб. 2 фиг. VIII).

Способъ распространенія тифозныхъ палочекъ по тканямъ растенія весьма сходенъ со способомъ распространенія златококка; особенно рѣзко бросается въ глаза это сходство въ первые дни послѣ зараженія.

Если мы будемъ изслѣдовать подъ микроскопомъ препараты, приготовленные изъ зараженныхъ листьевъ Crini gigantei, или пшеницы на 2—3 день послѣ прививки, то получимъ то же впечатлѣніе, какое мы получили при изслѣдованіи листьевъ зараженныхъ златококкомъ, а именно: размноженіе тифозныхъ палочекъ совершается прежде всего въ прививной ранѣ. Здѣсь мы находимъ скопленіе огромнаго количества тифозныхъ палочекъ, которыя выполняютъ всѣ щели, образованныя въ тканяхъ листа прививной иглой. Эти щели служатъ главнымъ фокусомъ, откуда палочки поступаютъ въ окружающія ткани. Сначала онѣ проникаютъ въ межклѣтные ходы и мертвыя клѣтки, непосредственно прилежащія къ мѣсту укола, а за тѣмъ распространяются по межклѣтнымъ ходамъ далѣе въ здоровую ткань мякоти листа и наконецъ поражаютъ клѣтки этой послѣдней.

Распредѣленіе палочекъ тифа внутри клѣтокъ не представляетъ ничего характернаго; на спиртныхъ препаратахъ палочки чаще всего лежатъ по внутренней поверхности клѣточной оболочки, или же въ пространствѣ между оболочкой и съежившейся протоплазмой клѣтки. Внутри протоплазмы онѣ также встрѣчаются довольно часто; въ ней палочки образуютъ небольшія скученія или же бываютъ разсѣяны по всей протоплазмѣ. Внутри клѣточныхъ ядеръ тифозныя палочки не встрѣчаются.

Описанную картину распространенія палочекъ тифа мы находимъ только въ первые дни послѣ зараженія, если же мы будемъ изслѣдовать привитые листья въ болѣе поздніе сроки, то увидимъ, что размноженіе палочекъ, а равно и распространеніе ихъ по тканямъ не только пріостанавливаются, но и самыя палочки обнаруживаютъ явную наклонность къ вымиранію. Уже къ концу первой недѣли мы можемъ замѣтить, что тифозныя палочки относятся не одинаково къ окраскѣ жидкостями *Loëffler*'а и *Ziehl*'я, а именно: рядомъ съ палочками хорошо окрашенными мы находимъ такія, которыя окрашиваются весьма слабо, или вовсе не окрашиваются и могутъ быть различаемы въ полѣ микроскопа по своимъ едва замѣтнымъ контурамъ. Съ теченіемъ времени количество не окрашивающихся палочекъ увеличивается еще болѣе; рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ неравномѣрно утолщенныя формы ихъ, а также цѣлыя колоніи па-

лочекъ, превратившіяся въ кучи мелкозернистаго распада. Съ каждымъ днемъ всѣ эти явленія обнаруживаются рѣзче и рѣзче, такъ что къ концу 3-й недѣли мы находимъ въ ткани привитыхъ листьевъ только кучи мелкозернистаго распада, среди котораго можно еще различать небольшое количество слабо окрашенныхъ палочекъ и лишь изрѣдка встрѣчаются тифозныя палочки окрашенныя нормально. Если мы въ это время сдѣлаемъ посѣвъ изъ зараженныхъ листьевъ въ питательныя среды, то послѣднія остаются безплодными даже тогда, когда для посѣвовъ берутся кусочки ткани непосредственно изъ самого мѣста прививки.

Какія же причины мѣшаютъ развитію тифозныхъ палочекъ и распространенію ихъ на значительныя пространства по тканямъ произростающаго растенія?

Говоря о сибирской язвѣ, мы указывали уже, что клѣточныя оболочки составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ преградъ для распространенія микробовъ. Нужно думать, что тѣ же оболочки клѣтокъ представляютъ не менѣе существенное препятствіе для распространенія златококка и палочекъ брюшнаго тифа. Въ первое время послѣ зараженія листа, тифозныя палочки размножаются въ немъ на счетъ мертвыхъ клѣтокъ, разрушенныхъ прививной иглой; по мѣрѣ размноженія онѣ проникаютъ по межклѣтнымъ ходамъ въ губчатую мякоть листа; здѣсь онѣ преодолѣваютъ препятствіе, которое представляютъ для нихъ клѣточныя оболочки и, проникнувъ внутрь клѣтокъ, размножаются на счетъ ихъ протоплазмы. Но такое вторженіе тифозныхъ палочекъ внутрь клѣтокъ продолжается не долго. Съ каждымъ днемъ запасъ питательнаго матеріала, находящагося въ распоряженіи палочекъ истощается, а между тѣмъ пріобрѣтеніе свѣжихъ питательныхъ веществъ resp. захватываніе новыхъ клѣтокъ достигается съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе сопротивленія оказываемаго клѣточными оболочками. Результатомъ несоотвѣтствія между пріобрѣтеніемъ питательныхъ веществъ и истребленіемъ ихъ, является остановка въ размноженіи и распространеніи тифозныхъ палочекъ, а за тѣмъ и смерть ихъ.

Несомнѣнно однако же, что степень кислотности сока растенія также должна оказывать большое вліяніе на развитіе тифозныхъ бациллъ. У растеній, которыя обладаютъ очень кислымъ сокомъ,

этотъ послѣдній долженъ дѣйствовать на нихъ пагубно; по крайней мѣрѣ опыты съ воспитаніемъ тифозныхъ бациллъ на МПЖ, подкисленной кислымъ фосфорно кислымъ кали или щавелевой кислотой, показали, что небольшой кислотности среды (0,16% фосф. кали или щавелевой кислоты) уже достаточно, чтобы палочки посѣянныя въ такую среду не развивались вовсе.

Съ этимъ вполнѣ согласуются также изслѣдованія *Kitasato* [1]), который также указываетъ на большую чувствительность тифозныхъ палочекъ къ кислотамъ [2]).

Что касается растенія Crinum giganteum, то сокъ его обладаетъ лишь слабой кислотностью, а потому не можетъ особенно вредно дѣйствовать на тифозныя палочки. Наблюдая развитіе палочекъ въ висячей каплѣ, приготовленной изъ сока этого растенія, я убѣдился, что онѣ не умираютъ еще по истеченіи 3-хъ сутокъ послѣ посѣва. Правда, большинство изъ нихъ теряетъ способность къ движенію, но будучи перенесенными на МПЖ., онѣ снова продолжаютъ развиваться и даютъ колоніи.

Считаю нужнымъ упомянуть о прививкѣ въ листья Crini gigantei еще одной палочки, разводка которой была получена изъ селезенки тифознаго трупа одновременно съ разводкой настоящей тифозной палочки. Описываемая палочка подвижна и по своей формѣ и величинѣ на столько похожа на настоящую тифозную, что отличить ихъ подъ микроскопомъ не возможно. На питательныхъ средахъ (МПЖ и МПА) она также вела себя какъ настоящая тифозная, за исключеніемъ картофеля, гдѣ она давала буроватый налетъ, впослѣдствіи дѣлающійся совершенно бурымъ. Красками *Ziehl'я* и *Loeffler'а* она также окрашивается хорошо.

---

[1]) *Kitasato*: Ueber das Verhalten der Typhus und Cholera Bacillen zu säure—oder alkalihaltigen Nahrboden (Zeitsz. f. Hygiene Bd III. 1888 p. 408).

[2]) По *Kitasato* тифозныя палочки погибаютъ отъ прибавленія къ питательнымъ средамъ 0,2% соляной или азотной кислотъ, фосфорная кислота на нихъ дѣйствуетъ слабѣе, сѣрная кислота убивала ихъ при 0,08%, борная при 2.7%, а карболовая при 0,28%.

Прививка этой палочки въ листья Crini gigantei показала, что и къ тканямъ листа она относится также какъ тифозная. Въ первые 2—3 дня послѣ прививки палочка эта размножается въ ранѣ, а за тѣмъ проникаетъ въ мякоть листа, гдѣ и распространяется частью въ межклѣтныхъ ходахъ, частью же проникаетъ внутрь клѣтокъ. Къ концу первой недѣли она также обнаруживаетъ наклонность къ вымиранію; рядомъ съ палочками хорошо окрашивающимися красками *Ziehl*'я и Loefflera, мы находимъ въ это время палочки вовсе неокрашивающіяся этими красками, а также палочки утолщенныя. Къ концу 2-й недѣли мы можемъ обнаружить въ нихъ дегенеративныя измѣненія, которыя чрезвычайно напоминаютъ раньше описанное нами „стекловидное перерожденіе" нитей сибирской язвы. Чаще всего я находилъ перерожденныя палочки въ межклѣтныхъ ходахъ и рѣже внутри клѣтокъ мякоти листа. Онѣ располагались обыкновенно въ одиночку или небольшими группами; длина ихъ равна длинѣ нормальныхъ палочекъ, толщина же ихъ равна или немного превосходитъ толщину нормальныхъ. На препаратахъ, окрашенныхъ краской *Loeffler*'а онѣ остаются не окрашенными, но тѣмъ не менѣе рѣзко выдѣляются среди другихъ, еще сохранившихся палочекъ по своему желтоватому цвѣту и сильному блеску, напоминающему блескъ стекла. На первый взглядъ такія палочки могутъ быть приняты за небольшія кристаллики солей напр. за обломки рафидъ, которые, какъ извѣстно, часто попадаются внутри растеній, но постоянное присутствіе ихъ среди распада, одновременно съ другими хорошо сохранившимися палочками, а главное, существованіе переходныхъ формъ указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ перерожденіемъ. Въ самыхъ раннихъ стадіяхъ перерожденія эти палочки окрашиваются довольно интенсивно и повидимому не отличаются отъ нормальныхъ, но при поворотахъ микрометрическаго винта легко замѣтить, что онѣ сильнѣе преломляютъ свѣтъ. Впослѣдствіи воспріимчивость ихъ къ анилиновымъ краскамъ уменьшается, а блескъ выступаетъ все рѣзче и рѣзче и наконецъ въ послѣдней стадіи перерожденія появляется та желтоватая, равномѣрно блестящая палочка, о которой было упомянуто выше. Въ одномъ случаѣ мнѣ удалось обнаружить присутствіе измѣненныхъ описаннымъ образомъ палочекъ внутри дѣлящейся клѣтки и именно въ той стадіи ея дѣленія, когда ядро приняло форму двухъ полубочекъ

(корзинокъ). Перерожденныя палочки были расположены по внутренней поверхности клѣточной оболочки, рядомъ съ другими палочками еще не вполнѣ утратившими способность окрашиваться жидкостью *Loeffler*'а.

II.

ОПЫТЫ

НАДЪ ПРОИЗРОСТАНІЕМЪ РАСТЕНІЙ НА ЗАРАЖЕННОЙ ПОЧВѢ.

А). Методы изслѣдованія.

Опыты надъ произростаніемъ растеній на зараженной почвѣ были предприняты мною съ двоякою цѣлью. Посредствомъ этихъ опытовъ я желалъ убѣдиться: во 1-хъ не могутъ ли микробы, патогенные для животныхъ, найти въ корняхъ произростающаго растенія почву, благопріятную для ихъ существованія и во 2-хъ не могутъ ли тѣ же микробы, находящіеся въ почвѣ, проникать въ воздушные органы (стебель, листья) растеній чрезъ посредство корней?

Для рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ я дѣлалъ посѣвъ сѣмянъ въ почву, зараженную патогенными микробами и за тѣмъ, когда изъ сѣмянъ выростали растенія, я изслѣдовалъ ихъ корни и листья. Изслѣдованіе производилось въ различные сроки послѣ посѣва (5—30 дней).

Для опытовъ я взялъ палочки сибирской язвы, палочки брюшнаго тифа и златококкъ. Растенія, служившія для опытовъ были, главнымъ образомъ, пшеница (Triticum vulgare) и отчасти тюльпанъ (Tulipa) и гіацинтъ (Hyacinthus orientalis).

При производствѣ опытовъ я пользовался слѣдующими методами:

а) Нѣсколько сѣмянъ пшеницы, съ поверхности обезпложенныхъ, а за тѣмъ погруженныхъ на секунду въ чистую розводку од-

ного изъ названныхъ выше микробовъ, наносились на слой земли насыпанной въ небольшой жестяный ящикъ (ящикъ и земля брались обезпложенныя).—Сверху сѣмянъ насыпался новый слой обезпложенной земли около $^1/_2$ вершка толщины. Ящикъ устанавливался на стеклянную пластинку и покрывался воронкой, верхнее отверстіе которой закрывалось ватной пробкой. Земля, по мѣрѣ высыханія, поливалась обезпложенной водой. Зерна проростали въ теченіи 5—30 дней при обыкновенной комнатной температурѣ или ставились въ термостатъ при температурѣ 25—27° Ц.

б) Въ другихъ случаяхъ я дѣлалъ посѣвъ сѣмянъ пшеницы въ вату, пропитанную водой. Вата помѣщалась въ узкую стеклянную банку, горлышко которой закрывалось ватной пробкой и за тѣмъ весь сосудъ подвергался дѣйствію сухаго жара въ 150—160° Ц. Послѣ обезпложиванія прибора, въ него вливалось столько воды, чтобы вата находящаяся на днѣ его вполнѣ пропиталась. Сосудъ снова подвергался дѣйствію текучаго пара въ теченіи часа и за тѣмъ уже въ него дѣлался посѣвъ обезпложенныхъ сѣмянъ пшеницы и вводились тѣ или другіе микробы.

в) Луковицы [1]) я нерѣдко помѣщалъ прямо въ стерилизованную воду, въ которой была разболтана чистая культура тѣхъ микробовъ, съ которыми я желалъ вести опытъ.

г) Чаще всего однако же я пользовался, какъ почвой для проростанія сѣмянъ пшеницы, вареным картофелемъ. Картофель приготовлялся въ пробиркѣ совершенно такъ же, какъ это дѣлается для посѣва микробовъ, съ тою лишь разницей, что, кромѣ картофеля, въ пробирку вводилось и небольшое количество воды или жидкости слѣдующаго состава: воды 1000 чч., азотнокальціевой соли 1 ч. и по $^1/_4$ ч. сѣрнокаліевой, кислой фосфорнокаліевой, сѣрномагніевой и немного фосфорно-желѣзной въ порошкѣ [2]). Послѣ обезпложиванія приготовленной такимъ образомъ пробирки въ нее вводилось обеззараженное сѣмя пшеницы. Болѣзнетворные микробы вноси-

---

[1]) Въ виду того, что чешуи луковицы представляютъ тѣ же листья, а донце ея—стебель, правильнѣе было бы отнести описаніе опытовъ съ луковицами къ той главѣ, гдѣ я говорилъ о зараженіи листьевъ. Если я позволяю себѣ здѣсь упоминать о луковицахъ, то только потому, что они, подобно корнямъ, сидятъ въ землѣ, а слѣдовательно находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ почвенными микробами, которыми могутъ заражаться.

[2]) Въ составѣ этомъ отлично развивается большинство растеній *(Бородинъ)*.

лись на концѣ платиновой иглы или тотчасъ вслѣдъ за сѣменемъ, или же спустя нѣсколько дней.

Этимъ способомъ я пользовался чаще всего потому, что онъ позволяетъ слѣдить за измѣненіями сѣмени при проростаніи, а главное даетъ возможность чисто вести опытъ; при немъ легко убѣдиться, достаточно ли обеззаражено сѣмя передъ посѣвомъ, нѣтъ ли въ почвѣ примѣси постороннихъ микробовъ и, наконецъ, какъ велико зараженіе почвы на которой проростаетъ сѣмя.

Обезпложиваніе сѣмянъ для посѣва во всѣхъ случаяхъ производилось такъ: сѣмена сначала освобождались отъ механически приставшей къ нимъ грубой пыли и грязи мыльной водой, затѣмъ промывались сулемой (1: 1000) и наконецъ вводились на полъ часа въ растворъ сулемы 1: 5000, или на часъ въ растворъ 1: 10000.

Растенія назначенныя для микроскопическаго изслѣдованія, уплотнялись въ спиртѣ. Разрѣзы дѣлались отъ руки или при помощи микротома, въ послѣднемъ случаѣ объекты предварительно заключались въ целлоидинъ. Окраска бактерій въ тканяхъ корней и луковицъ производилась по тѣмъ же способамъ, которые употреблялись для окраски тѣхъ же бактерій въ зараженныхъ листьяхъ.

Б). Макроскопическія измѣненія въ растеніяхъ, произроставшихъ на зараженной почвѣ.

Такъ какъ посѣвъ сѣмянъ пшеницы производился чаще всего въ сосуды съ стеклянными стѣнками, то это давало мнѣ возможность слѣдить за всѣми измѣненіями, которыя наступали въ сѣмени при его проростаніи. Сравнивая сѣмена проростившія въ землѣ или ватѣ съ сѣменами, которыя проростали на картофелѣ, я замѣтилъ слѣдующее: тѣ и другія сѣмена, чрезъ сутки послѣ посѣва, впитывали въ себя воду и набухали, но при этомъ кожура тѣхъ сѣмянъ, которыя проростали на картофелѣ въ значительной степени бурѣла и бурая окраска впослѣдствіи усиливалась еще болѣе, у тѣхъ же, которыя были посѣяны въ вату, кожура сохраняла свойственный ей желтоватый цвѣтъ. Далѣе, у сѣмянъ проростившихъ на ватѣ ростокъ появлялся

уже на 2—3 день послѣ посѣва, у тѣхъ же, которыя посѣяны были на картофелѣ его можно было замѣтить только чрезъ 3—5 сутокъ. Впослѣдствіи разница въ произростаніи выступала еще яснѣе, а именно: растеньеце (пшеница), выросшее на ватѣ недѣли въ дняхъ достигало высоты 10—15 стм., тогда какъ пшеница, выросшая на картофелѣ, достигала той же высоты не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ. Наконецъ корни пшеницы, выросшей на землѣ или ватѣ, удлинялись быстро и были густо покрыты волосками, между тѣмъ какъ корни пшеницы, выросшей на картофелѣ, даже по истеченіи мѣсяца послѣ посѣва имѣли въ длину не болѣе 3—5 стм.; они представлялись болѣе толстыми, мѣстами на нихъ замѣчались колбообразныя или веретенообразныя вздутія и при томъ количество корневыхъ волосковъ было не значительно или они вовсе отсутствовали [1]).

B). Микроскопическое изслѣдованіе растеній произроставшихъ на почвѣ, зараженной микробами.

a). Изслѣдованіе растеній, выросшихъ на почвѣ зараженной сибирской язвой [2]).

Если мы будемъ изслѣдовать сѣмена пшеницы *въ первые дни* послѣ посѣва ихъ въ почву, зараженную сибирской язвой, то увидимъ, что палочки сибирской язвы располагаются только *на поверхности сѣмянной кожуры*, во всѣхъ случайныхъ трещинахъ, которыя

---

[1]) Нужно однако же сказать, что подобныя измѣненія я наблюдалъ и у такихъ растеній, которыя произростали на картофелѣ не зараженномъ микробами; поэтому мнѣ кажется, что эти измѣненія находились въ большей зависимости отъ свойствъ почвы, на которой произростали растенія, чѣмъ отъ микробовъ населявшихъ эту почву.

[2]) Такъ какъ опыты велись преимущественно съ проростающими сѣменами пшеницы, то, для удобства дальнѣшаго изложенія, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о строеніи этихъ сѣмянъ.

Извѣстно, что сѣмя пшеницы снаружи одѣто тонкою оболочкой, которая состоитъ изъ сдавленныхъ и отмершихъ клѣтокъ. Эта оболочка имѣющая довольно сложное микроскопическое строеніе носитъ названіе кожуры (таб. 2, фиг. X, д); она облекаетъ содержимое сѣмени—бѣлокъ (A), который состоитъ изъ паренхиматическихъ полигональныхъ клѣтокъ, заключающихъ крахмалъ. Въ одномъ концѣ сѣмени помѣщается зародышъ (фиг. X, B) изъ котораго собственно и выростаетъ молодое растеньеце. Если мы сдѣлаемъ срѣзъ чрезъ разбухшее въ водѣ сѣмя па-

могли образоваться на ней въ періодъ набуханія зерна. Онѣ встрѣчаются также на поверхности развивающагося зародыша, но никогда ихъ нельзя было найдти внутри тканей зародыша или въ самомъ существѣ сѣмени—въ его бѣлкѣ.

Совсѣмъ другую картину мы получимъ, если поизслѣдуемъ сѣмя пшеницы на 7–10 день его прорастанія, когда зародышъ успѣлъ уже развиться въ маленькое растеньеце.—Изслѣдуя срѣзы, приготовленные изъ сѣмени и выростающаго изъ него растеньеца, мы можемъ убѣдиться, что микробы сибирской язвы въ это время, успѣли уже проникнуть изъ почвы внутрь тканей растенія. Раньше всего мы находимъ присутствіе ихъ въ корневомъ влагалищѣ (Coleorhiza); здѣсь они скопляются въ очень обильномъ количествѣ въ щеляхъ, которыя образовались между внѣшней поверхностью корня и его влагалищемъ (разорваннымъ вслѣдствіе возростанія корня), далѣе они помѣщаются между клѣтками, расположенными на наружной поверхности того же влагалища; часто, наконецъ мы находимъ ихъ въ самой толщѣ ткани влагалища и именно въ межклѣтныхъ ходахъ и внутри клѣтокъ. Количество микробовъ въ межклѣтныхъ ходахъ можетъ быть различно: иногда ихъ мало и они располагаются почти

раллельно длинной оси и будемъ разсматривать его при слабыхъ увеличеніяхъ, то увидимъ слѣдующія части зародыша: непосредственно къ бѣлку прилегаетъ такъ называемый щитокъ зародыша (з); онъ состоитъ изъ кругловатыхъ или полигональныхъ паренхимныхъ клѣтокъ, при чемъ тотъ рядъ ихъ, который обращенъ къ бѣлку, имѣетъ форму сильно вытянутыхъ узкихъ столбиковъ, его называютъ обыкновенно эпителіемъ щитка (ж). Далѣе мы различаемъ почечку (а), которая слагается изъ нѣсколькихъ листочковъ, прикрывающихъ другъ друга на подобіе колпачковъ и, наконецъ, корешокъ (в), на верхушкѣ котораго находится такъ наз. корневой чехликъ (г). Корешекъ обыкновенно заключенъ въ особую оболочку, называемую корневымъ влагалищемъ (Coleorhiza) (б). Влагалище состоитъ изъ паренхимной ткани, клѣтки которой довольно слабо соединены другъ съ другомъ; оно, при прорастаніи сѣмени, разрывается вытягивающимся въ длину корешкомъ.

Если мы пожелаемъ познакомиться съ строеніемъ корня пшеницы въ болѣе взросломъ его состояніи и для этого сдѣлаемъ поперечный срѣзъ, то увидимъ, что корень состоитъ изъ трехъ слоевъ: наружнаго, средняго и внутренняго. Наружный слой корня образуется, вытянутыми по его длинѣ, эпидермоидальными клѣтками (таб. 2, фиг. XI, а), которыя даютъ начало длиннымъ волоскамъ. Средняя часть, составляющая главную массу корня, образуется многими рядами клѣтокъ и носитъ названіе коры (фиг. XI, б). Слой клѣтокъ коры, находящійся на границѣ съ центральною частью корня носитъ названіе защитнаго влагалища или эндодермы (в); на тонкихъ поперечныхъ срѣзахъ каждая изъ радіальныхъ перегородокъ, отдѣляющая клѣтки эндодермы другъ отъ друга имѣетъ по срединѣ утолщеніе въ видѣ темнаго пятна. Центральный или внутренній слой корня начинается слоемъ нѣжныхъ клѣтокъ, прилегающихъ къ эндодермѣ. Это—перикамбій (г). Къ нему въ нѣсколькихъ мѣстахъ окружности прилегаютъ сосуды (д), а въ промежуткѣ между послѣдними, также прилегая къ эндодермѣ размѣщаются элементы луба.

исключительно между клѣтками наружной поверхности влагалища, иногда же количество ихъ очень велико, они проникаютъ въ самую толщу ткани и лежатъ здѣсь группами (таб. 2, фиг. XIII), или же, выростая въ нити, образуютъ между клѣтками цѣлыя сплетенія. Въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ микробы поражаютъ корневое влагалище цѣликомъ: палочки и нити сибирской язвы пронизываютъ всѣ межклѣтные ходы и часто скопляются въ нихъ такъ сильно, что отдѣльные членики нитей resp. отдѣльныя палочки могутъ быть различаемы только съ трудомъ. Особенно красивая картина получается тогда, если мы окрасимъ препаратъ генціана-віолетомъ и будемъ изслѣдовать его при слабомъ увеличеніи; въ этомъ случаѣ межклѣтные ходы выступаютъ очень рѣзко въ видѣ густой сѣти каналовъ тѣсно набитыхъ темно-фіолетовыми микробами (таб. 2, фиг. XV).

Количество микробовъ внутри клѣтокъ, говоря вообще, не бываетъ особенно значительно. Здѣсь мы чаще всего встрѣчаемъ отдѣльныя палочки или очень короткія нити сибирской язвы, но никогда не находимъ тѣхъ клубковидныхъ сплетеній, съ которыми мы познакомились при изслѣдованіи зараженныхъ листьевъ Crini gigantei. Внутри клѣтокъ палочки располагаются безъ опредѣленнаго порядка: иногда онѣ лежатъ между оболочкой клѣтки и ея съеженной протоплазмой, въ другихъ клѣткахъ онѣ разсѣяны по всей клѣточной протоплазмѣ или, наконецъ, скучиваются въ одномъ какомъ либо мѣстѣ ея (таб. 2, фиг. XIX). Ядро во всѣхъ случаяхъ остается не тронутымъ.

Въ другихъ органахъ растенія, а также въ бѣлкѣ сѣмени мы въ это время еще не можемъ констатировать присутствія микробовъ.

Какимъ же путемъ палочки сибирской язвы попадаютъ изъ почвы въ ткань корневаго влагалища?

Изучая расположеніе палочекъ на цѣлой серіи срѣзовъ, можно убѣдиться, что путемъ для проникновенія ихъ служатъ межклѣтные ходы. Прежде всего палочки внѣдряются между эпидермоидальными клѣтками, расположенными на наружной поверхности влагалища. Отсюда онѣ проникаютъ въ ближайшіе къ нимъ межклѣтные ходы и по этимъ послѣднимъ распространяются далѣе и далѣе внутрь ткани; преодолѣвая наконецъ препятствіе, которое представляютъ для нихъ клѣточныя оболочки, онѣ постепенно проникаютъ внутрь клѣ-

токъ. Въ одномъ случаѣ мнѣ удалось видѣть цѣлую нить сибирской язвы, такъ сказать, въ моментъ ея проникания, а именно: одинъ конецъ нити находился между клѣтками наружной поверхности влагалища, тогда какъ другой, болѣе длинный конецъ той же нити лежалъ внѣ его resp. въ почвѣ.

Если мы, наконецъ, будемъ изслѣдовать пшеницу, произроставшую на зараженной почвѣ на 15—20 день послѣ посѣва, то пораженіе тканей ея будетъ выражено еще рѣзче. Въ это время мы находимъ микробы сибирской язвы не только въ корневомъ влагалищѣ, но часто также въ ткани корней, въ чехликѣ и въ щиткѣ.

Пораженіе корневаго влагалища здѣсь явленіе почти постоянное; въ ткани его мы находимъ огромное количество микробовъ, которые преимущественно выполняютъ межклѣтные ходы, хотя встрѣчаются также въ достаточномъ количествѣ и внутри клѣтокъ.

Что касается собственно корней, то у однихъ экземпляровъ пшеницы они поражались въ значительной степени, въ то время какъ у другихъ экземпляровъ тѣхъ же растеній нельзя было найти въ корняхъ ни одного микроба. Какія условія вліяли на зараженіе корней въ однихъ случаяхъ и что мѣшало проникновенію микробовъ въ другихъ—рѣшить трудно, но фактъ тотъ, что даже у одного и того же растенія нѣкоторые придаточные корни представлялись пораженными, тогда какъ другіе не содержали микробовъ вовсе. (Нужно сказать при этомъ, что макроскопическій видъ корней не давалъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы отличить пораженные корни отъ нормальныхъ).

На поперечныхъ срѣзахъ чрезъ пораженные корни мы можемъ видѣть, что микробы сибирской язвы помѣщаются только во внѣшней части корня т. е. въ его эпидермѣ и корѣ, въ центральной же части его т. е. въ области сосудовъ я никогда не находилъ микробовъ. Вообще нужно сказать, что даже въ корѣ интенсивнѣе всего поражаются клѣтки, лежащія на периферіи органа, напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ эндодермѣ, количество клѣтокъ, содержащихъ микробы уменьшается, а внутри отъ эндодермы они не встрѣчаются вовсе. На поперечныхъ срѣзахъ корня микробы сибирской язвы лежатъ частью въ клѣткахъ, частью же въ межклѣтныхъ промежуткахъ.

Очень удобно изучать отношеніе микробовъ къ тканямъ корней на продольныхъ срѣзахъ. На этихъ послѣднихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе межклѣтныя пространства коры, которыя часто бываютъ сплошь набиты палочками сибирской язвы. Часто межклѣтныя пространства принимаютъ здѣсь форму длинныхъ щелей, которыя тянутся между рядами клѣтокъ, составляющихъ кору корня. Въ нихъ мы находимъ микробы сибирской язвы въ формѣ палочекъ и въ формѣ короткихъ нитей. Тѣ и другія располагаются въ щеляхъ различно: иногда онѣ выполняютъ всю щель сплошной массой, въ другихъ случаяхъ онѣ разсѣяны въ ней или располагаются небольшими группами у ея стѣнокъ. Изъ межклѣтныхъ пространствъ микробы проникаютъ внутрь клѣтокъ коры. На препаратѣ, съ котораго срисованъ рисунокъ XVI. (Табл. 2) мнѣ удалось видѣть нить (а), одинъ конецъ которой проникъ внутрь клѣтки, тогда какъ другой ея конецъ находился еще въ межклѣтномъ промежуткѣ. Внутри клѣтокъ палочки сибирской язвы встрѣчаются чаще всего небольшими группами, (фиг. XVI), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ накопляются внутри клѣтки въ такомъ большомъ количествѣ, что скрываютъ совершенно и ея протоплазму и ядро. Такое сильное пораженіе клѣтокъ я встрѣчалъ въ периферическихъ частяхъ коры, вблизи эпидермы.

Въ чехликѣ корня микробы сибирской язвы также могутъ находиться въ значительномъ количествѣ. Они занимаютъ почти исключительно наружные, болѣе старые слои его и лежатъ между клѣтками, частью же внутри послѣднихъ. Я не буду останавливаться надъ расположеніемъ ихъ въ ткани чехлика, такъ какъ это расположеніе не представляетъ ничего характернаго.

Кромѣ корневаго влагалища, корня и его чехлика микробы не рѣдко поражаютъ также и щитокъ. Пораженіе щитка однакоже не бываетъ особенно значительнымъ. Въ ткани его мы находимъ преимущественно палочки сибирской язвы и лишь изрѣдка короткія нити. Тѣ и другія встрѣчаются какъ внутри клѣтокъ, такъ и между ними. Какимъ образомъ проникаютъ палочки внутрь клѣтокъ, сказать трудно; считаю нужнымъ отмѣтить лишь тотъ фактъ, что въ одномъ случаѣ я встрѣтилъ клѣтку, въ которую палочка сибирской язвы повидимому проникла сквозь продушину, находящуюся въ ея оболочкѣ. (Таб. 2 фиг. XVIII).

Расположеніе микробовъ внутри клѣтокъ щитка не представляетъ ничего особеннаго, оно почти такое же, какъ и въ корневомъ влагалищѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ я находилъ палочки лежащими въ вокуолахъ, но образованіе послѣднихъ не зависитъ отъ присутствія палочекъ;—вокуолы часто можно было констатировать въ протоплазмѣ другихъ, рядомъ лежащихъ клѣтокъ, которыя вовсе не содержали микробовъ. Вообще, я долженъ сказать, что опредѣленіе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ клѣтка подъ вліяніемъ присутствующихъ въ ней палочекъ сибирской язвы, на спиртныхъ препаратахъ, весьма трудно. Я никогда не могъ замѣтить въ протоплазмѣ клѣтки, ни въ ядрѣ ея, патологическихъ явленій, которыя можно было бы поставить въ непосредственную зависимость отъ внѣдренія микробовъ. Точно также я не видѣлъ перерожденія и вообще тѣхъ измѣненій въ палочкахъ и нитяхъ сибирской язвы, которыя встрѣчались при изслѣдованіи зараженныхъ листьевъ Crini gigantei.

Изъ изложеннаго видно, что микробы сибирской язвы проникаютъ изъ почвы только въ тѣ части растенія, съ которыми они приходятъ въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе, напротивъ, въ органы болѣе удаленныя отъ почвы напр. листья, они не проникаютъ.

Если мы будемъ изслѣдовать пшеницу, выросшую на зараженной почвѣ, еще позже—на 30-й день послѣ посѣва, то и тогда найдемъ только значительное накопленіе микробовъ въ тканяхъ корневаго влагалища, корня и щитка, но не найдемъ ни одной палочки въ воздушныхъ органахъ растенія. Время, въ теченіе котораго растеніе находилось въ соприкосновеніи съ микробами, въ этомъ отношеніи не оказываетъ никакого вліянія. Точно также не имѣетъ вліянія степень зараженія почвы, а равно и свойства ея: все равно, произростала ли пшеница на зараженной землѣ, ватѣ или картофели, въ тканяхъ ея листьевъ никогда не содержалось ни одного микроба.

Изслѣдованіе проростающихъ сѣмянъ показало, что микробы не могутъ проникать также и внутрь сѣмени resp. въ бѣлокъ, если кожура его не повреждена; напротивъ, если цѣлость кожуры будетъ какимъ либо образомъ нарушена, напримѣръ уколомъ иглы, то палочки сибирской язвы могутъ проникать и внутрь сѣмени. Онѣ

располагаются между зернами крахмала, въ клѣткахъ составляющихъ бѣлокъ сѣмени, далѣе мы ихъ находимъ въ отмершихъ клѣткахъ кожуры, а также въ тѣхъ клѣткахъ, которыя расположены непосредственно подъ кожурой и содержатъ въ большомъ количествѣ протеиновыя зерна. (Таб. 2 фиг. X, e) Эти послѣднія клѣтки иногда поражаются такъ сильно, что внутри ихъ мы можемъ находить цѣлые клубки сибиреязвенныхъ нитей.

Если почва на которой произростали зерна пшеницы заражалась одновременно сибирской язвой и златококкомъ, или же въ почвѣ случайно развивалось нѣсколько видовъ микробовъ, (какъ это иногда бывало при недостаточномъ обезпложиваніи почвы или сѣмянъ допосѣва), то всѣ виды микробовъ, находившіеся въ почвѣ можно было находить и въ тканяхъ выросшаго растенія, а именно: въ его корняхъ, корневомъ влагалищѣ, чехликѣ и щиткѣ. Микроскопическая картина при этомъ получалась довольно пестрая; на одномъ и томъ же срѣзѣ въ однѣхъ клѣткахъ и межклѣтныхъ ходахъ встрѣчались всѣ виды микробовъ перемѣшанными, въ другихъ группировались преимущественно кокки, въ третьихъ образовали колоніи мелкія палочки (если таковыя развивались въ почвѣ), въ четвертыхъ наконецъ, находились палочки и нити сибирской язвы. На этихъ препаратахъ мы могли, между прочимъ, еще разъ убѣдиться, что величина микробовъ и быстрота размноженія ихъ имѣетъ большое вліяніе на распространеніе по тканямъ растенія. Въ одномъ случаѣ, гдѣ почва была заражена одновременно сибирской язвой и златококкомъ и при этомъ случайно развилась еще короткая палочка, я могъ замѣтить слѣдующее распредѣленіе микробовъ въ тканяхъ: дальше всѣхъ другихъ микробовъ проникъ въ ткани злотококкъ. Онъ выполнялъ всѣ межклѣтные ходы корневаго влагалища и распространился до щитка, въ клѣткахъ котораго образовалъ довольно значительныя колоніи. Упомянутая короткая палочка встрѣчалась *только* въ ткани корневаго влагалища, гдѣ она была смѣшана съ кокками, палочки же сибирской язвы, въ смѣси съ остальными микробами, занимали самыя наружныя слои того же влагалища.

Въ другомъ случаѣ, въ почвѣ, на которой проростали зерна пшеницы, одновременно съ сибирской язвой развилась короткая, тонкая палочка. Чрезъ 20 дней послѣ посѣва выросшая пшеница была изслѣдована; оказалось, что упомянутая мелкая палочка про-

никла въ ткань корня и распространилась по межклѣтнымъ ходамъ его коры. На продольномъ срѣзѣ корня видно, какъ она въ огромномъ количествѣ скопилась въ длинныхъ щеляхъ, которыя тянутся между рядами клѣтокъ коры, тогда какъ микробы сибирской язвы, въ ту же единицу времени, успѣли проникуть въ ткань корня въ очень небольшомъ количествѣ. Въ межклѣтныхъ ходахъ и въ клѣткахъ коры палочки сибирской язвы встрѣчаются въ видѣ немногихъ экземпляровъ, тогда какъ упомянутая мелкая палочка образуетъ въ нихъ *большія колоніи*. (Таб. 2 фиг. XIV).

Считаю нужнымъ отмѣтить еще одно обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, не лишено нѣкотораго значенія, а именно: если сдѣлать посѣвъ сѣмянъ въ садовую землю, по методу указанному на стр. 56, то легко убѣдиться, что растенія, выростающія изъ этихъ сѣмянъ могутъ выносить на поверхность почвы тѣхъ микробовъ, которыми они были заражены. Въ этомъ случаѣ зародышъ сѣмени, развивающійся въ не глубокихъ слояхъ почвы чисто механически увлекалъ на ея поверхность микробовъ сибирской язвы, съ которыми находился въ соприкосновеніи. Однако же присутствіе микробовъ на поверхности воздушныхъ органовъ растенія не всегда можетъ быть доказано однимъ только микроскопическимъ изслѣдованіемъ. Очень часто микроскопъ не открывалъ на поверхности листьевъ ни одной сибиреязвенной палочки, а между тѣмъ посѣвы кусочковъ листа (на нужнаго) въ питательныя среды давали характерныя разводки, въ которыхъ не трудно было уже доказать присутствіе палочекъ и нитей. Отрицательные результаты, полученные при микроскопическомъ изслѣдованіи, обусловливаются вѣроятно тѣмъ, что въ 1-хъ микробы сибирской язвы выносятся на поверхность почвы большею частью въ видѣ споръ, а эти послѣднія, какъ трудно окрашиваемыя, легко просматривались и во 2-хъ, палочки, сохранившіяся на поверхности листьевъ легко смывались при сложномъ способѣ окраски ихъ.

Какъ бы то ни было, но фактъ указанный нами, въ связи съ тѣми данными, которыя мы получили при изслѣдованіи корней растеній, произроставшихъ на зараженной почвѣ и при изслѣдованіи привитыхъ листьевъ Crini gigantei, позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно этіологіи сибирской язвы. Мы можемъ, до извѣстной степени, объяснить себѣ почему сибирская язва, разъ появившаяся въ данной мѣстности, можетъ поддерживаться въ ней цѣлые десятки и даже сотни лѣтъ.

Я не буду касаться спора *Koch'a* съ *Pasteur'ом* относительно того, гдѣ собственно сохраняется и размножается зараза т. е. образуются споры, въ глубинѣ ли почвы, или исключительно на ея поверхности, укажу только на тотъ фактъ, обнаруженный *Pasteur'ом* (l. c.), что дождевые черви могутъ выносить микробовъ сибирской язвы изъ глубины старыхъ могилъ, (въ которыхъ зарыты сибиреязвенныя животныя) на поверхность почвы.

Этотъ фактъ, добытый *Pasteur'ом* былъ подтвержденъ также и другими изслѣдователями (*Bollinger*). Мало того, *Дюкло* (l. c.) говоритъ, что кромѣ дождевыхъ червей могутъ выносить на поверхность почвы микробовъ также другія животныя, какъ то: кроты, медвѣдки, нѣкоторые виды муравьевъ, однимъ словомъ многіе животные виды, которые живутъ подъ почвой и по временамъ выходятъ на ея поверхность.

Но, если не подлежитъ сомнѣнію, что живыя существа могутъ переносить заразу изъ глубокихъ слоевъ почвы на ея поверхность, то, съ другой стороны, растенія составляютъ такихъ агентовъ, которые не только могутъ выносить ту же заразу изъ *поверхностныхъ* слоевъ почвы, но даже способны поддерживать здѣсь ея существованіе въ теченіи неопредѣленнаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что произойдетъ, если на какомъ нибудь пастбищѣ погибнетъ животное отъ сибирской язвы. Извѣстно, что еще при жизни это заболѣвшее животное выдѣляетъ экскременты и мочу, изобилующія палочками сибирской язвы; далѣе, если животное пало, то изо рта, ноздрей и другихъ естественныхъ отверстій его тѣла выдѣляется жидкость, въ которой находятся палочки; если наконецъ, съ погибшаго животнаго снимаютъ шкуру, то по сосѣдству распространяется большое количество тѣхъ же палочекъ. Такъ или иначе, попавшія на поверхность почвы, палочки сибирской язвы размножаются. Прежде всего онѣ размножаются въ тѣхъ выдѣленіяхъ, которыми выпачкана поверхность почвы въ окружности павшаго животнаго, но рядомъ съ этимъ палочки попадаютъ также и на измятыя и, безъ сомнѣнія, израненныя тѣмъ же животнымъ растенія resp. травы. На раненыхъ поверхностяхъ растеній палочки также размножаются и выростаютъ въ нити, но затѣмъ, какъ мы видѣли, у нихъ появляется большая наклонность къ образованію споръ. Какъ только споры появились, то вмѣстѣ съ этимъ является полная возможность къ зара-

женію. Животныя, пущенныя на такое поле для пастбы, долго спустя послѣ гибели своего собрата, могутъ заражаться сибирской язвой и не только потому, что кормовыя травы, на мѣстѣ павшаго животнаго будутъ выпачканы спорами, но также и потому, что споры содержатся внутри этихъ травъ, въ ихъ тканяхъ.

Осенью, когда растительность отживаетъ, споры сибирской язвы, содержавшіяся въ тканяхъ травъ снова могутъ становиться свободными. Вслѣдствіе дождей, таянія снѣга, обработки поля и другихъ подобныхъ условій, онѣ могутъ даже зарываться на нѣкоторую глубину въ почву, но за тѣмъ, съ слѣдующей весной, когда появятся всходы растеній, послѣднія на своихъ стебляхъ и листьяхъ снова вынесутъ споры на поверхность почвы.—Если въ это время скотъ будетъ выпущенъ на пастбу, то онъ, разминая растенія подъ своими ногами и съѣдая ихъ, оставляетъ на растеніяхъ раненыя поверхности, на которыхъ споры могутъ выростать въ палочки, а эти послѣднія снова же давать споры. Проростаніе споръ въ тканяхъ растенія и новая спорулизація должны быть особенно энергичны въ жаркіе лѣтніе дни, какіе у насъ бываютъ отъ Іюня до Сентября; естественно поэтому, что высшее развитіе болѣзни также должно совпадать съ этимъ временемъ. Къ осени, развившіяся въ растеніяхъ споры снова попадаютъ въ почву съ тѣмъ, чтобы съ слѣдующей весной вновь развиться на растеніяхъ и т. д. Такой циклъ развитія, повторяясь изъ года въ годъ, можетъ до извѣстной степени объяснить намъ, почему на нѣкоторыхъ поляхъ зараза существуетъ постоянно и почему эти поля носятъ названіе „проклятыхъ“.

Понятно также, что скошенныя на этихъ поляхъ травы должны быть заразительны не только потому, что онѣ выпачканы спорами съ поверхности, но еще и потому, что онѣ содержатъ споры внутри своихъ тканей. Консервируя ихъ на зиму въ видѣ сѣна, мы консервируемъ вмѣстѣ съ ними и зародышей сибирской язвы, которые могутъ обусловить впослѣдствіи „конюшенныя эпидеміи“.

Мы видѣли, что микробы сибирской язвы могутъ развиваться не только на листьяхъ растенія, но проникаютъ также и въ ихъ корни. При естественныхъ условіяхъ микробы, вѣроятно, сохраняются въ тканяхъ корней до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе не сдѣлаются сво-

бодными и не будутъ вынесены на поверхность почвы, гдѣ они подвергаются дальнѣйшему развитію [1]).

У меня, въ настоящее время, не имѣется еще достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что зараза можетъ передаваться посредствомъ растеній и людямъ. Но уже одна возможность существованія патогенныхъ микробовъ внутри тканей растенія, въ его корняхъ и листьяхъ, должна бы заставить насъ относиться съ большей осмотрительностью къ тѣмъ овощамъ, которыя ежедневно доставляются на наши рынки и которыя мы употребляемъ въ пищу. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія тѣ овощи, которыя культивируются на такъ называемыхъ поляхъ для орошенія т. е. на такой почвѣ, которая удобряется сточными водами городовъ и слѣдовательно можетъ содержать въ большомъ количествѣ патогенные микробы (особенно во время эпидемій).

По моему мнѣнію необходимъ рядъ тщательныхъ изслѣдованій этой почвы, а равно и произростающихъ на ней растеній, прежде чѣмъ можно будетъ окончательно высказаться, что овощи, культивируемыя на этихъ поляхъ, не могутъ сдѣлаться причиною инфекціонныхъ заболѣваній.

Выше было сказано, что объектомъ для экспериментовъ служили также луковицы тюльпана и гіацинта. Опыты съ этими растеніями мнѣ неудавалось провести совершенно чисто; при самомъ тщательномъ обезпложиваніи луковицъ, между чешуями ихъ всегда оставалось нѣкоторое количество жизнеспособныхъ микробовъ, которые впослѣдствіи размножались и загрязняли почву resp. воду въ которую луковицы были положены. Тѣмъ не менѣе эти опыты убѣдили меня, что неповрежденныя чешуи, также какъ и неповрежденныя листья растенія противостоятъ проникновенію микробовъ въ ткани; какъ бы долго ни находилась луковица въ соприкосновеніи съ микробами,

---

[1]) Мысль, которую я провелъ выше какъ болѣе или менѣе вѣроятную, пріобрѣтетъ положительное значеніе, если будетъ доказано, что кормовыя травы на пастбищахъ, гдѣ господствуетъ сибирская язва могутъ заражаться и на самомъ дѣлѣ заражаются микробами сибирской язвы. На основаніи добытыхъ мною данныхъ въ такомъ зараженіи травъ не будетъ ничего не вѣроятнаго. Мало того, разсуждая à priori, нужно допустить, что между кормовыми травами найдутся и такія, которыя будутъ еще болѣе воспріимчивы къ сибирской язвѣ чѣмъ Cynum gigantеum и пшеница.

но если она не повреждена, то въ тканяхъ ея никогда нельзя было доказать присутствія микробовъ. Напротивъ, всякій разъ какъ я ранилъ луковичныя чешуи уколомъ иглы или надрѣзомъ, микробы, находившіеся въ почвѣ, проникали въ ткани поврежденной чешуи и ихъ можно было находить въ огромномъ количествѣ внутри клѣтокъ. Пораженіе чешуи рѣдко ограничивалось однимъ только мѣстомъ раны; чаще всего микробы распространялись далѣе, въ глубь ткани и ихъ можно было находить въ клѣткахъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ мѣста раненія.

При микроскопическомъ изслѣдованіи поврежденныхъ чешуй картина получалась пестрая: въ однѣхъ клѣткахъ группировались почти всѣ микробы находившіеся въ почвѣ гевр. въ водѣ окружающей луковицу, въ другихъ развивались преимущественно палочки, въ третихъ—кокки. Микробы сибирской язвы обыкновенно встрѣчались въ небольшомъ количествѣ; отдѣльныя палочки сибирской язвы располагались внутри клѣтокъ рядомъ съ другими, не патогенными палочками, кокками или тѣми и другими вмѣстѣ.

Въ неповрежденныя чешуи той же луковицы, а также и въ листья, микробы (съ мѣста прививки) не распространялись.

б) Изслѣдованіе растеній, выросшихъ на почвѣ зараженной палочками брюшнаго тифа и златококкомъ.

Я не буду подробно описывать тѣ измѣненія, которыя наступали въ растеніяхъ при ростѣ ихъ на почвѣ зараженной палочками тифа или златококкомъ. Описывать эти измѣненія—значило бы повторить то же, что было уже сказано нами о сибирской язвѣ. Подобно сибирской язвѣ, палочки тифа и златококкъ поражаютъ только тѣ части растенія, которыя приходятъ съ ними въ непосредственное соприкосновеніе, слѣдовательно: корни, корневыя влагалища, щитокъ, а при извѣстныхъ условіяхъ и бѣлокъ сѣмени. Характеръ пораженія тканей здѣсь тотъ же, что и при сибирской язвѣ т. е. микробы распространяются преимущественно по межклѣтнымъ ходамъ и, въ относительно меньшемъ количествѣ, встрѣчаются въ клѣткахъ. Внутри послѣднихъ они то разсѣяны въ протоплазмѣ, то образуютъ въ ней небольшія колоніи, или же наконецъ, лежатъ въ вакуолахъ, какъ это чаще всего можно было видѣть въ ткани щитка. (Табл. 2 фиг. XVII).

Быстрота распространенія занимающихъ насъ микробовъ по тканямъ растенія и интенсивность пораженія тканей зависѣли главнымъ образомъ отъ величины микробовъ, отъ количества ихъ въ почвѣ на которой произростали растенія и, наконецъ, отъ свойствъ самой почвы.

Величина микробовъ играла здѣсь ту же роль, какая была уже отмѣчена нами при опытахъ надъ листьями пшеницы и Crini gigantei, а именно, мелкій златококкъ требовалъ для своего распространенія по тканямъ подземныхъ органовъ растенія несравненно меньше времени и поражалъ ихъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ другіе микробы. Онъ, буквально, выполнялъ всѣ межклѣтные промежутки корневаго влагалища и встрѣчался въ большомъ количествѣ въ корняхъ и щиткѣ. Въ бѣлокъ сѣмени, онъ, какъ и палочки сибирской язвы, проникалъ только тогда, если цѣлость кожуры была нарушена.

Приблизительно то же мы должны сказать и о палочкахъ тифа, съ тою лишь разницей, что распространеніе ихъ по тканямъ шло нѣсколько медленнѣе. Тифозныя палочки всегда окрашивались хорошо красящими жидкостями Loëffler'a и Ziehl'я; отмиранія ихъ, а равно и тѣхъ измѣненій, которыя мы находили въ привитыхъ листьяхъ Crini gigantei, здѣсь замѣчено не было.

Количество микробовъ, содержавшихся въ почвѣ, оказывало довольно большое вліяніе на пораженіе тканей растенія. Вообще, нужно сказать, что микробы тѣмъ меньше времени требовали для своего распространенія по тканямъ, чѣмъ больше ихъ находилось въ почвѣ и чѣмъ тѣснѣе они соприкасались съ корнями и другими подземными органами растенія.

Свойства почвы, на которой произростали растенія, повидимому, также не оставались безъ вліянія на распространеніе микробовъ, по крайней мѣрѣ я замѣтилъ, что процентъ удачныхъ опытовъ (при которыхъ наступало пораженіе тканей растенія) всегда былъ больше, если растенія произростали на картофелѣ и уменьшался, если они произростали въ землѣ или ватѣ.

Проникновенія микробовъ почвы т. е. палочекъ сибирской язвы, палочекъ тифа и златоккока въ надземные органы растенія (стебель, листья) никогда замѣчено не было.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное нами объ отношеніи патогенныхъ микробовъ къ тканямъ живущихъ растеній мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) *Болѣзнетворные микробы могутъ находить условія для своего существованія въ тканяхъ произрастающихъ растеній высшей организаціи.*

2) *Неповрежденная кожица стеблей и листьевъ растенія служитъ препятствіемъ для проникновенія микробовъ внутрь resp. въ ткани растенія; наоборотъ при нарушеніи цѣлости кожицы, микроорганизмы, попавшіе на поврежденныя части растенія могутъ здѣсь размножаться и давать колоніи.*

3) *При искусственной прививкѣ* (уколомъ), *палочки сибирской язвы, п. брюшнаго тифа и злотококкъ размножаются не только на мѣстѣ прививки, но путемъ межклѣточныхъ ходовъ могутъ распространяться и въ сосѣдніе участки тканей привитаго растенія. Нужно сказать, однако же, что распространеніе ихъ никогда не бываетъ особенно значительно. Цѣлые органы растенія* (*листъ, стебель*), *а тѣмъ болѣе все растеніе цѣликомъ, при искусственныхъ прививкахъ, микробами не поражаются.*

4) *Подвижность микробовъ въ дѣлѣ распространенія ихъ по тканямъ растенія, повидимому, не играетъ никакой роли, напротивъ, величина ихъ, въ этомъ отношеніи, имѣетъ большое значеніе: мелкіе микробы, говоря вообще, распространяются легче крупныхъ, поэтому злотококкъ распространяется въ тканяхъ листа на болѣе далекое разстояніе отъ мѣста прививки, чѣмъ палочки сибирской язвы.*

5) *Оболочки клѣтокъ не представляютъ безусловнаго препятствія для проникновенія микробовъ внутрь ихъ.*

6) *Мертвыя, высохшія клѣтки представляютъ неудобную среду для развитія микробовъ; напротивъ, мертвыя, но сочныя клѣтки представляютъ очень удобную почву для ихъ развитія; въ живыхъ клѣткахъ микробы также селятся, но менѣе охотно чѣмъ въ мертвыхъ.*

7) *Палочки и нити сибирской язвы* (*а также, повидимому, и нѣкоторые другіе микробы*) *могутъ подвергаться перерожденію, которое, естественнѣе всего должно быть названо стекловиднымъ перерожденіемъ.*

8) *Споры сибирской язвы могутъ проростать внутри тканей живущаго растенія.*

9) *Вирулентность сибирской язвы, при развитіи ея въ тканяхъ растенія, не теряется.*

10) *Брюшно-тифозныя палочки размножаются на листьяхъ растенія (пшеница, Crinum giganteum) только въ теченіи первыхъ дней послѣ прививки; затѣмъ онѣ постепенно вымираютъ.*

11) *Златококкъ энергичнѣе всѣхъ изслѣдованныхъ микробовъ размножается въ ткани листьевъ; подобно сибирской язвѣ и онъ проникаетъ въ межклѣтные ходы и живыя клѣтки, прилегающія къ мѣсту прививки.*

12) *Растенія при своемъ проростаніи могутъ механически выносить микробовъ изъ неглубокихъ слоевъ почвы на ея поверхность.*

13) *При проростаніи пшеницы на почвѣ зараженной болѣзнетворными микробами, послѣдніе могутъ въ огромномъ количествѣ проникать въ ткани корней пшеницы. При этомъ здѣсь, какъ и въ листьяхъ растенія, величина микробовъ имѣетъ большое вліяніе на распространеніе ихъ.*

14) *При ростѣ пшеницы на почвѣ, зараженной смѣшанными микробами, всѣ виды ихъ, имѣвшіеся въ почвѣ, были находимы и въ ткани корней.*

15) *Проникновенія микробовъ изъ зараженныхъ корней пшеницы въ стебель и листья растенія замѣчено не было.*

Объясненіе рисунковъ.

ТАБЛИЦА 1-я

Фиг. I. Макроскопическій видъ листа Crini gigantei на 6-й день послѣ прививки къ нему b. prodigiosi. На отрѣзкѣ замѣтны кирпично-краснаго цвѣта пятна и полоски, соотвѣтствующія распространенію этого микроба.

Фиг. II. Макроскопическій видъ листа Crini gigantei на 10-й день послѣ прививки къ нему златококка. а)—побурѣвшее пятнышко на мѣстѣ вкола прививной иглы, b)—свѣтло-зеленое пятно, образовавшееся вокругъ мѣста укола.

Фиг. III. Поперечный срѣзъ листа Crini gigantei на 18-й день послѣ прививки къ нему микробовъ. а)—эпидерма, б)—устьица, в) палисадный слой клѣтокъ, г)—мякоть листа, д)—сосудисто-волокнистые пучки, е)—удлиненныя клѣтки мозоли (callus'a), ж)—воздушныя пространства, лежащія непосредственно подъ устьицами, А.—нормальныя воздушныя полости, А'.—воздушная полость, просвѣтъ которой съуженъ вслѣдствіе образованія мозольной ткани. (Hartnack, система 3, окуляръ 3).

Фиг. IV. Поперечный срѣзъ листа Crini gigantei на 18-й день послѣ прививки къ нему палочекъ сибирской язвы. Генціана-віолетъ, слабый, водный растворъ пикриновой кислоты. а)—эпидерма, б)—мякоть листа, в)—клѣтки мозоли. Въ межклѣтномъ пространствѣ при *г* палочки сибирской язвы скучены, при *д* онѣ расположены между клѣточными оболочками въ рядъ одна за другой. У большинства палочекъ ясно замѣтны споры. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. V. Клѣтки мозоли, образовавшейся въ листѣ Crini gigantei, послѣ прививки къ нему палочекъ сибирской язвы. Внутри клѣтокъ скучены палочки и нити сибирской язвы; большая

часть нитей не окрасилась генціана-віолетомъ, но восприняла дополнительную окраску карминомъ. Палочки сибирской язвы, окрашенныя генціаной встрѣчаются здѣсь въ очень ограниченномъ количествѣ.—Двойная окраска карминомъ и генціана віолетомъ, пикриновая кислота.—(Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. VI. Нити сибирской язвы, встрѣчающіяся въ привитыхъ листьяхъ Crini gigantei на 26-й день послѣ прививки къ нимъ палочекъ сибирской язвы. Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ, пикриновая кислота. а)—нормально окрашенная нить сибирской язвы, б)—блѣдно-контурированная, не окрасившаяся нить сибирской язвы; внутри ея замѣтны споры, в)—безцвѣтная нить, окрасившаяся генціаной только участками; нѣкоторые изъ окрашенныхъ участковъ имѣютъ видъ узкихъ перемычекъ, г)—нить окрасившаяся карминомъ, внутри ея видны споры, д)—нить, въ которой участки окрашенные карминомъ чередуются съ участками, окрашенными генціаной; внутри тѣхъ и другихъ замѣтны споры, е)—нить, въ которой окрашенные генціаной участки имѣютъ круглую или овальную форму; остальная часть нити окрасилась карминомъ въ красный цвѣтъ, ж)—круглыя и овальныя образованія, отмѣченныя въ нити е) сдѣлались свободными, з)—свободныя споры, к)—перерожденныя нити сибирской язвы. Наружная часть нитей желтовата и блестяща, внутренняя же окрасилась генціаной въ фіолетовый цвѣтъ, л)—правый конецъ нити стекловидно перерожденъ, лѣвый—окрашенъ нормально генціаной. (Hartnack, об. масл. II ок. 3).

Фиг. VII. Поперечный срѣзъ листа Crini gigantei, къ которому были привиты палочки сибирской язвы. Клѣтки мякоти.—Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ, пикриновая кислота. —Внутри клѣтокъ и между ними расположены палочки и нити сибирской язвы, при чемъ часть ихъ окрашена карминомъ, другая же часть окрашена генціана-віолетомъ; внутри многихъ нитей и палочекъ замѣтны споры. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

ТАБЛИЦА 2-Я.

Фиг. VIII. Клѣтка изъ поперечнаго срѣза листа пшеницы на 4-й день послѣ прививки къ нему палочекъ тифа.—Красящая жидкость Loeffler'a. Внутри клѣтки большое количество палочекъ брюшнаго тифа (Hartnack, система масл. I, окуляръ 3).

Фиг. IX. Клѣтка изъ поперечнаго срѣза листа Crini gigantei на 5-й день послѣ прививки къ нему златококка. Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ, пикриновая кислота. а)—ядро клѣтки, б)—свѣтлый поясъ вокругъ ядра. Златококкъ выполнилъ всю клѣтку (Hartnack, система 8-я, окуляръ 3).

Фиг. X. Разрѣзъ сѣмени пшеницы. А.—бѣлокъ сѣмени, В.—зародышъ, а)—почечка, б)—корневое влагалище (Coleorhiza), в)—корешекъ, г)—чехликъ, д)—кожура, з)—щитокъ, ж)—эпителій щитка (Hartnack, система 3, окуляръ 3).

Фиг. XI. Поперечный разрѣзъ корня пшеницы. а)—эпидерма корня, б)—кора, в)—эндодерма, г)—перикамбій, д)—сосуды. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XII. Поперечный срѣзъ листа пшеницы на 4-й день послѣ прививки къ нему златококка. Генціана-віолетъ, пикриновая кислота. Златококкъ поселился въ одной только клѣткѣ, всѣ остальныя клѣтки на томъ же срѣзѣ свободны отъ кокковъ (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XIII. Срѣзъ чрезъ корневое влагалище пшеницы. Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ; пикриновая кислота. а)—клѣтки корневаго влагалища, б)—межклѣтные ходы, содержащіе значительное количество палочекъ сибирской язвы (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XIV. Продольный срѣзъ корня пшеницы. Кора. а)—Длинныя щели между рядами клѣтокъ коры корня. Щели выполнены мелкими, тонкими бациллами, между которыми палочки сибирской язвы встрѣчаются въ очень ограниченномъ количествѣ, б)—клѣтки коры, содержащія палочки сибирской язвы и упомянутыя короткія бациллы. Двойная окраска карминомъ и генціана віолетомъ, пикриновая кислота (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XV. Продольный срѣзъ корня пшеницы. Генціана віолетъ, пикриновая кислота. А.—корень, Б.—корневое влагалище (Coleorhiza), а)—клѣтки влагалища. б)—межклѣтные ходы, набитые сплошь палочками сибирской язвы (Hartnack, система 4, окуляръ 3).

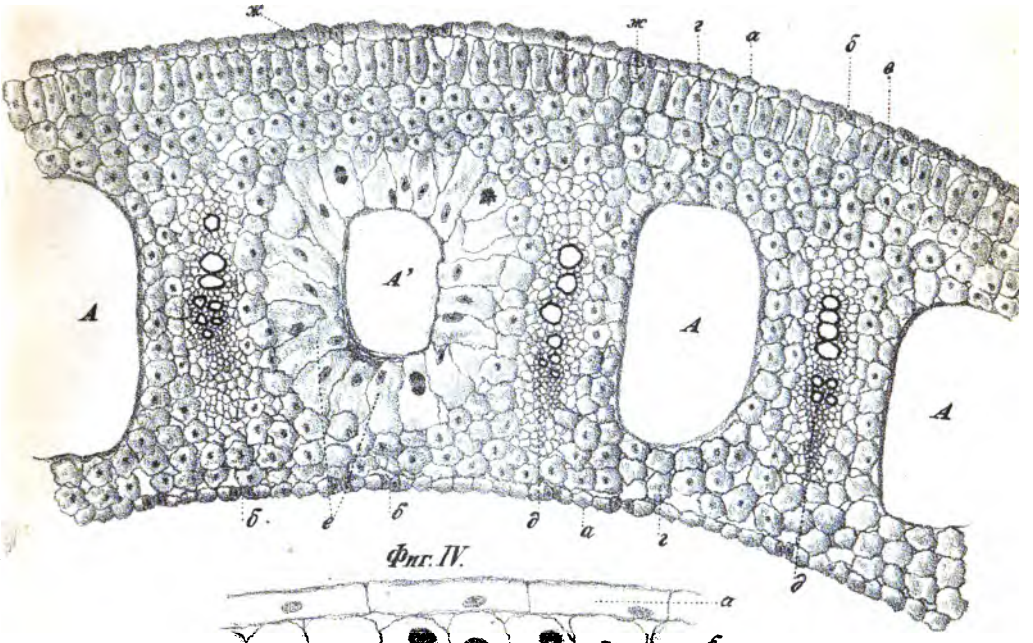
Фиг. XVI. Продольный срѣзъ корня пшеницы. Кора. Генціана-віолетъ, пикриновая кислота. Внутри клѣтокъ коры содержатся палочки сибирской язвы. Нить *а* однимъ концемъ находится внутри клѣтки, тогда какъ другой конецъ ея находится внѣ, —въ межклѣтномъ пространствѣ. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XVII. Клѣтки изъ щитка зародыша пшеницы. Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ, пикриновая кислота. а)—вакуолы, внутри которыхъ содержится златококкъ. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

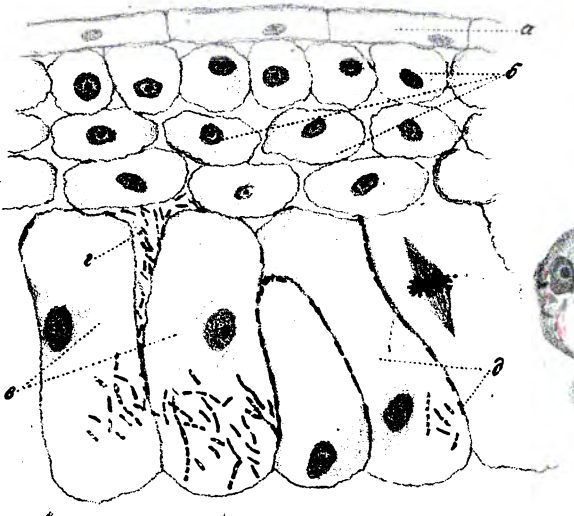
Фиг. XVIII. Клѣтки щитка зародыша пшеницы. а)—оболочки клѣтокъ, б)—продушины. Нить *в* проникла внутрь клѣтки, повидимому, сквозь продушину. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. XIX. Клѣтки корневаго влагалища пшеницы. Двойная окраска карминомъ и генціана-віолетомъ, пикриновая кислота. Въ протоплазмѣ клѣтокъ содержится обильное количество палочекъ сибирской язвы. (Hartnack, система 8, окуляръ 3).

Фиг. III.



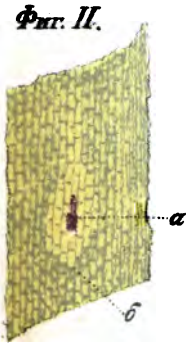
Фиг. IV.



Фиг. I.

Фиг. VII.

Фиг. II.

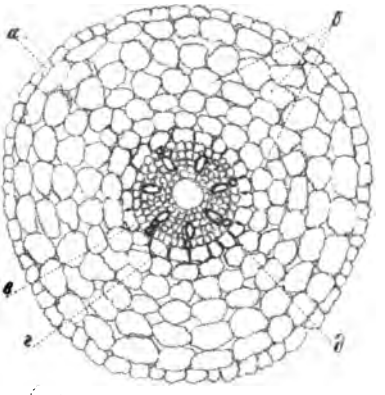


Фиг. V.

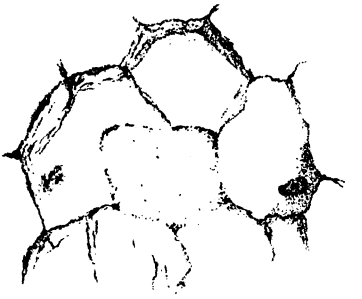
Фиг. VI.

Фиг. X.

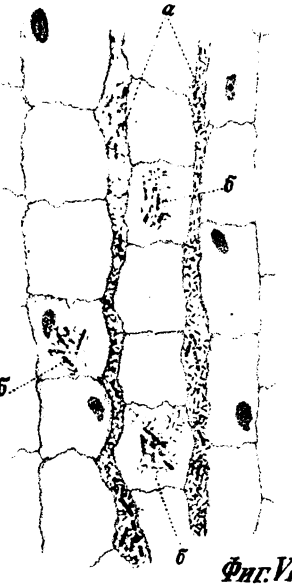
Фиг. XI.



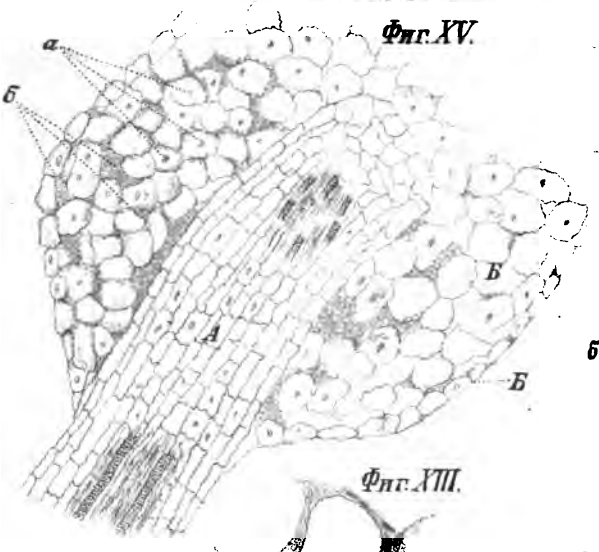
Фиг. XII.



Фиг. IV.

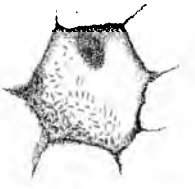


Фиг. XV.



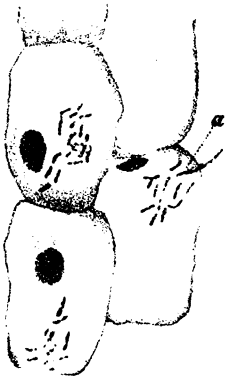
Фиг. XIII.

Фиг. VIII.



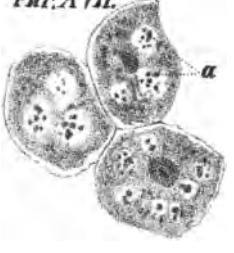
Фиг. IX.

Фиг. XVI.

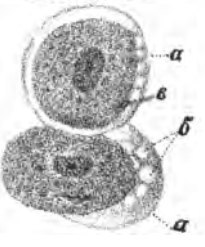


Фиг. IX.

Фиг. XVII.



Фиг. XVIII.



Отъ Распорядительнаго Комитета VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

I.

Общія условія конкурса на соисканіе премій г. Маразли.

Одесскій городской Голова Григорій Григорьевичъ Маразли, въ память съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ, учредилъ двѣ преміи, каждая въ 500 руб. съ банковыми процентами по день выдачи, за сочиненія: 1) О вліяніи земско-медицинскихъ учрежденій на состояніе народнаго здравія въ городахъ и селеніяхъ Херсонской и Бессарабской губерній; 2) Геологическое описаніе г. Одессы или ея окрестностей.

Предназначенныя для конкурса сочиненія должны быть доставлены въ распорядительный комитетъ IX съѣзда въ Москвѣ не позже 1-го мая 1891 г.

Представленныя сочиненія могутъ быть печатанныя или рукописныя, съ обозначеніемъ имени автора или подъ особеннымъ девизомъ; въ послѣднемъ случаѣ имя автора прилагается въ отдѣльномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ.

Сочиненія должны быть на русскомъ языкѣ и, представленныя въ рукописи, должны быть четко написаны.

Сочиненіе удостоенное преміи, предоставляется автору издать отдѣльно, или же напечатать въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ, съ сохраненіемъ всѣхъ его авторскихъ правъ.

Если на означенныя темы не будетъ представлено ни одного сочиненія или же ни одно сочиненіе изъ представленныхъ не будетъ одобрено, то обѣ преміи передаются въ распоряженіе слѣдующаго съѣзда за сочиненія на тѣ же темы.

II

Частныя условія этого же конкурса.

Сочиненіе на тему „О вліяніи земско-медицинскихъ учрежденій на состояніе народнаго здравія въ городахъ и селеніяхъ Херсонской и Бессарабской губ.“ будетъ разсматриваемо въ особой коммиссіи, избранной отъ распорядительнаго Комитета Московскаго Съѣзда закрытой баллотировкой. Коммиссія составляетъ рецензію на разсмотрѣнныя сочиненія и въ видѣ доклада представляетъ ее *об*щему собранію IX съѣзда.

Желательно, чтобы представленное на конкурсѣ сочиненіе было составлено по слѣдующей программѣ:

1) Сравнительная оцѣнка народнаго здравія до введенія и послѣ введенія земско-медицинскихъ учрежденій, на основаніи статистическихъ данныхъ.

2) Историческій обзоръ основанія и развитія сказанныхъ учрежденій въ означенномъ районѣ.

3) Результаты дѣятельности существующихъ земско-медицинскихъ учрежденій въ городахъ и селахъ.

4) Критическій обзоръ существующихъ способовъ подаванія *вра*чебной помощи, преимущественно способовъ станціонарнаго и подъѣзднаго.

5) Условія успѣшной дѣятельности земско-медицинскихъ учрежденій въ зависимости отъ почвенныхъ и климатическихъ особенностей указанныхъ мѣстностей, отъ положенія народнаго хозяйства, отъ уровня умственнаго и нравственнаго развитія по отдѣльнымъ мѣстностямъ и по группамъ народонаселенія, сообразно ихъ занятіямъ: вліяніе путей сообщенія, военныхъ стоянокъ и т. п.

6) Историческій очеркъ эпидемій и эпизоотій, со времени введенія земскихъ учрежденій, на основаніи статистическихъ данныхъ съ критическими указаніями.

7) Предложеніе новыхъ мѣропріятій или измѣненіе уже существующихъ, съ цѣлью улучшенія народнаго здравія, на основаніи выводовъ по всѣмъ предыдущимъ пунктамъ.

Сочиненіе второе по достоинству получаетъ премію въ 120 р., переданную отъ Казанскаго съѣзда. Остальныя сочиненія остаются въ канцеляріи Распорядительнаго Комитета, безъ вскрытія конвертовъ, заключающихъ имена авторовъ впредь до ихъ востребованія.

III

Премія за сочиненіе „Геологическое описаніе г. Одессы или ея окрестностей“ присуждается секціей по минералогіи и геологіи IX съѣзда.

Премія можетъ быть присуждена за печатное сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ послѣ учрежденія преміи, хотя бы оно на конкурсъ и не было представлено.

II.

Условія конкурса на соисканіе Кессифовскихъ премій.

VII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей учредилъ 4 преміи, по 500 р. каждая, за лучшія сочиненія по описанію Крымскаго полуострова на слѣдующія темы:

1) *Монографическое описаніе* какой нибудь группы (класса или отряда) животныхъ, водящихся въ Крыму.

Описаніе должно быть не только систематическое, но и анатомическое. Эмбріологическія данныя также весьма желательны.

Желательно также, чтобы образъ жизни и зависимость описанныхъ формъ отъ окружающихъ условій были приняты во вниманіе. Какъ образецъ подобныхъ монографій, Комитетъ считаетъ возможнымъ указать на монографіи, издаваемыя неаполитанскою зоологическою станціей.

2) *Морфолого-систематическое* изслѣдованіе встрѣчающихся у береговъ Крыма водорослей изъ группы Florideae.

Особенное вниманіе должно быть обращено на строеніе клѣточекъ, на строеніе и вѣтвленіе слоевища, на образованіе цистокарпіевъ и т. д.

Желательно, чтобы было обращено вниманіе на условія распредѣленія Florideae у береговъ Крыма въ зависимости отъ различныхъ условій, какъ напр., глубины, силы прибоя, различнаго освѣщенія, примѣси прѣсной воды, а также на смѣну флоры Florideae въ различное время года. Ради большей подробности и тщательности въ изслѣдованіи Florideae въ только что указанныхъ направленіяхъ, можно ограничиться изученіемъ Florideae севастопольской и балаклавской бухтъ. Къ сочиненію должны быть приложены рисунки для поясненія какъ морфологической, такъ и систематической части изслѣдованія.

3) *Подробное описаніе одной изъ формацій, участвующихъ въ строеніи Крыма.* Въ сочиненіи этомъ должны быть изложены:

а) историческій очеркъ формаціи, изслѣдованной авторомъ;

б) геологическій ея характеръ въ предѣлахъ всего Крымскаго полуострова и

в) критическій обзоръ найденныхъ въ ней органическихъ остатковъ.

4) *Изслѣдованіе въ медико-статистическомъ, климатологическомъ или бальнеологическомъ отношеніяхъ лечебныхъ мѣстностей Крыма*, одной или нѣсколькихъ.

Предназначенныя для конкурса сочиненія должны быть доставлены, не позже 1-го мая 1891 г. въ Распорядительный комитетъ VII съѣзда. (Одесса. Университетъ).

Рецензія представленныхъ сочиненій съ заключеніемъ распорядительнаго Комитета представляется къ 1-му августа 1891 г. въ Распорядит. Комитетъ IX съѣзда, для доклада IX съѣзду о присужденіи преміи. Сочиненія должны быть на русскомъ языкѣ, рукописныя или печатныя, вышедшія въ свѣтъ послѣ 1-го мая 1884 г. Первыя могутъ быть съ обозначеніемъ имени автора, или подъ особеннымъ девизомъ, причемъ имя автора прилагается въ отдѣльномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ. Рукописное сочиненіе удостоенное преміи. можетъ быть напечатано авторомъ, гдѣ угодно. Если же не одно изъ предъявленныхъ на конкурсъ сочиненій не будетъ одобрено, то преміи передаются въ распоряженіе слѣдующаго съѣзда за сочиненія на тѣ же темы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ 1891 году
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ И ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{19}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 руб.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Иги. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать «Воскресное Чтеніе» за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I [1837—38], V [1841—42], XI [1847—48], XII [1848—49], XV [1851—52], XVII [1853—54], XVIII [1854—55], XIX [1855—56], XX [1856—1857], XXI [1857—58], XXIV [1860—61], XXV [1861—62], XXVII [1863—64], XXVIII [1864—65], XXIX [1865—66], XXX [1866—1867], XXXI [1867—68], XXXII [1868—69], XXXIII [1869—70], XXXIV [1870—71]. Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. «В. Чтеніе» за 1879—1883 гг. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 р. 50 к.; а за 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 руб.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 руб.; за 1883—1890 гг. по 7 руб. съ пересылкою. Экземпляры «Трудовъ» за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1890 гг. по 1 руб.

Редакція проситъ Гг. подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какой-либо книги журнала, заявлять объ этомъ не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера и по наведеніи справки въ мѣстной почтовой конторѣ или станціи.

1—3

Объ изданіи въ 1891 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р. | съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к. | за-границей . . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **18** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова* рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г. г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: *В. М. Володимировъ.*
(по отдѣлу гражд. права) *А. Х. Гольмстенъ.*

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя дисертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1890 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки ***шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ***, а съ пересылкою ***семь рублей.*** Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.